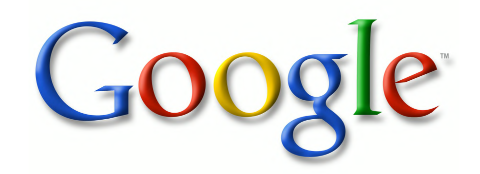
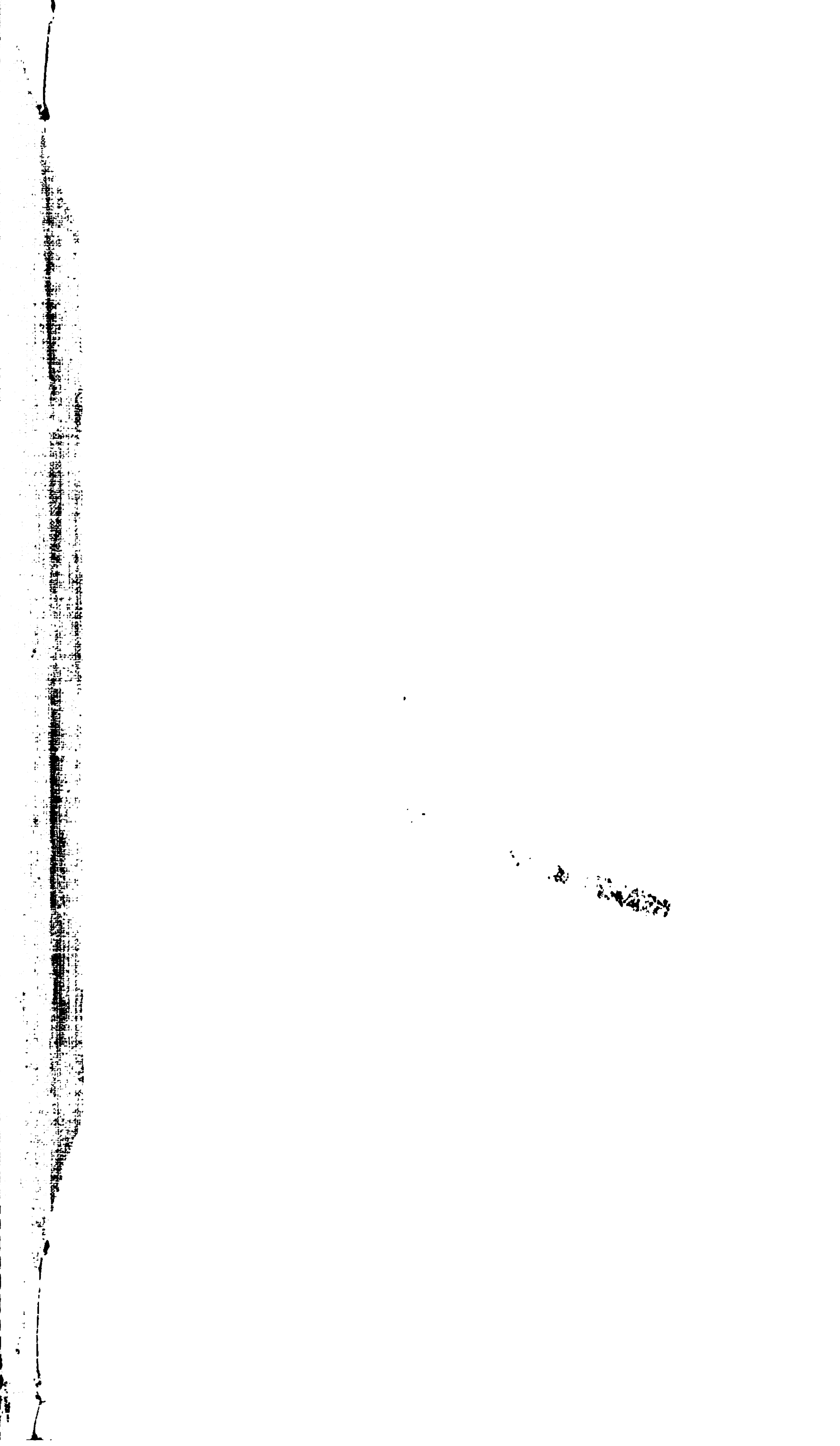

Belinskiĭ, V. G.
Sistematicheskoe sobranie sochineniĭ.

STANFORD LIBRARIES
LIBRARY
ON
WAR, REVOLUTION, AND PEACE

Изданіе Николая Зинченко.
Выпускъ V.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. Г. Бѣлинскаго.

Основанія его критики и отзывы о выдающихся произведеніяхъ литературы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Исидора Гольдберга, Екатерин. кан. 94.
1899.

Изданіе Николая Зинченко.
Выпускъ V.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. Г. Бѣлинскаго.

Основанія его критики и отзывы о выдающихся произведеніяхъ литературы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Исидора Гольдберга, Екатерин. кан., 94.
1900.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Исполняя просьбу моихъ подписчиковъ и не стѣсняясь расходами, значительно превысившими объявленную стоимость настоящаго изданія „Систематическаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“, я дополняю таковое его письмами, впервые появляющимися въ печати въ сгруппированномъ видѣ.

Пятый томъ моего изданія „Систематическаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“, конечно, не исчерпываетъ всей громадной и при томъ весьма интересной его переписки, но, по правдивому замѣчанію Екатерины II: „пополнить и исправить легче, нежели собрать изъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ“.— Я сдѣлалъ свое дѣло, т. е., выражаясь языкомъ древнихъ классиковъ: „я сдѣлалъ, что могъ; кто можетъ лучше—пусть сдѣлаетъ“.

И то, что сдѣлано мною здѣсь, сдѣлано при любезномъ содѣйствіи г. Гр. А. Джаншіева и А. В. Башкирова, за что я не смѣю не выразить имъ мою искреннюю признательность.

Есть имена, которыя слѣдуетъ произносить не иначе, какъ съ непокрытою головой. Есть писатели, жизнь и творенія коихъ такъ чисты и возвышены, такъ благородны и назидательны, что, чѣмъ ближе съ ними знакомишься, тѣмъ болѣе проникаешься къ нимъ уваженіемъ, удивленіемъ, почти благоговѣніемъ. Къ числу такихъ немногихъ дорогихъ для всякаго мыслящаго человѣка свѣтлыхъ, скажемъ больше, святыхъ именъ принадлежитъ и имя Виссаріона Бѣлинскаго, этого недоучившагося студента Московскаго университета, впослѣдствіи ставшаго не только великимъ судьей для русскихъ писателей, но и авторитетнымъ руководителемъ ихъ, образцомъ безтрепетнаго гражданскаго служенія своему народу и „властелиномъ думъ" нѣсколькихъ поколѣній, въ томъ числѣ того, которое двигало эпоху великихъ реформъ.

Гр. Джаншіевъ.

Эпоха, которою начинается исторія новѣйшей литературы, т. е. конецъ 30 и 40 годовъ, нашла наиболѣе яркое выраженіе въ дѣятельности Бѣлинскаго. Его именемъ можно назвать эпоху, потому что онъ, дѣйствительно, далъ ей свою окраску. Бѣлинскій, конечно, краеугольный камень всей вообще новой русской литературной мысли. Бѣлинскій первоисточникъ всего великаго, хорошаго, эстетически-вѣрнаго и эстетически-правильнаго, что было въ русской литературѣ послѣднихъ 60 лѣтъ. Но понятно, что ярче должно было сказаться вліяніе его въ годы непосредственнаго воздѣйствія.

Критика Бѣлинскаго была средоточіемъ русской мысли своего времени, энциклопедія русскаго ума и чувства. Она захватывала все, что интересовало лучшихъ людей эпохи, она старалась, на сколько было возможно, отвѣчать на всѣ «проклятые вопросы», которые возникали въ душѣ чуткаго человѣка. Вытекая изъ пламеннѣйшаго стремленія передать читателю выношенные, путемъ истиннаго страданія, идеалы, статьи Бѣлинскаго, эти «обзоры» всегда имѣли въ своей основѣ ту руководящую идею, которая была нервомъ времени. Оттого они прокладывали новые пути въ литературѣ и создавали школу... Главная заслуга Бѣлинскаго не въ томъ, что онъ лично додумался до всѣхъ идей, имъ высказанныхъ, а въ томъ, что онъ провелъ ихъ сквозь горнило сожигавшаго его внутренняго пламени и сообщилъ имъ отпечатокъ своей идеально прекрасной личности...

Основная задача историка эпохи Бѣлинскаго ознакомить читателя съ этой борьбой за правду и показать, какъ на основѣ завѣтовъ Бѣлинскаго создалась новѣйшая русская литература, это удивительное сочетаніе художественной красоты и нравственной силы, широкаго размаха и тоски по идеалу.

С. Венгеровъ.

Когда Бѣлинскій умеръ, внѣшнія условія были столь неблагопріятны для литературы вообще и относительно его въ частности, что едва ли возможно было сказать о немъ нѣсколько словъ сухого некролога. Годы прошли въ этомъ невольномъ молчаніи; но едва повѣяло въ жизни болѣе свѣжимъ воздухомъ, и литература нѣсколько освободилась отъ лежавшихъ на ней путъ, воспоминаніе о Бѣлинскомъ было однимъ изъ первыхъ и самыхъ задушевныхъ ея словъ. Несмотря на то, что наступила иная пора общественной жизни, сильно занявшая умы, и для литературы начался новый періодъ, съ новыми увлекающимися задачами, какихъ еще не выпадало на ея долю; несмотря на то, что интересы чисто литературные, эстетическіе, которые занимали такъ много мѣста въ трудахъ Бѣлинскаго, теперь отступили на второй планъ—несмотря на все это, воспоминаніе о Бѣлинскомъ было и въ самомъ обществѣ принято съ

теплымъ сочувствіемъ: сочиненія Бѣлинскаго, вновь изданныя, опять перечитывались, и разошлись въ обширномъ числѣ экземпляровъ.

....Бѣлинскій—почти юноша, не богатый свѣдѣніями и всегда чуждый ученой дисциплины, съ перваго твердаго шага открываетъ новый періодъ литературнаго сознанія и занимаетъ господствующее положеніе въ русской критикѣ. Это было одно изъ любопытныхъ явленій, гдѣ историческій процессъ выдвигаетъ своихъ дѣятелей какою-то будто стихійною силою, и гдѣ вслѣдствіе того самая дѣятельность лица получаетъ значеніе историческаго факта и прочнаго безповоротнаго пріобрѣтенія для общества. Такимъ образомъ, изученіе Бѣлинскаго становится изученіемъ цѣлаго литературнаго періода. Его дѣятельность критическая совпадаетъ, до удивительной параллельности, съ господствующими явленіями самохудожественной литературы. *А. Пыпинъ.*

Могучій голосъ Бѣлинскаго ободрялъ робкихъ и унывающихъ, соединялъ разрозненныхъ, вразумлялъ недоумѣвающихъ. Эту сторону своей дѣятельности самъ Бѣлинскій считалъ выше своей чисто-литературной дѣятельности, ибо видѣлъ въ ней исполненіе своего гражданскаго долга передъ обществомъ. Полвѣка прошло со времени смерти Бѣлинскаго. Съ тѣхъ поръ многое, о чемъ мечталъ Бѣлинскій, осуществилось: литературѣ дышется сравнительно легче, крѣпостное право уничтожено, судебная волокита, сословность и канцелярская тайна замѣнены гласнымъ и для всѣхъ равнымъ судомъ. Исчезли также давно всѣ тѣ, которыхъ Бѣлинскій считалъ тормазами нашего общественнаго развитія и которые своими нападками и преслѣдованіемъ отравили его недолгую жизнь. Но, забывая по-христіански все содѣянное ими, мы не должны забывать, что тѣмъ подъемомъ общественнаго сознанія, тою массой свѣта и тепла, которые пролились съ тѣхъ поръ на русскую землю, мы обязаны, главнымъ образомъ, людямъ сороковыхъ годовъ и стоявшему во главѣ ихъ Бѣлинскому.

Н. Стороженко.

Вспомните все, что писалъ Бѣлинскій, постарайтесь найти какую-либо широкую область человѣческаго духа, о которой бы онъ не писалъ. Все, все вы найдете у Бѣлинскаго. Не говорю ужъ о массѣ статей по поводу самыхъ разнообразныхъ литературныхъ событій своего времени; возьмемъ общіе вопросы. Женскій вопросъ: кто же поставилъ въ Россіи этотъ вопросъ, какъ не Бѣлинскій, первый адвокатъ за Пушкинскую Татьяну! Всѣ основныя положенія этого вопроса—а многіе считали и считаютъ, что онъ принадлежитъ къ позднѣйшему времени,—были горячо, краснорѣчиво и опредѣленно поставлены Бѣлинскимъ. Возьмите музыку. Казалось бы, что общаго между музыкою и Бѣлинскимъ, который о своемъ слухѣ самъ выразился, будто „медвѣдь ему на ухо наступилъ". А между тѣмъ, кто въ Россіи первый вдохновенно писалъ о значеніи музыки, кто пропагандировалъ необходимость музыкальнаго образованія и распространенія музыки въ массахъ? Опять Бѣлинскій. О критическомъ геніи Бѣлинскаго нечего говорить, но возьмите вы научную основу литературы, возьмите, такъ называемую, теорію словесности. Боже правый, сколько онъ тутъ сдѣлалъ! Вѣдь всѣ, всѣ мы, присяжные педагоги,—и Стоюнинъ, и Ушинскій, и Водовозовъ и прочіе, имъ же нѣсть числа,—отъ Бѣлинскаго взяли лучшее; всѣ отъ него и теперь „побираемся", и беремъ... и часто забываемъ при этомъ ставить „ковычки".

В. П. Острогорскій.

Мѣсяцевъ 11, которые я провелъ тутъ, были изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни, и этимъ счастьемъ я обязанъ кружку, въ который попалъ и въ особенности г л а в ѣ этого к р у ж к а—Бѣлинскому. Онъ имѣлъ на меня и на всѣхъ насъ чарующее дѣйствіе. Это было нѣчто гораздо больше оцѣнки ума, обоянія таланта,—нѣтъ это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ яснымъ пониманіемъ стремленій и потребностей того мыслящаго меньшинства, къ которому мы принадлежали, не только освящалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для тѣхъ идей и стремленій, которыя жили во всѣхъ насъ, отдавался имъ страстно, наполнялъ ими свою жизнь. Прибавьте къ этому

гражданскую, политическую и всякую безупречность, безпощадность къ самому себѣ при большомъ самолюбіи, и вы поймете, почему этотъ человѣкъ царилъ въ кружкѣ самодержавно... Я упомянулъ о кружкѣ. Онъ въ то время состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Панаева, женатаго, у котораго мы иногда собирались. Это былъ самый богатый и самый фешенебельный членъ кружка. Мих. Алек. Языковъ—острякъ, хромой и забавный господинъ, смѣшившій насъ своими шутками и комическими выходками; Ив. Ильичъ Масловъ, прозванный Тургеневымъ прекрасной нумедянкой... Некрасовъ къ намъ не ходилъ тогда, а бывалъ у Бѣлинскаго... Краевскій былъ тогда большой литературный и журнальный баринъ и съ нами обращался немного съ высока и у насъ не бывалъ... Остается еще назвать В. М. Боткина.

Бѣлинскаго въ нашемъ кружкѣ не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались. Каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ своей душѣ, какъ можно подальше. Бѣда, если она попадалась на глаза Бѣлинскому. Онъ ее выворачивалъ тотчасъ-же на показъ всѣмъ и неумолимо язвительно преслѣдовалъ несчастнаго дни и недѣли, не келейно, а соборно предъ всѣмъ кружкомъ, на каждомъ шагу. Извѣстно, что и себя онъ тоже не щадилъ... Вліяніе Бѣлинскаго поставило много честныхъ и честно думающихъ людей на Руси. Многіе, побывавши подъ сильнымъ его вліяніемъ, сдѣлали меньше гадостей, чѣмъ могли-бы сдѣлать по естественному влеченію. *К. Д. Кавелинъ.*

Бѣглый пересмотръ важнѣйшихъ большихъ статей Бѣлинскаго приводитъ къ заключенію, что въ самомъ основаніи критической работы Бѣлинскаго лежалъ *историческій взглядъ* на явленія русской литературы. Кромѣ тонкаго и поразительно-вѣрнаго *художественнаго чутья*, кромѣ выдающагося *философскаго дарованія* и кромѣ тѣхъ качествъ, которыя могли бы, при благопріятствующихъ условіяхъ, выразиться въ блестящей *публицистической* дѣятельности, нашъ первый критикъ былъ надѣленъ еще необыкновеннымъ *историческимъ чутьемъ и смысломъ.*

Д. Овсянико-Куликовскій.

Тургеневъ назвалъ Бѣлинскаго центральною натурою: «Онъ всѣмъ существомъ своимъ стоялъ близко къ сердцевинѣ своего народа, воплощалъ его вполнѣ и съ хорошихъ и съ дурныхъ сторонъ». Это названіе центральной натуры можно примѣнить къ Бѣлинскому и въ другомъ значеніи. Въ его распространенномъ умѣ, въ его широкопонимаемой литературной критикѣ мирились и объединялись такія направленія русской мысли, которыя позже освободились до рѣзкой противоположности.

Ив. Ждановъ.

Внутреннія противорѣчія, которыми переполнены статьи Бѣлинскаго, не должны возбуждать въ читателѣ ни изумленія, ни негодованія. Читатель долженъ постоянно помнить, что Бѣлинскій стоитъ на рубежѣ двухъ противоположныхъ міросозерцаній, и въ его могучей личности совершается мучительный переходъ къ тому строю понятій, съ которымъ даже до настоящей минуты еще не съумѣли освоиться и примириться солидные люди нашей литературы...

Расходясь съ Бѣлинскимъ въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ фактовъ, замѣчая въ нихъ излишнюю довѣрчивость и слишкомъ сильную впечатлительность, мы въ то же время гораздо ближе нашихъ противниковъ подходимъ къ основнымъ его убѣжденіямъ. *Д. И. Писаревъ.*

Послѣднимъ шагомъ въ развитіи Бѣлинскаго была идея выработки соціальныхъ условій, способствующихъ не порабощенію личности, а ея разцвѣту. *Ник. Михайловскій.*

Въ критикѣ Бѣлинскаго какъ-бы повторилась вся исторія русской литературы.

Бѣлинскій человѣкъ съ твердыми убѣжденіями,—человѣкъ, высказавшій много важныхъ и новыхъ въ нашей литературѣ истинъ.

М. Чернышевскій.

Бѣлинскій умеръ,—живъ Бѣлинскій.

Князь П. А Вяземскій.

Содержаніе.

I книга.

II книга.

III книга.

IV книга.

V книга.

СПб. 1842, марта 4 дня. Вы, конечно, думаете, что я забылъ о данномъ вамъ обѣщаніи начать присылку «Демона»: въ такомъ случаѣ, мнѣ очень пріятно разувѣрить васъ въ моей забывчивости, когда вы, вѣроятно, въ свою очередь забыли о ней и думать. Нечаянное, неожиданное, и притомъ столь пріятное разрѣшеніе долго занимавшаго меня вопроса о таинственномъ бумажникѣ, сдѣлало меня вашимъ должникомъ, — и, долго ломая голову, я наконецъ обрадовался мысли — переписать вамъ «Демона» собственною рукою. Мнѣ стало немножко совѣстно, когда, раскрывши довольно-хорошо обдѣланную тетрадку, я вдругъ увидѣлъ свои каракули, дико-странныя и безобразныя, подобно мнѣ самому;

Послѣдніе два стиха въ пьесѣ прекрасны, но не вполнѣ удовлетворительны по мысли: въ нихъ слишкомъ много сдѣлано уступки, вмѣсто которой читатель самой пьесой настроенъ ожидать, что поэтъ опредѣлитъ и объяснитъ, почему неодушевленныя явленія природы производятъ на него впечатлѣнія живыхъ индивидуальныхъ существъ, и въ яркомъ образѣ, замыкающемъ стихотвореніе, примиритъ чисто поэтическое созерцаніе древнихъ съ нашимъ, на опытѣ и наукѣ основаннымъ, и все-таки поэтическимъ созерцаніемъ природы. Но тогда бы эта пьеска была превосходнымъ произведеніемъ искусства: такъ много въ ней взмаху и отважнаго намѣренія, такъ много высказано стихами, которые мы оставили безъ замѣчаній. Но все это мы говоримъ мимоходомъ; главное въ этомъ стихотвореніи для насъ, по намѣренію нашей статьи, есть то, что исходный пунктъ поэзіи Майкова—природа съ ея живыми впечатлѣніями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни...

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

Искусство.

Срѣзалъ я себѣ тростникъ у прибрежья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,—
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно Зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

Этихъ двухъ стихотвореній уже никакъ нельзя сравнить съ первымъ; все недосказанное или неопредѣленно высказанное въ немъ явилось въ нихъ такъ полно, такъ опредѣленно; прекрасное содержаніе выразилось въ нихъ въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностью отдѣлки. Что же до содержанія—оно здѣсь представляетъ собой основное положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у ней онъ прежде всего началъ брать уроки въ искусствѣ слагать сладкія пѣсни; что есть соотношеніе, есть родственность между звучной октавой, гармоническимъ гекзаметромъ—и шептаньемъ тростниковъ, говоромъ дубравъ... Глубоко-жизненное, поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи: послѣдняя должна быть результатомъ перваго, при нормальномъ развитіи. Симпатія къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинаетъ съ того, что непосредственно поражаетъ его умъ формой, краской, звукомъ; а

„природа полна формъ, красокъ и звуковъ". Поэтъ—существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное вліяніе явленій природы: онъ по преимуществу ея сынъ, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить чудныхъ стиховъ Пушкина:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава:
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риемой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, естественно, что поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ. Въ этомъ отношеніи пьесы Майкова „Октава" и „Искусство" составляютъ главу эстетики,—и эстетикъ не усомнится перенести ихъ въ свою книгу, для яснѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ понятій объ искусствѣ, если только его понятія объ этомъ предметѣ вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отдѣльныхъ лицъ: въ лицѣ древнихъ эллиновъ природа была паѳосомъ поэзіи цѣлаго человѣчества. И въ этомъ отношеніи муза Майкова родственна, по своему происхожденію, древне-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца, находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно—гармоническихъ и безыскусственно изящныхъ пѣсенъ. Разумѣется, эта родственность могла бы остаться только въ возможности, если бъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много обѣщающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодого поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только что началъ писать не-лицейскія стихотворенія, и въ которую жизнь едва ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту,—Майковъ изученіемъ изящной древне-классической поэзіи завоевалъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній. И зато—посмотрите, сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основной элементъ таланта Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами грека, и—какъ мы увидимъ ниже—иначе и не умѣетъ еще смотрѣть на нее. Если взять въ разсчетъ его молодость (а ея въ

этомъ случаѣ нельзя не брать въ разсчетъ), то мы увидимъ въ этомъ начало съ самаго начала, а не съ средины или конца, увидимъ нормальное, художественное развитіе.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Вчитайтесь въ эту пьесу, вчитайтесь въ ея простой, повидимому чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго содержанія языкъ,—вы ощутите душой и безконечную красоту, и глубокое содержаніе. Кажется, тутъ нѣтъ ни начала, ни конца, ни цѣлаго, нѣтъ ни намѣренія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте пьесу и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намѣреніе, цѣль и мысль... Если же духу вашему и не чуждо древнее міросозерцаніе,—вы не можете не признать, что или это стихотвореніе переведено съ греческаго, или что и человѣкъ нашего времени, въ эллинской эпохѣ своей жизни, можетъ становиться грекомъ, такъ что самый взыскательный аѳинянинъ, современникъ Алкивіада, не назвалъ бы его объэллинившимся варваромъ, а призналъ бы своимъ соотечественникомъ, кореннымъ жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады... Но муза Майкова не всегда бываетъ тиха и кротка, какъ въ этой скромной идилліи: нерѣдко блистаетъ и жжетъ она упоительной роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойной, самообладающей и цѣломудренной, въ качествѣ благородной эллинской музы, какъ въ „Вакханкѣ“. Въ примѣръ такихъ стихотвореній можно привести и—

Доридѣ.

Дорида милая! къ чему уборъ блестящій
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огнемъ горящій
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный гибкій станъ и перси наливныя?...
Нѣтъ, милая! оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты,
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!
Я не его ищу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златаго.
Сорви съ своей груди рукой своей перловой
Ты розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ
Забудетъ всѣ любви приманки!... Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато, и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полупрозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! какъ ты мила, какъ милъ и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

Вотъ образецъ граціозной наивности древней музы

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу,
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ,—и чудный
Звукъ полился изъ бездушнаго ствола. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя...
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какъ умѣетъ нашъ поэтъ быть разнообразнымъ, не выходя изъ тона антологической поэзіи:

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи и иволги не слышно...
Ужъ полно! не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать;
По утренней росѣ авроры не встрѣчать.
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ;
Не плющъ и не цвѣты віются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та жъ: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь и меня цѣлуешь звонко, нѣжно!

Здѣсь уже другая картина, другое небо, другой климатъ, но тонъ поэзіи, но созерцаніе, составляющее ея фонъ, все тѣ же, дышущіе сладостью и нѣгой свѣтлаго неба Эллады!...

Въ стихотвореніяхъ второго разряда мы желали бы найти поэта современнаго и по идеямъ, и по формамъ, и по чувствамъ, по симпатіи и антипатіи, по скорбямъ и радостямъ, надеждамъ и желаніямъ, но—увы!—мы не нашли въ нихъ за исключеніемъ слишкомъ немногихъ, даже и просто поэта... Тамъ хорошіе стихи при сбивчивости идеи, а иногда и при пустотѣ содержанія; тутъ неопредѣленность и вычурность выраженія при усиліи сказать что-то такое, чего у автора не было ни въ представленіи, ни въ фантазіи; между всѣмъ этимъ иногда удачный стихъ, прекрасный образъ, а все остальное—риторика: вотъ общій характеръ этихъ стихотвореній.

Въ „Чудномъ Вѣкѣ“ поэтъ воспѣваетъ эпоху Петра Великаго, которая возсіяла—

... въ странѣ, загроможденной
Цѣпями горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
Средь блатъ и тундръ; въ той храминѣ священной,
Гдѣ льды горятъ какъ въ храминѣ чудесъ...

Не риторика ли это?... Въ концѣ пьесы авторъ заставляетъ Петра „выливать вѣнецъ на голову Россіи, сардамскимъ млатомъ скрѣплять ея оковы и выковывать ей булаву (?) и мечъ", а „громовымъ топоромъ (?) сбивать оковы съ широкихъ вратъ въ Европу", забывъ, что тогда воротъ (ни широкихъ, ни узкихъ) въ Европу не было.

Но перлы неантологическихъ стихотвореній Майкова это—„Ангелъ и Демонъ" и „Раздумье". Вотъ первое:

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьи зла,
Владыка сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.
Но торжество кому жъ уступитъ
Въ пыли рожденный человѣкъ:
Вѣнецъ—ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но пышный (!) демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Какая глубокая идея! Но форма—надо сказать правду—не совсѣмъ охватила и выразила это необъятное содержаніе: чего-то не достаетъ, что-то не договорено; эпитетъ „пышный" не удовлетворителенъ—мы думаемъ, что даже „гордый" больше бы шелъ къ внутреннему смыслу пьесы. Зато „Раздумье"—верхъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ: въ антологической, роскошно-художественной формѣ оно поражаетъ содержаніемъ изъ другой сферы...

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: лугъ еще заблещетъ, нивы
Церера озлатитъ; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся
И лозы каждый годъ подъ осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ!...
Не грозенъ для него свѣтильникъ эвменидъ,
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
А здѣсь рука его на жертвенникѣ неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртой обовьетъ...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья,
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ
При общемъ ужасѣ надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

Да, позволительно и можно многаго надѣяться въ будущемъ отъ духа, способнаго отрываться отъ участи, столь полной обаятельнаго счастья, и питать въ молодой груди желанія, отъ которыхъ не у всѣхъ и не у каждаго не поблѣднѣютъ ланиты отъ ужаса, но запылаютъ яркимъ румянцемъ могучаго рѣшенія, а очи заблещутъ гордымъ сознаніемъ собственной силы и упоеніемъ безконечнаго блаженства.

Послѣ поэмы „Двѣ Судьбы“ Майковъ подарилъ публику прекрасной поэмой „Машенька“. Лучшая сторона новой поэмы Майкова—то, что на вульгарномъ языкѣ называется соединеніемъ патетическаго элемента съ комическимъ, которое въ сущности есть не иное что, какъ умѣнье представлять жизнь въ ея истинѣ. Этой истины много въ поэмѣ. Особенно порадовала насъ въ ней прелесть комическаго разговора, который даетъ надежду, что для таланта молодого поэта предстоитъ еще въ будущемъ богатое развитіе въ такомъ родѣ поэзіи, къ которому въ началѣ его поприща никто не считалъ его способнымъ. Не для показанія красотъ поэмы (для этого ее нужно было бы перепечатать всю), а для поясненія и подтвержденія нашей мысли, выписываемъ конецъ:

Марія шла дрожащею стопой,
Одна съ больной, растерзанной душой:
„Дай силы умереть мнѣ, правый Боже!
Весь міръ—чужой мнѣ... А отецъ?... старикъ...
Оставленный... и онъ... онъ проклялъ тоже!
За что жъ? хоть на него взглянуть бы мигъ,
Все разсказать... а тамъ—пусть проклинаетъ!“
Она идетъ; сторонится народъ,
Кто молча, кто съ угрозой, кто шепнетъ:
„Безумная!“ и въ страхѣ отступаетъ.
И вотъ знакомый домикъ: меркнулъ день,
Зарей вечерней небо обагрилось,
И длинная по улицамъ ложилась
Отъ фонарей, деревъ и кровель тѣнь.
Вотъ садъ, скамья, поросшая травою
Подъ вѣтвями широкими березъ.
На ней старикъ. Послѣдній клокъ волосъ
Давно ужъ выпалъ. Блѣдный, онъ казался
Однимъ скелетомъ. Ветхій вицъ-мундиръ
Не снятъ: онъ видно снять не догадался,
Прійдя отъ должности. Покой и миръ
Его лица былъ страшенъ: это было
Спокойствіе отчаянья. Уныло
Онъ только ждалъ скорѣй оставить міръ.
Вдругъ слышитъ вздохъ и листья задрожали
Отъ шороха. „Что, ужъ не воры—ль тутъ?
А пусть все крадутъ, пусть все разберутъ
Вѣдь ужъ они... они ее украли“...
Старикъ закрылъ лицо и зарыдалъ,
И чудится ему рыданья тоже,
И голосъ: „Что я сдѣлала съ нимъ, Боже!“
Не зная какъ, онъ дочь ужъ обнималъ,
Не въ силахъ слова вымолвить.—„Папаша,
Простите!“—„Что, я развѣ звѣрь иль жидъ!“
—„Простите!“—„Полно! Богъ тебя проститъ!
А ты... а ты меня простишь ли, Маша?“

Поэма Майкова—„Двѣ Судьбы“ доказала, что его талантъ не ограниченъ исключительно тѣснымъ кругомъ антологической поэзіи, и что ему предстоитъ въ будущемъ богатое развитіе. Несмотря на явную небрежность, съ какой написаны многіе стихи въ этой поэмѣ, несмотря на то, что нѣкоторыя мѣста въ ней отзываются юношеской незрѣлостью мысли,—поэма чрезвычайно замѣчательна въ цѣломъ, блеститъ удивительными частностями, исполненными ума и поэзіи.

Талантъ Тургенева имѣетъ много аналогіи съ талантомъ Луганскаго (Даля). У него нѣтъ таланта чистаго творчества, онъ не можетъ создавать характеровъ, ставить ихъ въ такія отношенія между собой, изъ какихъ образуются сами собой романы или повѣсти. Онъ можетъ

изображать дѣйствительность, видѣнную и изученную имъ, если угодно—творить, но изъ готоваго, даннаго дѣйствительностью матеріала. Это не простое списываніе съ дѣйствительности, она не даетъ автору идей, но наводитъ, наталкиваетъ, такъ сказать, на нихъ. Онъ перерабатываетъ взятое имъ готовое содержаніе по своему идеалу, и отъ этого у него выходитъ картина болѣе живая, говорящая и полная мысли, нежели дѣйствительный случай, подавшій ему поводъ написать эту картину; и для этого необходимъ въ извѣстной мѣрѣ поэтическій талантъ. Правда, иногда все умѣніе его заключается въ томъ, чтобы только вѣрно передать знакомое ему лицо или событіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, потому что въ действительности бываютъ иногда явленія, которыя стоитъ только вѣрно переложить на бумагу, чтобы они имѣли всѣ признаки художественнаго вымысла. Но и для этого необходимъ талантъ, и таланты такого рода имѣютъ свои степени. Въ обоихъ этихъ случаяхъ Тургеневъ обладаетъ весьма замѣчательнымъ талантомъ. Главная характеристическая черта его таланта заключается въ томъ, что ему едва ли бы удалось создать вѣрно такой характеръ, подобнаго которому онъ не встрѣчалъ въ дѣйствительности. Онъ всегда долженъ держаться почвы дѣйствительности. Для такого рода искусства ему даны отъ природы богатыя средства: даръ наблюдательности, способность вѣрно и быстро понять и оцѣнить всякое явленіе, инстинктомъ разгадать его причины и слѣдствія, и такимъ образомъ догадкой и соображеніемъ дополнить необходимый ему запасъ свѣдѣній, когда разспросы мало объясняютъ.

Первая изъ его поэмъ, „Параша", была замѣчена публикой при ея появленіи по бойкому стиху, веселой ироніи, вѣрнымъ картинамъ русской природы, а главное—по удачнымъ физіологическимъ очеркамъ помѣщичьяго быта въ подробностяхъ. Но прочному успѣху поэмы помѣшало то, что авторъ, пиша ея, вовсе не думалъ о физіологическомъ очеркѣ, а хлопоталъ о поэмѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ у него нѣтъ самостоятельнаго таланта къ этому роду поэзіи. Оттого все лучшее въ ней проблеснуло какъ-то случайно, невзначай. Потомъ онъ написалъ поэму—„Разговоръ": стихи въ ней звучные и сильные, много чувства, ума, мысли; но какъ эта мысль чужая, заимствованная, то на первый разъ поэма могла даже понравиться, но прочесть ее вторично уже не захочется. Въ третьей поэмѣ Тургенева, „Андрей", много хорошаго, потому что много вѣрныхъ очерковъ русскаго быта; но въ цѣломъ поэма опять не удалась, потому что это повѣсть любви, изображать которую не въ талантѣ автора. Письмо героини къ герою поэмы длинно и растянуто, въ немъ больше чувствительности, нежели паѳоса. Вообще въ этихъ опытахъ Тургенева былъ замѣтенъ талантъ, но какой-то нерѣшительный и неопредѣленный.

Стихъ обнаруживаетъ необыкновенный поэтическій талантъ; а вѣрная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная изъ тайника русской жизни, изящная и тонкая иронія, подъ которой скрывается столько чувства,—все это показываетъ въ авторѣ, кромѣ дара творчества „сына нашего времени", носящаго въ груди своей всѣ скорби и вопросы его. Объ оригинальности мы не говоримъ: она то же, что талантъ—по крайней мѣрѣ безъ нея нѣтъ таланта. Многіе найдутъ въ поэмѣ слѣды подражанія Пушкину и особенно Лермонтову: это неудивительно, ибо живая историческая послѣдовательность литературныхъ явленій всегда смѣшивается толпой съ холодной и бездушной подражательностью. Но люди мыслящіе понимаютъ, что быть подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ великихъ

мастеровъ родной литературы, проявляя въ своихъ произведеніяхъ упроченное ими литературѣ и обществу, и рабски подражать—совсѣмъ не одно и то же: первое есть доказательство таланта, жизненно развивающагося, второе—безталантности. Можно поддѣлаться подъ стихъ и подъ манеру писателя, но не подъ духъ и натуру его, ибо можно цѣлый вѣкъ проживать съ чужими словами и чужими манерами, но отъ собственнаго духа и собственной натуры отречься нельзя, каковы бы они ни были—велики или малы... Въ стихахъ Т. Л. столько жизни и поэзіи, въ созерцаніи его столько истины и вѣрности, что тутъ всякая мысль о подражательности нелѣпа. Вся поэма проникнута такимъ строгимъ единствомъ мысли, тона, колорита, такъ выдержана, что обличаетъ въ авторѣ не только творческій талантъ, но и зрѣлость и силу таланта, умѣющаго владѣть своимъ предметомъ. Вообще нельзя не замѣтить по случаю этой поэмы, какіе великіе успѣхи въ послѣднее время сдѣлали наша поэзія и наше общество; чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о поэмахъ, являвшихся до „Цыганъ" Пушкина... Иронія и юморъ, овладѣвшіе современной поэзіей, всего лучше доказываютъ ея огромный успѣхъ: ибо отсутствіе ироніи и юмора всегда обличаетъ дѣтское состояніе литературы.

Дай Богъ, чтобъ наша встрѣча съ талантомъ автора „Параши" не была также случайна, но превратилась въ знакомство продолжительное и прочное. Грустно было бы думать, что такой талантъ—не болѣе, какъ вспышка юности, кипѣніе молодой крови, а не признакъ призванія, и можетъ обмануть возбужденныя имъ ожиданія и надежды, какъ обманула поэта героиня его поэмы.

„Параша"—произведеніе, запечатлѣнное всей свѣжестью, всей яркостью и страстностью и вмѣстѣ съ тѣмъ всей неопредѣленностью перваго опыта,—обратила на себя общее вниманіе тотчасъ по своемъ появленіи и удостоилась не только похвалы однихъ, но и брани другихъ журналовъ,—брани, въ которой высказалась, подъ плоскими и неудачными остротами, худо скрытая досада... Сравнивая „Разговоръ" съ „Парашей", нельзя не видѣть, что въ первомъ поэтъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Въ „Парашѣ" мысль похожа болѣе на намекъ, нежели на мысль, потому что поэтъ не могъ вполнѣ совладать съ нею; въ „Разговорѣ" основная мысль съ выпуклой и яркой опредѣленностью представляется уму читателя. И между тѣмъ эта мысль не высказана никакой сентенціей: она вся въ изложеніи содержанія, вся въ звучномъ, крѣпкомъ, сжатомъ и поэтическомъ стихѣ. Содержаніе поэмы просто до того,—что рецензенту нечего и пересказывать. Это—разговоръ между старымъ отшельникомъ, который и на краю могилы все еще живетъ воспоминаніемъ о своей прошлой жизни, такъ полно, такъ могущественно прожитой, и молодымъ человѣкомъ, который вездѣ и во всемъ ищетъ жизни и нигдѣ, ни въ чемъ не находитъ ея, отравляемый, мучимый какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ внутренней пустоты, тайнаго недовольства собой и жизнью.

Пусть читатели сами прослѣдятъ, въ цѣлой поэмѣ, ея основную мысль: мы не считаемъ себя вправѣ отнимать у нихъ этого удовольствія выписками. Скажемъ только, что всякій, кто живетъ и, слѣдовательно, чувствуетъ себя постигнутымъ болѣзнью нашего вѣка „апатіей чувства и воли", при пожирающей дѣятельности мысли,—всякій съ глубокимъ вниманіемъ прочтетъ прекрасный поэтическій „Разговоръ" Тургенева и, прочтя его, глубоко, глубоко задумается...

Стихотворный разсказъ—„Помѣщикъ", не поэма, а „физіологическій очеркъ помѣщичьяго быта", шутка, если хотите, но эта шутка какъ-то вышла далеко лучше всѣхъ поэмъ автора. Бойкій эпиграмматическій стихъ, веселая иронія, вѣрность картинъ, вмѣстѣ съ этимъ выдержанность цѣлаго произведенія, отъ начала до конца,—все показало, что Тургеневъ напалъ на истинный родъ своего таланта, взялся за свое, и что нѣтъ никакихъ причинъ оставлять ему вовсе стихи.

Маленькая пьеска—„Хорь и Калинычъ" имѣла большой успѣхъ: въ ней авторъ зашелъ къ народу съ такой стороны, съ какой до него къ нему никто еще не заходилъ. Хорь съ его практическимъ смысломъ и практической натурой, съ его грубымъ, но крѣпкимъ и яснымъ умомъ, съ его глубокимъ презрѣніемъ къ „бабамъ" и сильной нелюбовью къ чистотѣ и опрятности—типъ русскаго мужика, умѣвшаго создать себѣ значущее положеніе при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ. Но Калинычъ—еще болѣе свѣжій и полный типъ русскаго мужика: это поэтическая натура въ простомъ народѣ. Съ какимъ участіемъ и добродушіемъ авторъ описываетъ намъ своихъ героевъ, какъ умѣетъ онъ заставить читателей полюбить ихъ отъ всей души! Всѣхъ „Разсказовъ Охотника" было напечатано прошлаго года въ „Современникѣ" семь. Въ нихъ авторъ знакомитъ своихъ читателей съ разными сторонами провинціальнаго быта, съ людьми разныхъ состояній и званій. Не всѣ его разсказы одинаковаго достоинства: одни лучше, другіе слабѣе, но между ними нѣтъ ни одного, который бы чѣмъ-нибудь не былъ интересенъ, занимателенъ и поучителенъ. „Хорь и Калинычъ" до сихъ поръ остается лучшимъ изъ всѣхъ разсказовъ охотника; за нимъ—„Бурмистръ", а послѣ него „Однодворецъ Овсянниковъ" и „Контора". Нельзя не пожелать, чтобы Тургеневъ написалъ еще хоть цѣлые томы такихъ разсказовъ.

Разсказъ Тургенева—„Петръ Петровичъ Каратаевъ", хотя и не принадлежитъ къ ряду „Разсказовъ Охотника", но это такой же мастерской физіологическій очеркъ характера чисто русскаго, и притомъ съ московскимъ оттѣнкомъ. Въ немъ талантъ автора высказался съ такой же полнотой, какъ и въ лучшихъ изъ „Разсказовъ Охотника".

Не можемъ не упомянуть о необыкновенномъ мастерствѣ Тургенева изображать картины русской природы. Онъ любитъ природу не какъ диллетантъ, а какъ артистъ, и потому никогда не старается изображать ее только въ поэтическихъ ея видахъ, но беретъ ее, какъ она ему представляется. Его картины всегда вѣрны, вы всегда узнаете въ нихъ нашу родную, русскую природу...

Онъ пробовалъ себя и въ повѣсти; написалъ „Андрея Колосова", въ которомъ много прекрасныхъ очерковъ характеровъ и русской жизни, но, какъ повѣсть, въ цѣломъ это произведеніе до того странно, не досказано, неуклюже, что очень немногіе замѣтили, что̀ въ ней было хорошаго. Замѣтно было, что Тургеневъ искалъ своей дороги и все еще не находилъ ея: потому что это не всегда и не всѣмъ легко и скоро удается. Изъ разсказа же въ прозѣ—„Три Портрета" видно, что Тургеневъ и въ прозѣ нашелъ свою настоящую дорогу.

Тургеневъ началъ свое литературное поприще лирической поэзіей. Между его мелкими стихотвореніями есть пьесы три, четыре очень недурныхъ, какъ, напримѣръ, „Старый Помѣщикъ", „Баллада", „Ѳедя", „Человѣкъ, какихъ много"; но эти пьесы удались ему потому, что въ нихъ или вовсе нѣтъ лиризму, или что въ нихъ

главное не лиризмъ, а намеки на русскую жизнь. Собственно же лирическія стихотворенія Тургенева показываютъ рѣшительное отсутствіе самостоятельнаго лирическаго таланта.

Крѣпкій, энергическій и простой стихъ, выработанный въ школѣ Лермонтова, и въ то же время стихъ роскошный и поэтическій, составляетъ не единственное достоинство произведеній Тургенева: въ нихъ всегда есть мысль, ознаменованная печатью дѣйствительности и современности и, какъ мысль даровитой натуры, всегда оригинальная. Поэтому отъ Тургенева многаго можно ожидать въ будущемъ.

Слухи о новомъ, необыкновенномъ талантѣ Достоевскаго, готовомъ появиться на аренѣ русской литературы, задолго предупредили появленіе самой повѣсти „Бѣдные Люди". Подобнаго обстоятельства никакъ нельзя назвать выгоднымъ для автора. Для людей съ положительнымъ, развитымъ эстетическимъ вкусомъ все равно — быть или не быть предубѣжденными въ пользу или не въ пользу автора: прочитавъ повѣсть, они увидятъ, что́ это такое; но истинныхъ знатоковъ искусства немного на бѣломъ свѣтѣ, а незнатокъ отъ всего заранѣе расхваленнаго ожидаетъ какого-то чуда совершенства, т. е. фразистой мелодрамы во вкусѣ Марлинскаго,—и увидя, что это совсѣмъ не то, что все такъ просто, естественно, истинно и вѣрно, онъ разочаровывается, и въ досадѣ уже не видитъ въ произведеніи и того, что́ болѣе или менѣе ему доступно и что́ навѣрное понравилось бы ему, если бъ онъ не былъ заранѣе настроенъ искать тутъ какихъ-то волшебныхъ фокусъ-покусовъ.

Талантъ Достоевскаго не сатирическій, не описательный, но въ высокой степени творческій, и преобладающій характеръ его таланта — юморъ. Онъ не поражаетъ тѣмъ знаніемъ жизни и сердца человѣческаго, которое дается опытомъ и наблюденіемъ: нѣтъ, онъ знаетъ ихъ, и притомъ глубоко знаетъ, но a priori, слѣдовательно чисто-поэтически, творчески. Его знаніе есть талантъ, вдохновеніе. Мы не хотимъ его сравнивать ни съ кѣмъ, потому что такія сравненія вообще отзываются дѣтствомъ и ни къ чему не ведутъ, ничего не объясняютъ. Скажемъ только, что это талантъ необыкновенный и самобытный, который сразу, еще первымъ произведеніемъ своимъ, рѣзко отдѣлился отъ всей толпы нашихъ писателей, болѣе или менѣе обязанныхъ Гоголю направленіемъ и характеромъ, а потому и успѣхомъ своего таланта. Что́ же касается до его отношеній къ Гоголю, то если его, какъ писателя съ сильнымъ и самостоятельнымъ талантомъ, нельзя назвать подражателемъ Гоголя, то и нельзя не сказать, что онъ еще болѣе обязанъ Гоголю, нежели сколько Лермонтовъ обязанъ былъ Пушкину. Во многихъ частностяхъ обоихъ романовъ Достоевскаго („Бѣдныхъ Людей" и „Двойника") видно сильное вліяніе Гоголя, даже въ оборотѣ фразы; но со всѣмъ тѣмъ въ талантѣ Достоевскаго такъ много самостоятельности, что это теперь очевидное вліяніе на него Гоголя вѣроятно не будетъ продолжительно и скоро исчезнетъ съ другими, собственно ему принадлежащими недостатками, хотя тѣмъ не менѣе Гоголь навсегда останется, такъ сказать, его отцомъ по творчеству. Продолжая эту риторическую фигуру сравненія, прибавимъ, что тутъ нѣтъ даже никакого намека на подражательность: сынъ, живя своей собственной жизнью и мыслью, тѣмъ не менѣе все-таки обязанъ своимъ существованіемъ отцу. Какъ бы ни великолѣпно и ни роскошно развился впослѣдствіи талантъ Достоевскаго, Гоголь навсегда останется Колумбомъ той неизмѣрной и неистощимой области творчества, въ которой долженъ

подвизаться Достоевскій. Пока еще трудно опредѣлить рѣшительно, въ чемъ заключается особенность, такъ сказать, индивидуальность и личность таланта Достоевскаго, но что онъ имѣетъ все это, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Судя по „Бѣднымъ Людямъ", мы заключили, было что глубокочеловѣчественный и патетическій элементъ, въ сліяніи съ юмористическимъ, составляетъ особенную черту въ характерѣ его таланта; но, прочтя „Двойника", мы увидѣли, что подобное заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно. Правда, только нравственно слѣпые и глухіе не могутъ не видѣть и не слышать въ „Двойникѣ" глубоко-патетическаго, глубокотрагическаго колорита и тона; но, во-первыхъ этотъ колоритъ и тонъ въ „Двойникѣ" спрятались, такъ сказать, за юморъ, замаскировались имъ какъ въ „Запискахъ Сумасшедшаго" Гоголя... Вообще талантъ Достоевскаго при всей его огромности еще такъ молодъ, что не можетъ высказаться и высказаться опредѣленно.

Въ обоихъ романахъ Достоевскаго замѣтно сильное вліяніе Гоголя, и это должно относиться только къ частностямъ, къ оборотамъ фразы, но отнюдь не къ концепціи цѣлаго произведенія и характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Въ послѣднихъ двухъ отношеніяхъ талантъ Достоевскаго блеститъ яркой самостоятельностью. Если можно подумать, что Макару Алексѣевичу Дѣвушкину, старику Покровскому и Голядкину старшему Достоевскаго нѣсколько сродни Поприщинъ и Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ Гоголя, то въ то же время нельзя не видѣть, что между лицами романовъ Достоевскаго и повѣстей Гоголя существуетъ такая же разница, какъ и между Поприщинымъ и Башмачкинымъ, хотя оба эти лица созданы однимъ и тѣмъ же авторомъ. Мы даже думаемъ, что Гоголь только первый навелъ всѣхъ (и въ этомъ его заслуга, которой подобной уже никому болѣе не оказать) на эти забитыя существованія въ нашей дѣйствительности, но что Достоевскій самъ собой взялъ ихъ въ той же самой дѣйствительности.

Нельзя не согласиться, что для перваго дебюта „Бѣдные Люди" и непосредственно за ними „Двойникъ"—произведенія необыкновеннаго размѣра, и что такъ еще никто не начиналъ изъ русскихъ писателей. Конечно это доказываетъ совсѣмъ не то, чтобъ Достоевскій по таланту былъ выше своихъ предшественниковъ (мы далеки отъ подобной нелѣпой мысли), но только то, что онъ имѣлъ передъ ними выгоду явиться послѣ нихъ; однако-жъ со всѣмъ тѣмъ подобный дебютъ ясно указываетъ на мѣсто, которое со временемъ займетъ Достоевскій въ русской литературѣ, и на то, чтобъ еслибъ онъ и несталъ рядомъ съ своими предшественниками, какъ равный съ равными, то долго еще ждать намъ таланта, который бы сталъ къ нимъ ближе его.

Трагическій элементъ глубоко проникаетъ собою весь романъ „Бѣдные Люди". И этотъ элементъ тѣмъ поразительнѣе, что онъ передается читателю не только словами, но и понятіями Макара Алексѣевича. Смѣшить и глубоко потрясать душу читателя въ одно и то же время, заставить его улыбаться сквозь слезъ,—какое умѣнье, какой талантъ! И никакихъ мелодраматическихъ пружинъ, ничего похожаго на театральные эффекты! Все такъ просто и обыкновенно, какъ та будничная, повседневная жизнь, которая кипитъ вокругъ каждаго изъ насъ и пошлость которой нарушается только неожиданнымъ появленіемъ смерти, то къ тому, то къ другому!... Всѣ лица обрисованы такъ полно, такъ ярко, не исключая ни лица Быкова, только на минуту появляющагося въ романѣ собственной особой, ни лица Анны Ѳедоровны, ни разу не появляющейся въ романѣ собствен-

ной особой. Отецъ и мать Доброселовой, старикъ и юноша Покровскіе, жалкій писака Ратазяевъ, ростовщикъ,—словомъ, каждое лицо даже изъ тѣхъ, которыя или только вскользь показываются, или только заочно упоминаются въ романѣ, такъ и стоитъ передъ читателемъ, какъ будто давно коротко ему знакомое. Можно бы замѣтить, и не безъ основанія, что лицо Вариньки какъ-то не совсѣмъ опредѣленно и неоконченно; но, видно, ужъ такова участь русскихъ женщинъ, что русская поэзія не ладитъ съ ними да и только! Не знаемъ, кто тутъ виноватъ, русскія ли женщины, или русская поэзія; но знаемъ, что только Пушкину удалось въ лицѣ Татьяны схватить нѣсколько чертъ русской женщины, да и то ему необходимо было сдѣлать ее свѣтской дамой, чтобъ сообщить ея характеру опредѣленность и самобытность. Журналъ Вариньки прекрасенъ, но все-таки, по мастерству изложенія, его нельзя сравнить съ письмами Дѣвушкина. Замѣтно, что авторъ тутъ былъ не совсѣмъ, какъ говорится, у себя дома; но и тутъ онъ блистательно умѣлъ выйти изъ затруднительнаго положенія Воспоминанія дѣтства, переѣздъ въ Петербургъ, разстройство дѣлъ Доброселова, ученье въ пансіонѣ, особенно жизнь въ домѣ Анны Ѳедоровны, отношенія Вариньки къ Покровскому, ихъ сближеніе, портретъ отца Покровскаго, подарокъ молодому Покровскому въ день именинъ, смерть Покровскаго, все это разсказано съ изумительнымъ мастерствомъ. Доброселова не выговариваетъ ни одного щекотливаго для нея обстоятельства, ни безчестныхъ видовъ на нее Анны Ѳедоровны, ни своей любви къ Покровскому, ни своего потомъ невольнаго паденія; но читатель самъ видитъ все такъ ясно, что ему и не нужно никакихъ объясненій.

„Бѣдные Люди" были первымъ и, къ сожалѣнію, доселѣ остаются лучшимъ произведеніемъ Достоевскаго. Романъ этотъ носитъ на себѣ всѣ признаки перваго живого, задушевнаго, страстнаго произведенія. Отсюда его многословность и растянутость, иногда утомляющія читателя, нѣкоторое однообразіе въ способѣ выражаться, частыя посторенія фразъ въ любимыхъ авторомъ оборотахъ, мѣстами недостатокъ въ обработкѣ, мѣстами излишество въ отдѣлкѣ, несоразмѣрность въ частяхъ. Но все это выкупается поразительной истиной въ изображеніи дѣйствительности, мастерской обрисовкой характеровъ и положеній дѣйствующихъ лицъ и что̀, по нашему мнѣнію, составляетъ главную силу таланта Достоевскаго, его оригинальность,—глубокимъ пониманіемъ и художественнымъ, въ полномъ смыслѣ слова, воспроизведеніемъ трагической стороны жизни. Въ „Бѣдныхъ Людяхъ" много картинъ, глубоко потрясающихъ душу. Правда, авторъ подготовляетъ своего читателя къ этимъ картинамъ немножко тяжеловато. Вообще легкость и текучесть изложенія не въ его талантѣ, что̀ много вредитъ ему. Но зато самыя эти картины, когда дойдешь до нихъ,—мастерскія, художественныя произведенія, запечатлѣнныя глубиной взгляда и силой выполненія. Ихъ впечатлѣніе рѣшительно и могущественно, ихъ никогда не забудешь...

Какъ талантъ необыкновенный, авторъ нисколько не повторился во второмъ своемъ произведеніи,—и оно представляетъ у него совершенно новый міръ. Герой романа—г. Голядкинъ—одинъ изъ тѣхъ обидчивыхъ, помѣшанныхъ на амбиціи людей, которые такъ часто встрѣчаются въ низшихъ и среднихъ слояхъ нашего общества. Ему все кажется, что его обижаютъ и словами, и взглядами, и жестами, что противъ него всюду составляются интриги, ведутся подкопы. Это тѣмъ смѣшнѣе, что онъ ни состояніемъ, ни чиномъ, ни мѣстомъ, ни умомъ, ни способностями

рѣшительно не можетъ ни въ комъ возбудить къ себѣ зависти. Онъ не уменъ и не глупъ, не богатъ и не бѣденъ, очень добръ и до слабости мягокъ характеромъ, и жить ему на свѣтѣ было бы совсѣмъ не дурно, но болѣзненная обидчивость и подозрительность его характераесть—черный демонъ его жизни, которому суждено сдѣлать адъ изъ его существованія. Если внимательнѣе осмотрѣться кругомъ себя, сколько увидишь господъ Голядкиныхъ, и богатыхъ и глупыхъ, и умныхъ! Г. Голядкинъ въ восторгѣ отъ одной своей добродѣтели, которая состоитъ въ томъ, что онъ ходитъ не въ маскѣ, не интриганъ, дѣйствуетъ открыто и идетъ прямой дорогой. Еще въ началѣ романа, изъ разговора съ докторомъ Крестьяномъ Ивановичемъ, не мудрено догадаться, что г. Голядкинъ разстроенъ въ умѣ. И такъ, герой романа—сумасшедшій! Мысль смѣлая и выполненная авторомъ съ удивительнымъ мастерствомъ! Считаемъ излишнимъ слѣдить за ея развитіемъ, указывать на отдѣльныя мѣста и удивляться цѣлому созданію. Для всякаго, кому доступны тайны искуства, съ перваго взгляда видно, что въ „Двойникѣ" еще больше творческаго таланта и глубины мысли, нежели въ „Бѣдныхъ Людяхъ". А между тѣмъ почти общій голосъ петербургскихъ читателей рѣшилъ, что этотъ романъ несносно растянутъ и оттого ужасно скученъ, изъ чего-де и слѣдуетъ, что объ авторѣ напрасно прокричали, и что въ его талантѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго! Справедливо ли такое заключеніе?—Мы, не обинуясь, скажемъ, что съ одной стороны оно крайне ложно, а съ другой—что въ немъ есть основаніе, какъ оно всегда бываетъ въ сужденіи непонимающей самой себя толпы.

Начнемъ съ того, что „Двойникъ" нисколько не растянутъ, хотя и нельзя сказать, чтобъ онъ не былъ утомителенъ для всякаго читателя, какъ бы глубоко и вѣрно ни понималъ и ни цѣнилъ онъ талантъ автора. Дѣло въ томъ, что такъ называемая растянутость бываетъ двухъ родовъ: одна происходитъ отъ бѣдности таланта,—вотъ это-то и есть растянутость; другая происходитъ отъ богатства, особливо молодого таланта, еще не созрѣвшаго, и ее слѣдуетъ называть не растянутостью, а излишней плодовитостью. Если бъ авторъ „Двойника" далъ намъ перо въ руки съ безусловнымъ правомъ исключать изъ рукописи его „Двойника" все, что показалось бы намъ растянутымъ и излишнимъ,—у насъ не поднялась бы рука ни на одно отдѣльное мѣсто, потому что каждое отдѣльное мѣсто въ этомъ романѣ—верхъ совершенства. Но дѣло въ томъ, что такихъ превосходныхъ мѣстъ въ „Двойникѣ" ужъ черезчуръ много, а одно да одно, какъ бы ни было оно превосходно, и утомляетъ, и наскучаетъ. Демьянова уха была сварена на славу, и сосѣдъ Фока ѣлъ ее съ аппетитомъ и всласть; но наконецъ бѣжалъ же отъ нея... Очевидно, что авторъ „Двойника" еще не пріобрѣлъ себѣ такта мѣры и гармоніи, и оттого не совсѣмъ безосновательно многіе упрекаютъ въ растянутости даже и „Бѣдныхъ Людей", хотя этотъ упрекъ и идетъ къ нимъ меньше, нежели къ „Двойнику". И такъ, въ этомъ отношеніи судъ толпы справедливъ; но онъ ложенъ въ выводѣ о талантѣ Достоевскаго. Самая эта чрезмѣрная плодовитость только служитъ доказательствомъ того, какъ много у него таланта и какъ великъ его талантъ.

Что же тутъ дѣлать молодому автору? Продолжать ли идти своей дорогой, никого не слушая, или, желая угодить толпѣ, стараться пріобрѣсти преждевременную, слѣдовательно искусственную зрѣлость своему таланту и, за неимѣніемъ естественнаго, прибѣгнуть къ поддѣльному чувству мѣры?.. По нашему мнѣнію, обѣ эти крайности равно гибельны. Талантъ долженъ идти своей дорогой, съ каждымъ днемъ естественнымъ

образомъ избавляясь отъ своего главнаго недостатка, т. е. молодости и незрѣлости; но въ то же время онъ долженъ, обязанъ „принимать къ свѣдѣнію“, чѣмъ особенно недовольно большинство его читателей, и всего болѣе долженъ остерегаться презирать его мнѣніе, но всегда стараться отыскивать основаніе этого мнѣнія, потому что оно почти всегда дѣльно и справедливо.

Если что можно счесть въ „Двойникѣ“ растянутостью, такъ это частое и мѣстами вовсе ненужное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ, какъ напримѣръ: „Дожилъ я до бѣды“, дожилъ я вотъ такимъ-то образомъ до бѣды... Эта бѣда вѣдь какая!.. экая вѣдь бѣда одолѣла какая!..“ Напечатанныя курсивомъ фразы совершенно лишнія, а такихъ фразъ въ романѣ найдется довольно. Мы понимаемъ ихъ источникъ: молодой талантъ въ сознаніи своей силы и своего богатства какъ будто тѣшится юморомъ; но въ немъ такъ много юмора дѣйствительнаго, юмора мысли и дѣла, что ему смѣло можно не дорожить юморомъ словъ и фразъ.

Вообще „Двойникъ“ носитъ на себѣ отпечатокъ таланта огромнаго и сильнаго, но еще молодого и неопытнаго: отсюда всѣ его недостатки, но отсюда же и всѣ его достоинства. Тѣ и другія такъ тѣсно связаны между собою, что если бъ авторъ теперь вздумалъ совершенно передѣлать свой „Двойникъ“, чтобъ оставить въ немъ однѣ красоты, исключивъ всѣ недостатки,—мы увѣрены, онъ испортилъ бы его. Авторъ разсказываетъ приключенія своего героя отъ себя, но совершенно его языкомъ и его понятіями: это съ одной стороны показываетъ избытокъ юмора въ его талантѣ, безконечно могущественную способность объективнаго созерцанія явленій жизни, способность, такъ сказать, переселяться въ кожу другого, совершенно чуждаго ему существа; но съ другой стороны это же самое сдѣлало неясными многія обстоятельства въ романѣ, какъ-то: каждый читатель совершенно вправѣ не понять и не догадаться, что письма Вахрамѣева и г. Голядкина-младшаго г. Голядкинъ-старшій сочиняетъ самъ къ себѣ, въ своемъ разстроенномъ воображеніи,—даже, что наружное сходство съ нимъ младшаго Голядкина совсѣмъ не такъ велико и поразительно, какъ показалось оно ему въ его разстроенномъ воображеніи, и вообще о самомъ помѣшательствѣ Голядкина не всякій читатель догадается скоро. Все это недостатки, хотя и тѣсно связанные съ достоинствами и красотами цѣлаго произведенія. Существенный недостатокъ въ этомъ романѣ только одинъ: почти всѣ лица въ немъ, какъ ни мастерски впрочемъ очерчены ихъ характеры, говорятъ почти одинаковымъ языкомъ. Больше указать не на что.

Искандеръ (Герценъ). Гончаровъ.

1847 годъ былъ особенно богатъ замѣчательными романами, повѣстями и разсказами. По огромному успѣху въ публикѣ, первое мѣсто между ними принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, двумъ романамъ: „Кто виноватъ?“ и „Обыкновенная Исторія“.

Искандеръ давно уже извѣстенъ публикѣ, какъ авторъ разныхъ статей, отличающихся замѣчательнымъ умомъ, талантомъ, остроуміемъ, оригинальностью взгляда на предметы и оригинальностью выраженія. Но, какъ романистъ, онъ талантъ новый, обратившій на себя особенное вниманіе русской публики только съ прошлаго года. Правда, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ были напечатаны два его опыта въ искусствѣ разсказывать: „Записки одного молодого человѣка“ (1840) и „Еще изъ записокъ одного молодого человѣка“ (1841), въ которыхъ можно было предугадывать въ авторѣ будущаго даровитаго романиста, судя по вѣрности и живости этихъ легкихъ очерковъ. Гончаровъ, авторъ „Обыкновенной Исторіи“,—лицо совершенно новое въ нашей литературѣ, но уже занявшее въ ней одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Потому ли, что оба эти романа — „Кто виноватъ?“ и „Обыкновенная Исторія“ — появились почти въ одно время и раздѣлили между собой славу необыкновеннаго успѣха, — о нихъ не только говорятъ вмѣстѣ, но еще и сравниваютъ ихъ между собой, будто явленія однородныя. Одинъ журналъ, объявивъ недавно романъ Искандера въ высшей степени художественнымъ произведеніемъ, изъявилъ свое недовольство романомъ Гончарова на томъ основаніи, что въ послѣднемъ не нашелъ достоинствъ перваго. Мы тоже намѣрены въ разборѣ этихъ романовъ ставить ихъ вмѣстѣ, но не для того, чтобы показать ихъ сходство, котораго между ними, какъ произведеніями совершенно различными по ихъ сущности, нѣтъ и тѣни, а для того, чтобы самой ихъ взаимной противоположностью вѣрнѣе очертить особенность каждаго изъ нихъ и показать ихъ достоинства и недостатки.

Достоинствъ романа Искандера надо искать не въ картинѣ трагической любви Бельтова и Круциферской. Это вовсе не картина, а мастерски изложенное слѣдственное дѣло. Вообще „Кто виноватъ?“— собственно не романъ, а рядъ біографій, мастерски написанныхъ и ловко связанныхъ внѣшнимъ образомъ въ одно цѣлое именно той мыслью, которой автору не удалось развить поэтически. Но въ этихъ біографіяхъ есть и внутренняя связь, хотя и безъ всякаго отношенія къ трагической любви Бельтова и Круциферской. Это — мысль, которая глубоко легла въ ихъ основаніе, дала жизнь и душу каждой чертѣ, каждому

слову разсказа, сообщила ему эту убѣдительность и увлекательность, которыя равно неотразимо дѣйствуютъ на читателей, симпатизирующихъ и несимпатизирующихъ съ авторомъ, образованныхъ и необразованныхъ. Мысль эта является у автора, какъ чувство, какъ страсть; словомъ, изъ его романа видно, что она столько же составляетъ паѳосъ его жизни, какъ и его романа. О чемъ бы онъ ни говорилъ, чѣмъ бы ни увлекся въ отступленіи, онъ никогда не забываетъ ея, безпрестанно возвращается къ ней, она какъ будто невольно сама высказывается у него. Эта мысль срослась съ его талантомъ; въ ней его сила; если бъ онъ могъ охладѣть къ ней, отречься отъ нея,—онъ бы вдругъ лишился своего таланта. Какая же эта мысль? Это—страданіе, болѣзнь при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства, оскорбляемаго съ умысломъ и еще больше безъ умысла; это то, что̀ нѣмцы называютъ гуманностью (Humanität). Тѣ, кому покажется непонятной мысль, заключающаяся въ этомъ словѣ, въ сочиненіяхъ Искандера найдутъ самое лучшее ея объясненіе.

Чувство гуманности и составляетъ, такъ сказать, душу твореній Искандера. Онъ ея проповѣдникъ, адвокатъ. Выводимыя имъ на сцену лица—люди не злые, даже большей частью добрые, которые мучатъ и преслѣдуютъ самихъ себя и другихъ чаще съ хорошими, нежели съ дурными намѣреніями, больше по невѣжеству, нежели по злости. Даже тѣ изъ его лицъ, которыя отталкиваютъ отъ себя низостью чувствъ и гадостью поступковъ, представляются авторомъ больше какъ жертвы ихъ собственнаго невѣжества и той среды, въ которой они живутъ, нежели ихъ злой натуры. Онъ изображаетъ преступленія, неподлежащія вѣдомству законовъ и понимаемыя большинствомъ какъ дѣйствія разумныя и нравственныя. Злодѣевъ у него мало: въ трехъ повѣстяхъ, доселѣ напечатанныхъ, только въ одной „Сорокѣ-Воровкѣ“ выведенъ злодѣй, да и то такой, котораго и теперь многіе готовы счесть за самаго добродѣтельнаго и нравственнаго человѣка. Главное орудіе Искандера, которымъ онъ владѣетъ съ такимъ удивительнымъ мастерствомъ,—иронія, нерѣдко возвышающаяся до сарказма, но чаще обнаруживающаяся легкой, граціозной и необыкновенно добродушной шуткой: вспомните добраго почтмейстера, который два раза чуть не убилъ Бельтову, сначала горемъ, потомъ радостью, и такъ добродушно потиралъ себѣ руки, такъ вкушалъ успѣхъ сюрприза, что „нѣтъ въ мірѣ жестокаго сердца, которое нашло бы въ себѣ силу упрекнуть его за эту штуку, и которое бы не предложило ему закусить“. А между тѣмъ и въ этой чертѣ, нисколько не возмутительной, а только забавной, авторъ остается вѣрнымъ своей завѣтной идеѣ. Все, что̀ касается этой идеи въ романѣ „Кто виноватъ?“—все это отличается вѣрностью дѣйствительности, мастерствомъ изложенія, которыя выше всякихъ похвалъ. Здѣсь, а не въ любви Бельтова и Круциферской, блестящая сторона романа и торжество таланта автора. Мы сказали выше, что романъ этотъ—рядъ біографій, связанныхъ между собой одной мыслью, но безконечно разнообразныхъ, глубоко правдивыхъ и богатыхъ философскимъ значеніемъ. Здѣсь авторъ вполнѣ въ своей сферѣ. Что̀ лучшаго въ той самой части романа, которая вся посвящена трагической любви Бельтова и Круциферской, какъ не біографія почтеннѣйшаго Карпа Кондратьича, бойкой супруги его Марьи Степановны и бѣдной дочери ихъ Варвары Карповны, по домашнему Вавы,—біографія, вошедшая сюда эпизодомъ. Когда интересны въ романѣ Круциферскій и Любонька? Тогда, какъ они живутъ въ домѣ Негровыхъ и страдаютъ отъ всего ихъ окружающаго. Такія положенія

сподручны автору, и онъ необыкновенный мастеръ рисовать ихъ. Когда интересенъ самъ Бельтовъ? Когда мы читаемъ исторію его превратнаго и ложнаго воспитанія и потомъ исторію неудачныхъ попытокъ найти свою дорогу въ жизни. Это также входитъ въ сферу таланта автора. Онъ—философъ по преимуществу, а между тѣмъ немножко и поэтъ, и воспользовался этимъ, чтобы изложить свои понятія о жизни притчами. Это всего лучше доказывается его превосходнымъ разсказомъ: „Изъ сочиненій доктора Крупова. О душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности". Въ немъ авторъ ни одной чертой, ни однимъ словомъ не вышелъ изъ сферы своего таланта, и оттого здѣсь его талантъ въ большей опредѣленности, нежели въ другихъ его сочиненіяхъ. Мысль его та же, но она приняла здѣсь исключительно тонъ ироніи, для однихъ очень веселой и забавной, для другихъ грустной и мучительной, и только въ изображеніи косого Левки— фигуры, которая бы сдѣлала честь любому художнику, — авторъ говоритъ серьезно. По мысли и по выполненію, это рѣшительно лучшее произведеніе прошлаго года, хотя оно и не произвело на публику особеннаго впечатлѣнія. Но публика права въ этомъ случаѣ: въ романѣ „Кто виноватъ?" и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ другихъ писателей она нашла больше ближайшихъ къ ней и потому нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ ей истинъ, а между тѣмъ въ послѣднемъ произведеніи тотъ же духъ, то же содержаніе, что̀ и въ первомъ. Вообще упрекнуть автора въ односторонности—значило бы вовсе не понять его. Онъ можетъ изображать вѣрно только міръ, подлежащій вѣдомству его задушевной мысли; его мастерскіе очерки основаны на врожденной наблюдательности и на изученіи извѣстной стороны дѣйствительности. Натура воспріимчивая и впечатлительная, авторъ сохранилъ въ памяти своей многіе образы, поразившіе его еще въ дѣтствѣ. Легко понять, что выводимыя имъ лица не суть чистыя созданія фантазіи, это скорѣе мастерски обдѣланные, а иногда и вовсе передѣланные матеріалы, цѣликомъ взятые изъ дѣйствительности. Вѣдь мы сказали, что авторъ больше философъ и только немножко поэтъ...

Что̀ составляетъ задушевную мысль Искандера, которая служитъ ему источникомъ его вдохновенія, возвышаетъ его иногда въ вѣрномъ изображеніи явленій общественной жизни почти до художественности?— Мысль о достоинствѣ человѣческомъ, которое унижается предразсудками, невѣжествомъ, и унижается то несправедливостью человѣка къ своему ближнему, то собственнымъ добровольнымъ искаженіемъ самого себя. Герой всѣхъ романовъ и повѣстей Искандера, сколько бы ни написалъ онъ ихъ, всегда былъ и будетъ одинъ и тотъ же: это—человѣкъ, понятіе общее, родовое, во всей обширности этого слова, во всей святости его значенія. Искандеръ—по преимуществу поэтъ гуманности. Поэтому въ его романѣ бездна лицъ, большей частью мастерски очерченныхъ, но нѣтъ героя, нѣтъ героини. Въ первой части, заинтересовавъ насъ четой Негровыхъ, онъ выводитъ намъ героями романа Круциферскаго и Любоньку. Въ эпизодѣ, записанномъ для связи обѣихъ частей, героемъ является Бельтовъ; но мать Бельтова и его гувернеръ-женевецъ едва ли не больше, нежели онъ самъ, интересуютъ собой читателя. Во второй части героями являются Бельтовъ и Круциферская, и въ ней только раскрывается вполнѣ основная мысль романа, являющаяся сначала такъ загадочной въ его названіи „Кто виноватъ?". Но мы должны признаться, что эта-то мысль всего менѣе и

интересуетъ насъ въ романѣ, такъ же, какъ Бельтовъ, герой романа, кажется намъ самымъ неудачнымъ лицомъ во всемъ романѣ. Когда Круциферскій сдѣлался женихомъ Любоньки, докторъ Круповъ сказалъ ему: „не пара тебѣ эта невѣста, ужъ что́ хочешь, — эти глаза, этотъ цвѣтъ лица, этотъ трепетъ, который иногда пробѣгаетъ по ея лицу,— она тигренокъ, который еще не знаетъ своей силы, а ты, да что ты? ты—невѣста; ты, братецъ, нѣмка; ты будешь жена—ну, годно ли это“? Въ этихъ словахъ лежитъ завязка романа, который, по намѣренію автора, долженъ былъ только начаться свадьбой вмѣсто того, чтобы кончиться ею. Авторъ, познакомивши насъ съ Бельтовымъ, ведетъ насъ въ мирное убѣжище молодой четы, уже четыре года наслаждающейся тихимъ семейнымъ счастьемъ;—но, помня мрачное предсказаніе оракула въ лицѣ скептическаго доктора, читатель невольно ждетъ, что въ самой картинѣ семейнаго счастья Круциферскихъ авторъ покажетъ ему зародышъ и начало будущихъ бѣдъ. Круциферскій, дѣйствительно, не женился, а „вышелъ замужъ.“ Его жена была слишкомъ выше его, слѣдовательно слишкомъ не по немъ. Естественно, что онъ былъ вполнѣ счастливъ ею; но не естественно, чтобъ она была спокойно счастлива, не видѣла тревожныхъ сновъ, не задумывалась на яву. Она могла уважать и даже любить своего мужа, какъ существо младенчески чистое и благородное, которое сверхъ того вырвало ее изъ аду родительскаго дома; но такая ли любовь могла удовлетворить такую женщину, наполнить тѣ потребности, тѣ стремленія ея натуры, которыя тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ неопредѣленнѣе и безсознательнѣе? Знакомство съ Бельтовымъ, скоро превратившееся въ любовь, должно было только открыть ей глаза на ея положеніе, пробудить въ ней сознаніе того, что она не могла быть счастлива съ такимъ человѣкомъ, какъ Круциферскій. Но этого авторъ не сдѣлалъ.

Мысль была прекрасная, исполненная глубокаго трагическаго значенія. Она-то и увлекла большинство читателей и помѣшала имъ замѣтить, что вся исторія трагической любви Бельтова и Круциферской разсказана умно, очень умно, даже ловко, то зато ужъ нисколько не художественно. Тутъ мастерской разсказъ, но нѣтъ и слѣда живой поэтической картины. Мысль спасла и вынесла автора: умомъ онъ вѣрно понялъ положеніе своихъ героевъ, но передалъ его только какъ умный человѣкъ, хорошо понявшій дѣло, но не какъ поэтъ. Такъ иногда даровитый актеръ, взявшійся за роль, которая вовсе не въ его средствахъ и талантѣ, все-таки не портитъ ее, но умно и ловко выполняетъ ее, вмѣсто того чтобы сыграть. Мысль роли не потеряна, а трагическій смыслъ пьесы дополняетъ недостатокъ въ выполненіи главной роли, — и зритель не вдругъ догадывается, что онъ былъ только увлеченъ, а совсѣмъ не удовлетворенъ.

Это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что во второй части романа характеръ Бельтова произвольно измѣненъ авторомъ. Сперва это былъ человѣкъ, жаждавшій полезной дѣятельности и ни въ чемъ не находившій ея, по причинѣ ложнаго воспитанія, которое далъ ему благородный женевскій мечтатель. Бельтовъ зналъ многое и обо всемъ имѣлъ общія понятія, но совершенно не зналъ той общественной среды, въ которой одной могъ бы дѣйствовать съ пользой. Все это не только сказано, но и показано авторомъ мастерски.

Авторъ „Обыкновенной Исторіи“—поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ,

они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ-будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ один, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство—и тѣмъ самымъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самаго таланта и составляетъ его силу; у Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ таланта; онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь, поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собой другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны.

У Искандера мысль всегда впереди, онъ впередъ знаетъ, что и для чего пишетъ; онъ изображаетъ съ поразительной вѣрностью сцену дѣйствительности для того только, чтобы сказать о ней слово, произнести судъ. Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своей способностью рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ. Картины Искандера отличаются не столько вѣрностью рисунка и тонкостью кисти, сколько глубокимъ знаніемъ изображаемой имъ дѣйствительности; онѣ отличаются больше фактической, нежели поэтической истиной, увлекательнымъ слогомъ не столько поэтическимъ, сколько исполненнымъ ума, мысли, юмора и остроумія, — всегда поражающими оригинальностью и новостью. Главная сила таланта Гончарова—всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева. Въ талантѣ Искандера поэзія—агентъ второстепенный, а главный—мысль; въ талантѣ Гончарова поэзія—агентъ первый, главный и единственный...

Несмотря на неудачный или, лучше сказать, на испорченный эпилогъ, романъ Гончарова остается однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ между прочимъ языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся. Разсказъ Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація. Нѣкоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядей и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежатъ къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, неидущаго къ дѣлу; это—не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе. Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ дидактическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести Гончарову, что онъ такъ счастливо рѣшилъ трудную самое по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонера.

Въ героѣ „Обыкновенной Исторіи“ есть чувство деликатности и приличія, но, къ несчастію, онъ привыкъ разсуждать только о любви, дружбѣ и другихъ высокихъ и далекихъ предметахъ, и потому явился

къ дядѣ провинціаломъ съ ногъ до головы. Исполненныя ума и здраваго смысла слова дяди ничего не растолковали ему, а только произвели на него тяжелое, грустное впечатлѣніе и заставили его романтически страдать. Онъ былъ трижды романтикъ—по натурѣ, по воспитанію и по обстоятельствамъ жизни, между тѣмъ какъ и одной изъ этихъ причинъ достаточно, чтобъ сбить съ толку порядочнаго человѣка и заставить его надѣлать тьму глупостей. Нѣкоторые находятъ, что онъ своими вещественными знаками невещественныхъ отношеній и другими черезчуръ ребяческими выходками не совсѣмъ вѣроятенъ, особенно въ наше время. Не споримъ, можетъ-быть въ этомъ замѣчаніи и есть доля правды; да дѣло-то въ томъ, что полное изображеніе характера молодого Адуева надо искать не здѣсь, а въ его любовныхъ похожденіяхъ. Въ нихъ онъ весь, въ нихъ онъ представитель множества людей, похожихъ на него, какъ двѣ капли воды, и дѣйствительно обрѣтающихся въ здѣшнемъ мірѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой не новой, но все еще интересной породѣ, къ которой принадлежитъ этотъ „романтическій звѣрекъ".

Это порода людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ нервической чувствительностью, часто доходящей до болѣзненной раздражительности (susceptibilité). Они рано обнаруживаютъ тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это—наслаждаться внутренней жизнью. Поэтому они очень мечтательны и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ друзей, съ которыми бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя мыслей у нихъ такъ же мало, какъ много ощущеній и чувствъ. Вообще они богато одарены отъ природы душевными способностями, но дѣятельность ихъ способностей чисто страдательная; иные изъ нихъ много понимаютъ, но ни одинъ не способенъ что-нибудь дѣлать, производить; онъ немножко музыкантъ, немножко живописецъ, немножко поэтъ, даже при нуждѣ немножко критикъ и литераторъ, но всѣ эти таланты у него таковы, что онъ не можетъ ими пріобрѣсти не только славы или извѣстности, но даже вырабатывать посредственное содержаніе. Изо всѣхъ умственныхъ способностей въ нихъ сильно развивается воображеніе и фантазія, но не та фантазія, посредствомъ которой поэтъ творитъ, а та фантазія, которая заставляетъ человѣка наслажденіе мечтами о благахъ жизни предпочитать наслажденію дѣйствительными благами жизни. Это они называютъ жить высшей жизнью, недоступной для презрѣнной толпы; „парить горѣ, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу." Отъ природы они очень добры, симпатичны, способны къ великодушнымъ движеніямъ, но какъ фантазія въ нихъ преобладаетъ надъ разсудкомъ и сердцемъ. то они скоро доходятъ до сознательнаго презрѣнія къ „пошлому здравому смыслу—этому, по ихъ мнѣнію, достоинству людей матеріальныхъ грубыхъ и ничтожныхъ, для которыхъ не существуетъ высокаго и прекраснаго"; сердце ихъ, безпрестанно насилуемое въ его инстинктахъ и стремленіяхъ ихъ волей, подъ управленіемъ фантазіи, скоро скудѣетъ любовью, и они дѣлаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замѣчая, а напротивъ того, будучи добросовѣстно убѣждены, что они самые любящіе и самоотверженные люди. Такъ какъ въ дѣтствѣ они удивляли всѣхъ раннимъ и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько же и недостатками, сильное вліяніе надъ своими сверстниками, изъ которыхъ иные были гораздо выше ихъ,—естественно, что они были захвалены съ раннихъ лѣтъ и сами о себѣ возымѣли высокое

понятіе. Природа и безъ того отпустила имъ самолюбія гораздо больше, нежели сколько нужно его для экилибра человѣческой жизни; удивительно ли, что легкіе и мало заслуженные блестящіе успѣхи усиливаютъ у нихъ самолюбіе до невѣроятной степени? Но самолюбіе въ нихъ бываетъ всегда такъ замаскировано, что они добросовѣстно не подозрѣваютъ его въ себѣ, искренно принимаютъ его за геніальное стремленіе къ славѣ, ко всему великому, высокому и прекрасному. Они долго бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ: это—слава, дружба и любовь. Все остальное для нихъ не существуетъ; это, по ихъ мнѣнію, достояніе презрѣнной толпы. Всѣ роды для нихъ равно обольстительны, и сначала они долго колеблятся, какой избрать путь для достиженія славы. Имъ и въ голову не приходитъ, что, кто считаетъ себя ровно способнымъ ко всѣмъ поприщамъ славы, тотъ не способенъ ни къ какому,—что самые великіе люди узнавали о своей геніальности не прежде, какъ сдѣлавши сперва что-нибудь дѣйствительно великое и геніальное, и узнаютъ это не по собственному сознанію, а по одобрительнымъ и восторженнымъ кликамъ толпы. И вотъ манитъ ихъ военная слава, имъ очень бы хотѣлось въ Наполеоны, но только не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобы имъ на первый случай дали подъ команду хоть небольшую, хоть стотысячную армію, чтобы они сейчасъ же могли начинать блестящій рядъ побѣдъ своихъ. Манитъ ихъ и гражданская слава, но не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ прямо махнуть въ министры и сейчасъ же преобразовать государство (у нихъ же всегда готовы въ головѣ превосходные проекты для всякаго рода реформъ; стóитъ только присѣсть да написать). Но какъ зависть людей сдѣлала невозможными такіе геніальные скачки для такихъ геніальныхъ людей, и требуетъ, чтобъ всякій начиналъ свое поприще съ начала, а не съ конца, и на дѣлѣ, а не на словахъ только, доказалъ бы свою геніальность, то наши геніи поневолѣ скоро обращаются къ другимъ путямъ славы. Хватаются они иногда и за науку, но не на-долго: сухая и скучная матерія, надобно много учиться, много работать, и нѣтъ никакой пищи сердцу и фантазіи. Остается искусство; но какое же избрать? Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому генію не даются безъ тяжкаго и продолжительнаго труда, и, чтó всего хуже и обиднѣе для романтиковъ, сначала труда чисто матеріальнаго и механическаго. Остается поэзія—и вотъ они бросаются къ ней со всего размаху и, еще ничего не сдѣлавши, въ мечтахъ своихъ украшаютъ себя огненнымъ ореоломъ поэтической славы.

Въ любви молодого Адуева къ Наденькѣ было столько истиннаго и живого чувства; природа заставила на время молчать его романтизмъ, но не побѣдила его. Онъ могъ бы быть счастливъ надолго, но былъ только на минуту, потому что все самъ испортилъ. Наденька была умнѣе его, а главное попроще и естественнѣе. Капризное, избалованное дитя, она любила его сердцемъ, а не головой, безъ теорій и безъ претензій на геніальность; она видѣла въ любви только ея свѣтлую сторону, и веселую сторону, и потому любила какъ будто шутя—шалила, кокетничала дразнила Адуева своими капризами. Но онъ любилъ „горестно и трудно", весь задыхающійся, весь въ пѣнѣ, словно лошадь, которая тащитъ въ гору тяжелый возъ. Какъ романтикъ, онъ былъ и педантъ: легкость, шутка оскорбляли въ его глазахъ святое и высокое чувство любви. Любя, онъ хотѣлъ быть театральнымъ героемъ. Онъ скоро все переболталъ съ Наденькой о своихъ чувствахъ, пришлось повторить старое, а На-

динька хотѣла, чтобъ онъ занималъ не только ея сердце, но и умъ, потому что она была пылка, впечатлительна, жаждала новаго; все привычное и однообразное скоро наскучало ей. Но къ этому Адуевъ былъ человѣкъ самый неспособный въ мірѣ, потому что собственно его умъ спалъ глубокимъ и непробуднымъ сномъ: считая себя великимъ философомъ, онъ не мыслилъ, а мечталъ, бредилъ на яву. При такихъ отношеніяхъ къ предмету его любви, ему былъ опасенъ всякій соперникъ,—пусть онъ былъ бы хуже его, лишь бы только не походилъ на него и могъ бы имѣть для Надиньки прелесть новости; а тутъ вдругъ является графъ, человѣкъ съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ. Адуевъ, думая повести себя въ отношеніи къ нему истиннымъ героемъ, черезъ это самое повелъ себя какъ глупый, дурно воспитанный мальчишка, и этимъ испортилъ все дѣло. Дядя объяснилъ ему, но поздно и безполезно для него, что во всей этой исторіи былъ виноватъ только одинъ онъ. Какъ жалокъ этотъ несчастный мученикъ своей извращенной и ограниченной натуры въ послѣднемъ его объясненіи съ Надинькой и потомъ въ разговорѣ съ дядей! Страданія его невыносимы; онъ не можетъ не согласиться съ доводами дяди, и между тѣмъ все-таки не можетъ понять дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. Какъ! ему унизиться до такъ называемыхъ хитростей, ему, который затѣмъ и полюбилъ, чтобъ удивить себя и міръ своей громадной страстью, хотя міръ и не думалъ заботиться ни о немъ, ни о его любви! По его теоріи, судьба должна была послать ему такую же великую героиню, какъ онъ самъ, и вмѣсто этого послала легкомысленную дѣвчонку, бездушную кокетку! Надинька, которая была еще недавно въ глазахъ его выше всѣхъ женщинъ, теперь вдругъ стала ниже всѣхъ ихъ! Все это было бы очень смѣшно, если бъ не было такъ грустно. Ложныя причины производятъ такія же мучительныя страданія, какъ и истинныя. Вотъ мало-по-малу онъ перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію и, какъ истинный романтикъ, началъ щеголять и кокетничать „своей нарядной печалью". Прошелъ годъ, и онъ уже презираетъ Надиньку, говоря, что въ ея любви не было нисколько героизма и самоотверженія. На вопросъ тетки: какой любви потребовалъ бы онъ отъ женщины? онъ отвѣчалъ: „я бы потребовалъ отъ нея первенства въ ея сердцѣ; любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ меня; всѣ они должны казаться ей невыносимы; я одинъ выше, прекраснѣе (тутъ онъ выпрямился), лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не со мной, для нея потерянный мигъ; въ моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другого; для меня она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, разсчетами, свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишенія, наконецъ презрѣть самую смерть—вотъ любовь!"

Какъ эта галиматья похожа на слова восточнаго деспота, который говоритъ своему главному евнуху: „если одна изъ моихъ одалисокъ проговоритъ во снѣ мужское имя, которое будетъ не моимъ,—сейчасъ же въ мѣшокъ и въ море!" Бѣдный мечтатель увѣренъ, что въ его словахъ выразилась страсть, къ которой способны только полубоги, а не простые смертные, и между тѣмъ тутъ выразились только самое необузданное самолюбіе и самый отвратительный эгоизмъ. Ему нужно не любовницу, а рабу, которую онъ могъ бы безнаказанно мучить капризами своего эгоизма и самолюбія. Прежде, чѣмъ требовать такой любви отъ жен-

щины, ему слѣдовало бы спросить себя, способенъ ли самъ заплатить такой же любовью; чувство увѣряло его, что способенъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить ни чувству, ни уму, а только опыту; но для романтиковъ чувство есть единственный непогрѣшительный авторитетъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни. Но если бы онъ и былъ способенъ къ такой любви, это бы должно было быть для него причиной бояться любви и бѣжать отъ нея, потому что это любовь не человѣческая, а звѣриная, взаимное терзаніе другъ друга. Любовь требуетъ свободы: отдаваясь другъ другу по временамъ, любящіеся по временамъ хотятъ принадлежать и самимъ себѣ. Адуевъ требуетъ любви вѣчной, не понимая того, что чѣмъ любовь живѣе, страстнѣе, чѣмъ ближе подходитъ подъ любимый идеалъ поэтовъ, тѣмъ она кратковременнѣе, тѣмъ скорѣе охлаждается и переходитъ въ равнодушіе, а иногда и въ отвращеніе. И наоборотъ, чѣмъ любовь спокойнѣе и тише, т. е. чѣмъ прозаичнѣе, тѣмъ продолжительнѣе: привычка скрѣпляетъ ее на всю жизнь. Поэтическая, страстная любовь—это цвѣтъ нашей жизни, нашей молодости; ее испытываютъ рѣдкіе, и только одинъ разъ въ жизни, хотя послѣ иные любятъ и еще нѣсколько разъ, да уже не такъ, потому что, какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ, „май жизни цвѣтетъ только разъ.“ Шекспиръ не даромъ заставилъ умереть Ромео и Юлію въ концѣ своей трагедіи: черезъ это они остаются въ памяти читателя героями любви, ея апоѳеозой; оставь же онъ ихъ въ живыхъ, они представлялись бы намъ счастливыми супругами, которые, сидя вмѣстѣ, зѣваютъ, а иногда и ссорятся, въ чемъ вовсе нѣтъ поэзіи.

Петръ Ивановичъ, дядя Адуева, введенъ въ романъ не самъ для себя, а для того, чтобы своей противоположностью съ героемъ романа лучше оттѣнить его. Это набросило на весь романъ нѣсколько дидактическій оттѣнокъ, въ чемъ многіе не безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Иванычъ—не абстрактная идея, живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью смѣлой, широкой и вѣрной. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это—люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это—мечтатели. Петръ Иванычъ по своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ—эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ, чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своей натурой и здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно вѣрными. Дѣйствительно, мантія его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его

отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, доживъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху—правда, одну только, но зато какую широкую. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи,—и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвой его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ.

Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла! Видно, человѣку нужно и еще чего-нибудь немножко, кромѣ здраваго смысла! Видно, на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба. Видно, и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастье, которое только насъ можетъ удовлетворить, но всякій человѣкъ можетъ быть счастливымъ только сообразно съ собственной натурой! Петръ Иванычъ хитро и тонко разсчелъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ разсчетѣ одну важную ошибку: при всемъ своемъ умѣ онъ не сообразилъ, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствія, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую. Но на такой онъ можетъ-быть не захотѣлъ бы жениться, по самолюбію; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало вовсе не жениться.

Петръ Иванычъ **выдержанъ** отъ начала до конца съ удивительной вѣрностью; но героя романа мы не узнаемъ въ эпилогѣ: это лицо вовсе фальшивое, неестественное. Такое перерожденіе для него было бы возможно только тогда, если бъ онъ былъ обыкновенный болтунъ и фразеръ, который повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ, наклепываетъ на себя чувства, восторги и страданія, которыхъ никогда не испытывалъ; но молодой Адуевъ, къ его несчастью, часто бывалъ слишкомъ искрененъ въ своихъ заблужденіяхъ и нелѣпостяхъ. Его романтизмъ былъ въ его натурѣ; такіе романтики никогда не дѣлаются положительными людьми. Авторъ имѣлъ бы скорѣе право заставить своего героя заглохнуть въ деревенской дичи въ апатіи и лѣни, нежели заставить его выгодно служить въ Петербургѣ и жениться на большомъ приданомъ. Еще бы лучше и естественнѣе было бы ему сдѣлать его напр. славянофиломъ. Тутъ Адуевъ остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь и между тѣмъ думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы мечтать о народахъ и племенахъ,— **о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ—вражда,—о томъ, что во времена Гостомысла славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію, что современная Россія быстро идетъ къ этой цивилизаціи, что этого не видятъ только слѣпые и ожесточенные разсудкомъ, а всѣ зрячіе и размягченные фантазіей давно это ясно видятъ.** Тогда бы герой былъ вполнѣ современнымъ романтикомъ, и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ.

1835.

I.

Къ Н. С. Селивановскому [1]).

1. 1835 г. Октября 27 дня.

Николай Семеновичъ!

Находясь въ совершенной крайности, до какой только можетъ эйти нерасчетливый человѣкъ, я рѣшаюсь попытаться своего счастія коло васъ. Коротко и ясно: не можете ли вы ссудить меня довольно начительною суммою на довольно значительный срокъ? Толко вслѣд-віе того инстинктуальнаго чувства, которое заставляетъ ограничивать роcьбу изъ боязни отказа, прошу у васъ не менѣе *трехъ сотъ* рублей— не менѣе, какъ на *пять* мѣсяцевъ. Если вы будете имѣть столько ликодушія или столько безразсудности, чтобы повѣрить такую сумму ловѣку, для котораго такая сумма хотя еще и не Богъ знаетъ что, котораго всѣ источники заключаются въ трудѣ и потѣ лица, и тораго *завтра* также не надежно, какъ московская погода,—то друже-ое спасибо вамъ. Если же, по какимъ бы то ни было причинамъ, вы захотите или не будете въ состояніи исполнить моей просьбы, то ркните, на этой же запискѣ, короткое *нѣтъ*. Вашъ отказъ ни мало не еньшитъ моего къ вамъ уваженія и расположенія, ибо я думаю, что якій человѣкъ имѣетъ полное право быть господиномъ своихъ денегъ, кь и господиномъ своихъ поступковъ, да притомъ же мои съ вами ношенія еще не такъ тѣсны, чтобы я имѣлъ право требовать отъ съ подобныхъ одолженій и сердиться на васъ въ случаѣ отказа. Въ комъ случаѣ прошу объ одномъ: не напоминать мнѣ объ этомъ дѣлѣ словомъ, ни взглядомъ; я буду умѣть уважать ваши причины, не ая ихъ, умѣйте же и вы пощадить мое чувство, которое, вѣрно, вамъ детъ понятно. Я вчера разъ десять заикался заговорить объ этомъ, рѣшился писать, потому что epistolia non rubescit, а я всегда (за-ркнуто: „красн.") имѣлъ дурную привычку краснѣть, когда просилъ какомъ-нибудь одолженіи даже своего отца. Итакъ—короткое и *не-дленное* да или нѣтъ? и чтобъ и въ томъ и другомъ случаѣ о дѣлѣ было помину.

Вашъ Бѣлинскій [2]).

(Ниже приписано красными чернилами и другою рукою:
„октября 27 дано
250 р. ас.").

---

[1]) „Помощь голодающимъ" Научно литературный сборникъ 1892 г. Сообщилъ съ примѣчаніями Г. А. Джаншіеву.

[2]) Приведенное письмо написано на листкѣ (о двухъ страницахъ) малаго чтоваго формата, довольно грубаго качества и нѣсколько рыжеватыми чер-лами. Возвращеніе этого письма къ Бѣлинскому указываетъ, повидимому, на от-чу долга.—Н. С. Селивановскій, сынъ извѣстнаго московскаго типографа, былъ, словамъ А. Н. Пыпина, человѣкъ университетскаго образованія и съ достаточ-ми средствами, имѣлъ литературные вкусы и любилъ собирать у себя представи-лей московской литературы.

1837—1843.

II.

Къ А. А. Краевскому [1]).

2.

1837. Генваря 14 дня.

Милостивый государь
Андрей Александровичъ!

Благодарю васъ за лестное ваше ко мнѣ вниманіе, которое в[ы] оказали мнѣ приглашеніемъ меня участвовать въ вашемъ журналѣ. С всею охотою готовъ вамъ помогать въ изданіи и принять на свою отвѣтственность разборы всѣхъ литературныхъ произведеній; только почита[ю] долгомъ объясниться съ вами насчетъ одного пункта, очень для ме[ня] важнаго, чтобъ послѣ между мною и вами не могло быть никаких[ъ] недоразумѣній, а слѣдовательно, и неудовольствій. Я отъ души готов[ъ] принять участіе во всякомъ благородномъ предпріятіи и содѣйствоват[ь], сколько позволяютъ мнѣ мои слабыя силы, успѣхамъ отечественно[й] литературы; но я желаю сохранить вполнѣ свободу моихъ мнѣній и н[и] за что въ свѣтѣ не рѣшусь стѣснять себя какими бы то ни было ли[ч]ными или житейскими отношенія(ми). Поэтому, я готовъ, по вашем[у] совѣту, дѣлать всевозможныя измѣненія въ моихъ статьяхъ, когда дѣ[ло] будетъ касаться до безопасности вашего изданія со стороны цензур[ы]; но что касается до авторитетовъ и разныхъ личныхъ отношеній к[ъ] литераторамъ, участвующимъ дѣломъ или желаніемъ въ вашемъ журнал[ѣ], то я думаю и увѣренъ, что я въ этомъ отношеніи останусь совершен[но] свободенъ. Но такъ какъ у васъ участвуютъ нѣкоторые литератор[ы], какъ-то князь Вяземскій, баронъ Розенъ и Викторъ Тепляковъ, о кот[о]рыхъ я по совѣсти не могу напечатать добраго слова и вообще не мо[гу] говорить умѣренно и хладнокровно, то буду стараться совсѣмъ не гов[о]рить о нихъ, а если бы вышло какое-нибудь сочиненіе или собран[іе] сочиненій кого-нибудь изъ нихъ, то также почту себя вправѣ или гов[о]рить, что̀ думаю, или совсѣмъ ничего не говорить. Если же случит[ся] такая статья, гдѣ мнѣ нельзя будетъ не упоминать о комъ-нибудь из[ъ] нихъ, а вамъ нельзя будетъ напечатать моего упоминовенія, то я бер[у] ее назадъ и имѣю право помѣстить въ какомъ-нибудь другомъ журнал[ѣ], хотя бы то было (чего избави Боже!) въ С(ѣверной) Пчелѣ. Это главное; о матеріальныхъ условіяхъ г. Невѣровъ обѣщалъ мнѣ переговорить с[ъ] вами. Всѣ статьи, которыя бы не касались критики, но которыя могли б[ы] помѣститься въ вашемъ листкѣ, я со всѣмъ удовольствіемъ отдаю вам[ъ] безъ всякихъ особенныхъ условій и вообще буду дѣйствовать не как[ъ] работникъ по найму, а какъ человѣкъ, принимающій живѣйшее участі[е] въ журналѣ, въ которомъ онъ участвуетъ. Если меня пригласятъ в[ъ] Э(нциклопедическій) Словарь, то готовъ стараться и взялъ б[ы] на себя статьи о дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ лицахъ русско[й] литературы, съ полною увѣренностію, что въ этомъ могъ бы быт[ь] полезенъ, по крайней мѣрѣ, болѣе Греча, который въ статейкѣ об[ъ] Ломоносовѣ показалъ образчикъ своего критицизма; также и о других[ъ] литературныхъ предметахъ могъ бы взяться писать. Но Э(нциклопедическій) Словарь—статья особая отъ Лит(ературныхъ) Пр(ибавленій)

---

[1]) „Отчетъ Императорской публичной библіотеки“ 1889 г.

:сли я тамъ нуженъ, то готовъ; если нѣтъ—напрашиваться не буду. 'словія г. Плюшара я почитаю для себя довольно выгодными; а о моихъ нъ можетъ узнать подробнѣе отъ Январія Михайловича [1]. Посылаю амъ статейку—не знаю, какъ вамъ покажется: писалъ кое-какъ, наскоро. :сли я вашъ сотрудникъ, то погодите писать о Булгаринѣ (онъ, кажется, здалъ еще нѣсколько частей своихъ твореній): это моя законная пожива. Iе замедлите вашимъ отвѣтомъ. Такъ какъ я, по обстоятельствамъ, южетъ-быть, не буду въ состояніи выѣхать изъ Москвы раньше полоины или даже конца февраля, то назначьте книги для разборовъ: я ли перешлю къ вамъ эти разборы, или привезу, чтобъ прибыть къ амъ не съ пустыми руками и чтобъ время даромъ не шло. 22 генваря удутъ давать въ Москвѣ Гамлета, переведеннаго Полевымъ: если представленіе, въ какомъ бы то ни было отношеніи, будетъ примѣчательно, о напишу объ немъ къ вамъ письмо для помѣщенія въ журналѣ. Давно е писалъ, руки чешутся и статей въ головѣ много шевелится, такъ что адъ ко всему привязаться, чтобъ только поговорить печатно. Извините а нескладицу моего письма: ужъ два часа ночи, спать хочется, а Неѣровъ ѣдетъ завтра. Въ ожиданіи скораго отвѣта, честь имѣю остаться ашимъ, милостивый государь, готовымъ къ услугамъ

Виссаріонъ Бѣлинскій.

Адресъ мой: Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому, на Петровкѣ, ь Рахмановскомъ переулкѣ, въ домѣ князя Касаткина-Ростовскаго, № 22.

---

3 [2]).

4 февраля 1837. Москва.

Милостивый государь
Андрей Александровичъ!

Если вамъ угодно имѣть меня своимъ сотрудникомъ, то это мое исьмо должно рѣшительно опредѣлить мои отношенія къ вашему журалу. Я готовъ со всею охотою писать вамъ за объявленную мнѣ вами лату, и такъ вотъ вамъ мои условія:

1) Я никакъ не могу согласиться не подписывать своего имени, ли не означать моихъ статей какою бы то ни было фирмою,—нолемъ, етомъ или чѣмъ вамъ угодно,—потому что, не любя присвоивать себѣ ичего чужого, ни худога, ни хорошаго, я не уступаю никому моихъ нѣній, справедливы или ложны они, хорошо или дурно изложены. [ругое дѣло, если бы я исключительно завѣдывалъ у васъ литературою критикою такъ, какъ Н. И. Надеждинъ философическою; но это евозможно при значительной разности нашихъ мнѣній касательно достоинства многихъ русскихъ литераторовъ. Если вы можете согласиться а это условіе, въ такомъ случаѣ,

2) Я пишу вамъ рецензіи на всѣ петербургскія и московскія литеатурныя произведенія, во мнѣніи о которыхъ у насъ не можетъ быть азности, и въ этомъ случаѣ я никогда не ошибусь и безъ всякой редварительной переписки съ вами. Осуждая же меня на управу съ одними осковскими издѣліями, вы осуждаете меня на рѣшительное бездѣйствіе, отому что въ Москвѣ выходитъ бездна книгъ, но какихъ?—о какихъ

---

[1]) Невѣрова.
[2]) Выдержка изъ этого письма помѣщена въ сочиненіи А. Н. Пыпина: „Бѣлинкій, его жизнь и переписка". С.Пб. 1876 г., т. 1, стр. 276.

и нечего, и стыдно много толковать, какія вы сами хотите проходит презрительнымъ молчаніемъ, въ чемъ я съ вами почти согласенъ. Книгъ примѣчательныхъ въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ, въ Москвѣ еще менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Если вамъ угодно будетъ принять мои условія, я въ скоромъ времени пришлю вамъ разборы: Гамлета, переводъ Полевого, и одной нелѣпой трагедіи, которая на-дняхъ должна выйти одного нелѣпаго человѣка—Ивельева, что Великопольскій, авторъ Сатиры на игроковъ. Трагедь издана очень красиво, съ большими затѣями, а написана еще съ большею бездарностію.

Если же вамъ не угодно будетъ принять моего условія насчетъ подписки моихъ статей или именемъ, или какимъ-нибудь значкомъ, въ такомъ случаѣ мое рецензентство у васъ кончено, и я буду вамъ присылать (если вамъ это будетъ пріятно) такія статьи, подъ которыми можно будетъ подписывать имя, не нарушая условій программы.

Еще одно: если я буду вашимъ рецензентомъ, я готовъ преслѣдовать, при каждомъ удобномъ случаѣ, Сенк(овскаго), Греча и Булг(арина), но только какъ людей вредныхъ для успѣховъ образованія нашего отечества, а не какъ литературную партію; короче, такъ, какъ я преслѣдовалъ въ Телескопѣ и Молвѣ г-дъ наблюдателей, которыхъ ненавижу и презираю отъ всей души, какъ людей ограниченныхъ и недобросовѣстныхъ. Впрочемъ, подъ словомъ людей я разумѣю не людей собственно, а литераторовъ, и хотя держусь правила

По моему такъ пей,
Да дѣло разумѣй;

но уважаю и это извиненіе—

Они немного и дерутъ,
За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ.

Впрочемъ, это мое мнѣніе, которое важно только для меня и, кромѣ людей, о которыхъ я тутъ говорю, никого оскорбить не можетъ.

Вскорѣ пришлю вамъ статью о Гамлетѣ на московской сценѣ: ее вы можете помѣстить всю отъ слова до слова. Предметъ ея очень любопытенъ: мы видѣли чудо—Мочалова въ роли Гамлета, которую онъ выполнилъ превосходно. Публика была въ восторгѣ: два раза театръ былъ полонъ, и послѣ каждаго представленія Мочаловъ былъ вызываемъ по два раза.

Насчетъ моего переѣзда въ Петербургъ я очень сомнѣваюсь, даже и въ такомъ случаѣ, если бы мы сошлись совершенно на всѣхъ спорныхъ пунктахъ касательно мнѣній, потому что,—извините мою откровенность,—судя по первымъ №№ Лит(ературныхъ) Прибавленій и по впечатлѣнію, которое они произвели на Москву, г-ну Плюшару нельзя ожидать и тысячи подписчиковъ. Въ журналѣ главное дѣло направленіе, а направленіе вашего журнала можетъ быть совершенно справедливо, но публика требуетъ совсѣмъ не того, и мнѣ очень прискорбно видѣть, что Библіотекѣ опять оставляется широкое раздолье, что эта литературная чума, зловонная зараза еще съ большею силою будетъ распространяться по Россіи. И мнѣ кажется, что я совершенно понимаю причину ея успѣха.

Благодарю васъ за ваше обо мнѣ стараніе насчетъ Энц(иклопедическаго) Лексикона. Чрезвычайно бы одолжили вы меня, если бы сказали г. редактору о моемъ желаніи какъ можно скорѣе имѣть слова, на которыя я долженъ писать. Кромѣ того, что я имѣлъ бы болѣе времени подумать, справиться, обработать, словомъ, сдѣлать свое дѣло какъ можно лучше, добросовѣстнѣе — и мои внѣшнія обстоятельства громко требуютъ

какой-нибудь опоры; не говорю уже о необходимости высказываться и дѣлать. Вы не можете себѣ представить, что такое Москва: въ ней негдѣ строки помѣстить и нельзя копѣйки выработать перомъ.

Теперь о моей рецензіи на книгу Мухина. Говоря о томъ, что посредственность печатается у Семена, я не думалъ этимъ сдѣлать ни малѣйшаго намека на Наблюдателя; впрочемъ, это выраженіе—такая малость, что я не былъ на васъ въ претензіи и тогда, если бы вы вычеркнули его безъ моего вѣдома. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ переписываться о такихъ мелочахъ, то для васъ и вашего журнала игра свѣчъ не будетъ стоить. Что же касается до моего мнѣнія насчетъ повѣстей Н. Ф. Павлова,—это другое дѣло. Я могу смягчить выраженіе: **самые проблески чувства замираютъ подъ лоскомъ щегольской отдѣлки, а блестящая фраза отзывается трудомъ и изысканностію**, такъ: **самые проблески чувства какъ-будто ослаблены излишнимъ стараніемъ объ изящной отдѣлкѣ, а блестящій слогъ отзывается какъ-то трудомъ и изысканностію**; остальное же все должно остаться безъ перемѣны, или бросьте всю статью въ огонь. Впрочемъ, я не понимаю, почему вамъ не помѣстить ее: вѣдь вы допускаете же чужія мнѣнія, противорѣчащія вашимъ, и вы сами писали ко мнѣ, что для васъ всякое честное убѣжденіе свято. Кромѣ того, вы можете сдѣлать примѣчаніе, выноску, гдѣ скажете, что вы несогласны съ этимъ мнѣніемъ. Во всякомъ случаѣ, я нисколько не почту себя обиженнымъ, если моя статья будетъ брошена подъ столъ: дорожа своими мнѣніями, я умѣю уважать и чужія, и вы будете совершенно правы, поступивъ, какъ велитъ вамъ ваше убѣжденіе.

Вотъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, мои послѣднія условія и объясненія. Мы можемъ не сойтись и въ то же время взаимно уважить причины одинъ другого. Извините меня, можетъ быть, за излишнюю рѣзкость въ словахъ: я не умѣю объясниться тонко и вообще не мастеръ писать письма. Мнѣ будетъ очень грустно, если вашъ отвѣтъ покажетъ мнѣ, что я не сотрудникъ вашего журнала, потому что Богъ наказалъ меня самою задорною охотою высказывать свои мнѣнія о литературныхъ явленіяхъ и вопросахъ, да и внѣшнія мои обстоятельства очень плохи во всѣхъ отношеніяхъ..., но, по моему мнѣнію, не только лучше молчать и нуждаться, но даже и сгинуть со свѣту, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убѣжденіе.

Бѣдный Пушкинъ! вотъ чѣмъ кончилось его поприще! Смерть Ленскаго въ Онѣгинѣ была пророчествомъ. Какъ не хотѣлось вѣрить, что онъ раненъ смертельно, но Пчела увѣрила всѣхъ. Одинъ истинный поэтъ былъ на Руси, и тотъ не совершилъ вполнѣ своего призванія. Худо понимали его при жизни, поймутъ ли теперь?..

Прошу васъ отвѣчать мнѣ скорѣе; я съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего письма. Оно рѣшитъ—приняться ли мнѣ снова за работу, или замолчать совсѣмъ до времени. Хоть это и въ смѣшномъ родѣ, но для меня похоже немного на Гамлетовское „Быть или не быть?“ Да, грустно молчать, когда хочется говорить и иногда есть что сказать! Прошу васъ поклониться Невѣрову, если увидитесь съ нимъ.

Имѣю честь остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Виссаріонъ Бѣлинскій.

При семъ прилагаю статейку о Романахъ и повѣстяхъ Нарѣжнаго.

4 [1]).

Москва. 1839, іюля 5 дня.

Милостивый государь

Андрей Александровичъ!

Благодарю васъ за расположеніе, съ которымъ вы принимаете мо предложеніе трудиться для вашихъ журналовъ. Теперь отъ васъ самих зависитъ назначить мнѣ работу кромѣ той, на которую я самъ вызвался За мною статья о Менцелѣ и—если вамъ будетъ угодно—о „Горѣ от Ума"; нынѣшній день оканчиваю довольно обширное „похвальное слово" другу моему Николаю Алексѣевичу Полевому. Не нужно ли вамъ чего по части библіографіи,—въ такомъ случаѣ распорядитесь, чтобы мнѣ были доставлены книги—вотъ и все. Что касается до платы за статьи, то не нужно никакихъ особенныхъ условій, и я предоставляю этотъ пунктъ на ваше рѣшеніе, въ полной увѣренности, что вы не поставите меня ниже другихъ, но будете руководствоваться однажды принятыми вами правилами по этому предмету. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я желалъ бы вринять подѣятельнѣе участіе въ Лит(ературныхъ) Приб(авленіяхъ), чтобы способствовать ихъ оживленію, а теперь готовъ дѣлать, что можно дѣлать, находясь въ Москвѣ. Что касается до О(течественныхъ) З(аписокъ), то они могутъ желать участія всѣхъ порядочныхъ литераторовъ, но не нуждаются ни въ чьей помощи. Право, мнѣ кажется, они были бы еще сильнѣе, если бы легкая-то кавалерія лучше имъ служила. Ужъ я бы похлопоталъ для легкой-то кавалеріи, по пріѣздѣ въ Петербургъ! По крайней мѣрѣ я снабжалъ бы ихъ преогромною библіографіею и преизобильною полемикою. Сверхъ того, я могъ бы быть вамъ полезнымъ и со стороны черновой работы—корректуры, прочтенія рукописныхъ статей и пр. Но все это въ Петербургѣ, а пока давайте такой работы, какою можно заняться въ Москвѣ.

Примите мое искреннее увѣреніе, что будете имѣть во мнѣ не работника, но самаго усерднаго участника, душою и сердцемъ преданнаго вашимъ журналамъ и не отдѣляющаго отъ ихъ интересовъ своихъ.

Готовый къ услугамъ вашимъ

Виссаріонъ Бѣлинскій.

5.

Москва. 1839. Августа 19 д

Милостивый государь

Андрей Александровичъ!

Благодарю васъ за ваше обязательное, милое письмо и спѣ отвѣтить на него. Не смѣйтесь надъ моимъ „спѣшу": я былъ оч боленъ и только недавно выздоровѣлъ. Меня постигла самая поносн болѣзнь, въ которой были и кровь, и спазмы или судороги, и слизь стоны, словомъ, самое богатое содержаніе для повѣсти Каменска

[1]) Объ этомъ письмѣ говорится въ сочиненіи А. Н. Пыпина: Бѣлинскій, жизнь и переписка. Спб. 1876, т. 1, стр. 275.

Теперь я оправился; но болѣзнь задержала мои работы. Насчетъ статьи о Менцелѣ я съ вами совершенно согласенъ: критикой она быть не можетъ, а должна идти въ отдѣленіе наукъ—я такъ и сдѣлаю. Что касается до статьи о „Горѣ отъ Ума"—въ головѣ она у меня вся готова, но вотъ бѣда—нигдѣ не могу найти книги, равно какъ и Алексѣй Дмитріевичъ [1]). Вы не можете себѣ представить, какъ мы бѣдны средствами. У васъ въ Питерѣ есть духъ общительности, и книгопродавецъ съ литераторомъ какъ-то связаны: у насъ все развязано и все косо смотритъ другъ на друга. Хотѣлъ уже купить, но благодаря быстрому обращенію нашей книжной торговли „Горе отъ Ума", которое уже больше мѣсяца какъ вышло въ Петербургѣ, у насъ еще нѣтъ, а я ходилъ и къ Смирдину. Теперь я ѣду на дачу къ Щепкинымъ, чтобы на свободѣ кончить о Менцелѣ, написать о „Горѣ отъ Ума", раздѣлаться съ Галатеею, написать для г. Владиславлева о „Каменномъ Гостѣ" (кстати, увѣдомьте меня о послѣднемъ срокѣ доставленія этой статьи) и покончить другія не столь важныя дѣла. Къ 15 сентября увѣренъ, что покончу все это.

О(течественныя) З(аписки) и Л(итературныя) П(рибавленія)—наше общее дѣло: отнынѣ я ихъ и душою и тѣломъ, ихъ интересы—мои интересы. По пріѣздѣ въ Питеръ докажу вамъ это на дѣлѣ. Пріѣду я съ Панаевымъ (отъ котораго недавно получилъ изъ Казани письмо—обѣщается быть въ Москву къ концу сентября, пробудетъ въ Москвѣ еще съ мѣсяцъ, а тамъ мы и къ вамъ).

Статья Каткова прекрасна по содержанію и не совсѣмъ удовлетворительна по формѣ: онъ въ ней похожъ на одного изъ тѣхъ богатырей, осиленныхъ и заброшенныхъ собственною силою, о которыхъ онъ говоритъ въ своей статьѣ. Словомъ, его статьѣ недостаетъ прозрачности; много повтореній и растянутостей; но содержаніе такъ богато, такъ сочно, мѣстъ поэтическихъ такъ много, что статья все-таки прекрасна, несмотря на всѣ недостатки. Панъ Халявскій для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнитъ. Это не творчество, а штучная работа, сборъ анекдотовъ, словомъ, возведеніе идеи малороссійской жизни до идеала, если подъ идеаломъ должно разумѣть, вмѣстѣ съ французами, собраніе воедино всѣхъ чертъ, разсѣянныхъ въ природѣ и относящихся къ одному предмету. Впрочемъ, для журнала „Халявскій"—кладъ: онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ творческія произведенія Гоголя.

Бога ради, Андрей Александровичъ, какими судьбами попала въ О(течественныя) З(аписки) гнусная статья пошляка, педанта и школяра Давыдова? Помилуйте, если журналъ—поле, то онъ удобряется хорошимъ, а не навозомъ ослинымъ, какъ обыкновенныя поля. Извините за откровенность, но во мнѣ кровь заговорила. О(течественныя) З(аписки) журналъ теперь единственный въ Россіи по внутреннему достоинству: зачѣмъ же пятнать его такими нечистотами.

Что моя статья о Полевомъ? Боюсь, что не пропущена. Благодарю васъ за перепечатку моей ст(атьи) изъ Набл(юдателя): еще въ первый разъ меня будетъ читать большая публика.

Прошу васъ поклониться отъ меня Бакунину, съ которымъ вы вѣрно уже познакомились. Также и Межевичу мой поклонъ, хоть я и сердитъ на него за Лит(ературныя) Пр(ибавленія).

---

[1]) Галаховъ.

Прощайте, Андрей Александровичъ. Желаю вамъ не охладѣвать въ усердіи къ журналу и работать, какъ вы всегда работаете, а для того, да подастъ вамъ Богъ терпѣнія и добраго здоровья.

Вашъ В. Бѣлинскій.

6.

Москва. 1839. Августа 24 дня.

Милостивый государь
Андрей Александровичъ!

Посылаю вамъ тетрадь рецензій и прошу васъ обратить вниманіе на первую рецензію о рѣчахъ университетскихъ: я писалъ ее съ задоромъ. Прошу васъ, напечатайте въ Л(итературныхъ) П(рибавленіяхъ) литературное извѣстіе, что въ Москвѣ составилось общество для изданія „Библіотеки Романовъ", не имѣющей ничего общаго съ Глазуновскою. Сперва будутъ переведены (съ англійскаго) Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ, отъ перваго романа до послѣдняго, всѣ—и переведенные, и не переведенные; Гофманъ весь (съ нѣмецкаго), словомъ, все, что найдется истинно художественнаго у англичанъ и нѣмцевъ, и истинно хорошаго у французовъ. Главные переводчики (это извѣстіе не для печати, а для васъ) — Катковъ и Кетчеръ. У послѣдняго уже готовы два романа Купера, а первый принимается за „Степи". Печатать берется на свой счетъ одинъ богатый человѣкъ (г. Высотскій). Если предпріяте будетъ неудачно, переводчики рискуютъ ничего не получить за большой и тяжкій трудъ; согласитесь, что только въ Москвѣ возможно такое безкорыстіе. Пожалуйста возвѣстите о немъ погромче и попышнѣе, чтобы расшевелить вниманіе публики, и накричать, натвердить ей, что это предпріятіе (какъ оно и въ самомъ дѣлѣ) великое, полезное, и пр. и пр.

Теперь перелистываю 8 № О(течественныхъ) З(аписокъ). Повѣсти Корфа боюсь, а прочту. Стихотвореніе Лермонтова „Три Пальмы" чудесно, божественно. Боже мой! Какой роскошный талантъ! Право, въ немъ таится что-то великое. Переводъ Аксакова изъ „Фауста" на этотъ разъ прекрасенъ. Пѣсни народныя интересны. Соврем(енная) библіогр(афія), хроника вся, отъ первой до послѣдней страницы, жива и интересна. Ученыя и по части искуствъ статьи, смѣсь—все это возбуждаетъ живѣйшее любопытство однимъ уже оглавленіемъ. Славный №! Славный вашъ журналъ, дай ему Богъ здоровья! 8 № О(течественныхъ) З(аписокъ) и № 6 С(ына) О(течества)—Боже мой, какая чудовищная разница!

Съ удовольствіемъ пересмотрѣлъ мои статейки въ Л(итературныхъ) П(рибавленіяхъ) и О(течественныхъ) З(апискахъ). Небольшія измѣненія, сдѣланныя вами въ нихъ, очень хороши, и я вполнѣ доволенъ ими. Вообще я все больше и больше убѣждаюсь, что мы съ вами поладимъ какъ нельзя лучше.

Что вы раздумали къ намъ въ Бѣлокаменную? А мы было васъ ждали, ждали, ждали. Богъ съ вами!

Скажите Межевичу спасибо за его письмецо ко мнѣ—буду отвѣчать ему, какъ только удосужусь.

Заключаю мое посланіе просьбою къ вамъ, которая, можетъ быть, покажется вамъ странною. Доставитель моей тетради и этого письма—наборщикъ изъ типографіи Степанова, прибывшій къ вамъ въ Питеръ

:ать счастія, котораго для художниковъ, какъ и для литерато-
зъ въ Москвѣ нѣтъ. Вы коротко знакомы съ Гуттенберговою типо-
ıфіею, почему и рѣшаюсь утруждать васъ моею покорнѣйшею просьбою—
мочь сему юношѣ опредѣлиться въ оную на выгодныхъ дня него
ловіяхъ, для чего, я думаю, достаточно одной вашей рекомендаціи,
ього слова, и чѣмъ вы меня премного обяжете. А я ручаюсь вамъ
него какъ за человѣка, отлично знающаго свое дѣло, усерднаго,
ялежнаго и притомъ прекраснаго поведенія. Я отъ души желаю ему
ıстія: онъ добрый малый, а сверхъ того онъ окрестилъ меня въ печать,
бирая мои „Литературныя мечтанія"; да и конкретно-прекрасно-
шныя статьи онъ же набиралъ. Прошу о немъ и Межевича, да
ıьметъ онъ его подъ свое покровительство. Сдѣлайте милость—
клопочите.

Трепещу за участь моей статьи о Полевомъ. Я писалъ ее долго и задоромъ; одна переписка замучила меня: досадно будетъ, если не эпустятъ или слишкомъ исказятъ. Увѣдомьте меня (или попросите ѣлать это Межевича) тотчасъ о ея судьбѣ.

Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

„Горя отъ Ума" все еще нѣтъ въ Москвѣ. Бога ради пришлите ѣ его, черезъ А. Д. Галахова, въ счетъ платы за статьи: я уже шился купить его.

---

7 [1]). 8 іюля 1843. Москва.

Увѣдомлять мнѣ васъ о моемъ рѣшеніи нечего: оно принято, и я дняхъ же принимаюсь кое за какія работы, хотя и не знаю, будетъ ли ъ этого какой толкъ. Дѣлать (т. е. писать статьи) я рѣшительно не ıгу потому, что для этого нужно сколько-нибудь спокойствія (внѣшняго), юбы внутри не скребли кошки. Съ библіографіею возиться—пожалуй. олько въ такомъ случаѣ (т. е. если денегъ (1727 р.) вы рѣшительно ıстать скоро будете не въ состояніи) намъ будетъ нужно перерядиться ıатою, ибо какъ я меньше буду работать, то мнѣ меньше надо будетъ получать отъ васъ. И потому прошу васъ объ одномъ: какъ скоро ıши надежды на заемъ рушатся, тотчасъ же увѣдомьте. Что до вашихъ 52 р., то конечно безъ нихъ мнѣ нельзя будетъ переѣхать на новую зартиру. Отъ старой я боленъ—давлюсь кашлемъ, исхожу мокротою, бо и съ чаемъ и со щами ѣмъ аллебастровую пыль. Какое дѣйствіе роизвела на меня очевидность не получить нужной мнѣ суммы, о которой вамъ писалъ,—не говорю: это спокойствіе отчаянія. Я васъ не виню, э все-таки думаю, что если бъ вы со мною съ первымъ раздѣлались це въ январѣ—это было бы съ вашей стороны великодушно, а для еня хорошо. Въ числѣ кредиторовъ, которые можетъ быть и дѣйстви-:льно были важнѣе меня, вѣроятно были люди, для которыхъ вексель а три тысячи имѣлъ бы какое-нибудь значеніе, тогда какъ для меня го бумага, годная только для извѣстнаго употребленія, почему у насъ ъ вами о ней не можетъ быть и рѣчи. Впрочемъ, это только мои догадки, оторыя, по моему незнанію дѣлъ этого рода, можетъ быть и нелѣпы.

---

[1]) Письмо писано въ мартѣ 1841 года. Рецензія на „Душеньку" помѣщена въ ɪрѣльской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ за 1841 годъ, т. XVI, отд. VI, стр. 1.

Какъ бы то ни было, но я теперь въ такомъ положеніи, о которомъ лучше думать съ самимъ собою, а другимъ нечего говорить.

Посылаю вамъ рецензію на Душеньку. Все остальное нынче пришлю.

В. Б.

8. Москва. 1843, іюня 26.

Вы не совсѣмъ понимаете меня, Краевскій. Я отказываюсь отъ критики потому, что мнѣ, по причинѣ безденежья, некогда ею заниматься; слѣдовательно, само собою разумѣется, что я не могу писать обѣщанныхъ статей: ибо что же бы другое, какъ не ихъ, и сталъ бы я писать это лѣто, если бъ могъ писать? Что до 3-ей ст(атьи) о Петрѣ Великомъ, то хоть мнѣ, по состоянію моего духа, и совсѣмъ не до него, но разумѣется что я ее буду писать, и потому мѣсяцъ май, во всякомъ случаѣ, будетъ у насъ на прежнихъ основаніяхъ. Книги я буду разбирать всѣ и всякія какія пришлете, какъ было прежде; театръ тоже останется по-прежнему. А критикъ я не могу писать потому, что хочу (въ надеждѣ денегъ) составить исторію Робинзона Крузое, передѣлать въ книгу статью мою о дѣтскихъ книгахъ и т. п. Бога ради, поймите проще и правдивѣе мое рѣшеніе: ваше несостояніе заплатить мнѣ извѣстную сумму слѣдующихъ мнѣ по 1-е апрѣля денегъ и цензурный гнетъ дѣлаютъ для меня критики ярмомъ невыносимымъ, а необходимость заняться другимъ для денегъ лишаетъ меня и времени и заниматься ими. Вотъ и все. Неудовольствія у меня противъ васъ нѣтъ, и я увижусь съ вами, какъ и всегда. Но говорить съ вами объ этомъ предметѣ не почитаю за нужное: 1-е потому, что разговоры о деньгахъ для меня—пытка, 2-е, что больше и яснѣе того, что написалъ вамъ, ничего и никакъ не могу. Если вы въ скорѣйшемъ времени достанете мнѣ 1570 рублей,—я снова и еще съ бо́льшимъ противъ прежняго усердіемъ запрягусь работать для О(течественныхъ) З(аписокъ), и кромѣ того, что обязанъ буду дѣлать по условію, буду давать и ученыя статьи (которыхъ нѣсколько вертится у меня въ головѣ), по-прежнему не требуя и даже не желая за нихъ особенной платы. Если нѣтъ—я по изложеннымъ причинамъ не могу писать критикъ ни новыхъ, ни обѣщанныхъ. Дѣло мое просто и чисто: если бы я сердился на васъ и хотѣлъ съ вами разойтись,—повѣрьте, я не погнался бы за библіографіею и театр(альною) хроникою, а безумія и гордости умереть съ голоду у меня всегда станетъ. Понимаете ли вы теперь, о чемъ я говорю? Повторяю: дѣло просто. Знаю, что я васъ мучу, поставляя въ необходимость доставать деньги съ трудомъ и хлопотами, и повѣрьте мнѣ совсѣмъ не сладко знать это, но я освирѣпѣлъ отъ нужды какъ звѣрь: если бы какой покойникъ долженъ мнѣ былъ хоть 10 рублей, мнѣ хотѣлось бы вырыть его ногтями изъ могилы и, за деньги, оглодать его кости. Бога ради, похлопочите—я сочту это не за долгъ вашъ, а за услугу, и буду умѣть быть за нее благодарнымъ. До самой подписки вы не услышите отъ меня ни полслова даже о рублѣ серебромъ. Но теперь мнѣ не до самопожертвованія.

Посылаю послѣднія рецензіи и книги. В. Б.

9 [1]). Москва 1843, іюня 26.

Не знаю, съ чего начать? Думаю, лучше всего съ денегъ: предметъ самый интересный. Я—судырь ты мой—въ нѣкоторомъ родѣ обанкрутился, а деньги страшно нужны—свидѣтель Боткинъ (Правда, 1000 разъ

[1]) Письмо относится къ 1841 г., т. к. 3-я часть о Петрѣ Великомъ, въ „Отечественныхъ запискахъ" не появилось по независящимъ отъ редакціи причинамъ.

правда)[1]). Нѣтъ ли въ московской конторѣ вашей? пришлите писаніе, да получу по оному, и за это возьмите душу подъ залогъ: вѣдь иначе пойдетъ же къ чорту, а чѣмъ вы хуже чорта—и чоренъ, и жолчень, и вообще скверность такая, что только поплевать да бросить. Ради всего въ мірѣ—выручите. Да нельзя ли побольше. Статья пишется и—лихая. О сплетняхъ потолкуемъ при свиданіи. Горе, горе и горе—..., [2]) а потому въ Москвѣ нѣтъ никакой поэзіи, а есть только Шевыревъ съ Москвитяниномъ, да это не замѣняетъ клубнички. Драму Тургенева пришлю скоро: славная вещь; а присемъ прилагаю два его стихотворенія для О(течественныхъ) З(аписокъ).

[3]) Въ самомъ дѣлѣ, Андрей Александровичъ, съ Бѣлинс(кимъ) случилось совсѣмъ неожиданное происшествіе, и если ему нужны деньги, то, я честью свидѣтельствую вамъ, не на пустяки, а дѣйствительно на дѣло, на честное дѣло. Дайте приказъ въ московскую контору, хоть на 250 руб. ас., если нельзя на бо́льшую сумму. Я бы самъ снабдилъ его деньгами, но вѣдь бюджетъ мой съ этой стороны очень ограниченъ. Пожалуйста, будьте добры. Что касается до моихъ статей о нѣм(ецкой) литер(атурѣ), погодите ради Бога: дайте пройти тяжкому и мучительному кризису, который запуталъ меня и въ сердцѣ, и въ душѣ, и въ совѣсти,—вы не поймете; когда-нибудь самъ разскажу вамъ.

Галаховъ обѣщалъ мнѣ доставить стихотв(оренія) Милькѣева, и я напишу на нихъ разборъ. Да и вообще, какія книги поинтереснѣе есть въ Москвѣ, я готовъ писать рецензіи и ручаюсь, что онѣ будутъ поживѣе писанныхъ въ Петербургѣ. Равнымъ образомъ, если что есть изъ книгъ и въ Питерѣ поважнѣе—пришлите: мигомъ отхватаю. За пересылку статей не берусь, но это дѣло Галахова; а за мной дѣло не стало бы: руки что-то разчесались на бумагомараніе.

Кудрявцевъ пишетъ повѣсть.

Прощайте. Пожалуйста же воньмите гласу моего моленія; если же нельзя, то отвѣтьте немедленно. Тогда я съ отчаянья поколочу Шевырку и брошусь въ Москву рѣку, что сдѣлать тѣмъ легче, что въ этой лужѣ утонуть нельзя. Кстати о потопленіи: у Герцена утонулъ человѣкъ Матвѣй, славный былъ человѣкъ.

В. Бѣлинскій.

[4]) Коршъ сначала согласился было принять на себя переводъ Антикв(арія) и Эйванго, но потомъ вчера прислалъ ко мнѣ письмо, которое вмѣсто всѣхъ объясненій присемъ прилагаю. Я просилъ его, чтобъ хотя сестра его Марья Өедоровна взяла на себя переводъ какого-нибудь изъ присланныхъ вами романовъ. Я знаю, она переведетъ хорошо: мнѣ ужъ и прежде говорилъ о ней Грановскій. Но послѣ я подумалъ: да какъ еще это покажется вамъ; и потому прежде, нежели отнесусь къ ней, подожду вашего отвѣта. Она хорошо переведетъ, ибо основательно знаетъ англійс(кій) языкъ. Да я полагаю, что и Коршъ не допуститъ явиться имени любимой имъ сестры на посредственно переведенной книгѣ.

---

[1]) Фраза: „Правда, 1000 разъ правда“ приписана рукою В. П. Боткина.
[2]) Выпущена строка, неудобная для печати.
[3]) Со словъ: „Въ самомъ дѣлѣ“ идетъ приписка В. П. Боткина, кончающаяся словами: „когда нибудь самъ разскажу вамъ“.
[4]) Эта приписка къ письму писана Боткинымъ.

10.

8 іюля 1843. Москва.

Ну, спасибо вамъ, о грубѣйшій изъ всѣхъ директоровъ, когда-либо существовавшихъ въ семъ печальномъ мірѣ: ваша бумажка за № пришла кстати. Деньги я получилъ, и за нихъ душевно благодаренъ вамъ. Какъ видно, Глазуновъ очень дорожитъ коммиссіонерствомъ у васъ: деньги онъ далъ (кажется) свои и безъ всякаго колебанія. А что вы бранитесь въ письмѣ, это—ваше благородіе, ангелъ мой—ужъ такой обычай у васъ—собачья натура, которая коли не лаетъ, такъ рычитъ. А притомъ вы и врете—чортъ бы васъ взялъ—ужасно. Я оставилъ вамъ нѣсколько рецензій, а книгъ—вы пишете сами—въ Питерѣ нѣтъ; и между тѣмъ вы еле-еле можете расплачиваться съ Некрасовыми, Сорокиными и прочею голодною братьею, работающею за меня. Въ Москвѣ какія есть книжонки позабавнѣе, я беру на себя (двѣ уже доставлены мнѣ); итакъ, если въ Питерѣ работаютъ за меня, то я въ Москвѣ дѣлаю кое-что не за себя: одно на одно найдетъ. Но это все вздоръ, а дѣло вотъ въ чемъ: я душу васъ часто несвоевременными просьбами насчетъ денежной клубнички, это—правда, но за то я въ вѣрѣ твердъ и хожу въ Отеч(ественныя) Зап(иски) (испражняться) и въ будни и въ праздники. Недавно получилъ я предложеніе отъ одного богатаго и притомъ очень порядочнаго человѣка: онъ проситъ меня, какъ объ одолженіи, чтобы я поѣхалъ съ нимъ на два года за границу, въ его экипажѣ, и взялъ бы отъ него шесть тысячъ за эти два года. Предложеніе соблазнительно, и часа два я былъ въ лихорадкѣ отъ него; но тѣмъ, разумѣется, дѣло и кончилось. Видно, насъ съ вами самъ чортъ связалъ веревочкой. Если этотъ человѣкъ даетъ мнѣ 6000 за эти два года, то вѣрно далъ бы и еще двѣ, чтобы я, воротясь въ Питеръ, могъ жить, пока бы не пріискалъ работы. Фамилія этого человѣка—Косиковскій. Его знаютъ Панаевъ, Комаринскій [1]) и пр. Этотъ случай посланъ мнѣ судьбою въ насмѣшку надо мною—видитъ око, да зубъ нейметъ; хороша клубничка, да жена сторожитъ. А жена эта—старая, кривая, рябая, злая, глупая старуха, словомъ расейская литература, чортъ бы ее съѣлъ, да и подавился бы ею. Другой, на моемъ мѣстѣ, чтобъ только отъ нея убѣжать, бросился бы хоть въ Киргизскія степи, а я—Донъ-Кихотъ нравственный, отказываюсь отъ поѣздки въ Италію, Францію, Германію, Голландію, на Рейнъ и пр., отказываюсь отъ чудесъ природы, искусства, цивилизаціи, отъ здоровья и, м(ожетъ) б(ыть), еще чего-нибудь большаго. Такова ужь моя натура.

Прилагаемое письмецо доставьте къ Тургеневу черезъ Панаева. Драма его передана въ контору для пересылки вамъ. Это вещь необыкновенно умная, но не эффектная для дуры публики нашей; но какъ вамъ нечего печатать—то и это благодать Божія: благо оригинальная пьеса. Я пишу къ нему, чтобъ онъ выбросилъ эпиграфъ, да перемѣнилъ два стиха. Денегъ онъ, какъ человѣкъ обезпеченный, разумѣется, не имѣетъ въ виду; но изъ деликатности не мѣшало бы предложить ему экзе(м)пл(яръ) О(течественныхъ) З(аписокъ), тѣмъ болѣе, что онъ и впредь вкладчикомъ вашего журнала быть не откажется. При драмѣ получите вы статью Соколовскаго, доставленную мнѣ Грановскимъ. Что касается до посвященія благородному имени моему пьесы Т. Л. [2]), то

---

[1]) Вѣроятно А. С. Комаровъ.

[2]) За такою подписью печаталъ И. С. Тургеневъ свои стихотворенія въ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ письмѣ идетъ рѣчь о стихотвореніи Тургенева „Толпа",

вы напрасно и писали о немъ: вычеркните, да и все тутъ. Вы знаете, что я не изъ числа мелочныхъ людей и за посвященiями не гоняюсь.

Шевыревъ безчинствуетъ и два раза обругалъ Крюкова въ университетѣ. Послѣднiй сбирается что-то писать для О(течественныхъ) З(аписокъ), да вѣрно дѣло кончится сборами.

Есть въ Москвѣ двоюродный братъ Венелина, к(оторы)й, благоговѣя передъ памятью своего дѣйствительно сумасброднаго, но тѣмъ не менѣе и замѣчательнаго родственника, желаетъ напечатать все, что только осталось написаннаго его рукою. Для этого у него нѣтъ средствъ, и онъ думаетъ прiобрѣсти ихъ, напечатавъ въ О(течественныхъ) З(апискахъ) (за общую плату—150 руб. съ листа) годныя для журнала статьи. Клюшниковъ читалъ изъ нихъ о Дмитрiѣ Самозванцѣ и критику на Карамзина; говоритъ—интересны очень. Я привезу ихъ съ собой; а между тѣмъ чудаку хочется, чтобы вы сказали объ этомъ что-нибудь въ письмѣ ко мнѣ или къ Боткину, а мы бы передали ему. Кстати: Венелина, между прочимъ, уложилъ въ могилу Погодинъ.

[1]) Сегодня же съ плачемъ отправился я къ Коршу и повѣдалъ ему печаль вашу, присовокупивъ къ ней и свое краснорѣчiе. Стѣсненный моимъ могучимъ краснорѣчiемъ, Коршъ наконецъ принужденъ былъ высказаться откровенно. Дѣло вотъ въ чемъ: въ ожиданiи будущихъ благъ, т. е. процентныхъ денегъ со всей суммы подписки на Московскiя Вѣдомости, Коршъ получаетъ теперь 114 руб. ас. въ мѣсяцъ, а на рукахъ у него семья. Чтобъ избавиться какъ-нибудь отъ голода, онъ принужденъ переводить для Москвитянина, единственно изъ того только, чтобъ получать тотчасъ деньги за каждый переведенный листъ. Взявшись за переводъ Вальтера Скотта, онъ долженъ будетъ бросить работу, доставляющую ему насущный хлѣбъ. Въ разговорѣ этомъ онъ далъ замѣтить, что заняться переводомъ Вал(ьтера) Скот(та) въ ожиданiи денегъ лишь по отпечатанiи—для него совершенно невозможно. Я, вспомнивъ одно мѣсто изъ письма вашего ко мнѣ относительно Кетчера, сказалъ Коршу, что кажется есть возможность получить нѣкоторую сумму впередъ. Эти слова дали другой характеръ нашимъ совѣщанiямъ, и дѣло получило прямой видъ. Коршъ признался, что онъ не имѣлъ духу высказать это прежде. Наконецъ онъ сказалъ, что если издатели, черезъ ваше посредничество, могутъ заплатить за него теперь 618 р. ас., онъ тотчасъ же принимается за переводъ Эйванго, который будетъ непремѣнно готовъ къ 1-му ноября. И на такихъ условiяхъ онъ согласенъ оставить у себя и Антикварiя, котораго кончитъ къ концу февраля. О всемъ этомъ онъ просилъ меня написать вамъ, что̀ я сегодня же исполняю. Не знаю, какъ вы на это обстоятельство посмотрите. Я считаю Корша за самаго благороднѣйшаго человѣка, какого только мнѣ удалось встрѣтить въ моей жизни, и издатели рискуютъ потерять свои деньги лишь въ случаѣ его смерти, да и въ этомъ случаѣ сестра очиститъ память брата. Пожалуйста, увѣдомьте какъ можно скорѣе. Я вамъ признаюсь, что, положась на слова вашего письма, я имѣлъ неосторожность сказать Коршу, что это дѣло возможное, а онъ въ отвѣтъ на это: „я завтра же принимаюсь за переводъ". Впрочемъ я не далъ ему полнаго увѣренiя, сказавши, что напишу къ вамъ, и не знаю, что вы на это

напечатанномъ, безъ посвященiя Бѣлинскому, въ „Отеч. Запискахъ" 1844 года, т. XXXII, словесность, стр. 44. Въ бумагахъ Краевскаго сохранился автографъ этого стихотворенiя Тургенева, съ посвященiемъ Бѣлинскому.

[1]) Отсюда идетъ приписка В. П. Боткина.

теперь отвѣтите. На всякій же случай и чтобъ не медлить дѣломъ, я взялъ у Корша адресъ, кому слѣдуетъ заплатить деньги, который прилагаю здѣсь. Словомъ, я далъ Коршу надежду; дай Богъ, чтобъ вашъ отвѣтъ не разрушилъ ее. Повторяю: отвѣтьте скорѣе то или другое, а то я передъ Коршемъ стану въ скверное положеніе, отвлекши его на нѣсколько дней отъ его работъ денежныхъ.

Кетчеръ переводитъ Веверлея. Только это могу вамъ сказать о немъ. Онъ въ деревнѣ, за 50 верстъ. Я былъ тамъ назадъ тому 8 дней; отвезъ ему англійскій оригиналъ. Съ сентября онъ переѣзжаетъ на службу въ Петербургъ и принялъ уже мѣсто у Рихтера и помощника редактора журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Это вѣрно. Но кажется ближе половины сентября онъ въ Петербургѣ не будетъ. Я на себя готовъ взять переводъ С(енъ)-Ронанскихъ водъ, если это не къ спѣху, а потому вышлите мнѣ оригиналъ. Вашъ покорный слуга между тѣмъ переживаетъ трудный періодъ своей жизни, но кажется онъ скоро долженъ кончиться. Жму вамъ руку.

В. Боткинъ.

11.

Москва. 1843. Іюля 22.

Спасибо вамъ, Краевскій, за доброе письмо ваше. Оно очень и очень утѣшило и порадовало меня. Я увидѣлъ въ немъ съ вашей стороны истинное и искренное ко мнѣ участіе. За границу я рѣшительно не ѣду, и прошу васъ сказать объ этомъ г. Косиковскому черезъ друга нашего Александра Сергѣевича Комарова. Не ѣду я, во-1-хъ, потому, что тогда же рѣшилъ для себя не ѣхать. Была у меня минута (и минута тяжкая) борьбы; но она была непродолжительна. Я боялся не просьбъ, не заманиваній и обѣщаній вашихъ (которыя, разумѣется, были бы непріятны)—не въ нихъ была главная сила—она была въ тѣхъ нравственныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я чувствую себя къ журналу вашему и къ вамъ. Я всегда васъ зналъ въ отношеніи къ себѣ человѣкомъ добрымъ и честнымъ и не считаю себя въ правѣ для своей выгоды поставить васъ въ затруднительное положеніе. Если я употребилъ слово донкихотство, это было остаткомъ, слѣдомъ минутной борьбы, которую я выдержалъ по полученіи письма г. Косиковскаго, и слѣдствіемъ досады на судьбу, которая вздумала меня попотчивать не кстати тѣмъ, чѣмъ не могъ я воспользоваться. А какъ судьба лицо безплотное, сирѣчь духъ, и ее сколько ни брани, ей все ни почемъ, то я съ больной-то головы да на здоровую, и сказалъ вамъ слово, которое могло вамъ показаться жосткимъ или неумѣстнымъ и за которое вы меня должны извинить. Мы съ вами связаны: терпѣли вмѣстѣ горе и стыдъ, ратовали за одно и любили одно. Видно насъ самъ чортъ связалъ веревочкой, какъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, и намъ видно не развязаться. Повторяю вамъ, я давно рѣшился не ѣхать. Но на-дняхъ со мною случилось нѣчто такое, что̀ должно имѣть вліяніе на всю мою жизнь и вслѣдствіе чего, если бы Европа сама пріѣхала ко мнѣ въ гости, я бы не принялъ ее. Пока это тайна, о которой изъ питерскихъ друзей моихъ я говорю вамъ первому, а васъ прошу не говорить никому; пріѣду, узнаете все. Итакъ, объ этомъ больше нечего говорить. Я увѣренъ, что вы поймете это мое письмо такъ же просто и такъ же искренно,

какъ я понялъ ваше. Я больше всего въ мірѣ боюсь фальшивыхъ отношеній и больше всего хлопочу о томъ, чтобъ быть съ людьми на прямыхъ отношеніяхъ [1]).

Думалъ я писать къ г. Косиковскому, но онъ скоро будетъ самъ въ Москвѣ. Жалко мнѣ, что я его напрасно взволновалъ, не имѣя духу выразиться опредѣленнѣе и включивъ глупую фразу о свиданіи съ вами. Изъ этого вижу, что я плохой политикъ и что мнѣ надо впредь дѣйствовать по-кетчеровски.

Вѣрю вамъ, что вы будете рады, что остаюсь, и радуюсь за васъ, что, удержавъ стараго сотрудника, вы въ немъ же пріобрѣтете новаго, т. е. болѣе усерднаго и аккуратнаго. Вы поймете, о чемъ я говорю, и не станете шутить, ибо, какъ вы сами справедливо замѣтили въ письмѣ къ Боткину, есть вещи въ жизни, надъ которыми не должно шутить. Но теперь, теперь потерпите немного и будьте снисходительны. Жизнь не дается человѣку два раза, и человѣку простительно забыться въ ней хоть на первую минуту. Статью вамъ вышлю къ 10-му августа, а насчетъ рецензій—будьте добры—если будутъ книги поинтереснѣе, нельзя-ли прислать: хочется недѣльки двѣ оттянуть у заботы и горя житейскаго.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Посылаю вамъ филиппику противъ Шевырки. Боюсь, что опоздалъ, но это не моя вина, а выходъ 6 № Москв(итянина). Хотѣлось бы, чтобы это было напечатано въ 8 № О(течественныхъ) З(аписокъ). Вчера вы должны были получить посланную мною рецензію на стихотв(оренія) Милькѣева. Прощайте.

NB. Въ Москвѣ проливные дожди каждый день уже болѣе мѣсяца. Сегодня свѣтло, да Богъ знаетъ, на долго ли.

1837—1840.

III.

Къ К. С. Аксакову [2]).

12.

ЗАПИСКА.

Не знаю, почему ты такъ медлишь присылкою обѣщанныхъ книгъ? Вѣрно не знаешь квартиры? Пришли мнѣ съ моимъ же мальчикомъ: 1) Беранже; 2) Père Horiot; 3) мои статьи (я начинаю чувствовать потребность употребить ихъ въ дѣло, т. е. передѣлать). Нѣтъ ли чего интереснаго для прочтенія? Знаешь ли ты новость: Погодинъ затѣваетъ журналъ и предлагаетъ мнѣ участіе. Это пока тайна.

---

[1]) Говорю объ искренности, а самъ было и своровалъ (какъ говорится въ русскихъ историческихъ актахъ) и не договорилъ вамъ признанія, что меня немного кольнулъ тонъ вашего прежняго письма и толки о платимыхъ вами за меня деньгахъ, чтó и заставило меня отвѣтить вамъ нѣсколько въ полемическомъ тонѣ. Но я былъ неправъ. Я долженъ былъ отличить идею отъ формы: вы прекрасный человѣкъ, но грубоваты въ формахъ—вотъ и все. Видно, такъ ужъ Господомъ Богомъ устроено, чтобы за каждымъ человѣкомъ водились грѣшки, и вольтеріанцы напрасно возстаютъ противъ этого. Я самъ человѣкъ съ грѣхами. Будемъ же умѣть прощать другъ другу и быть снисходительными другъ къ другу.

[2]) „Русь" 1881 г.

Если не состоится то, извѣстное тебѣ, журнальное дѣло, то, чортъ возьми, можетъ быть я и рѣшусь. Но въ такомъ случаѣ, сперва выторгую себѣ полную конституцію—понимаешь?

Составляю синтаксисъ. Думалъ о грамматикѣ—и опять съ тобой не согласенъ.

Выраженіе пространства, или времени глаголъ: хорошо. Опредѣлительное—оно что выражаетъ—пространство, или время?

Мнѣ кажется, что было бы слишкомъ произвольно заставить его выражать то или другое, тогда какъ оно не выражаетъ ни того, ни другого. А числительныя (пять, три, десять, третій, пятый, десятый), они что выражаютъ? Оно, видишь, такъ, да не такъ, потому что, кромѣ категорій пространства и времени, есть еще категорія качества, количества, принадлежности и прочее. У меня есть объ этомъ поговорить съ тобою. Я вполнѣ согласенъ съ тобою, что предлоги и союзъ не частицы, а неизмѣняемыя части рѣчи, таковыя *нѣтъ* (не есть), *было*, *бы*, *не*. Напр. почему *нѣтъ* и *не* нарѣчія? вздоръ, они частицы.

13.

Пятигорскъ 1837, 21 іюня.

Любезный другъ Константинъ, вчера я получилъ извѣстіе, что дѣла мои, на счетъ сбыта грамматики, идутъ гадко. Что дѣлать? Впрочемъ, я привыкъ къ такому счастію и если бы своими дурными обстоятельствами не портилъ обстоятельствъ людей, привязанныхъ ко мнѣ, то безъ всякаго огорченія почиталъ бы себя пасынкомъ судьбы. Честная бѣдность не есть несчастіе, можетъ быть для меня она даже счастіе; но нищета, но необходимость жить на чужой счетъ слуга покорный—или конецъ такой жизни, или чортъ возьми все, пожалуй и меня самого съ руками и ногами! Если грамматика рѣшительно не пойдетъ, то обращаюсь къ чорту какъ Громобой, и продаю мою душу съ аукціона Сенковскому, Гречу или Плюшару, что все равно, кто больше дастъ. Буду писать по совѣсти, но предоставлю покупщику души моей марать и править мою статью какъ угодно. Можетъ быть найду работу и почестнѣе, но во всякомъ случаѣ ѣду въ Петербургъ, потому что въ Москвѣ, кромѣ голодной смерти и безчестія, ожидать нечего. Служить рѣшительно отказываюсь: какія выгоды даетъ мнѣ служба взамѣнъ потери моей драгоцѣнной свободы и независимости? Ровно никакихъ, даже средства жить, потому что, прежде всего, мнѣ надо выплатить мои долги, а ихъ на мнѣ много, очень много. Мысль, что Николай Степановичъ [1]) безпокоится на счетъ уплаты, что Сергѣй Тимоѳеевичъ, можетъ быть, упрекаетъ себя за это безпокойство,—эта мысль легла на мою душу тяжелою горою и давитъ ее. Но что бы ни было, а надо, наконецъ, не шутя подумать о совершенномъ прекращеніи всѣхъ такихъ непріятныхъ мыслей. И такъ, прости Москва, здравствуй Петербургъ! Съ Москвою у меня соединено все прекрасное жизни; я прикованъ къ ней, но и въ Петербургѣ можно найти жизнь человѣческую: затвориться отъ людей, быть человѣкомъ только наединѣ съ собою и въ заочныхъ бесѣдахъ съ московскими друзьями, а въ остальное время, внѣ своей комнаты, играть роль спекулянта, искателя фортуны, охать по деньгамъ. Отчужденіе заставитъ глубже войти

---

[1]) Содержатель типографіи Степановъ. С. Т. Аксаковъ уговорилъ Степанова напечатать „Грамматику“ Бѣлинскаго въ долгъ. Ред.

въ себя и въ самомъ себѣ искать замѣны утраты всего, что было мило, а это милое вы, друзья мои. Но, можетъ быть, обстоятельства перемѣнятся. Я увѣренъ, что Полевой напишетъ о моей книгѣ въ Б. для Ч., что „Пчела" ее разругаетъ, а то и другое равно важно: хуже всего молчаніе—оно убиваетъ книгу, тогда какъ брань и ругательства часто возвышаютъ ее. Но мнѣ пишутъ, что ты хотѣлъ гдѣ-то и что-то написать: Бога ради, братъ, поспѣши. Это не будетъ пріятельскою продѣлкою: ты можешь говорить по совѣсти, что думаешь, хвалить, что найдешь достойнымъ хвалы, бранить, что найдешь дурнымъ. О тонѣ нечего говорить: даже и въ случаѣ рѣшительнаго охужденія—чѣмъ рѣзче, тѣмъ лучше.

Въ Воронежѣ я встрѣтился съ М. С. Щепкинымъ. Чудный человѣкъ! Съ четверть часа поговорилъ я съ нимъ о томъ и о семъ, и еще болѣе полюбилъ его. Какъ понимаетъ онъ искусство, какъ горяча душа его—истинный художникъ, и художникъ *нашего* времени. Вечеромъ пошли мы въ театръ; дочь его играла (очень мило) Кетли. Въ антрактахъ онъ морилъ насъ своими шутками и остротами. Въ театрѣ, гдѣ другой бы на его мѣстѣ походилъ на потѣшника толпы, смиреннаго актера, онъ казался толстымъ, богатымъ и беззаботнымъ бариномъ, который пришелъ отъ скуки взглянуть, что тутъ дѣлается. Дочь его была принята воронежскою публикою съ восторгомъ; черезъ день объявленъ былъ „Ревизоръ", и мы съ сожалѣніемъ выѣхали изъ Воронежа. Воронежскіе актеры чудо изъ чудесъ: они доказали мнѣ, что область бездарности такъ же безконечна, какъ и область таланта и генія. Куда передъ ними уроды московской сцены! Впрочемъ, одна актриса съ талантомъ, не дурна собою, даже съ граціею, играетъ мило и непринужденно; жаль только, что эта непринужденность часто переходитъ въ тривіальность. Есть также тамъ одинъ актеръ (кажется Орловъ) если не съ талантомъ, то не безъ таланта.

Я взялъ съ собою двѣ части „Вѣстника Европы" и перечиталъ тамъ нѣсколько критикъ Надеждина [1]). Боже мой, что это за человѣкъ! Изъ этихъ критикъ видно, что г. критикъ даже и не подозрѣвалъ, чтобы на свѣтѣ существовала добросовѣстность и убѣжденіе, любовь къ истинѣ, къ искусству. Онъ извивается какъ змѣя, хитритъ, клевещетъ, по временамъ притворяется дуракомъ, и все это плоско, безвкусно, трактирно, кабацки. Что онъ написалъ о Полтавѣ! Повѣришь ли, что въ этой критикѣ онъ превзошелъ въ недобросовѣстности самого Сенковскаго. А его перебранки съ „Сыномъ Отечества", его остроты, что твой Александръ Анѳимовичъ Орловъ! Я читалъ и бѣсился. Его можно опозорить, заклеймить, и только глупое состояніе нашей журналистики до 31 года помогло этому человѣку составить себѣ какой-то авторитетъ. Чтобы ты не приписалъ моихъ словъ вліянію послѣдняго поступка со мною со стороны этого человѣка, то вотъ тебѣ честное слово, что я ни мало не сердитъ на него, что я иногда съ удовольствіемъ вспоминаю о немъ и презираю и ненавижу его только тогда, когда читаю его гадкія и подлыя „недо-

---

[1]) Н. И. Надеждинъ, издатель „Телескопа" и „Молвы", гдѣ началъ свои первые литературные опыты Бѣлинскій. Въ 1836 г. „Телескопъ" былъ запрещенъ за статью Чаадаева, и Надеждинъ административно сосланъ въ Усть-Сысольскъ. Это былъ блистательный профессоръ Московскаго университета, которому, если не ошибаюсь, въ 1835 г. его слушатели (между прочимъ Станкевичъ, Строевъ, К. С—чъ) поднесли золоченый кубокъ, по случаю его выхода изъ университета. Это происходило въ домѣ С. Т. Аксакова, у котораго въ это время Надеждинъ временно жилъ. Ред.

умочныя" [1]) гаерства. Прошу тебя, любезный Константинъ, прочти всѣ его статьи, прошу тебя объ этомъ, какъ объ одолженіи: если ты не почувствуешь того же, что почувствовалъ я отъ нихъ, то *крѣпка* твоя натура.

Кажется, что я ничего путнаго не сдѣлаю на Кавказѣ. Но это бѣда: не я собираюсь съ силами, думаю безпрестанно, развиваю мои мысли, составляю планы статей и прочаго. Только бы выздоровѣть, только бы избавиться отъ этого лимфознаго наводненія, которое связываетъ душу, притупляетъ способности, убиваетъ дѣятельность и уничтожаетъ воспріимчивость. Я жилъ доселѣ *отрицательно*; вспышки, негодованія были единственными источниками моей дѣятельности. Чтобы заставить меня почувствовать истину и заняться ею, надо, чтобы какой-нибудь идіотъ въ родѣ Ш—ва или подлецъ въ родѣ С . . . . . скаго исказилъ ее, но я надѣюсь, что Кавказъ поможетъ мнѣ. Вчера я только началъ пить воду, и отъ одной дороги, діэты, перемѣны мѣста, ранняго вставанія поутру чувствую себя несравненно лучше. Кавказская природа такъ прекрасна, что не удивительно, что Пушкинъ такъ любилъ ее и такъ часто вдохновлялся ею. Горы, братецъ, выше Мишки Бакунина и толще Ефремова. Кстати, онъ тебѣ кланяется. Ты не повѣришь, какъ онъ успѣлъ въ такое короткое время поглупѣть. Кто бы могъ подумать, чтобы этотъ человѣкъ лимфѣ и болѣзни былъ обязанъ тѣмъ, что казался не глупымъ человѣкомъ! Если онъ пріѣдетъ въ Москву совершенно излѣченный, то Говорецкій и Сверчковъ будутъ казаться передъ нимъ геніями [2]).

Часто читаю Пушкина, котораго имѣю при себѣ всего, до послѣдней строчки. „Кавказскій плѣнникъ" его здѣсь, на Кавказѣ, получаетъ новое значеніе. Я часто повторяю эти дивные стихи:

Великолѣпныя картины,
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу орелъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Какая вѣрная картина, какая смѣлая, широкая, размашистая кисть! Что за поэтъ этотъ Пушкинъ! я съ наслажденіемъ и нѣсколько разъ перечелъ его—что бы ты думалъ?—его „Графа Нулина". Не говоря о вѣрности изображеній, волшебной живописи разсказа, удивительномъ остроуміи, онъ и въ этой шуткѣ, въ этой каррикатурѣ не измѣняетъ своему характеру, который составляетъ грустное чувство.

---

[1]) Н. И. Надеждинъ въ „Вѣстникѣ Европы" подписывалъ свои статьи: „Недоумка". Ред.

[2]) Александръ Павловичъ Ефремовъ (котораго постоянно лѣчилъ отъ лимфы, и впослѣдствіи чуть не залѣчилъ докторъ изъ *своихъ же*, т. е. принадлежавшій къ *кружку* и считавшійся чуть не геніемъ, кажется, П. П. Ключниковъ, братъ поэта), въ томъ же конвертѣ вложилъ и свое письмо къ С. С—чу, гдѣ съ своей стороны такъ шутитъ о Бѣлинскомъ: „Читаю мало, много сплю, толкую иногда съ Бѣлинскимъ, который, странное дѣло, со дня на день становится глупѣе, валяется, ничего не дѣлаетъ, и, когда я его упрекаю за глупость, онъ отвѣчаетъ мнѣ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Въ самомъ дѣлѣ воды на него дѣйствуютъ такъ странно, что у него въ головѣ „фай! даже посвистываетъ!.." такая простота. Бываютъ же натуры, такъ дивно Господомъ Богомъ устроенныя: что другимъ въ прокъ, то имъ во вредъ. Онъ у меня въ ногахъ валялся, чтобъ я никому объ этомъ не писалъ въ Москву, но „истина прежде всего!". Ред.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальной
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
Товарищъ юности удалой,
Ужъ не она ли... Боже мой!
Вотъ ближе, ближе... Сердце бьется,
Но мимо, мимо звукъ несется,
Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Прощай, будь счастливъ; храни миръ и гармонію души своей, потому что счастіе только въ этомъ. Мечтай, фантазируй, восхищайся, трогайся; только забудь о двухъ нелѣпыхъ вещахъ, которыя тебя губятъ—магнетизмѣ и фантастизмѣ. Это глупыя вещи. Я сильно начинаю разочаровываться въ Гофманѣ, потому что никакъ не могу объяснить себѣ этой поэзіи, сумасшедшей и болѣзненной. Мое почтеніе Сергѣю Тимоѳеевичу... Твой В. Б.

14.

Пятигорскъ. 1837 года, 14 Августа.

Не ожидалъ я получить письма отъ тебя, любезный Константинъ,—и получилъ. О дивное диво и чудное чудо! повторялъ я, получивъ твое письмо. Отъ кого ожидалъ, не дождался; отъ кого не ожидалъ—получилъ. Ты написалъ письмо! Я думаю, ты ужаснулся великости своего подвига, тебѣ показалось, что ты сдвинулъ съ мѣста огромную гору, думая откатить камышекъ. Конечно, это письмо писано не буквами, а гіероглифами и при томъ самыми неразборчивыми; но для твоей медвѣжьей лѣности и это подвигъ. И такъ, благодарю тебя вдвойнѣ. Теперь я вполнѣ увѣрился, что ты меня любишь: послѣ такого доказательства странно было бы сомнѣваться въ этомъ.

Все, что я писалъ тебѣ о моемъ намѣреніи переѣхать въ Питеръ, все это было плодомъ минуты отчаянія и ожесточенія. Теперь, когда я нѣсколько спокойнѣе, теперь я не почитаю этого переѣзда неизбѣжнымъ, не хочу продавать себя съ аукціона, но все-таки думаю, что мнѣ прійдется ѣхать въ Петербургъ и предложить мои услуги хоть Энц. лексикону. Радъ бы писать и въ Б. для Ч.; но не рѣшусь ни за что въ мірѣ, ни за какія блага видѣть мои статьи искаженными и передѣланными не только рукою какого-нибудь негодяя Сенковскаго, но и самаго почтеннаго и добраго Жуковскаго, или сказать яснѣе никого въ мірѣ. Пойми хорошенько мое положеніе! Ты предлагаешь мнѣ писать для дѣтей—очень хорошо. Но вѣдь тотчасъ по моемъ выходѣ, такъ сказать, на квартиру, я долженъ буду заплатить за квартиру рублей около 300, да въ лавочку около той же суммы, да имѣть средства жить до тѣхъ поръ, пока что-нибудь напишу, напечатаю и продамъ. Кредиторы и желудки (мой, брата и племянника) не согласятся ждать нѣсколько мѣсяцевъ. Кромѣ того, я рѣшительно не способенъ къ спекуляціямъ и компиляціямъ, и рѣшусь издать только добросовѣстный трудъ, а для такого труда нужно время и время, потому что я работаю тяжело и медленно. И при томъ, какъ много нужно условій для дѣтской книжки! Цѣлью ея должно быть — возбудить въ дѣтяхъ истину не въ поученіяхъ, не сознательную, но истину въ представленіи, въ ощущеніи, и для этого нужно то спокойствіе, та гармонія духа, ко-

торая дается человѣку только любовью. Во мнѣ теперь мало любви; я весь въ моихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, весь внѣ себя и чуждъ всякой сосредоточенности. Сверхъ того, писать книгу, имѣющую благую цѣль, для денегъ, для поправки обстоятельствъ... Выручка денегъ за книгу не есть дурное дѣло, даже очень хорошее; но надо, чтобы эти деньги были, такъ сказать, необходимымъ результатомъ книги, а не книга необходимымъ результатомъ денегъ. Ты это знаешь очень хорошо. Писать повѣстей я не могу, потому что для этого требуется творчество потому что дѣтская повѣсть должна отличаться художественною истиною созданія. Но читая дѣтскія книжки, я находилъ нѣкоторыя изъ нихъ не дурными сами по себѣ, но искаженными пошлою нравственностію, и думалъ, что передѣлка такихъ книгъ была бы очень полезна. Это я думаю и теперь. Хотя такія передѣланныя повѣсти все-таки не были бы художественными; но по крайней мѣрѣ я не насиловалъ бы моей фантазіи, не грѣшилъ бы самъ, а только поправилъ бы грѣхи другихъ. Впрочемъ, кромѣ повѣстей есть что написать для дѣтей: одна исторія представила бы такъ много матеріаловъ. Но для этого нужны знанія, которыхъ у меня нѣтъ и недостатокъ которыхъ могло бы замѣнить знаніе языковъ. Сколько вертѣлось и вертится еще у меня въ головѣ славныхъ предпріятій—и всѣ они уничтожаются сами собою незнаніемъ языковъ, особенно нѣмецкаго. Видишь ли, что прежде всего мнѣ надо приняться за это, а чтобы приняться за это, надо быть спокойнымъ со стороны внѣшней жизни, а это спокойствіе могутъ дать только деньги, которыхъ мнѣ рѣшительно негдѣ взять. О, грамматика, ты сразила меня! Вотъ что значитъ не имѣть журнальныхъ благопріятелей и нѣкоторой оборотливости; я былъ такъ необоротливъ, что даже не послалъ экземпляра Краевскому, съ которымъ знакомъ и который вѣрно уже давно написалъ бы объ ней и пропечаталъ бы извѣстіе аршинными буквами. Бѣда да и только! Нѣтъ никакого выхода. Или продай свое убѣжденіе, сдѣлай изъ себя пишущую машину—или умирай съ голоду. Москва самый глупый городъ въ литературно-промышленномъ отношеніи: нѣтъ ни журналовъ, ни книгопродавцевъ. Скучно, братъ, этакъ жить на свѣтѣ. Я пишу письмо къ тебѣ, одному изъ моихъ друзей,— и что же въ этомъ письмѣ? — Не мечты и мысли о благѣ, о любви, о цѣли жизни, но какія-то пошлыя, коммерческія разсужденія о гадости жизни. И таковыя-то, по большей части, всѣ письма мои къ друзьямъ и разговоры съ ними... Это становится невыносимо. Я боюсь или сойти съ ума, или сдѣлаться пошлымъ человѣкомъ, пріобщиться къ этой толпѣ, которую такъ презираю и ненавижу. Горькая будущность, тѣмъ болѣе горькая, что я самъ приготовилъ ее своею безпорядочною жизнію!

Слова два о Надеждинѣ. Я не сержусь на него, нимало ненавижу его, даже люблю по какому-то воспоминанію о моихъ прежнихъ съ нимъ отношеніяхъ. Онъ человѣкъ добрый, но рѣшительно пустой и ничтожный. Жаль только, что онъ пустотою и ничтожностію своего характера можетъ дѣлать много зла людямъ, находящимся съ нимъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ. Это я еще недавно испыталъ на себѣ. На Кавказѣ лѣчился генералъ Скобелевъ, котораго обругалъ въ „Молвѣ“ 1835 года Селивановскій въ безымянной статейкѣ, какъ онъ это всегда дѣлаетъ по свойственному ему благоразумію. Скобелевъ одинъ разъ, столкнувшись со мною на водахъ, спросилъ меня: „Вы г. Бѣлинскій?“—Я.—„Очень радъ, я давно желалъ познакомиться съ вами“. Наговорилъ мнѣ тьму комплиментовъ и потомъ спросилъ меня за что я его разругалъ? Я ему сказалъ очень рѣзко, что я не люблю отказываться

отъ моихъ литературныхъ дѣлъ, хороши ли они, дурны ли; что, высказывая рѣзкое мнѣніе о томъ и о семъ, я никогда изъ чувства страха не отказывался отъ нихъ; но что объ немъ писалъ не я, а Селивановскій.—„Какъ не вы? да Надеждинъ самъ былъ у меня, просилъ извиненія и сказалъ мнѣ, что это написали вы, и хорошо, что онъ извинился передо мною, а то ему было бы худо: я хотѣлъ жаловаться Императору. Не хорошо, братецъ, быть такъ заносчивымъ: Гречъ мнѣ именно сказалъ о тебѣ, что ты голова рѣдкая, умъ свѣтлый, перо отличное, но что ты дерзокъ и ругаешься на чемъ свѣтъ стоитъ".—Въ этомъ духѣ продолжался нашъ разговоръ. Онъ продолжалъ меня осыпать комплиментами и, въ то же время, ругалъ Надеждина съ такимъ остервенѣніемъ и такимъ тономъ, что я не могъ не замѣтить, что всѣ эти ругательства относились ко мнѣ, а не къ Надеждину, который поклонившись его превосходительству повинною головою, получилъ полное его прощеніе. Разстались мы дружески: онъ пожалъ мнѣ руку и пригласилъ къ себѣ. Каковъ Николай Ивановичъ? Не говоря уже о томъ что онъ не знаетъ, кто и что у него пишетъ, онъ еще выдаетъ головою сильному человѣку своего сотрудника, который могъ безвозвратно погибнуть отъ одного слова этого сильнаго человѣка! Если бы и я написалъ эту статейку, и въ такомъ случаѣ, такъ какъ дѣло уже обошлось безъ бѣды, ему слѣдовало бы прикрыть меня, а не выдавать. Хорошъ! Впрочемъ, Богъ съ нимъ; желаю ему всякаго счастія отъ всей души; готовъ сдѣлать ему всякое добро, если бы нашелъ для этого случай; но также не упустилъ бы случая вывести наружу все его литературное поведеніе, отъ статей въ „В. Е." противъ Пушкина до статей въ „Б. для Ч.". Думаю, что послѣ такой моей статьи слава Булгарина и Греча померкла бы передъ этимъ новымъ свѣтиломъ на поприщѣ литературной безсовѣстности. Кстати, здѣсь въ Пятигорскѣ служитъ братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ: долженъ быть пустѣйшій человѣкъ. Здѣсь познакомился я съ очень интереснымъ человѣкомъ — казакомъ Сухоруковымъ. Но обо всемъ этомъ поговоримъ при свиданіи. Это письмо—послѣднее: 1-го или 2-го сентября мы выѣзжаемъ въ Москву, къ которой рвется душа и при одной мысли о которой замираетъ у меня сердце и кружится голова: такъ страшно мнѣ въѣхать въ нее. Этотъ въѣздъ представляется мнѣ какою-то ужасною катастрофою въ моей жизни. Одна надежда еще осталась, и та слабая: не тронется ли моя грамматика къ моему пріѣзду; безъ этого я погибъ. Ты что-то и гдѣ-то собирался написать объ ней, что же медлишь? Вѣдь о ея выходѣ кромѣ моихъ знакомыхъ, никто не знаетъ—какъ же идти ей. Въ Петербургѣ рѣшительно никто о ней не слышалъ. Въ газетахъ было объявленіе только одинъ разъ.

Прощай, мой милый, желаю тебѣ попрежнему хорошаго аппетита. Кстати, у меня теперь свой не уступаетъ твоему. Свидѣтельствую мое почтеніе Сергѣю Тимоѳеевичу. Прости. Твой В. Б.

15.

С.-Пб. 1840, Генваря 10-го.

Любезный Константинъ, Панаевъ сію минуту прочелъ мнѣ твое письмо къ нему. Прошу тебя дружески извинить меня за мое къ тебѣ письмо, грязное и не эстетическое, которое такъ глубоко оскорбило твое чувство. Повѣрь мнѣ, что я не имѣлъ никакого намѣренія оскорблять тебя, а признаюсь въ грѣхѣ—хотѣлъ только шутя намекнуть тебѣ на

нѣкоторыя истины. Вижу, что поступилъ не ловко. Я забылъ, что не ко всѣмъ можно являться въ халатѣ, а къ однимъ во фракѣ, другимъ въ сюртукѣ, смотря по отношеніямъ. Вижу—и мнѣ это горько,—что главная ошибка моего письма въ адресѣ. Еще разъ прости меня, и будь увѣренъ, что впередъ личность моя будетъ являться къ тебѣ для тебя, а не для себя и тебя вмѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, странно требовать, чтобы состояніе нашего духа равно интересовало всѣхъ, особенно когда мы увѣрены, что нѣкоторыхъ оно интересуетъ всегда и во всякомъ видѣ. Еще разъ прости.

Благодарю тебя, любезный Константинъ, за твое вниманіе и ласки моему брату: я смотрю на нихъ, какъ на благодѣяніе для него и право на вѣчную мою благодарность. Если онъ тебѣ бываетъ иногда въ тягость—не церемонься съ нимъ, а главное, говоря ему всегда правду безъ прикрасъ и какъ мальчику, а не взрослому, удерживай отъ резонерствъ и самолюбія, къ которымъ онъ удивительно какъ наклоненъ. Будь увѣренъ, милый Константинъ, что, несмотря на все, я люблю тебя. Не знаю, до какой степени простирается моя любовь къ тебѣ, что все, что я услышу о тебѣ такого, чего бы не желалъ о тебѣ слышать, искренно огорчитъ меня, а все, что желалъ бы слышать о тебѣ—искренно порадуетъ меня. Я увѣренъ, что долго не видавшись, при свиданіи, каждый изъ насъ удивится, что обрадовался другому больше, чѣмъ думалъ... Крѣпко, крѣпко жму твою руку, мой добрый и благородный Константинъ, и не прошу тебя о любви и дружбѣ, будучи въ нихъ такъ увѣренъ, что не повѣрилъ бы самому тебѣ, если бы ты вздумалъ разувѣрять въ нихъ. Если тебѣ покажется такъ,—не вѣрь себѣ, и я давно уже не вѣрю себѣ въ подобныя минуты. Для меня враждебность стала любовью, и только равнодушіе къ человѣку есть не обманчивый признакъ, что я его не люблю. А къ тебѣ я очень не равнодушенъ, потому что часто остервеняюсь противъ тебя. Что дѣлать! Я люблю по своему. Увѣдомь меня подробнѣе о впечатлѣніи, которое произвела моя статья объ „Очеркахъ“ Ѳ. Н. Глинки. Твое извѣстіе о неблагопріятности этого впечатлѣнія обезпокоило меня, какъ опасеніе за успѣхъ подписки на журналъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ порадовало. Лишь бы не смотрѣли равнодушно, а бранить—съ Богомъ: это доказательство дѣйствительности идеи и нѣкоторымъ образомъ моего служенія ей. Сперва посердятся, а тамъ и помирятся: это всегда такъ бываетъ.

Какъ моя статья кажется тебѣ? Бога ради—правду безъ оговорокъ. Пріѣхавши въ Питеръ, я увидѣлъ, что еще не умѣю писать—надо переучиваться, и переучиваюсь. Никогда не сознавалъ я такъ ясно поверхности и недостатковъ своихъ писаній, какъ теперь. Пребываніе въ Питерѣ для меня тяжело—никогда я не страдалъ такъ, никогда жизнь не была мнѣ такимъ мученіемъ, но оно для меня необходимо. Я бы желалъ и тебѣ пожить въ этой отрицательно-полезной сферѣ. Какова Боткина статья о музыкѣ! Когда я прочелъ ее, мнѣ стало грустно за свои статьи. Панаевъ отъ нея безъ ума, читалъ ее другимъ разъ пять и выучилъ ее наизусть. 1 № „О. З.“ интересенъ. Стихотворенія всѣ знакомы тебѣ, кромѣ Лермонтова. Каковъ его Терекъ? Дьявольскій талантъ! Присылай намъ своего только съ условіемъ sinequa non—отдавай переписывать. Я привезъ съ собою въ Питеръ твою статью о Шиллерѣ и отдалъ Краевскому. Такъ какъ для „Лит. Газ.“ она велика и серьезна, подъ отдѣлъ „О. З.“ не подходитъ, то Краевскій и хотѣлъ ее помѣстить въ смѣси 1 № и отослалъ въ типографію, но получилъ обратно съ увѣдомленіемъ, что ни одинъ наборщикъ не въ состояніи разобрать въ ней ни единой

буквы. Въ 1 № „О. З.“ моихъ двѣ статьи: о „Горѣ отъ ума“ и о „Менцелѣ“ (эта поизуродована цензурою, а въ началѣ ея NB. первая оплеуха Сенковскому, вторая Надеждину, а 3-я Гречу, который на своихъ публичныхъ чтеніяхъ тѣшилъ публику фразами изъ моей статьи, какъ образчиками галиматьи). Рецензіи почти всѣ мои, и одна изъ нихъ, о „Критическихъ очеркахъ“ Полеваго, почти въ $1^1/_2$ листа. Если пропустятъ, то увѣренъ, что послѣдняя не только понравится тебѣ, но и приведетъ тебя въ восторгъ. Бога самого ради, увѣдомь меня тотчасъ же, какое произведетъ впечатлѣніе статья о „Горѣ отъ ума“ на Гоголя. Я что-то и почему-то не ожидаю хорошаго,—но во всякомъ случаѣ не церемонься: надо все знать.

Радуюсь твоей новой классификаціи: Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь, но и дивлюсь ей. Куда же дѣвался Гёте? О юноша! пылка душа твоя, и я люблю ея прекраснодушную пылкость! Вотъ мы и сошлись съ тобою; только у меня на мѣстѣ Гоголя стоитъ Пушкинъ, который всего поглотилъ меня, и котораго чѣмъ узнаю, тѣмъ болѣе не надѣюсь узнать. Это Россія и единственный русскій національный поэтъ, полный представитель жизни своего народа. Да, великъ Гоголь, поэтъ мировой: это для меня ясно, какъ 2+2=4; но... Пушкинъ... Впрочемъ, надо еще подождать. Эти вещи трудны для выговариванія. Впрочемъ, личное знакомство съ поэтомъ лучше знакомитъ съ его твореніями, или, по крайней мѣрѣ, усугубляетъ наслажденіе превозносить его.

Интересно мнѣ знать, что ты скажешь о Ломоносовѣ. Ужъ вѣрно не то, что говорятъ и что не стоитъ быть говоримымъ. По крайней мѣрѣ, со стороны его вліянія на словесность я крѣпко усомнился. Говорятъ, что онъ въ литературѣ Петръ, а мнѣ кажется, что даже и не Меньшиковъ.

Видѣлъ Крылова и, признаюсь, съ умиленіемъ смотрѣлъ на этого старца-младенца, о которомъ можно сказать: „сей остальной изъ стаи славной“. Видѣлъ Жуковскаго, въ тотъ вечеръ, какъ на него всѣ напали за мѣреніе *продать Гоголя* Смирдину. Жуковскій—это воплощенное прекраснодушіе. Въ дѣлахъ жизни онъ даже и не юноша, а меньше чѣмъ ребенокъ. Во внутренней жизни онъ юноша, и я глубоко уважаю его юношество.

Портретъ кн. Одоевскаго во „Сто литераторахъ“ еще подъ сомнѣніемъ. По крайней мѣрѣ, онъ отрекся при мнѣ отъ согласія. Чуть ли это не штучка подлеца Полевого. Успокой Н. Ф. [1]), которому кстати, и поклонись отъ меня. Да, пожалуйста дай ему знать, что въ Лит. Прибавленіяхъ писалъ о его повѣстяхъ не я, а Межевичъ. Я такихъ пошлостей не писывалъ. Ужъ если бы лукавый дернулъ сподличать, то все не такъ глупо.

Мой искренній поклонъ Сергѣю Тимоѳеевичу. Вѣрь, Константинъ, что я уважаю твоего отца искренно, хотя онъ, какъ мнѣ кажется, и предубѣжденъ противъ меня. Что нужды! Я радъ, что мои предубѣжденія противъ него кончились. Наши лѣта и понятія разнятъ и рознятъ насъ, но я тѣмъ не менѣе уважаю его за вѣрное чувство поэзіи и за добрый и благородный характеръ. Да, въ Петербургѣ такихъ людей немного. Поклонись отъ меня Гоголю и скажи ему, что я такъ люблю его, и какъ поэта, и какъ человѣка, что и тѣ немногія минуты, въ которыя я встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ, были для меня отрадою и отдыхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ даже не хотѣлось и говорить съ нимъ, но его присутствіе давало полноту моей душѣ, и въ ту субботу, какъ я не

[1]) Н. Ф. Павловъ, авторъ „Трехъ повѣстей“ въ двухъ серіяхъ и пр. Ред.

увидѣлъ его у Одоевскаго, мнѣ было душно среди этихъ лицъ и пустынно среди множества. М. С. Щепкину и всему запорожскому семейству правъ челобитье великое и не жалѣй лба. Если бы ты былъ сильнѣе Митьки [1]), я бы пропросилъ тебя прибить его за то, что не пишетъ ко мнѣ.

Кланяйся всѣмъ, кто помнитъ меня.

Жму твою руку и обнимаю тебя. Твой неистовый Виссаріонъ. Панаевъ изъ рукъ вонъ: глупъ мочи нѣтъ. Да ты самъ это знаешь [2]). Книга о ноздренномъ дыханіи [3]) у князя есть своя, и потому не хлопочи. Отвѣчай мнѣ поскорѣе, буду съ нетерпѣніемъ ждать отвѣта, да пиши поразборчивѣе. Лажечниковъ очень доволенъ твоимъ знакомствомъ. Онъ очень тебя *понравилъ*.

16.

С. Б. П. 1840, Іюня 14.

Переписка наша, любезный Константинъ, производится довольно недѣятельно; но какъ ея живости мѣшаютъ обстоятельства, равно извиняющія обоихъ насъ, то объ этомъ нечего и говорить,—и вотъ тебѣ на твое письмо, въ которомъ, по обыкновенію всѣхъ безалаберныхъ людей, не выставлено года и числа, но которое я получилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Ты пишешь, что письмо мое удивило тебя искренностью тона, доказывающаго прямоту нашихъ отношеній, которыхъ (замѣчаешь ты) не должно смѣшивать съ дружбой. Скажу тебѣ на это, что меня очень удивило твое удивленіе, равно какъ и опасеніе, чтобы я обыкновенныхъ пріятельскихъ отношеній, скрѣпленныхъ взаимнымъ уваженіемъ и долговременнымъ знакомствомъ, не смѣшивалъ съ дружбою. Въ самомъ дѣлѣ, то и другое довольно странно съ твоей стороны. Я всегда былъ съ тобою прямъ и искрененъ, даже гораздо больше иногда, нежели сколько позволяли сущность нашихъ отношеній и деликатность. Какъ бы ни любилъ я тебя, но я любилъ тебя для тебя, а не для себя какъ пишешь. Сколько ни мало я заслуживаю уваженія и любви, но я слишкомъ привыкъ видѣть людей, добивавшихся моего знакомства и пріязни, и если эти люди сами по себѣ не были для меня интересны, мое самолюбіе молчало, а громко говорила моя нетерпимость. Во мнѣ много пороковъ, особенно мелкаго самолюбія, но сердце мое, право, лучше всего меня и никому не сдѣлало бы стыда.

Во всѣхъ отношеніяхъ съ людьми я искалъ любви и дружбы, и если передъ многими возвышался, то—какъ тебѣ извѣстно—передъ многими и умалялся, возвышая ихъ на свой счетъ. Нѣтъ, если къ чему я всего менѣе способенъ, по натурѣ моей, такъ это къ поддержкѣ какихъ бы то ни было отношеній изъ расчетовъ самолюбія и всякихъ другихъ расчетовъ; тогда какъ если бы я былъ способенъ къ этому, то могъ бы выиграть слишкомъ много. Что же касается до тебя, ты больше нежели кто-нибудь другой не имѣлъ права на подобное подозрѣніе, потому что самыя мои несправедливости (если онѣ были)

---

[1]) Сына М. С. Щепкина, Дмитрія.

[2]) Внизу письма приписка Ив. Ив. Панаева о глупости самого Бѣлинскаго, вновь приписка о Панаевѣ: „скотина“ и т. п. ласки.

[3]) Извѣстная мистическая книжка „Добротолюбіе“, которую предлагалъ К. С-чъ кн. Одоевскому. *Ред.*

и неделикантность (которая точно была) происходили изъ моего черезъ чуръ прямаго и откровеннаго характера. Любезный Константинъ, перейти изъ безотчетной вѣры въ людей въ безотчетное сомнѣніе, значитъ сдѣлать большой шагъ къ сознанію, но въ смыслѣ момента—не больше. Дѣйствительнаго же пріобрѣтенія тутъ нѣтъ, это промѣнъ 0 на 0, а изъ 0+0=0. Ты пишешь мнѣ о новыхъ своихъ друзьяхъ (о которыхъ я не могу сказать ни худаго, ни добраго, исключая Д. Щ., ибо не знаю ихъ), пишешь, какъ тебѣ съ ними пріятно, но изо всего тона письма твоего я вижу, что ты ихъ нисколько не любишь, и во всѣхъ твоихъ отношеніяхъ проглядываетъ горькая и мучащая тебя мысль: *не очаровывайся и разочарованія не будетъ.* Равнымъ образомъ, еще не значитъ вырваться изъ *пустаго кружка* (къ которому я за честь почитаю и теперь принадлежать) и *совершенно* забыть его, когда безпрестанно обращаешься къ нему, чтобы поносить его передъ человѣкомъ, который—какъ тебѣ извѣстно—принадлежитъ къ нему безраздѣльно и почитаетъ лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ, что дала ему жизнь. Въ переводѣ на здравый смыслъ, все это значитъ—*молодо-зелено.* Но я понимаю это, хоть и стою далеко выше этого, и не виню тебя. Твоя врожденная деликатность не допуститъ, послѣ этого объясненія, говорить худо мнѣ о лучшихъ моихъ друзьяхъ, и ты можешь забыть объ этомъ, какъ забываю я, дописывая послѣднее слово этой страницы. Но я не думаю оскорбить тебя или выйти изъ границъ нашихъ отношеній, сказавши тебѣ, что тонъ твоего письма, какъ выраженіе состоянія твоего духа, наводитъ на меня мрачную тоску. Не могу себѣ вообразить болѣе ужаснаго состоянія. Ты пишешь, что живешь хорошо, доволенъ собою, понимаешь Гегеля, видишь свое мѣсто въ наукѣ; и въ то же время говоришь, что тебѣ не выйти изъ твоей односторонности, и что дѣйствительность закрыта и недоступна для тебя. Если ты правъ, ты долженъ бояться науки, ибо дѣйствительность знанія есть дѣйствительность жизни, но безъ послѣдней она пораждаетъ (въ наукѣ) Тредьяковскихъ и Шевыревыхъ. Говорю тебѣ это смѣло, не имѣя желанія оскорбить тебя, но желая показать тебѣ собственное твое противорѣчіе съ самимъ собою. Сказать правду, оно столько же радуетъ меня сколько и трогаетъ: я вижу въ немъ начало благодѣтельнаго перелома, первый шагъ выхода изъ непосредственности. Тебѣ еще страшно выглянуть на свое положеніе прямыми глазами и назвать вещь ея настоящимъ именемъ; но ты уже много пріятныхъ мечтаній принесъ въ жертву истинѣ. Я надѣюсь, что скоро кончатся и твои другія предубѣжденія, и ты убѣдишься, что если въ тебѣ что-нибудь было оскорбляемо мною, или кѣмъ другимъ, такъ это твое самолюбіе, а не твое человѣческое достоинство. Странно обвинять тебѣ меня въ томъ, что я не хотѣлъ и не могъ дѣлить съ тобою мечтаній и называть ихъ дѣйствительностью, а я знаю, что это и называешь ты *гоненіями.* Я способенъ принимать мечты за дѣйствительность, но я всегда жестоко наказывалъ себя за подобныя заблужденія, и всегда имѣлъ силу плевать на свои пошленькія чувствованьица. Теперь, слава Богу, кажется я потерялъ навсегда способность къ дѣтскимъ увлеченіямъ. Я рѣшилъ, что самая мертвая, самая животная апатія лучше, выше, благороднѣе мечтаній и пошлыхъ чувствъ. За то теперь я или въ апатіи, или если чувствую, то не имѣю причины стыдиться своего чувства. У меня теперь много ложныхъ мыслей и рефлексій, но нѣтъ ужъ пошлыхъ чувствъ. Вотъ, любезный Константинъ, истинная причина того, что ты называешь оскорбленіями и гоненіями съ моей стороны—это разность нашихъ направленій. Я такъ думаю, хотя и могу ошибаться.

Во всякомъ случаѣ, тебѣ не за что сердиться на меня: это отвѣтъ на твое письма.

Теперь о Гоголѣ. Онъ великій художникъ, о томъ слова нѣтъ. Я и теперь не скажу, чтобы онъ былъ ниже В. Ск. и Купера, и не почитаю невозможнымъ, чтобы послѣдующія его созданія не доказали, что онъ выше ихъ. Сверхъ того, онъ и ближе ихъ къ намъ, слѣдовательно понятнѣе для насъ. Но онъ не русскій поэтъ въ томъ смыслѣ, какъ Пушкинъ, который выразилъ и исчерпалъ собою всю глубину русской жизни, и въ раны котораго мы можемъ влагать персты, чтобы чувствовать боль своихъ и врачевать ее. Пушкинская поэзія наше искупленіе, а въ созданіяхъ Гоголя я вижу только Тарасу Бульбу, котораго можно равнять съ „Бахчисарайскимъ Фонтаномъ", „Цыганами", „Борисомъ Годуновымъ", „Моцартъ и Сальери", „Скупой рыцарь", „Русалки", „Египетскія ночи", „Каменный гость". Въ формѣ всѣ художественныя произведенія равны, но содержаніе даетъ различную цѣнность: „Ричардъ II", „Отелло", „Гамлетъ", „Король Лиръ", „Макбетъ", „Ромео и Юлія" всегда будутъ выше Венеціанскаго купца", а Тарасъ Бульба выше всего остальнаго, что напечатано изъ сочиненій Гоголя.

Засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе Сергѣю Тим. и всему твоему семейству. Будь здоровъ и счастливъ, да поскорѣе пріѣзжай въ Питеръ. Панаевъ тебѣ кланяется, Языковъ также. Прощай. Твой В. Б.

17.

Спб. 1840, августа 23.

Я совершенно согласенъ съ тобою, любезный Константинъ, что всѣ заочныя объясненія ужасно глупы, особенно письменныя,—и такъ, къ чорту ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, пора намъ перестать быть дѣтьми и понимать взаимныя наши отнощенія просто, не натягивая ихъ ни на какія мѣрки.

Что тебѣ сказать мнѣ о самомъ себѣ? и много хотѣлось бы, а не говорится ничего.

Увидимся—потолкуемъ. Худо, братъ, худо: мнѣ все кажется, что жизнь слишкомъ ничтожна дла того, чтобы стоило труда жить; а между тѣмъ, и живешь, и страдаешь, и любишь, и стремишься и желаешь. Станкевичъ умеръ,—и что послѣ него осталось? трупъ съ червями. Однимъ словомъ, такъ или иначе, только результатъ одинъ и тотъ же:

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ
вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка!

Да и какая намъ жизнь-то еще? Въ чемъ она, гдѣ она? Мы люди внѣ общества, потому что Россія не есть общество! У насъ нѣтъ ни политической, ни религіозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатія, томленіе въ безплодныхъ порывахъ—вотъ наша жизнь. Что за жизнь для человѣка внѣ общества! Мы вѣдь не монахи среднихъ вѣковъ. Гадкое государство Китай, но еще гаже государство, въ которомъ есть богатые элементы для жизни, но которое спеленано въ тискахъ желѣзныхъ и представляетъ собою образъ младенца въ англійской болѣзни. Гадко, гнусно, ужасно! Нѣтъ больше силъ, нѣтъ терпѣнія.

Спасибо тебѣ за вниманіе къ моему брату, пожалуйста не оставляй его.

Я слышалъ, что Сергѣй Тимоѳ. скоро будетъ въ Питерѣ — очень ріятно будетъ мнѣ увидѣться съ нимъ.

Прощай. Твой В. Б.

Да скажи увидимся ли мы съ тобой, и когда именно.

1842.

IV.

Къ И. И. Х. [1]).

18

С.П.Б. 1842. Февраля 8.

Долго ругалъ я тебя, о Х., за твое упорное и глупое молчаніе. азъ хотѣлъ даже разругать письменно, но къ счастью полѣнился. Наконецъ, въ то время, какъ я уже думалъ, что мы съ тобою не увидимъ не услышимъ болѣе другъ друга (вѣдь я забылъ къ тому же твой дресъ), вдругъ—слава Аллаху и пророку его Ѳ. Н. Глинкѣ!—получаю исьмо, развертываю и зрю—стихи!.. Прочтя нѣсколько словъ, я догаался, что это письмо отъ Х., писанное прозою, но неровными строками ъ одной стороны (вѣроятно отъ душевнаго волненія и сердечнаго треета вслѣдствіе чтенія стиховъ Глинки), отчего эта проза и вышла поожею на стихи. Чтó я дѣлаю? спрашиваешь ты меня. Да все то же, твѣчаю я. Ѣздилъ на праздники въ Москву и какъ жилъ тамъ безъ аботы и работы, то въ двѣ недѣли поправился въ здоровьѣ, даже поолодѣлъ; а теперь хилъ и золъ и измученъ, словно водовозная лошадь. Гакъ ты въ Питеръ не надѣешься скоро быть? Дрянь, ты братецъ, рянь. Человѣкъ съ деньгами, но безъ воли—это такъ же гадко, какъ ъ волею безъ денегъ. Да ты врешь, ты пріѣдешь. Я жду тебя и слыпать не хочу, что не пріѣдешь. Сохрани тебя Богъ: какъ разъ окритиую въ моей литературѣ.

Ты проводишь время въ деревнѣ не слишкомъ скучно, о счастливый хоть и нелѣпый человѣкъ! Но это счастіе худо кончится; оскорбленая твоя натура нѣкогда возстанетъ, но это возстаніе не возродитъ, а уничтожитъ тебя: ибо уже поздно будетъ. Въ деревнѣ, въ кругу домашнихъ и свиней и въ кругу помѣщиковъ и ихъ собакъ и дворовыхъ людей, нельзя и „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“. Читать Байрона, ничего не читая о Байронѣ, безполезно: можно смѣшать его съ Ѳ. Г. или при немъ читать Ѳ. Г. [2]). Шекспира Кетчерова ты можешь вытребовать прямо чрезъ Ив., а чтó до Suplement zu Schillers Werke, не знаю никакъ и изъ какой лавки. Увѣдомь.

По твоему письму все выполнено. Свидѣтельство я вчера переслалъ къ полковнику. Онъ здоровъ и набивается на свиданье со мною по поводу кучи твоихъ бумагъ, какъ будто мнѣ до нихъ, или до него какое-нибудь дѣло! Вотъ ужъ подлинно какъ банный листъ... Дѣло мое съ Верленковымъ кончилось надувательствомъ съ его стороны, а на службу тоже не попалъ: видно судьба не хочетъ [3]).

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1876 г.

[2]) Х. былъ знакомъ съ Ѳ. Н. Глинкой, уважалъ его, какъ человѣка и цѣнилъ, какъ поэта. Бѣлинскій, не сочувствуя направленію Ѳ. Г. Глинки, смѣялся надъ похвалами стихамъ его, не въ мѣру увлекаясь весьма посредственными стихами своихъ пріятелей.

[3]) Тогдашнее время человѣкъ безъ чина не считался вполнѣ человѣкомъ; Бѣлинскому нуженъ былъ чинъ, чтобы имѣть нѣкоторое значеніе въ семъ мірѣ. Попытка его записаться на службу и получить вожделѣнный чинъ коллежскаго регистратора не увѣнчалась успѣхомъ по непредставленію какихъ-то бумагъ. *Ред.*

Теперь у меня къ тебѣ есть просьба. Кн. К—ій черезъ меня п
лучилъ отъ братьевъ небольшую сумму въ уплату долга; 200 р. велѣ
онъ мнѣ оставить у себя (вѣроятно имѣя въ виду свой долгъ тебѣ),
остальные употребить по его порученію. Просьба моя къ тебѣ гадкая
подлая. Вотъ въ чемъ дѣло: обстоятельства мои какъ будто начинаю
поправляться, но послѣднее давленіе нужды нестерпимѣе обыкнове
ныхъ, а потому ужасно сильно поползновеніе выскочить изъ болота н
плечахъ ближнихъ. Короче: если можешь, позволь мнѣ украсть у те
(до времени, впрочемъ неопредѣленнаго) эти 200 р.: они для меня были б
большою подмогою. По этому пункту жду отъ тебя рѣшенія. Ей Бог
краснѣю отъ своей наглости и безстыдства; да что же дѣлать! Вѣ
дѣло идетъ о деньгахъ—это есть солнце жизни, безъ котораго жизн
темна, и мрачна, и холодна... Кстати о К—омъ. Онъ получаетъ 480 р
ассиг. жалованья, каждый день имѣетъ говядину во щахъ. Жить так
дороже, чѣмъ въ Питерѣ. Князь посылаетъ тебѣ сто поклоновъ. Жал
мнѣ его.

Б. наконецъ догадался, что былъ у насъ шутомъ. Со мной он
еще такъ и сякъ, но противъ Панаева въ явной враждѣ. Вотъ ограни
ченный-то человѣкъ!

Панаевъ, Языковъ, К. и В. тебѣ кланяются. Они тебя любятъ, н
только смѣются надъ твоею способностью гнить въ деревнѣ и читать
Ѳ. Глинку.

Демонъ Лермонтова запрещенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ",
гдѣ былъ напечатанъ цѣликомъ.

Пиши ко мнѣ: я буду отвѣчать по мѣрѣ возможности и побѣждая
свою лѣнь. Прощай. Твой Бѣлинскій.

P. S. А что же обѣщанье тобою историческіе матеріалы для „От
чественныхъ Записокъ"? Присылай скорѣе къ Иванову.

1842—1843 г.

V.

Къ М. В. Орловой [1]).

19

С.П.Б. 1842, марта 4 дня.

Вы, конечно, думаете, что я забылъ о данномъ вамъ обѣща
ніи насчетъ присылки „Демона": въ такомъ случаѣ мнѣ очень
пріятно разувѣрить васъ въ моей забывчивости, когда вы, вѣроятно,
въ свою очередь забыли о ней и думать. Нечаянное, неожиданное
и при томъ столь пріятное разрѣшеніе долго занимавшаго меня во
проса о таинственномъ бумажникѣ, сдѣлало меня вашимъ должни
комъ,—и, долго ломая голову, я наконецъ обрадовался мысли—перепи
сать вамъ „Демона" собственною рукою. Мнѣ стало немножко совѣстно,
когда, раскрывши довольно красиво обдѣланную тетрадку, я вдругъ
увидѣлъ свои каракули, дико-странныя и безобразныя, подобно мнѣ
самому; но если я узнаю (разумѣется отъ васъ самихъ), что вы въ этихъ

---

[1]) „Помощь Голодающимъ". Научно-литературный сборникъ 1892 г.
Сообщилъ Г. А. Джанжіевъ. Смот. примѣчанія I.

ракуляхъ увидѣли именно то, что должно въ нихъ увидѣть—желаніе большимъ и пріятнымъ для меня трудомъ выразить вамъ мою благорность за ваше, незаслуженное мною, вниманіе ко мнѣ,—то нисколько раскаюсь въ томъ, что не нанялъ для переписки поэмы—хорошаго сца. Это и было причиною замедленія въ исполненіи моего обѣщанія: лѣнился приняться за работу, одна мысль о которой доставляла мнѣ олько наслажденій и минуты которой потомъ были для меня такими екрасными минутами, что я, конечно, не слишкомъ торопился преатить ихъ.

Вотъ что считалъ я нужнымъ объяснить Вамъ, и вотъ что рѣшило ня взять на себя смѣлость написать къ Вамъ эти строки: я былъ бы ень счастливъ, если бы вы дали мнѣ знать, что вы не считаете моей ѣлости совсѣмъ непростительною.

Но взявши на себя одну смѣлость, я не могъ удержаться и отъ угой—именно отъ желанія доставить моему лучшему другу удовольвіе вашего знакомства, котораго онъ сильно желаетъ, зная васъ черезъ ня и А. Д. Галахова. Пусть будетъ это ему отъ меня въ награду за о готовность принять на себя хлопоты полученія съ почты тетради и ставленія ея къ вамъ. Можетъ быть, я слишкомъ далеко простираю ю смѣлость, но прошу васъ позволить Василію Петровичу Боткину иться къ Вамъ,—хоть для того, чтобы передать мнѣ, увѣрить меня, о моя дерзость не превосходитъ вашей снисходительности,—если вы захотите передать мнѣ этого непосредственно отъ самихъ себя, и ѣмъ подарить счастливымъ днемъ человѣка, слишкомъ бѣднаго счаливыми днями.

Вашъ покорный слуга
В. Бѣлинскій.

20

С.-Пб. 1843, сентября 3.

Хочется много сказать вамъ, и потому ничего не говорится. Буду исать, какъ напишется. Вы хотѣли, чтобы я подробно увѣдомилъ васъ бо всемъ, что было со мною со дня нашей разлуки. Какъ сумѣю, выолню вашу волю. Во-первыхъ, я долженъ вамъ сказать, что уѣхалъ я зъ Москвы не въ четвергъ, а въ пятницу. Въ среду мнѣ было не то, тобы тяжело или грустно, а какъ-то неловко. Я смотрѣлъ по обыкновенію въ окна, слѣдя за видоизмѣненіями облаковъ,—погода была, поните, довольно дурна,—и на душѣ было и пусто, и тревожно. Я поѣхалъ кой-куда, а вечеромъ располагался къ Коршу, и мысль объ томъ визитѣ бросила меня въ жаръ. Но мнѣ не удалось быть у К., а ылъ я у Щ—хъ [1]), гдѣ только слегка упрекали меня въ забвеніи и дѣ отдѣлался я наглымъ молчаніемъ. Вечеромъ у меня былъ Кудрявевъ и m-r l'Adolescent [2]), который ни разу не упомянулъ при мнѣ вашего имени, но снова просилъ меня epouser m-lle Ostr. [3]). На другой день оутру поѣхалъ я къ Коршу. Меня встрѣтила его сестра [4]).—Узнаете ли

---

[1]) Щепкиныхъ.
[2]) Галаховъ.
[3]) Классная дама г-жа Остроумова.
[4]) Марья Θедоровна Коршъ.

вы меня? Не забыли ли вы, гдѣ мы живемъ? и пр. Выходитъ его жена
и я пришелъ въ ужасъ отъ ея коварной улыбки, чувствуя, что пог
нуть мнѣ отъ нея во цвѣтѣ лѣтъ и красоты. Однимъ словомъ, ме
множествомъ злыхъ намековъ, меня спросили: здоровъ ли мнѣ в
духъ сосновой рощи и какъ я нахожу московскія окрестнос
Я почувствовалъ себя въ паровой ваннѣ въ 40 градусовъ, краснѣ
блѣднѣлъ, хохоталъ какъ сумасшедшій и, — что всего ужаснѣе, — с
видѣли ясно, что это распеканіе доставляетъ мнѣ больше наслажден
чѣмъ досады. Къ стыду моему, я самъ это чувствовалъ. Какъ
узнали онѣ о сосновой рощѣ? Имъ сказала одна знакомая имъ да
что я часто бываю въ Скл. [2]). И какъ онѣ давно замѣтили перемѣ
во мнѣ и какъ я разъ надоѣлъ самому К. моею разсѣянностью и н
тянутостью,—то онѣ и смекнули въ чемъ дѣло. Женщины — кошки:
давно имѣлъ честь докладывать вамъ это. Онѣ сейчасъ замѣтятъ мыс
и начнутъ ее мучить, играя съ нею. А мои непріятельницы наход
особенное удовольствіе мучить меня, ибо я всегда смѣялся надъ бр
комъ, любовью и всякими сердечными привязанностями. Но въ ихъ з
сти было столько женскаго торжества, столько доброты, желанія м
счастія и радости за мое счастіе, что я покаялся передъ ними въ грѣ
моемъ. Впрочемъ ваше имя осталось для нихъ тайною и онѣ узна
только фактъ моего сердечнаго состоянія. Мнѣ стало съ ними легко
весело, и вечеромъ я опять пришелъ къ нимъ. Онѣ посадили ме
между собою за самоварнымъ столомъ, и я сидѣлъ подъ перекрестны
огнемъ лукавыхъ улыбокъ и торжественныхъ взглядовъ, и былъ весел
счастливъ, какъ ребенокъ, какъ дуракъ. Я уже имѣлъ честь донос
вамъ, что женщины на то и созданы, чтобы дѣлать мужчинъ дурака
но всего обиднѣе въ этомъ то, что мужчины до смерти рады своей г
пости. Но видно ужъ такъ суждено самимъ Господомъ Богомъ, и во
теріанцы напрасно противъ этого возстаютъ.

Проснувшись на другой день, я почувствовалъ нѣчто вродѣ тос
разлуки,—и если бы поѣздка была отложена до субботы, то я право
ручаюсь, чтобы не явился къ вамъ въ институтъ. Подобный Sehnsu
подмывалъ меня еще и въ четвергъ. Поѣхалъ я съ Языковымъ, Кл
ковъ тоже съ нами. Къ вечеру все сильнѣе и сильнѣе овладѣва
мною тоскливое порываніе къ вамъ. Засыпая тяжелымъ сномъ (ибо
могу хорошо спать сидя при стукѣ громоздкаго экипажа), я или ви
дѣлъ васъ, или чувствовалъ ваше присутствіе, и потому старался ка
можно больше и больше спать, хотя отъ этого спанья у меня толь
болѣла голова. Ѣхать въ каретѣ для меня пытка, потому что нель
лежать, а все надо сидѣть. Наконецъ кое-какъ доѣхали. Послѣдн
станція передъ Петерб. называется Ижоры. Такъ какъ отъ нея шос
до Птб. сдѣлано заново и ѣздить по немъ тяжело, то ямщики св
рачиваютъ на царскосельскую дорогу. Пріѣхавши въ Царское, мы съ К
вздумали высадиться изъ дилижанса, чтобы пріѣхать въ П. по же
лѣзной дорогѣ, а Яз. съ женою поѣхалъ въ дилижансѣ. Это бы
въ 6 час. вечера, въ понедѣльникъ, и намъ надо было дожидаться цѣ
лый часъ. Въ вокзалѣ я повстрѣчалъ человѣка Панаева, который ск
залъ мнѣ, что Боткинъ съ Arm. остановились на квартирѣ Панаев
(который живетъ на дачѣ въ Павловскѣ). Пріѣзжаю домой, вхожу въ
квартиру, которой еще не видалъ (потому что мой человѣкъ безъ ме

---

[1]) Софья Карловна Коршъ.
[2]) Въ Сокольникахъ.

ребрался на нее), не снимая картуза бѣгу въ мой кабинетъ—и отсту-
ю въ изумленіи назадъ: въ кабинетѣ за моимъ рабочимъ столомъ на
слахъ сидитъ женщина. Я такъ былъ увѣренъ, что Б. съ А. [7]) на
артирѣ Панаева, что съ трудомъ могъ убѣдиться, что передо мною
lle Armance,—тѣмъ болѣе, что въ комнатѣ только одна свѣча, какъ-то
скло горѣвшая. Мысль, что, моя комната освящена присутствіемъ жен-
ины и что въ этой же самой комнатѣ я могъ бы видѣть другую жен-
ину—эта мысль обезумила меня, такъ что когда m-lle Arm. съ ве-
лымъ привѣтствіемъ подала мнѣ руку, я забылъ даже то немногое
личество французскихъ словъ, которое зналъ. Къ этому присоеди-
лось и еще другое. Я ужасно любилъ и прежнюю мою квартиру; но
а (въ которой жилъ Краевскій) еще лучше той, но какъ она невелика,
я и рѣшилъ въ Москвѣ, что надо искать другой. Это меня безпо-
оило, потому что въ Петербургѣ легко находить или самыя лучшія,
е. самыя дорогія, или самыя скверныя квартиры, и, главное, это по-
ло бы меня къ разнымъ глупымъ затѣямъ. Между тѣмъ моя квартира,
стая, опрятная, красивая, свѣтлая, смотрѣла на меня такъ привѣт-
во, какъ будто бы хотѣла меня отъ души съ чѣмъ-то поздравить.
мѣшно подумать и стыдно признаться—сердце мое болѣзненно сжа-
сь. Является Б. и начинаетъ хвалить мою квартиру, говоря, что я
ѣлалъ бы крайне глупо, если бы перемѣнилъ ее, что Arm. въ вос-
ргѣ отъ нея и не хотѣла бы никогда жить на другой, что она лю-
ется безпрестанно моими картинами, разстановкой мебели и воскли-
етъ: il a du gout. Все это меня потрясло чуть не до лихорадки. На
угой день я увидѣлся съ Краевскимъ, я былъ даже нѣсколько тро-
тъ участіемъ и деликатностью, съ какими онъ говорилъ со мною вы
нимаете о чемъ. Онъ окончательно утвердилъ меня въ рѣшеніи не
еремѣнять квартиры. Я видѣлъ, что былъ очень глупъ, желая пустыми
тѣями, которыя ничего не прибавятъ къ счастью, откладывать истин-
ое счастье. И это, повидимому, пустое обстоятельство имѣло своимъ
езультатомъ то, что я пріѣду въ Москву уже не на праздникахъ и не
ослѣ праздниковъ, а передъ рождественскимъ постомъ, и не считаю
евозможнымъ пріѣхать даже въ половинѣ октября. Я опьянѣлъ отъ
той мысли, и хожу теперь дуракъ дуракомъ. Ни о чемъ не могу ду-
ать, ничего не могу дѣлать. Если письмо мое нескладно, то вотъ при-
ина этому. Боже мой, когда же это будетъ! Насъ будетъ раздѣлять
дна только дверь—и это радуетъ меня, ибо чѣмъ ближе будете вы ко мнѣ,
ѣмъ счастливѣе буду я. Квартира моя высока—въ третьемъ этажѣ; но
ъ П. квартиры нижнихъ этажей—хлѣвы и подвалы, а вторыхъ этажей
епомѣрно дороги. Къ удобствамъ квартиры моей принадлежитъ то, что
на свѣтла, окнами на солнце, суха и тепла, а это въ Птб. большая
ѣдкость. Она состоитъ изъ двухъ комнатъ. Задняя—мой теперешній
абинетъ, довольно длинная комната, съ двумя окнами на дворъ. Ее можно
ерегородить ширмами и тогда изъ нея выйдетъ для насъ двѣ комнаты:
зъ задней ходъ черезъ корридоръ въ кухню и прихожую, а изъ передней
ъ теперешнюю залу, которую я обращу тогда въ кабинетъ. Все это до
ого занимаетъ меня, что я только и думаю о томъ, какой видъ дать
оимъ комнатамъ. Я теперь ночую у знакомыхъ и къ себѣ на квартиру
кожу въ гости съ Б. Здоровье мое такъ и сякъ, да я теперь и неспособенъ
чувствовать ни болѣзни, ни здоровья. Я разорванъ пополамъ и чувствую,

---

[7]) В. П. Боткинъ и его невѣста m-lle Armance.

что не достаетъ цѣлой половины меня самого, что жизнь моя непо[illegible] и что я тогда только буду жить, когда вы будете со мной, подлѣ ме[illegible] Бываютъ минуты страстнаго, тоскливаго стремленія къ вамъ. Вотъ по[illegible] тѣлъ бы хоть на минуту, крѣпко, крѣпко пожалъ бы вамъ руку, т[illegible] сказалъ бы вамъ на ухо, какъ много я люблю васъ, какъ пуста и б[illegible] смысленна для меня жизнь безъ васъ. Нѣтъ, нѣтъ—скорѣе, скорѣе, и[illegible] я съ ума сойду!

Чтó вы, какъ вы? Здоровы ли, веселы ли, счастливы ли? Отъ э[illegible] минуты съ тоскою буду ждать вашего письма, буду считать дни и мину[illegible] когда получу отъ васъ первое письмо. Отвѣчайте мнѣ скорѣе, если [illegible] хотите заставить меня страдать. Адресуйте ваши письма вотъ по это[illegible] адресу: Въ С.-Петербургъ, на Невскомъ проспектѣ, у Анички[illegible] моста, въ д. Лопатина, квартира № 47. Адресъ тотъ же, чтó [illegible] васъ, только № квартиры надо прибавить.

Въ среду, 1-го окт., Б-ткнъ обвѣнчался съ Arm. Теперь онъ х[illegible] почетъ, чтобы въ субботу отправиться за границу. Онъ вамъ кланяется [illegible] благодаритъ васъ за память о немъ.

Аграфенѣ Васильевнѣ [1]) посылаю мой искренній задушевный привѣ[illegible] и прошу, умоляю ее какъ можно меньше сердиться на всѣхъ, а въ особе[illegible] ности на самое себя, на васъ и на меня. Правда, я много виноватъ перед[illegible] ней, но это такая вина, въ которой я нимало не намѣренъ ни раскаятьс[illegible] ни исправиться.

Прощайте. Да хранитъ васъ Господь для вашего и моего счасті[illegible] Посылаю вамъ всѣ благословенія и обѣты навсегда преданнаго ва[illegible] моего сердца.

В. Бѣлинскій.

21

С. Пб. 1843, Сентября 7-го вторникъ.

Вчера должны были вы получить первое письмо мое къ вамъ. Я знаю [illegible] какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ волненіемъ ждали вы его; знаю, съ како[illegible] радостію и какимъ страхомъ услышали вы, что есть письмо къ А. В., и како[illegible] труда стоило вамъ съ сестрою принять на себя видъ равнодушія. Я не мог[illegible] писать къ вамъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Птб., потому что жилъ на бивака[illegible] и былъ внѣ себя. Первое письмо мое написано кое-какъ. Въ продолжен[illegible] дней, въ которые должно было идти оно въ М., я только и думалъ о томъ, когда вы получите его; я мучился тѣмъ же нетерпѣніемъ, какъ и вы, мысль моя погоняла лѣнивое время и упреждала его; съ радостію видѣлъ [illegible] наступленіе вечера и говорилъ себѣ: „днемъ меньше!“ Но вчера я былъ какъ на угольяхъ, разсчитывая, въ которомъ часу должны вы получить мое письмо. Я не могу видѣть васъ, говорить съ вами, и мнѣ остается только писать къ вамъ; вотъ почему второе письмо мое получаете вы, не успѣвши освободиться изъ-подъ впечатлѣнія отъ перваго. Мысль о васъ дѣлаетъ меня счастливымъ, и я несчастенъ моимъ счастіемъ, ибо могу только думать о васъ. Самая роскошная мечта стоитъ меньше самой небогатой существенности; а меня ожидаетъ богатая существенность: чтó же и къ чему мнѣ всѣ мечты, и могутъ ли онѣ дать мнѣ счастіе? Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока вы не со мной,—я самъ не свой, не могу ничего дѣлать, ничего думать. Послѣ этого очень естественно, что всѣ мои думы, желанія, стремленія сосредоточились въ одной мысли, въ одномъ вопросѣ:

---

[1]) Сестра М. В. Орловой.

гда же это будетъ? И пока я еще не знаю, когда именно, но что-то утри меня говоритъ мнѣ, что скоро. О, еслибы это могло быть въ дущемъ мѣсяцѣ!

Погода въ Пб. чудесная, весенняя. Она прибыла сюда вмѣстѣ со ою, потому что до моего пріѣзда здѣсь были дождь и холодъ. А теперь небѣ ни облачка, все облито блескомъ солнца, тепло, какъ въ ясный рѣльскій день. Вчера было туманно, и я думалъ, что погода перемѣнится; сегодня снова блещетъ солнце, и мои окна отворены. А ночи? Еслибы знали, какія теперь ночи! Цвѣтъ неба густо-теменъ и въ то же время ко блестящъ усыпавшими его звѣздами. Не думайте, что я не берегусь, радовавшись такой погодѣ. Напротивъ: я и днемъ, какъ и вечеромъ, жу въ моемъ тепломъ пальто, чему, между прочимъ, причиною и то, э еще не пришелъ въ П. посланный по транспорту ящикъ съ моими щами, гдѣ обрѣтается и мое лѣтнее пальто. Впрочемъ, днемъ нѣтъ какой опасности ходить въ одномъ сюртукѣ, безъ всякаго пальто, но черомъ это довольно опасно, и вотъ ради чего я и днемъ жарюсь... ь) зимнемъ пальто. Мнѣ кажется, что въ Москвѣ теперь должна быть рошая погода. Не забудьте увѣдомить меня объ этомъ: московская года очень интересуетъ меня. Не повѣрите, какъ жарко: окна отворены, задыхаюсь отъ жару. На небѣ такъ (ярко) и свѣтло, а на душѣ съ легко и весело!

Безъ меня мои растенія ужасно разрослись, а что̀ больше всего радовало меня, такъ это то, что безъ меня расцвѣла одна изъ моихъ еандръ. Я очень люблю это растеніе, и у меня ихъ цѣлыхъ три горшка. на олеандра выше меня ростомъ. Послѣ тысячи мелкихъ и ядовитыхъ садъ и хлопотъ, Боткинъ наконецъ уѣхалъ за границу. Это было въ ботy (4 сент.). Я провожалъ его до Кронштадта. День былъ чудесный,— мнѣ такъ отрадно было думать и мечтать о васъ на морѣ. Разстались съ Б. довольно грустно, чему была важная причина, о которой узнаете слѣ. Странное дѣло! Я едва могъ дождаться, когда перейду на мою артиру, а тутъ мнѣ тяжела была мысль, что я вотъ сегодня же ночую ней. И теперь еще мнѣ какъ-то дико въ ней. Впрочемъ, это будетъ съ до тѣхъ поръ, пока я вновь не найду самого себя, т. е. пока вы возвратите меня самому мнѣ. До тѣхъ же поръ мнѣ одно утѣшеніе и но наслажденіе: смотрѣть на стѣны и мысленно опредѣлять перемѣщеніе этинъ и мебели. Это меня ужасно занимаетъ.

Скажите: скоро ли получу я отъ васъ письмо? Жду—и не вѣрю, дождусь; увѣренъ, что получу скоро—и боюсь даже надѣяться. О, мучьте меня; но вѣдь вы уже послали ваше письмо, и я получу его одня, завтра!—не правда ли?

Прощайте. Храни васъ Господь! Пусть добрые духи окружаютъ съ днемъ, нашептываютъ вамъ слова любви и счастія, а ночью посылаютъ мъ хорошіе сны. А я,—я хотѣлъ бы теперь хоть на минуту увидать съ, долго, долго посмотрѣть вамъ въ глаза, обнять ваши колѣна и цѣловать край вашего платья. Но нѣтъ, лучше дольше, какъ можно льше не видѣться, совсѣмъ, нежели увидѣться на одну только минуту, вновь разстаться, какъ мы уже разстались разъ. Простите меня за болтовню; грудь моя горитъ, на глазахъ накипаетъ слеза: въ такомъ упомъ состояніи обыкновенно хочется сказать много и ничего не ворится, или говорится очень глупо. Странное дѣло! Въ мечтахъ я чше говорю съ вами, чѣмъ на письмѣ, какъ нѣкогда заочно я лучше ворилъ съ вами, чѣмъ при свиданіяхъ. Что̀-то теперь Сокольники?

Чтó завѣтная дорожка, зеленая скамеечка, великолѣпная аллея? К грустно вспоминать обо всемъ этомъ, и сколько отрады и счастія грусти этого воспоминанія!

Сент. 8-го. Скажите, Бога ради, чтó Ваня—здоровъ или бол живъ или умеръ? Не смѣшно ли, что я васъ спрашиваю такъ, к будто бы вы уже писали ко мнѣ, да забыли только упомянуть этомъ обстоятельствѣ. Когда же дождусь я письма отъ васъ? Сег на небѣ сѣро, и не знаю, пробьется ли солнце сквозь облачную пел Это досадно—я такъ люблю ясную погоду, и такъ рѣдко наслаждаюсь

Что вамъ сказать о моемъ здоровьѣ? Я пріѣхалъ въ П. съ лихорад но теперь она оставила меня. Когда это случилось—не помню, потому рѣшительно неспособенъ различать болѣзненное состояніе отъ здоро и наоборотъ. Теперь я и здоровъ, и боленъ однимъ, объ одномъ к думать и однимъ полонъ, и это одно—вы. Прощайте. Вашъ навс

В. Бѣлинскій.

22

С.П.Б. 1843, сент. 14-го.

Наконецъ-то вы и Богъ сжалились надо мною. О, если бы вы зна чего мнѣ стоило ваше долгое молчаніе. Первое письмо мое пошло къ в 3-го сент. (въ пят.), слѣд. 6-го (въ понед.) вы получили его. Я разсчи что во вторникъ Агр. В. дежурная, и потому думалъ, что вашъ отвѣ пойдетъ въ среду (8-го), а ко мнѣ придетъ въ субботу. Но въ суб ничего не пришло, и мнѣ съ чего-то вообразилось, что я жду вашего отв на мое письмо уже недѣли двѣ. Въ воскр. нѣтъ; я пріунылъ,—и въ гол полѣзли разные вздоры: то мое письмо пропало на почтѣ и не дошло до в то вы больны, и больны тяжко, то (смѣйтесь надо мною—я зналъ, ч глупъ—вѣдь вы же сдѣлали меня дуракомъ) вы вдругъ охладѣли ко мнѣ не могъ работать (а съ работою и такъ опоздалъ, все думаю объ васъ); было тяжело, жизнь опять приняла въ глазахъ моихъ мрачный колор Къ тому же съ воскресенья началась холодная и дождливая погод погода всегда имѣетъ сильное вліяніе на расположеніе моего духа. понедѣльникъ опять нѣтъ, сегодня ждалъ почти до 3-хъ часовъ, и горя, не смотря на дождь, пошелъ обѣдать на другой конецъ Невск проспекта. Возвращаясь домой, возымѣлъ благое желаніе утѣшить с въ горѣ двумя десятками грушъ, твердо рѣшившись истребить ихъ мен чѣмъ въ двадцать минутъ. Прихожу домой, и изъ залы вижу въ кабине на бюро, что-то въ родѣ письма. У меня зарябило въ глазахъ и захват духъ. Рука женская; но, можетъ быть, это отъ Бак—хъ? [1]) Нѣтъ, конвертѣ штемпель московскій. Чтó жъ бы вы думали!—я сейч схватилъ, распечаталъ, прочелъ?—Ничуть не бывало. Я переодѣ дождался, пока мой валетъ уйдетъ въ свою комнату,—а сердце ме тѣмъ билось...

Боже мой! сколько мученій прекратило ваше письмо! Сколько р думалъ я, если это отъ болѣзни, то сохрани и помилуй меня Богъ чуть ли не первая была моя молитва въ жизни); если же это так нынче да завтра, то прости ее, Господи! Я сталъ робокъ и всего бо но больше всего въ мірѣ—вашей болѣзни. Мнѣ кажется, что я такъ покъ, что смѣшно и думать и заботиться обо мнѣ; но вы—о, Боже м Боже мой, сколько тяжелыхъ грезъ, сколько мрачныхъ опасеній!

---

[1]) Бакуниныхъ.

Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ за ваше милое письмо. Оно къ просто, такъ чуждо всякой изысканности и, между тѣмъ, такъ много ворить. Особенно восхитило оно меня тѣмъ, что въ немъ вашъ харакръ, какъ живой; мечется у меня передъ глазами,—вашъ характеръ, сь составленный изъ благородной простоты, твердости и достоинства. ши выговоры мнѣ за то и другое—я перечитывалъ ихъ слово по слову, ква по буквѣ, медленно, какъ гастрономъ, наслаждающійся лакомымъ шаньемъ. Я далъ себѣ слово, какъ можно больше провиняться передъ ми, чтобы вы какъ можно больше бранили меня. Впрочемъ, вы въ номъ вашемъ упрекѣ мнѣ рѣшительно не правы. Какъ вы мало меня аете, говорите вы мнѣ, и говорите неправду. Я васъ знаю хорошо, и мая ваша безтребовательность могла уже меня заставить немножко фантазироваться. Притомъ же, какъ русскій человѣкъ, я какъ-то прикъ думать, что, женясь, надо жить шире. Это, конечно, глупо. Я васъ аю,—знаю, что васъ нельзя ни удивить, ни обрадовать мелочами и дорами; но не отнимайте же совсѣмъ у меня права думать больше о съ, чѣмъ о себѣ. Я знаю, что для васъ все равно, тотъ или этотъ глъ, лишь бы можно было сидѣть на немъ; но чтожъ мнѣ дѣлать, ли я счастливъ мыслію, что лучшій стулъ будетъ у васъ, а не у меня. упо, глупо и глупо—вижу самъ; да развѣ я претендую теперь хоть капельку ума? Развѣ я не знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ началъ пощать Сок.,[1]—сдѣлался такимъ дуракомъ, какимъ еще не бывалъ. перь я понялъ ту великую истину, что на свѣтѣ только дураки счаливы. Я было отчаялся въ возможности быть сколько-нибудь счастлимъ, не понимая того, что не велика бѣда, если родился не дуракомъ— оитъ сойти съ ума... Зарапортовался!

Все, что вы пишете о томъ, что было съ вами со дня нашей разки, все это такъ истинно, такъ естественно и такъ понятно мнѣ. За ши мысли о неприличіи приносить въ общество свою нарядную печаль ѣ хотѣлось бы поцѣловать вашу ножку. А что вы пустились въ плясъ, о мнѣ не совсѣмъ по сердцу, потому что усиленное движеніе можетъ мъ быть вредно, пожалуй, еще простудитесь.

А вѣдь Аграфена-то Васильевна права, упрекая васъ, что вы не ворили со мною откровенно о будущемъ. Я было не разъ думалъ нанать такіе разговоры, да какъ-то все прилипалъ языкъ къ гортани. рочемъ, пользы отъ этого для меня не было бы никакой; но эти разворы дѣлали бы меня безумно счастливымъ и болѣе и болѣе сблили бы насъ другъ съ другомъ. А то меня всегда и постоянно мучила сль, что мы не довольно близки другъ къ другу, что мы ребячимся, иваясь немного на провинціальный идеализмъ.

Мое здоровье! Да Богъ его знаетъ—говорю вамъ, что не разберу, ивъ ли я, или умеръ. Въ воскресенье, поѣхавъ обѣдать къ Комарову, остудился слегка—кашель и насморкъ—оттого, что мое теплое пальто сквозь промокло отъ дождя. Впрочемъ, простудный кашель—наслажніе въ сравненіи съ нервическимъ и желудочнымъ. Теперь все прошло. должен покаяться предъ вами въ грѣхѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: не ѣть никого, съ кѣмъ бы я могъ иногда поговорить объ васъ, — для ня мученіе. Вотъ почему Марія Алекс. Комарова знаетъ то, чего не аютъ Корши. Я сказалъ ея мужу, ибо самъ не имѣлъ духу даже педать ей вашего поклона. Прихожу послѣ и вижу, что ей какъ-то не-

---

[1]) Сокольники.

ловко со мною. Хочется ей подтрунить на мой счетъ—и боится. Тогда самъ прехрабро началъ наводить ее на шутки на мой счетъ. И что ж Она такъ конфузилась, такъ ярко вспыхивала, что мы съ ея муж стали смѣяться, а я просто былъ въ неистовомъ восторгѣ. И было о чего! Я, который краснѣю за другихъ—не только за себя, я былъ г геройски безстыденъ, а бѣдная М. А. за меня рѣзалась. Но въ прош воскр. мы съ нею таки потолковали о васъ и объ институтѣ. Вообще радъ, что К—вы знаютъ: чрезъ это я обдерживаюсь, привыкаю къ мы о новомъ положеніи и пріучаюсь не бояться фразы: „все былъ не ж натъ, а то вдругъ женатъ!"

Я совершенно согласенъ съ А. В., что вы были лучше всѣхъ маленькомъ балѣ вашей начальницы. Другія могли быть свѣжѣе, гр ціознѣе, миловиднѣе васъ,—это такъ, но только у одной у васъ че лица такъ строго правильны и дышутъ такимъ благородствомъ, так достоинствомъ. Въ вашей красотѣ есть то величіе и та грандіозно которыя даются умомъ и глубокимъ чувствомъ. Вы были красавицей полномъ значеніи этого слова, и вы много утратили отъ своей красо но при васъ осталось еще то, чему позавидуютъ и красота и молодо и что не можетъ быть отнято отъ васъ никогда. Я это давно ужъ на налъ понимать; но опытъ—лучшій учитель, и я недавно, чужимъ о томъ, еще болѣе убѣдился въ томъ, что ничего нѣтъ опаснѣе, какъ с зывать свою участь съ участью женщины за то только, что она прекра и молода. Долго было бы распространяться объ этомъ „чужомъ опыт и мнѣ хотѣлось бы разсказать вамъ о немъ не на письмѣ. И по пока скажу вамъ одно, что Б. [1]) глубоко завидуетъ мнѣ, а я ему сколько или, лучше сказать, очень, очень жалѣю его и понимаю его в клицанія еще въ Москвѣ: „зачѣмъ ей не 30 лѣтъ?"

Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ, какъ глубоко, какъ сильно люб я васъ, сказать вамъ, что вы дали смыслъ моей жизни, и много, м хотѣлось бы сказать мнѣ вамъ такого, что вы и безъ сказыванья дол знать. Но не буду говорить, потому что на словахъ и на письмѣ все выходитъ у меня какъ-то пошло и нисколько не выражаетъ того, что должно было выразить. Теперь я понимаю, что поэту совсѣмъ не ну влюбляться, чтобы хорошо писать о любви, и скорѣе не нужно в бляться, чтобы мочь хорошо писать о любви. Теперь я понялъ, мы лучше всего умѣемъ говорить о томъ, чего бы намъ хотѣлось, чего у насъ нѣтъ, и что мы совсѣмъ не умѣемъ говорить о томъ, ч мы полны.

Прощайте, Marie. Вы просите меня не мучить васъ, застав долго ждать моихъ писемъ: я отвѣчаю вамъ въ тотъ же день, какъ лучилъ ваше письмо, и посылаю мой отвѣтъ завтра. Такъ хочу я все дѣлать.

Очень меня тронуло то, что вы пишите мнѣ объ А. В. Со мн ей было тѣсно, а безъ меня скучно. Я понимаю это, и оно иначе бы не могло. А. В. не можетъ быть расположена къ человѣку, котор долженъ сдѣлать счастливою ея сестру, и въ то же время она не мо защититься отъ какого-то враждебнаго чувства къ человѣку, котор долженъ разлучить ее съ тѣмъ, что составляло все ея счастіе и всю любовь. Кромѣ того, мои къ ней отношенія (въ которыхъ я не совсѣ виноватъ) не могли же особенно расположить ее ко мнѣ: ея видъ бо

[1]) Боткинъ.

рчалъ меня, чѣмъ радовалъ, ибо я хотѣлъ видѣть только одну васъ быть съ одною вами. Но, не смотря на то, у меня всегда было самое душное, самое теплое чувство къ А. В. И теперь я люблю ее какъ брую, милую сестру мою—конечно, ни она, ни вы не найдете это выкеніе дерзкимъ или неумѣстнымъ. Жму руку Аграфенѣ Васильевнѣ и зко ей кланяюсь. Богъ дастъ, можетъ быть, когда-нибудь мы и всѣ е будемъ жить вмѣстѣ. По крайней мѣрѣ, я отъ всей души желаю го. Я привыкъ ложиться и вставать рано. Это полезно мнѣ. Но сегодня идѣлъ до 12 часовъ—писалъ статью, потомъ письмо, и рука крѣпко тъ. Немного остается бѣлой бумаги, и мнѣ жаль этого—все бы говоъ съ вами.

Бѣдный Ваня—мнѣ жаль, что онъ умеръ, жаль и его самого, и его гери, потому что для матери тяжела потеря дитяти. Радуюсь вашей бросги съ Миловзоромъ и вашей радости по случаю моей рѣзни у шей. Читали ли вы 9-й № „Отеч. Записокъ?“ Моя статья о Жук. ѣлала шуму,—всѣ хвалятъ. Вотъ уже не понимаю, какъ эта статья ла хороша; я писалъ ее наканунѣ дня, въ который можно было ть въ Сок.

Пожалуйста, побраните меня хорошенько въ слѣдующемъ письмѣ емъ, которое (надѣюсь) скоро придетъ ко мнѣ. Вы меня по вечерамъ стите: почему-жъ и не такъ, если это забавляетъ васъ? А я—меня е забавляетъ эта игра: продолжайте. Что же касается до лѣченія. во, не до него. Скажу вамъ не шутя: пока вы не со мной, я безъ овы, безъ ума, самъ не свой, ничего не могу дѣлать и ни о чемъ дуъ. Я самъ не вдругъ въ этомъ увѣрился; но теперь, касательно этого, тавилъ 4, помноживши2 на 2.

Еще разъ прощайте. Вашъ В. Бѣлинскій.

23

Сент. 18 го, суббота.

Цѣлый день мучитъ меня какая-то тяжелая, безотрадная тоска. Моъ быть это оттого, что вчера я былъ уже черезчуръ веселъ, безумно веъ. Былъ я вчера у Вержбицкихъ. У нихъ въ домѣ были двѣ именницы, вслѣдствіе какового событія была пляска подъ звуки рояли. ны до того раскутились, что пристали ко мнѣ, чтобы танцовалъ франскую кадриль. Я сталъ—меня водили, толкали, посылали вправо и во; я ходилъ, путалъ, всѣ хохотали, я тоже, а въ... крѣпко пожиъ дамамъ руки, за что онѣ громко изъявляли свое на меня неудоьствіе. Это, однако же, не помѣшало имъ звать меня на вторую кадь: опять та же исторія. Всѣ эти глупости и фарсы были очень милы, ому что были непритворно веселы, были отъ души. Я пришелъ домой 12 часовъ, или около того, вполнѣ довольный моимъ днемъ. И я лъ причины быть довольнымъ имъ: въ этотъ день явилась мнѣ уже вдали, не въ туманѣ и не гадательно возможность близкаго свершенія хъ лучшихъ желаній. Но объ этомъ послѣ. Видите ли, Marie, не ѣ вы пускаетесь въ плясъ, и я ни въ чемъ не хочу вамъ уступить, ъ смѣшномъ далеко превосхожу васъ,—а право, я не шучу, только одномъ этомъ я и сознаю мое передъ вами превосходство. Но сегодня самаго утра почувствовалъ я себя нехорошо. Можетъ быть, это неровье. Я принялъ лѣкарство—мнѣ стало нѣсколько лучше, но душев расположеніе мое отъ этого немногимъ разъяснилось. Да, это отъ доровья: вчерашній бокалъ шампанскаго крѣпко ударилъ мнѣ въ го-

лову, а передъ тѣмъ я немного простудился. Мнѣ совсѣмъ бы не в пить вина; но когда всѣ веселы и самъ себя чувствуешь веселымъ— какъ удержишься, чтобъ не подурачиться? Мнѣ же такъ ново и не вычно быть веселымъ.

Прихожу сегодня домой отъ обѣда и ищу глазами письма—его нѣ А между тѣмъ мысль о немъ веселила меня вчера и поддерживала годня. Въ субботу (11-го) вы получили мое второе письмо, во втор (14-го) Агр. Вас. свободна,—и вашъ отвѣтъ могъ бы быть посланъ. нетерпѣніе рѣшило, что онъ непремѣнно посланъ во вторникъ, и я ждалъ еще вчера, а потомъ утѣшилъ себя мыслью, что почталіон не успѣлъ разнести—получу завтра, и вотъ почему я сегодня съ длиннымъ носомъ, и теперь съ горя принялся писать къ вамъ. Ст быть, письмо ваше послано въ четвергъ (6), и я получу его завтра

Дай-то Богъ!

24

Сент. 19. Воскресенье.

Вотъ и еще день прошелъ, а письма вашего нѣтъ; оно не отп лено и въ четвергъ, стало быть, я не получу его и завтра, а дол ждать во вторникъ, и то въ такомъ только случаѣ, если оно отправ въ субботу. Знаю, что такія замедленія происходятъ не отъ васъ, а того, что А. В—нѣ нѣтъ достаточнаго предлога къ выѣзду изъ институт знаю все это, но отъ этого мнѣ все-таки не легче. Знаю, что и в это не совсѣмъ пріятно и за себя, и за меня; но все-таки тяжело, о тяжело. Обманутая надежда, несвершенное ожиданіе, и потомъ раз грустныя и мрачныя мысли, которыя противъ воли лѣзутъ въ голо все это тяжело и тяжело. Вы какъ-то говорили мнѣ, что были н рены отправлять ваши письма черезъ вашу garde-malade: не лучше это будетъ?

Сегодня съ горя поѣхалъ обѣдать къ Комарову. M-me K. сег была очень зла и, противъ своего обыкновенія, очень храбра — жа меня какъ пчела и заставляла конфузиться. Я какъ-то сдуру, забывш началъ улыбаться про себя; вдругъ вопросъ: о чемъ? Словно со холодною водою—тѣмъ болѣе, что тутъ были посторонніе люди. По ни съ того, ни съ сего вопросъ: какія вы любите губы—толстыя тонкія? Толстыя, какъ у коровы!—отвѣчалъ я съ досадою. Ѳекла Ал ѣдетъ въ Вологду, и ей нужно же было за столомъ изъявить сво жалѣніе о томъ, что не увидитъ меня,—я погибалъ,—по возвращ моемъ изъ Москвы... О женщины! А вотъ и еще вамъ жалоба на М. Замѣтивши, что мнѣ нравится одно ея платье, она всегда надѣваетъ въ тѣ дни, когда я у нихъ бываю, и вообще старается всѣми си завладѣть моимъ сердцемъ. Я храбро боролся, побѣдилъ, но въ бор утратилъ много силъ, и потому, возвращаясь домой, принужденъ б взять извозчика, хотя прежде располагался было итти домой пѣшк Все это глупости: а дѣло тутъ въ томъ, что мнѣ очень пріятно бол о васъ съ М. А. Это тѣмъ пріятнѣе, что письмо ваше я ужъ выуч наизусть, а на полученіе новыхъ потерялъ всякую надежду. Между чимъ, мы говорили съ ней и о дѣлахъ, т. е. пустились въ разныя зяйственныя соображенія.

Кстати о дѣлѣ и о дѣлахъ. Пора мнѣ съ вами поговорить о серьезно. Вы не напрасно бранили меня въ письмѣ своемъ за раз затѣи и фантазіи. Я заслуживалъ еще большей брани. Я не разъ говор

мъ и повторю теперь, что вы умнѣе меня. Мой умъ чисто теоретическій, и › теоріи прекрасно умѣетъ ставить 4, помноживши 2 на 2; въ дѣйстви-льности, я столько же глупъ, сколько вы умны,—стало быть, очень упъ. Говорю это не шутя, ибо хочу, чтобы вы знали меня такимъ, ковъ я есть въ самомъ дѣлѣ; скорѣе хуже, нежели я есть, чѣмъ лучше, жели я есть. Живя въ Москвѣ и плавая душою въ эмпиріяхъ, и составилъ › головѣ преглупый планъ, по которому мнѣ, по пріѣздѣ въ Питеръ, адо было засѣсть за дѣло, чтобы кончить работу, которая дѣйствительно олжна была принести мнѣ значительныя выгоды. Но по пріѣздѣ въ итеръ я тотчасъ же увидѣлъ, что не могу ничего дѣлать, особенно гчась тщетнымъ ожиданіемъ писемъ. Потомъ я сообразилъ, что хотя я опредѣлялъ окончаніе моей работы къ новому году, однако она могла а и еще затянуться мѣсяца на три, даже при усиленной дѣятельности. се это я теперь нахожу школьнически-глупымъ. Положимъ, что этою аботою (которой я, впрочемъ, не имѣлъ бы силы кончить во вѣки вѣковъ) пріобрѣлъ средства пошире и поудобнѣе устроить мою новую жизнь, › не глупо ли для пустяковъ и бездѣлицъ откладывать то, для чего ѣ хлопоты объ этихъ пустякахъ и бездѣлицахъ, безъ чего я не могу ичего дѣлать, ни о чемъ думать? Ясно какъ $2\times2=4$, что пока вы не мною и я не съ вами,—я никуда не гожусь и жизнь мнѣ въ тягость. потому надо думать не обо вздорахъ, а объ дѣлѣ. Пусть дѣло кончится асчетливо и въ обрѣзъ, но лишь бы оно какъ можно скорѣе кончилось, тамъ все придетъ своимъ чередомъ, и что̀ будетъ нужно, то всегда ожно будетъ сдѣлать. Краевскій теперь небогатъ деньгами, да мнѣ лишкомъ забираться и не слѣдуетъ,—то мы съ нимъ и разсчитали все риблизительно. Деньги я получу на дняхъ, стало быть, самое главное репятствіе устранено. Второе препятствіе состоитъ въ томъ, что я жду ъ Пензы дворянской грамоты, на которую изъ Москвы послалъ 150 руб. с. и которую надѣюсь получить очень скоро. Между тѣмъ нашлось це обстоятельство, о которомъ мнѣ нужно сказать вамъ и рѣшеніе отораго должно зависѣть отъ однѣхъ васъ и нисколько не отъ меня. е примите этого даже за предложеніе съ моей стороны; нѣтъ, это олько вопросъ, на который вы свободны отвѣчать, какъ вамъ угодно. ля самого меня онъ такъ страненъ, что безъ вашего отвѣта я не умѣю го рѣшить ни положительно, ни отрицательно. Дѣло вотъ въ чемъ: всѣ ои пріятели, которымъ я нашелъ нужнымъ открыть мою тайну, увѣряютъ еня, что, для избѣжанія лишнихъ расходовъ, мнѣ не надо было бы здить въ Москву, а лучше бы вамъ однѣмъ пріѣхать въ Питеръ, гдѣ ы могли бы остановиться на день у Краевскаго, у котораго живетъ естра его покойной жены (если бы вы не захотѣли остановиться на своей обственной квартирѣ, которая была бы готова къ вашему пріѣзду). сли я нѣсколько на сторонѣ подобнаго плана, такъ это не по причинѣ отери лишнихъ денегъ и лишняго времени, а вотъ почему: можетъ быть, ы думаете вѣнчаться въ инстит. церкви, въ присутствіи M. Chargriot и сего института: это для меня ужасно; потомъ, по патріархальнымъ къ амъ отношеніямъ, M. Ch., можетъ быть, станетъ смотрѣть на наше ормальное соединеніе, какъ на свадьбу въ общемъ значеніи этого лова, и, пожалуй, предложитъ еще себя въ посаженыя матери, а вамъ, . б., нельзя будетъ отъ этого отказаться. Если это такъ, то мнѣ пріятнѣе ыло бы обвѣнчаться съ вами въ Камчаткѣ, или на Алеутскихъ островахъ, ѣмъ въ Москвѣ. Но, м. б., все это въ вашей волѣ сдѣлать и иначе, и огда мои страхи уничтожаются сами собою вмѣстѣ съ ихъ причиною.

M. A. находитъ, что ѣхать вамъ однѣмъ было бы трудно по вашимъ отношеніямъ къ М. Ch., ибо вы должны ей сказать, куда и зачѣмъ ѣдете, а ей это могло бы показаться всячески неудобовыполнимымъ. Итакъ, скажите ваше мнѣніе просто и откровенно, и не думайте, чтобы вашъ отрицательный отвѣтъ могъ сколько-нибудь быть мнѣ не по сердцу. Для меня самого странна мысль, что вы поѣдете однѣ, безъ меня, и я Богъ знаетъ, чего бы не надумался. Но чтобы объ этомъ уже не было больше и помину, я договорю все; это тѣмъ нужнѣе, что вы должны видѣть дѣло со всѣхъ его сторонъ. Въ числѣ суммы, которую беру я у Краевскаго, 900 рублей слѣдуютъ вамъ: 500 на ваши необходимые расходы, 200 на отъѣздъ, если бы вы поѣхали однѣ, и 200, которые я долженъ вамъ. Я увѣренъ, что такое распоряженіе съ моей стороны не покажется вамъ нисколько страннымъ или неумѣстнымъ: если эти 500 руб. будутъ вамъ нужны, тѣмъ лучше, значитъ, я сдѣлалъ какъ надо; если же они вамъ будутъ не нужны, то вы ихъ и привезете съ собою, и они будутъ все нашими же, а не чьими-нибудь деньгами. Что касается до первыхъ 200 руб., они предполагаются только въ случаѣ, если вы поѣдете однѣ: ибо въ такомъ случаѣ вамъ надо будетъ взять съ собою женщину, безъ которой вамъ нельзя обойтись въ дорогѣ, и въ такомъ случаѣ всего лучше, если бы эта женщина могла и остаться у васъ кухаркою и горничною. Но это только предположеніе, которое сообщаю вамъ только для того, чтобы (вы могли) отвѣтить рѣшительнѣе—да, или нѣтъ. Вотъ все, что такъ занимало меня и на что буду ожидать вашего отвѣта со всею тоскою живѣйшаго нетерпѣнія.

Такъ или сякъ, но желанный день долженъ придти скоро, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; во всякомъ случаѣ никакъ не далѣе первой половины ноября (кажется, 14-го начнется постъ); мнѣ бы хотѣлось въ будущемъ мѣсяцѣ. Итакъ, отвѣчайте скорѣе, чтобы для меня былъ рѣшенъ этотъ вопросъ. Если я поѣду въ Москву, мнѣ надо будетъ заранѣе прислать туда мои бумаги, чтобы безъ меня могли три воскресенья сряду окликать васъ, безъ чего нельзя вѣнчаться. Если въ Москвѣ, то я думалъ бы въ церкви Шереметьевской больницы, гдѣ Грановскій могъ бы безъ меня все приготовить лучше, чѣмъ бы я могъ это сдѣлать самъ. Ради всего святого, скорѣе отвѣчайте на это письмо. Медлить нечего. Если судьба дастъ намъ долгіе счастливые дни,—возьмемъ ихъ; если одинъ день—не упустимъ и того. Одинъ картежный игрокъ, нажившій игрою милліонъ, говорилъ при мнѣ, что для каждаго человѣка судьба даетъ минуту,— воспользуйся онъ ею, не упусти ее—и все получитъ; пропусти—никогда, никогда уже не представится ему благопріятная минута. Я нахожу это очень вѣрнымъ, и думаю, что въ важныхъ дѣлахъ жизни всегда надо спѣшить такъ, какъ будто бы отъ потери одной минуты должно было все погибнуть. Какъ только получу отъ васъ отвѣтъ на это письмо, тотчасъ же начну дѣйствовать.

Довольно объ этомъ пока. Душа и рука моя утомлены. Скажу вамъ въ заключеніе, что я бросилъ гнусное табаконюханіе. Изъ чужихъ табакерокъ еще нюхаю, но своей не имѣю, и когда случается два и три дня въ глаза не видать табаку, то и не хочется. Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Письмо это пойдетъ завтра, т. е. 20-го сентября. Боже мой! Это же четвертое письмо, а отъ васъ только одно. Есть отъ чего сойти ь ума! И если это такъ продолжится, то сойду, право сойду, такъ-таки отъ возьму да и сойду, и буду еще глупѣе, чѣмъ теперь.

Агриппинѣ Васильевнѣ желаю веселаго и яснаго расположенія духа.

Сент. 20-го. Письмо это было вчера запечатано и совсѣмъ готово ъ отправленію. Сегодня поутру просыпаюсь—надо встать, а лѣнь,— :отому что вставши надо за работу сѣсть, да къ тому-жъ и холодно, а одъ одѣяломъ тепло. Вдругъ—слышу—звонокъ—не почталіонъ ли? Святители! Человѣкъ входитъ въ комнату—можетъ быть, онъ несетъ умаги или книги отъ Краевскаго; но вдругъ слышу—онъ бренчитъ мѣдными деньгами... „Что̀ такое".—„Письмо-съ"... Давай сюда? Думалъ ыло я сперва положить это письмо, не распечатывая его, пока не встану съ постели, не умою лица моего и не умащу главы моей, да не явлюся передъ людьми постящимся;—но письмо какъ-то само и распечаталось прочлось. Три раза уже прочелъ я его, а вотъ и теперь не могу сообразиться что въ немъ и какъ на него отвѣчать. Постойте, прочту еще разъ, да жъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Не спрашиваю васъ, какъ показалась вамъ статья моя: судя по обстоятельствамъ, которыми сопровождалось ея чтеніе, не думаю чтобы вы что-нибудь замѣтили въ ней. Бѣдная статья моя, а мнѣ такъ хотѣлось услышать ваше о ней мнѣніе. И это отнюдь не по авторскому самолюбію—вотъ будущая моя статья такъ гадка, что изъ рукъ вонъ, а въ той, какова бы ни была она, для меня важно содержаніе, и о немъ-то хотѣлъ бы я слышать ваше мнѣніе. Миловзоръ Галаховъ поклялся, видно, преслѣдовать васъ. Я теперь понимаю, почему онъ приставалъ ко мнѣ съ своей m-lle Ostr.—кажется мнѣ теперь, что надѣялся услышать отъ меня признаніе въ тайнѣ. Ахъ, лысый Маниловъ, вотъ я его! Что̀ касается до издѣвокъ Агриппины Васильевны, то сколько ей угодно; я знаю, что мы съ ней друзья, и притомъ самые задушевные, а до остальнаго мнѣ нѣтъ дѣла. Вотъ ея scènes de jalousie,—это другое дѣло: хотѣлось бы посмотрѣть и поаплодировать, если хорошо представляются. Я люблю сценическое искусство. Что же касается до старой, больной, бѣдной, дурной жены sauvage въ обществѣ и не смыслящей ничего въ хозяйствѣ, которою называетъ меня Богъ,—то позвольте имѣть честь донести вамъ Marie, что вы изволите говорить глупости. Я особенно благодаренъ вамъ за эпитетъ бѣдной; въ самомъ дѣлѣ, вы погубили меня своею бѣдностью: вѣдь я было располагался жениться на толстой купчихѣ съ черными зубами и 100,000 приданаго. Что̀ касается до вашей старости, я былъ бы отъ нея въ совершенномъ отчаяніи, еслибы, во 1-хъ, мнѣ хотѣлось имѣть молоденькую жену, à la madame Maniloff, и во 2-хъ, если бы я не видѣлъ и не зналъ людей, которые отъ молодости женъ своихъ страдаютъ такъ, какъ другіе отъ старости. Изъ этого я заключаю, что дѣло ни въ старости, ни въ молодости, и вообще нѣтъ ничего безполезнѣе, какъ заглядывать впередъ и говорить утвердительно о томъ, что̀ еще только будетъ, но ничего еще нѣтъ. Я надѣюсь, что мы будемъ счастливы; но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать не надежда, не предчувствіе, не разсчетъ, а только сама дѣйствительность. И потому пойдемъ впередъ безъ оглядокъ и будемъ готовы на все—быть человѣчески достойными счастія, если судьба дастъ намъ его, съ достоинствомъ, по-человѣчески, нести несчастіе, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виноватъ. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ; кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ. Всякое важное обстоя-

тельство въ жизни есть лотерея, особенно бракъ; нельзя, чтобы р
не дрожала, опускаясь въ таинственную урну за страшнымъ билето
но неужели же слѣдуетъ отдергивать руку потому, что она дрожит
Вы больны,—это правда; но вѣдь и я боленъ; я былъ бы въ тяг
здоровой женѣ, которая не знала бы по себѣ, что́ такое страданіе. Н
же не въ чемъ будетъ завидовать другъ другу, и мы будемъ пони
одинъ другого во всемъ—даже и въ болѣзняхъ. Какъ добрые дру
будемъ подавать другъ другу лѣкарства,—и они не такъ горьки буд
намъ казаться. Впрочемъ, по роду вашей болѣзни, вы должны выздоровѣ
вышедши замужъ; бывали примѣры, что доктора отказывались лѣч
какъ безнадежныхъ, больныхъ разстройствомъ нервовъ женщинъ, совѣ
имъ замужество, какъ послѣднее средство,—и опытъ часто показыва
что доктора не ошибались въ своихъ разсчетахъ; ибо брачная жи
болѣе сообразна съ натурою и назначеніемъ женщины, чѣмъ дѣвичес
состояніе. Но какъ бы то ни было—

Будь сіянье, будь ненастье,
Будь, что надобно судьбѣ,
Все для жизни будетъ счастье,
Добрый спутникъ, при тебѣ.

Дайте мнѣ вашу руку, мой добрый, милый другъ—то опираясь
нее, то поддерживая ее, я готовъ идти по дорогѣ моей жизни, съ
деждою и бодро. Я вѣрю, что чувствовать подлѣ своего сердца та
сердце, какъ ваше, быть любимымъ такою душою, какъ ваша, есть
наказаніе, а награда выше мѣры и заслуги. Вы называете себя дур
и даже букою: что-жъ? Я люблю ваше дурное лицо и нахожу его
краснымъ: стало быть, наказанія и тутъ нѣтъ. Вы дики въ обществ
я тоже, и тѣмъ веселѣе будетъ намъ въ обществѣ одинъ съ други
Если бы вы были общительны и любили общество—тогда бы я дѣйст
тельно былъ наказанъ крѣпко за грѣхи мои. Вы ничего не знаете
хозяйствѣ, и не мудрено,—вамъ не для чего и не отъ чего было узна
его, какъ и всѣмъ особамъ вашего пола, которыя не были поставле
судьбою въ необходимость заниматься хозяйствомъ. Но, какъ и мно
увидя себя хозяйкою, вы поневолѣ сдѣлаетесь ею. Я, право, не понима
почему вамъ стоило такого труда сказать мнѣ, что вы хотѣли бы, чт
церемонія была въ 12 ч., и чтобъ уѣхать изъ Москвы въ тотъ же де
и не понимаю, что вы тутъ разумѣете подъ вашею кн. Марьею Ал
сѣевной. На чемъ бы ни было основано ваше желаніе, если бы да
и ни на чемъ,—я не вижу никакой причины не выполнить его. Може
быть, это желаніе происходитъ отъ того, что вы не хотите дать собо
зрѣлище для празднаго и дикаго любопытства людей, которые чужи
дѣлами занимаются больше, чѣмъ своимъ: въ такомъ случаѣ, я и са
вполнѣ раздѣляю ваше желаніе. Къ чему эти затруднительныя выго
риванія; будемъ вполнѣ и свободно откровенны другъ съ другомъ. Эти
письмомъ я подаю вамъ примѣръ. Глупы мои предположенія, не нравят
они вамъ—скажите—и объ нихъ больше ни слова. На счетъ отъѣз
изъ Москвы въ день вѣнчанія—дѣло довольно трудное. Взять особенн
кареты я теперь не въ состояніи—на это нужно 500 руб.; стало быт
заранѣе надо взять мѣста въ mallepost или конторѣ дилижансовъ; но в
первой мѣста берутся недѣли за двѣ впередъ, а изъ вторыхъ только и
одной конторы дилижансы ходятъ послѣ обѣда.

M-lle Agrippine можетъ говорить, что ей угодно, о вашемъ перво
письмѣ; но мнѣ оно до того кажется умнымъ и милымъ, такъ вѣрно от

жающимъ въ себѣ васъ, что я выучилъ его чуть не наизусть. Главнымъ образомъ, хоть m-lle Agr. и упрекаетъ васъ, что ваши письма холодны, но я и въ этомъ съ нею не согласенъ. Я читаю въ вашихъ письмахъ не только то, что въ строкахъ написано, но что и между строками. Я такъ увѣренъ въ вашей любви ко мнѣ, что вамъ нѣтъ никакой нужды писать ваши письма иначе, нежели какъ они сами пишутся. Будьте самой-собою, Marie—больше я отъ васъ ничего не требую, потому что люблю васъ такою, каковы вы въ самомъ дѣлѣ. А что касается до разлуки—прегадкая вещь во всякомъ случаѣ и всегда, но до брака особенно, ибо ставитъ людей въ преглупое положеніе, которое можно выразить словами: ни то, ни се. Терпѣть не могу такихъ положеній; они очаровательны для юношей и мальчиковъ, которые еще не выросли изъ стиховъ Жуковскаго и любятъ твердить: „Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна".— По картамъ у васъ выходитъ всегда прекрасно. Дитя вы, дитя! Ну, да, дѣла мои, точно, пошли недурно; а съ начала я было пріунылъ, ибо увидѣлъ, что въ дѣйствительности не такъ-то легко все дѣлается, какъ въ фантазіи, заодно съ желаніемъ. А вы угадали, что въ тотъ день, какъ вы писали ко мнѣ это письмо, и я писалъ къ вамъ: послѣднее письмо мое пошло къ вамъ въ середу (15), а вы получили его въ субботу (18). Вы пишете, что m-lle Agrippine только и бредитъ мною: что-жъ тутъ удивительнаго—я приписываю это моимъ необыкновеннымъ достоинствамъ. Я радъ, что вы видѣли Кудр. [1]): я этого человѣка очень люблю и много уважаю.

А вы пишете, что чувствуете себя не очень здоровою и что вамъ очень грустно: вотъ это не хорошо, и этого я больше всего боюсь. Бога ради берегитесь! Обо мнѣ не безпокойтесь—я живучъ какъ кошка, и со мной чортъ-ли дѣлается. Прощайте. Пуще всего будьте здоровы. Теперь я буду въ большомъ безпокойствѣ, не зная, кончилось ли ваше нездоровье или—сохрани Богъ—пошло вдаль. Не мучьте меня медленностію вашихъ отвѣтовъ: съ этой стороны я и такъ ужъ порядочно измученъ.

Вашъ В. Бѣлинскій.

25.

Суббота, сент. 25.

Наконецъ, я получилъ ваше письмо, ожиданіе котораго дѣлало меня безумнымъ за три дня до четверга (23) и два дня послѣ четверга, ибо въ четвергъ ожидалъ я его. Мое третье письмо вы получили прошлую субботу (18); а какъ въ понедѣльникъ m-lle Agrippine свободна отъ дежурства, то, благодаря ея добротѣ и снисходительности, вашъ отвѣтъ и могъ быть посланъ. Я даже думалъ, что онъ не могъ быть посланъ; но ваше письмо вывело меня изъ заблужденія и показало мнѣ, что я былъ невыносимо глупъ. Признаюсь въ глупости и прошу васъ извинить меня за нее, а за то, что навели меня на сознаніе моей глупости, чувствительнѣйше благодарю васъ. Точно, я теперь вспомнилъ, что вы говорили, что будете писать ко мнѣ разъ въ двѣ недѣли. Но вѣдь помнится, и я тоже хотѣлъ писать къ вамъ только разъ въ недѣлю; но получивъ ваше письмо, не могу не отвѣтить на него въ ту же минуту, а пославъ его на почту, считаю дни, часы и минуты, въ продолженіе которыхъ оно должно дойти до васъ. Меня занимаетъ (и какъ еще—

---

[1]) П. Н. Кудрявцевъ.

если бы вы знали!) не одна только мысль, когда ваше письмо обрадует меня, но и когда мое письмо обрадуетъ васъ. Я думалъ, что и вы так же точно, и моимъ душевнымъ состоянiемъ—мѣрилъ состоянiе вашей души. Это было глупо, какъ я вижу теперь. Вы обѣщали писать въ двѣ недѣли разъ, теперь пишете каждую недѣлю, и чаще писать не намѣрены. Хвалю такую геройскую рѣшительность и такую непоколебимую твердость характера. Я въ восторгѣ отъ нихъ. Итакъ, теперь мнѣ уже не отъ чего безпокоиться, мучиться, не получая отъ васъ долго письма: вы здоровы, и мои опасенiя—грезы больного воображенiя, вы здоровы, и наслаждаетесь своимъ рѣшенiемъ не писать больше одного раза въ недѣлю. Но скажите же, отчего мнѣ жаль моего безпокойства, моей тревоги, тоски и мученiя? Отъ чего не радуетъ меня мысль, что теперь ваше молчанiе не означаетъ вашего нездоровья? Не знаю—или я слишкомъ слабохарактеренъ и въ моемъ чувствѣ много дѣтскаго, или вы написали ко мнѣ ваше третье письмо въ состоянiи той враждебности, которую чувствовали вы ко мнѣ въ одну изъ субботъ, когда мы втроемъ гуляли въ Сок. Такъ или этакъ, но только мнѣ грустно, очень грустно. Я ждалъ себѣ сегодня свѣтлаго праздника...

Мнѣ хочется разорвать это письмо и ни слова не говорить вамъ о томъ, что такъ тяжело на меня подѣйствовало; но меня остановила мысль, чтобы вы знали меня такимъ, каковъ я есть. Поэтому я боюсь скрыть отъ васъ какое бы то ни было движенiе души моей. Охотно признаюсь вамъ въ несправедливости моего упрека вамъ за танцы, и прошу васъ извинить меня за него. Чтó касается до меня, въ дождь по Невскому я не гулялъ. Я поѣхалъ обѣдать къ Комарову, (по воскресеньямъ я всегда ѣзжу обѣдать или къ Комарову, или Вержбицкому), поѣхалъ, когда не было дождя, а по дорогѣ меня засталъ проливной дождь и промочилъ насквозь мои ноги. M-lle Agrippine назвала меня Подколесинымъ. Всякiй мужчина передъ женитьбой есть Подколесинъ, только одинъ лучше, другой хуже умѣетъ скрывать это. Я, разумѣется, всѣхъ хуже.

Что я писалъ къ вамъ письмо до 12 часовъ ночи, вы можете бранить меня за это сколько вамъ угодно. Чтó мнѣ дѣлать? У меня нѣтъ вашего благоразумiя въ дѣлѣ переписки съ вами, и я не могу сказать себѣ: „буду писать тогда-то", а пишу, когда захочется писать. Вотъ сегодня хотя бы я и рано легъ, а не усну скоро, и потому хочу работать. Работу я запустилъ, ибо, не зная причины вашего долгаго молчанiя, все безпокоился и тосковалъ, а работа не шла на умъ. Я, точно, безтолковъ, а вы—надо въ этомъ отдать вамъ полную справедливость—вы очень благоразумны. Кстати о благоразумiи и Татьянѣ—да нѣтъ, я сегодня не въ состоянiи разсуждать съ вами объ этой прекрасной россiянкѣ, за которую вы такъ горячо заступаетесь. Чтó касается до Б. [1]) и его горя: вы не совсѣмъ такъ поняли все это. Что Arm. [2]) не 30, а только 20 лѣтъ, въ этомъ нѣтъ бѣды, а худо то. что онй другъ друга не понимаютъ и что между ними ничего общаго нѣтъ. Быть связаннымъ съ женщиною, которая горячо меня любитъ, которую я не могу не уважать за благородную душу и страстное сердце, но которая не знаетъ ни того, чѣмъ я здоровъ, ни того, чѣмъ я боленъ, съ которою мнѣ не о чемъ слова перемолвить, съ которою я молюсь не одному Богу, съ которою у меня нѣтъ ни одной общей симпатiи, ни одного общаго интереса,—о, не чудакъ я буду, если скажу: зачѣмъ она дитя, зачѣмъ ей не 30 лѣтъ! Есть люди, которые

[1]) В. П. Боткинъ.

[2]) Armance жена—Боткина.

любятъ въ женщинахъ больше всего наивность и разныя милыя качества; есть другіе, которые въ женщинѣ хотятъ видѣть прежде всего человѣка, по образу и по подобію Божію созданнаго: Б. изъ такихъ людей.

Ваше изъясненіе на счетъ моего друга нисколько не озлобило меня, тѣмъ болѣе, что я самъ виноватъ въ томъ, что вы поняли это дѣло въ довольно смѣшномъ видѣ: мнѣ бы или совсѣмъ не слѣдовало говорить вамъ о немъ ни слова, или бы надо было сказать поподробнѣе. Адресы на моихъ письмахъ всѣ безъ исключенія писаны не мною, а Б—мъ.

Да! скажите: можетъ быть, ваше твердое намѣреніе не писать ко мнѣ больше одного раза въ недѣлю означаетъ также и нежеланіе получать отъ меня больше одного письма въ недѣлю? Увѣдомьте меня о вашей волѣ въ этомъ отношеніи. И если такова дѣйствительно ваша воля, то какъ ни больно мнѣ это, а я постараюсь ее выполнить... Какія ночи, Боже мой! какія ночи! моя зала облита фантастическимъ серебрянымъ свѣтомъ луны. Не могу смотрѣть на луну безъ увлеченія; она такъ часто сопровождала меня въ то прекрасное время, когда бывало возвращался я изъ Сок. Но теперь, въ эту минуту, мнѣ не весело смотрѣть и на чудную ночь. Прощайте, Marie, жму и цѣлую вашу руку, и прошу ее написать ко мнѣ хотя одно ласковое слово—оно утѣшило бы меня. Почему-то мнѣ захотѣлось перечесть ваше второе письмо—оно доставило мнѣ столько счастія!

Середа, 29-го. Долго я не имѣлъ духу ни перечесть своего письма, ни отослать его къ вамъ. А все потому, что боялся или огорчить и обезпокоить васъ долгимъ молчаніемъ, или показаться вамъ смѣшнымъ, придавая важное значеніе тому, чтó въ глазахъ вашихъ, можетъ быть, очень обыкновенно и мелко. О, тысячу разъ простите меня, если я былъ глупъ и понялъ выше письмо, не такъ, какъ должно было понять его! Во всякомъ случаѣ, я былъ бы радъ и счастливъ, если бы это мое письмо не огорчило васъ.

Все это время я былъ не въ духѣ и не совсѣмъ здоровъ. Я слишкомъ impressionnable, и душевное состояніе мое такъ же сильно дѣйствуетъ на здоровье, какъ и здоровье на душу. Теперь мнѣ какъ будто лучше, и для того, чтобы мнѣ было совершенно хорошо, не достаетъ только нѣскольких дружественныхъ строкъ, написанныхъ вашею рукою. О, тогда я снова буду счастливъ и снова буду жить и дышать ожиданіемъ вашихъ писемъ!

Отвѣтъ на мое послѣднее письмо надѣюсь получить послѣ-завтра (въ пятницу, 1-го окт.), думаю, что онъ отосланъ во вторникъ; не знаю, обманетъ ли меня моя надежда.

Вчера только отдѣлался я отъ 10-й книжки „Отеч. Зап." Мочи нѣтъ какъ усталъ и душою и тѣломъ; правая рука одеревенѣла и ломитъ. Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

26.

Спб. 1843, октяб. 1

Ваше письмо доконало меня во всѣхъ отношеніяхъ. Вы ждете моего отвѣта, чтобы сообразно съ нимъ распорядиться. Само собою разумѣется, что я поступлю такъ, какъ вы хотите, какъ ни страшно тяжело это для меня. Vous êtes esclave и прекрасная россіянка—не въ обиду вамъ будь сказано. И это мнѣ горше всего. Конечно, сбереженіе денегъ вещь важная, и чтó я истрачу на проѣздъ, все это могло бы быть употреблено съ большею

пользою; но деньги не могутъ быть крайнимъ препятствіемъ. Гораздо важнѣе для меня потеря времени, ибо я нуженъ Краевскому, и онъ довольно уже терпѣлъ отлучки и помѣху работѣ. Но что̀ всего хуже, всего ужаснѣе, это—покориться обычаямъ шутовскимъ и подлымъ, профанирующимъ святость отношеній, въ какія мы готовы вступить съ вами, обычаямъ, которые я презираю и ненавижу по принципу и по натурѣ моей. У дядюшки обѣдъ! Будь прокляты всѣ обѣды, всѣ дядюшки, всѣ тетушки и всѣ чиновники съ ихъ гнусными обычаями. Если бы вы пріѣхали въ Петербургъ,—тихо, просто, человѣчески обвѣнчались бы мы съ вами въ церкви какого-нибудь учебнаго заведенія, и присутствовало бы тутъ человѣкъ пять (никакъ не болѣе) моихъ друзей, да одна изъ женъ моихъ друзей, съ которою могли бы вы пріѣхать въ церковь, если бы, въ качествѣ прекрасной россіянки, нашли неловкимъ пріѣхать туда со мной. Я смотрю на этотъ обрядъ, какъ на необходимо юридическій актъ, и чѣмъ проще онъ совершится, тѣмъ лучше. Б. взялъ Arm. подъ руку, да и пошелъ съ нею по Невскому въ Казанскій соборъ, въ сопровожденіи пяти пріятелей—такъ и воротился словно съ прогулки. Вы могли бы остановиться у меня, ибо что̀ вамъ за дѣло до того, что объ васъ станутъ говорить люди, которыхъ вы не знаете и никогда не узнаете, а тѣ, которыхъ вы будете знать, будутъ на это смотрѣть, какъ я. Знаете ли что̀? Я долженъ теперь лгать передъ моими друзьями, ибо я никогда не рѣшусь сказать имъ о вашихъ мотивахъ и о той шутовской процедурѣ, которую долженъ я буду пройти въ Москвѣ. Они не повѣрятъ, что слышатъ это отъ Бѣлинскаго. Причины ваши всѣ недостаточны и ложны. M-me Charpiot вы лично могли бы приготовить, могли бы увѣрить ее, что мои дѣла не позволяютъ мнѣ ни на день отлучиться изъ Петербурга, что черезъ это я потеряю мѣсто, которымъ существую, и что вы, съ своей стороны, находите смѣшнымъ отказаться отъ того, что считаете своимъ счастіемъ, для глупыхъ условныхъ приличій. Кстати замѣчу, что въ Питерѣ ни одинъ человѣкъ не пойметъ, въ чемъ, тутъ неприличіе, ибо въ Петербургѣ нравы ближе къ Европѣ и человѣчности,—не то, что въ Москвѣ, этомъ ègout, наполненномъ дядюшками и тетушками, этими подонками, этимъ отстоемъ, этою изгарью татарской цивилизаціи. При вѣнчаніи будутъ—пишете вы—всего человѣкъ двадцать да съ моей стороны человѣкъ 10 или 15: да зачѣмъ и гдѣ наберу я такую орду? У меня все такіе знакомые, для которыхъ подобное зрѣлище нисколько не интересно. Будутъ, можетъ быть, человѣка три. Вы даже убѣждены, что если бы мы, обвѣнчавшись, не уѣхали въ тотъ же день, то были бы должны дѣлать и отдавать визиты, иначе подпадемъ анаѳемѣ: ахъ, Marie, Marie, да что же вамъ за дѣло до всѣхъ этихъ анаѳемъ? Неужели вамъ мало любви и уваженія человѣка, котораго вы избрали въ спутники вашей жизни, уваженія и пріязни всѣхъ тѣхъ, коихъ онъ уважаетъ и любитъ,—и вы хотите еще знать, что объ васъ говорятъ люди, съ которыми у васъ нѣтъ ничего общаго, которымъ до васъ, такъ же, какъ и вамъ до нихъ, нѣтъ дѣла?.. Пріятели, которые дали мнѣ совѣтъ предложить вамъ ѣхать одной въ Питеръ, живутъ въ дѣйствительности, а не въ эмпиреѣ—они люди женатые и отцы семействъ, прозу жизни знаютъ хорошо, но они не москвичи, не татары и не калмыки, а петербургскіе жители. Когда я, по какому-то грустному предчувствію, принялъ ихъ совѣтъ нерѣшительно, они начали надо мною смѣяться и бранить меня, говоря утвердительно, что съ вашей стороны препятствія быть не можетъ, и думая видѣть его съ моей.

Да что объ этомъ говорить! Если вы меня знаете и понимаете, то поймете, что во мнѣ говоритъ это не Подколесинъ, а человѣкъ (я слово человѣкъ употребляю какъ антитезъ москвичу). Не скрою отъ васъ и того, что мнѣ горько видѣть въ вашей волѣ тѣ самые предразсудки, которыхъ вы выше умомъ вашимъ. Я думалъ, что мое предложенiе обрадуетъ васъ, какъ простое средство избавиться отъ необходимости дѣлать изъ себя спектакль, и что вы ухватитесь за него со всею силою вашего характера и вашей воли, уступчивыхъ въ пустякахъ (какъ вы мнѣ говорили), но твердыхъ и настойчивыхъ въ важныхъ дѣлахъ. Но быть такъ; прiѣду и умоляю васъ только вотъ о чемъ: вѣнчаться въ приходѣ Новаго Пимена (это важно потому, что можно избѣжать повѣстки), и часа въ 4, чтобы изъ церкви же ѣхать въ контору дилижансовъ (есть одна, гдѣ дилижансы отходятъ въ 6 ч. вечера).

Упрекъ вашъ въ болтовнѣ несправедливъ; что я женюсь,—это знаетъ только семейство Корша, и то не знаетъ—на комъ. Щепкинымъ я не только ничего не говорилъ, но боялся, чтобы они не узнали, почему я рѣдко у нихъ бываю. Откуда вышли сплетни, не знаю. Но видно Москва носомъ слышитъ новости. Очень жалѣю о страданiи M-lle Agrippine, но не я виноватъ въ нихъ.

Къ счастiю, ваше письмо получилъ я сегодня очень рано (въ 10 ч.) и потому сегодня же могу и отвѣчать вамъ. Мой отвѣтъ долженъ быть у васъ въ рукахъ въ понед. (3). Бога ради, отвѣчайте поскорѣе.

Что касается до моей статьи, то взгляды мои въ ней вы раздѣляете только теоретически; ваше письмо доказываетъ, что на практикѣ мы розно понимаемъ вещи. Прощайте. Не сердитесь на меня за сердитыя фразы: надо же мнѣ дать волю высказать тяжесть души,—послѣ этого я буду смиренъ какъ теленокъ и буду мычать у вашихъ дядюшекъ и тетушекъ.

Вашъ В. Бѣлинскiй.

27.

Суббота, 2 окт. 1843. Спб.

Я никого не люблю огорчать ни умышленно, ни неумышленно, и когда мнѣ случиться это сдѣлать такъ или этакъ, я страдаю больше тѣхъ, которыхъ огорчилъ. Тѣмъ мучительнѣе для меня мысль, что, можетъ быть, я огорчилъ васъ вотъ уже двумя письмами, отъ которыхъ вы ожидали только удовольствiя и радости. Вотъ причина этого новаго письма, которое будетъ для васъ совсѣмъ неожиданно. Давича по утру (это письмо пишется въ пятницу же ночью) я былъ слишкомъ разстроенъ и потрясенъ вашимъ письмомъ и потому не могъ отвѣчать на него спокойнѣе и кротче, какъ бы слѣдовало. Теперь я спокойнѣе и хочу поговорить съ вами все о томъ же, только хладнокровнѣе и разсудительнѣе. Когда я писалъ вамъ насчетъ вашего прiѣзда въ (П(етербургъ), я дѣлалъ это въ вопросительномъ тонѣ, изъ котораго вы могли видѣть, что я готовъ послѣдовать не моему, но вашему рѣшенiю касательно этого предмета. Я тутъ нисколько не хитрилъ, ибо единственною причиною, которая могла бы остановить васъ, полагалъ боязнь ѣхать одной и подвергнуться, м. б., какимъ-нибудь непрiятнымъ случайностямъ въ дорогѣ. не имѣя при себѣ мужчины. Хотя подобныхъ случайностей на дорогѣ, между Москвою и П(етербургомъ) не бываетъ, и хотя по этой дорогѣ поѣздка теперь сдѣлалась очень обыкновенною, удобною и безопасною, но кого любишь, за того боишься всего, и меня самого

пугала мысль, что вы поѣдете безъ меня, а потому, въ случаѣ вашего несогласія, я спокойно располагался пріѣхать самъ въ Москву. Я не думалъ ни о дядюшкахъ и тетушкахъ, ни о M-me Charpiot (если и думалъ о послѣдней, то предположительно только), ни объ оффиціальномъ обѣдѣ, съ шампанскимъ и поздравленіями, съ идіотскими улыбками, и, можетъ быть, о infame!—съ чиновническими шутками и любезностями. Въ этой поистинѣ плѣнительной картинѣ не достаетъ только свахи, смотра, сговора, дѣвичника съ свадебными пѣснями. Кажется, что—и при этой мысли ужасъ проникаетъ холодомъ до костей моихъ — въ посаженомъ отцѣ и посаженой матери недостатка не будетъ, и насъ съ вами встрѣтятъ съ образомъ, и мы будемъ кланятьтя въ ноги. Знаете ли что!—мнѣ больно не одно то, что вы осуждаете меня на эту позорную пытку, но то, что вы обнаруживаете столько resignation въ этомъ случаѣ въ отношеніи къ самой себѣ. Это для меня всего тяжелѣе. Вы даже не хотите понять причины моего ужаса и отвращенія къ этимъ позорнымъ церемоніямъ и приписываете это трусости Подколесина. Во мнѣ такъ много недостатковъ, что уже ради одной ихъ многочисленности не слѣдуетъ мнѣ приписывать не существующихъ во мнѣ. Подкол(есинъ) труситъ мысли, что вотъ-де все былъ неженатъ и вдругъ женатъ. Я понимаю такую мысль, но она не можетъ же испугать меня до того, чтобы я хотя на секунду, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, пожалѣлъ о моемъ рѣшеніи жениться. Въ такомъ случаѣ, я чувствовалъ бы себя нодостойнымъ васъ и сталъ бы самъ себя презирать. Такая мысль (т. е. Подколесинскій страхъ женатаго состоянія) можетъ меня безпокоить, какъ необходимость выѣхать въ собраніе, или пройти по улицѣ въ мундирѣ, но не больше. Подколесинъ пугается не церемоній и неприличныхъ приличій; напротивъ, онъ не понимаетъ возможности брака безъ нихъ, и безъ нихъ пропалъ бы отъ ужаса при мысли, что объ этомъ говорятъ. Изъ окна я не выброшусь, но не ручаюсь, что наканунѣ вѣнчанья не проснусь съ сильною просѣдью на головѣ и что въ эту ночь не переживу длиннаго, длиннаго времени тяжелой внутренней тревоги. И пиша эти строки, я глубоко скорблю и глубоко страдаю отъ мысли, что вы не поймете моего отвращенія къ позорнымъ приличіямъ и шутовскимъ церемоніямъ. Для меня противны слова: невѣста, жена, женихъ, мужъ. Я хотѣлъ бы видѣть въ васъ ma bien aimée, amie de ma vie, ma Eugenie... По моему кровному убѣжденію, союзъ брачный долженъ быть чуждъ всякой публичности, это дѣло касается только двоихъ—больше никого.

Вы боитесь scandale, анаѳемы, и толковъ—этого я просто не понимаю, ибо я давно позволилъ безнаказанно проклинать меня и говорить обо мнѣ все, что угодно, тѣмъ съ которыми я на всю жизнь разставался. Таковые для меня не существуютъ. У меня есть свой кругъ и свое общество, состоящее все изъ людей, женившихся совсѣмъ не по россійски. Вы пишете, что теперь поняли всю дикость нашего общества и пр. Знаете ли, что вѣдь ваши слова не болѣе какъ слова, слова и слова?—Ибо они не оправдываются дѣломъ. Общество улучшается черезъ благороднѣйшихъ своихъ представителей, и вѣдь кому-нибудь надо же начинать. Вы похожи на раба-отпущенника, который хотя и знаетъ, что его бывшій баринъ уже не имѣетъ надъ нимъ никакой власти, но все, по старой привычкѣ, почтительно снимаетъ передъ нимъ шапку и робко потупляетъ передъ нимъ глаза; мнѣ кажется, что разумъ данъ человѣку для того, чтобы онъ разумно жилъ, а не для того только, чтобы онъ видѣлъ, что неразумно живетъ.

Изо всѣхъ изложенныхъ вами причинъ невозможности ѣхать въ Питеръ я нахожу резонною только одну: непріятныя отношенія, въ которыя станетъ А(графена) В(асильевна) къ своимъ родственникамъ. Я согласенъ, что въ этомъ отношеніи не должно дразнить гусей, но должно сдѣлать такъ, чтобы вы настояли все-таки на своемъ, а гусей не раздразнили. Для этого есть очень простое средство: попросите у дядюшки (смиренно и интимно) совѣта въ дѣлѣ, на исполненіе котораго вы и безъ него рѣшились твердо. Можетъ быть, онъ и поспоритъ, но потомъ непремѣнно согласится, если поведете дѣло искусно и сумѣете поладить съ его самолюбіемъ. Судя по вашимъ же о немъ разсказамъ, онъ человѣкъ не глупый и пойметъ, что смѣшно же вамъ, изъ уваженія къ разнымъ, хотя бы и важнымъ, аппарансамъ, отказываться отъ того, что, и по его мнѣнію, должно составить счастіе вашей жизни. А я прилагаю вамъ при семъ (на всякій случай) оффиціальное письмо къ вамъ, которое вы можете показать ему. Если онъ согласится, то и тетенька (о милое слово!) тоже согласится. Сперва имъ будетъ это дико, но дня черезъ три, привыкнувъ къ этой мысли, они найдутъ ее очень естественною. Такъ же точно можете вы поступить и съ M-me Charpiot. И по русской пословицѣ — и овцы будутъ цѣлы и волки будутъ сыты. Потомъ изрѣдка письма изъ Питера къ M-me Ch. и къ родственникамъ, — и M-lle Agrippine будетъ въ лучшихъ отношеніяхъ и съ тою и съ другими. Повторяю вамъ, я поступлю такъ, какъ рѣшите вы въ отвѣтѣ на это письмо (которымъ не медлите ни минуты, ибо время становится дорого); хотя, кромѣ сказаннаго мною объ ужасѣ и отвращеніи, какое внушаетъ мнѣ одна мысль объ ожидающихъ меня въ М—вѣ мѣщанскихъ (bourgeois) продѣлкахъ, есть и еще весьма непріятное обстоятельство: Краевскому крайне непріятна мысль о моемъ отъѣздѣ и, не смотря на всѣ мои доводы, онъ не видитъ достаточной для нея причины. И потому, мнѣ теперь надо страшно работать, чтобы статьи послѣднихъ №№ поспѣли ко времени и были хороши. Однакожъ, я употреблю всѣ мои силы преодолѣть все это. Но, не смотря на то, умоляю васъ, Marie — заставьте за себя вѣчно молиться Богу и не обидьте сироту круглаго — вѣдь ни батюшки, ни матушки, ни роду-племени — попытайтесь устроить дѣло, какъ я вамъ говорю. На колѣняхъ умоляю васъ. Если не удастся — ну, дѣлать нечего — двухъ смертей не будетъ, одной не миновать.

Мнѣ кажется, что васъ тутъ, кромѣ другихъ причинъ, страшитъ мысль ѣхать одной. О дорогѣ ни слова—это вздоръ. Возьмите мѣсто въ каретѣ malle-post, а выберите день, когда сосѣднее съ вами мѣсто занято будетъ дамою же. Если бы,—чего да избавитъ Богъ,—вы заболѣете дорогою, то на всякой станціи найдете вы особую комнату и прислугу, и можете послать ко мнѣ письмо съ своимъ же кондукторомъ, который, въ надеждѣ получить отъ меня цѣлковый, сейчасъ же доставитъ его мнѣ, и я явлюсь къ вамъ немедленно. Если же васъ страшитъ мысль не ѣхать, а пріѣхать одной въ Питеръ, то надо, чтобы вы считали меня за Ивана Александровича Хлестакова, который въ одно прекрасное утро хлопъ передъ вами на колѣна, да и закричалъ: „руки прошу, Марья Антоновна!“ а потомъ, какъ вы пріѣхали... да нѣтъ, у меня не достаетъ духу кончить фразу, — и я прошу у васъ прощенія въ нелѣпомъ предположеніи.

Касательно причинъ, которыя можете вы представить M-me Charpiot и дядюшкѣ, я уже писалъ вамъ въ письмѣ, полученномъ вами вчера. Вы нисколько не будете лгать, если скажете, что я не могу отлучиться

изъ П., по причинѣ моихъ занятій. Вамъ придется только прикрасить эту истину, сказавъ, что я, въ случаѣ поѣздки, лишусь мѣста при журналѣ, которое даетъ мнѣ 6,000 р. асс. въ годъ и которое отдастся другому. Неужели такого довода мало для этихъ людей?

Октября 2.

Еще слово о пріятеляхъ, давшихъ мнѣ совѣтъ предложить вамъ ѣхать одной въ П. Это Комаровъ, пять лѣтъ женатый, Краевскій уже два года вдовый и Вержбицкій, двѣнадцать лѣтъ женатый. Вы, можетъ быть насмѣшливо улыбнетесь при этомъ исчисленіи лѣтъ женатой жизни, но я говорю дѣло, и вы согласитесь со мною, что женатая жизнь говорю, не даетъ человѣку жить въ эмпиреѣ, въ томъ смыслѣ, какой вы даете этому слову. Дѣло здѣсь въ томъ, что въ Петербургѣ, если бы о вашемъ пріѣздѣ дано было знать цѣлому городу, никто бы не нашелъ этого страннымъ, а всѣ нашли бы это очень естественнымъ и обыкновеннымъ. Петербургъ столѣтіемъ обогналъ Москву и на 700 верстъ ближе ея къ Европѣ. Въ Петербургѣ люди заняты, живутъ работою и знаютъ, что такое время. Поэтому въ П. пріѣзды невѣстъ къ женихамъ (какіе гнусные термины!) нерѣдки и обыкновенны. Калмыцкій принципъ родства въ П. очень слабъ въ сранненіи съ Москвою. Въ П. никому нѣтъ дѣла до другихъ. потому что много своихъ хлопотъ. Тамъ братъ по году не видитъ брата, не будучи въ ссорѣ. Москвѣ больше нечего дѣлать, какъ жрать и сплетничать. Разумѣется, для нея позѣвать на свадьбу—великая радость: да какая же радость лишить ее этой радости? Неужели вы не понимаете этого? Неужели, сказавши: „Je sui esclave, esclave par-dessus les oreilles“ вы этимъ утѣшились, рѣшившись навсегда остаться при этомъ? Я ловлю васъ на этомъ словѣ, — и какъ я ненавижу ложь и скрытность съ тѣми, кого люблю, то скажу вамъ прямо, что не вѣрю, будто положеніе А. В. заставляетъ васъ такъ дѣйствовать: нѣтъ, причина этому votre esclavage, ваша московская боязнь того, что скажутъ о васъ люди, которыхъ вы въ душѣ презираете и не любите, но передъ мнѣніемъ которыхъ вы ползаете. Это стыдно и грѣхъ. Это преступленіе передъ Богомъ и передъ совѣстью. Скажу болѣе: это низко и недостойно васъ. Если бы вы, въ понятіяхъ вашихъ, шли въ уровень съ толпою—тогда другое бы дѣло.

И при этомъ, вы себя жестоко обманываете. Вы думаете, оставаясь въ Москвѣ, избрать изъ двухъ золъ меньшее,—а я убѣжденъ въ томъ, что когда будетъ вблизи то, что̀ теперь еще вдалекѣ, вы горько раскаетесь, что не послѣдовали моему совѣту. Васъ измучаетъ вмѣшательство этихъ людей, которымъ столько дѣла до другихъ, васъ убьетъ пошлость и тривіяльность этихъ продѣлокъ. Вы увидите, что ихъ больше, чѣмъ вы предвидѣли, что они скучнѣе, чѣмъ вы воображали. Что̀ до меня моя фигура—въ одно и то же время и жалкая и свирѣпая, и шутовская и звѣриная (ибо я не умѣю притворяться, да и не имѣю въ этомъ нужды, не будучи рабомъ мнѣнія подлой, презираемой мною толпы), вызоветъ толки, горькіе для васъ. Скажутъ, пожалуй, что я женюсь на васъ потому только, что ужъ сказалъ слово, и что поэтому мое вѣнчанье походило на похороны. А такого рода толки таковы, что возмущаютъ мою душу заранѣе, при всемъ моемъ презрѣніи къ мнѣнію толпы, ибо эти толки оскорбятъ не меня, а васъ,—а я многое въ состояніи перенесть, кромѣ того, что̀ бы могло бросить на васъ какую-либо тѣнь и такъ или сякъ оскорбить васъ. Съ нѣкотораго времени, я научился молиться, и моя молитва такого содержанія:

„A vous le calme—á moi l'orage".

Итакъ, вы будете страдать вдвойнѣ—и за себя и за меня. Пріѣзжайте вы въ П. однѣ—ничего этого не будетъ. Люди, которые будутъ присутствовать при церемоніи, вамъ совершенно чужды, и тѣмъ лучше для васъ; они расположены къ вамъ хорошо и уважаютъ васъ заранѣе и высокаго о васъ мнѣнія уже по тому одному, что вы (это не мои, а ихъ собственныя слова) могли понять меня. Они уже расположены заранѣе мѣрять ваши достоинства не масштабомъ толпы, ибо они знаютъ, что̀ мнѣ нужно и что̀ меня можетъ сдѣлать счастливымъ. И потому, будучи среди чужихъ, вы больше будете среди своихъ и родныхъ, чѣмъ въ Москвѣ. Если ваша княгиня Марья Алексѣевна запретитъ вамъ остановиться прямо у меня, т. е. у самой себя, то можете остановиться у Краевскаго (у котораго живетъ дѣвушка, сестра покойной жены его), у Панаева (это въ одномъ домѣ со мною), у Языкова, у Комарова—у кого хотите, всѣ они радехоньки и наперерывъ мнѣ предлагаютъ. Жена Языкова очень дика, и такъ какъ я не смущалъ ее разговорами, пока она не привыкла ко мнѣ, то она меня очень полюбила. Мужъ ея знаетъ нашу тайну, и я позволилъ ему сказать это его женѣ. Она ему изъявила свое желаніе, чтобы вы остановились у нея, и сказала при этомъ, что она, еще не видя васъ, уже любитъ васъ за то, что вы моя невѣста. Если же вамъ покажется неловко и тяжело явиться со мною въ чужой для васъ домъ и къ чужимъ для васъ людямъ (что̀ я понимаю и противъ чего спорить не буду) и это дѣло поправимое: вы можете остановиться въ одной изъ лучшихъ гостинницъ П—га—вѣдь это будетъ стоить всего какихъ-нибудь 25 р. асс. со всѣми издержками, потому что это на однѣ сутки, ибо на другой же день и вѣнчаться. Можно бы, пожалуй, и въ тотъ же (т. е. въ день пріѣзда), да съ дороги надо же вамъ отдохнуть и оправиться. Вы меня увѣдомите, на какое число вы взяли мѣсто, и жду васъ въ день пріѣзда въ конторѣ malle-post или дилижансовъ. Не будетъ у насъ ни обѣда, ни дядюшекъ съ тетушками, воротимся мы съ вами изъ церкви одни. Незамѣтно пройдетъ нѣсколько дней, и мы привыкнемъ къ нашей новой жизни и все сдѣлается обыкновеннымъ, безъ оскорбляющихъ человѣческое достоинство сценъ и спектаклей.

Marie—еще разъ прошу и заклинаю васъ всѣмъ святымъ для васъ въ жизни—да идетъ мимо чаша сія! Не дайте погибнуть мнѣ въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты. Мнѣ особенно жаль послѣдней, т. е. моей красоты, ибо я буду очень некрасивъ все время моего плачевнаго пребыванія въ Москвѣ. Если же нельзя иначе — что̀ дѣлать! Въ такомъ случаѣ я, конечно, не имѣю нужды увѣрять васъ, что будетъ по-вашему, а не по моему.

Вы были больны, бѣдный другъ мой, больны безъ простуды: это меня больше потревожило, нежели сколько потревожило бы, если бы вы простудились. Когда къ піявкамъ прибѣгаютъ безъ простуды, ушиба или другого случая, это должно быть очень невесело. А вы все толкуете о моемъ здоровьѣ—какъ будто не знаете, что чортъ ли мнѣ дѣлается. Вы пишете, что не можете тотчасъ же отвѣчать на мои письма потому, что у васъ дрожитъ рука: зачѣмъ же вы, злая Marie, не сказали этого раньше и черезъ то заставили меня написать къ вамъ преглупое и прегрубое письмо, которое вы получили сегодня (2-го окт., суб.)? Зачѣмъ вы въ вашемъ третьемъ письмѣ приняли такой холодный и высокомѣрный тонъ, какъ будто вамъ лѣнь и смотрѣть на насъ, nous autres, pauvres diables? Затѣмъ, что вы женщина и не можете не быть вѣрны

своей женской натурѣ? Да отъ этого мнѣ-то не легче, потому что если вы кошки (виноватъ: всѣ женщины болѣе или менѣе кошки), то я медвѣдь, или наипаче бульдогъ, и не умѣю проникать въ капризы и противорѣчія женскаго сердца. Дѣло прошлое, а письмо ваше тяжело подѣйствовало на мою медвѣжью натуру. Если мое причинило вамъ хоть минуту грусти, то будь я проклятъ за это, и да разорвутъ меня на куски дядюшки и тетушки всего міра. Миръ, Marie — дайте мнѣ вашу руку, которой въ эту минуту я какъ будто чувствую обаятельное прикосновеніе—дайте мнѣ крѣпко, крѣпко пожать ее и прижать къ моимъ горящимъ устамъ, чтобы упала на нее накипающая на глазахъ слеза. Вижу въ эту минуту васъ передъ собою, смотрю въ ваши глаза и тону въ глубинѣ вашего полнаго любви взгляда.

Ахъ Marie, Marie, вы, которая такъ умѣете понимать, чувствовать и любить, вамъ ли быть рабою мнѣній дикой толпы? Вамъ ли имѣть такъ мало силы характера и воли и дрожать призраковъ и тѣней, которые пугаютъ только глупцовъ? О, нѣтъ, я увѣренъ, что это только непривычка къ новымъ мыслямъ, исполненіе ихъ на дѣлѣ требуется такъ безотлагательно—не больше; я увѣренъ, и теперь внутри васъ раздается сильный голосъ, и что выйдете изъ этой борьбы побѣдительницею. Вамъ Богъ далъ высокій ростъ, зачѣмъ же присѣдать, горбиться и сгибаться? Вамъ Богъ далъ столько ума, зачѣмъ же ему ограничиться одною теоріею и не перейти въ жизнь, дабы самымъ дѣломъ служить Господу и хвалить его? Вашу руку, Marie, вашу руку—мнѣ далъ васъ Богъ, и потому я хочу, чтобы вы были моею не только передъ людьми и свѣтомъ, но и передъ Богомъ: а это возможно только тогда, когда вы и чувствомъ, и словомъ, и дѣломъ вмѣстѣ со мною станете передъ Нимъ на колѣна. Отвѣчайте мнѣ скорѣе, и не забывайте, что все-таки, если надо будетъ мнѣ пріѣхать въ (Москву), я пріѣду.

Вашъ В. Бѣлинскій.

28.

С.-Петербургъ. 1843 года, октября 2 дня.

Милостивая государыня
Марья Васильевна! *)

Мнѣ очень прискорбно, что я долженъ огорчить васъ этимъ письмомъ; но вы, конечно, повѣрите мнѣ, если я скажу вамъ, что мнѣ самому это очень тяжело. Дѣла мои приняли такой оборотъ, что мнѣ ни на единую недѣлю невозможно оторваться отъ журнала и отлучиться изъ Петербурга. Причина этому та, что я и такъ цѣлое лѣто прожилъ въ Москвѣ, почти ничего не дѣлая для „Отеч. Записокъ“. Но лѣтніе мѣсяцы еще не такъ важны для журнала; теперь настала для него самая важная пора: отъ ноября до мая продолжится подписка, и книжки за эти мѣсяцы должны быть одна другой лучше. Отложить наше дѣло до лѣта—одна мысль о такой отсрочкѣ приводитъ меня въ ужасъ и тоску; но сверхъ того, будущимъ лѣтомъ мнѣ еще больше нельзя будетъ выѣхать изъ Петербурга ни даже на три дня, потому что Краевскій въ маѣ мѣсяцѣ ѣдетъ чрезъ Москву (гдѣ остановится на нѣкоторое время для свиданія съ матерью), въ Крымъ и проѣздитъ почти до октября, а на это время мнѣ поручаетъ свой журналъ. Вы не знаете, что

*) Это—оффиціальное письмо, предназначавшееся для дяди М. В.

такое журналъ: отъ него ни на минуту нельзя отойти. А между тѣмъ я, какъ вамъ извѣстно, существую журнальною работою; если я противъ воли Краевскаго выѣду изъ Петербурга и тѣмъ поставлю его въ затруднительное положеніе, это будетъ знакомъ, что я не хочу больше работать въ его жуналѣ, а онъ имѣетъ право пригласить на мое мѣсто другого сотрудника. Въ такомъ ужасномъ положеніи, я беру на себя смѣлость сдѣлать вамъ предложеніе, мысль о которомъ подалъ мнѣ Краевскій и которое вамъ, надѣюсь, не покажется страннымъ или неумѣстнымъ, какъ вызванное обстоятельствами и необходимостью. Это— пріѣхать вамъ въ Петербургъ одной съ тѣмъ, чтобы на другой же день была церемонія. А остановиться на однѣ сутки можете вы у извѣстной вамъ Маріи Александровны Комаровой, урожденной Дементьевой бывшей вашей воспитанницы, которая, черезъ меня, усердно васъ объ этомъ проситъ, равно какъ и мужъ ея, Александръ Александровичъ Комаровъ, съ которымъ мы большіе пріятели. Я смѣю надѣятся, что подобное предложеніе не будетъ вами отринуто, и что вынужденное обстоятельствами, а не моею прихотью, милованіе нѣкоторыхъ установленныхъ приличіемъ и необходимыхъ обыкновеній вы не сочтете достаточною причиною лишить меня счастія, которое такъ давно было моею сладчайшею мечтою. Мнѣ самому очень прискорбно, что священный обрядъ нашего соединенія не будетъ почтенъ драгоцѣннымъ присутствіемь вашихъ почтенныхъ родственниковъ и столь многоуважаемой и любимой вами начальницы Madame Charpiot, къ которой васъ привязываетъ и чувство признательности, и благородный ея характеръ; но чтоже дѣлать? Я смѣю думать, что какъ ваши почтенные родственники, такъ и ваша достойная начальница Madame Charpiot найдутъ мои резоны основательными и не посовѣтуютъ вамъ сдѣлать на всегда несчастнымъ человѣка, котораго чувство къ вамъ нашло отзывъ въ вашемъ сердцѣ—потому только, что онъ не можетъ выполнить нѣкоторыхъ весьма справедливыхъ и уважительныхъ требованій приличія, но выполненіе которыхъ обстоятельства дѣлаютъ для него рѣшительно невозможнымъ. Впрочемъ, въ Петербургѣ, гдѣ всѣ заняты должностями и каждый дорожитъ даже и однимъ днемъ, между людьми небогатыми такіе примѣры не рѣдки, и никто не находитъ ихъ странными и удивительными.

Съ волненіемъ и трепетомъ ожидая вашего отвѣта, отъ котораго такъ многое зависитъ для меня въ жизни, и прося васъ передать мое почтеніе сестрицѣ вашей Аграфенѣ Васильевнѣ, остаюсь навсегда преданный вамъ беззавѣтно.

Вашъ В. Бѣлинскій.

29.

С.П.Б. окт. 3.

Не удивляйтесь моимъ частымъ письмамъ. Вы должны предполагать, въ какомъ состояніи нахожусь я теперь; каково бы ни было ваше— мое не лучше. Я осажденъ, подавленъ одною и тою-же мыслью. Много писалъ я вамъ о ней, и все еще остается чтò сказать. Сегодня поутру былъ я у Кр. *) и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, а потомъ цѣлый день все думалъ и передумывалъ, будучи у Комарова **)

*) Краевскаго, редактора-издателя „Отечественныхъ Записокъ“.
**) Одинъ изъ близкихъ пріятелей Бѣлинскаго, о которомъ не разъ упоминаетъ Панаевъ въ „Литературныхъ Воспоминаніяхъ“. *Ред.*

гдѣ обѣдалъ. Дѣло ясное, что поѣздка моя въ Москву жестоко разстроила-бы дѣла „От. З.", ибо, въ случаѣ ея, одна книжка необходимо должна остаться безъ моей статьи. Вѣнчанье въ П. взяло-бы у меня два-три дня—не больше; поѣздка въ М. отнимаетъ восемь дней только на проѣздъ взадъ и впередъ; меньше недѣли нѣтъ никакой возможности остаться въ М.—итого 15 дней; да передъ отъѣздомъ дня два или три какая ужъ работа, да по пріѣздѣ дня два—три тоже—итого 21 день! Стало-быть, о статьѣ нечего и думать; а Кр. не хочетъ и думать, чтобы не было статьи. Конечно, я не стану васъ обманывать, увѣряя, что это дѣло не могло-бы уладиться хотя съ натяжкою, но, согласитесь, что-же мнѣ за радость портить мои отношенія къ человѣку, отъ кого я, кромѣ хорошаго и добраго, ничего не видѣлъ, который принялъ въ моемъ дѣлѣ самое искреннее и гуманное участіе и котораго требованія отъ меня совершенно справедливы. Зачѣмъ-же его интересы должны страдать отъ моихъ, особенно когда есть средства устроить дѣло къ обоюдному удовольствію? Справедливо-ли это? Здѣсь напомню вамъ одну фразу изъ вашего письма: „Думая о себѣ, должно-ли забывать другихъ?" Конечно, Кр. слишкомъ цѣнитъ меня и дорожитъ мною, чтобы рѣшился разойтись со мною, въ случаѣ моего отъѣзда, противъ его воли (въ этомъ случаѣ справедливой и законной); но онъ тогда будетъ имѣть полное право стать со мною на холодно-вѣжливыя отношенія, а это, кромѣ всего другого, сильно повредитъ моимъ интересамъ, о которыхъ я теперь уже обязанъ думать и пещись. Теперь еще другое: ужъ коли дѣло пошло на выполненіе китайскихъ и монгольскихъ обычаевъ, то смѣшно-же было-бы, исполняя одни изъ нихъ, презирать другіе. Вѣдь я пріѣду въ М. затѣмъ, чтобы сперва разыграть интересную роль жениха, а потомъ не менѣе интересную роль молодого (что за милые термины!); это повидимому пустое обстоятельство обязываетъ меня, кромѣ траты на проѣздъ и житье въ М., истратить еще не мало денегъ на фракъ, бѣлый жилетъ, бѣлый галстухъ, словомъ, на костюмъ, приличный обстоятельству. По пріѣздѣ въ П. вся эта дрянь мнѣ будетъ не нужна, потому что мнѣ никогда не придется надѣвать ее на себя. У меня есть фрактъ, который сшитъ назадъ тому три года и давно уже страшно вышелъ изъ моды (вы видѣли меня въ немъ въ мою зимнюю поѣздку въ М.), и что-же? не смотря на свою старость, онъ новехонекъ, какъ-будто вчера сшитъ, ибо я не надѣвалъ его и 10 разъ. Въ П. я и его надѣлъ-бы, на случай церемоніи, только для того, чтобы не смутить вашего взгляда на эти вещи. Что-же касается до меня собственно, я зналъ-бы, что нашъ бракъ былъ-бы равно дѣйствителенъ передъ гражданскимъ закономъ—во фракѣ или сюртукѣ вѣнчался я. Если мы будемъ вѣнчаться въ Пет., на мнѣ, сверхъ обыкновеннаго ежедневнаго моего костюма, будетъ только одинъ фракъ, и тотъ старомодный, галстухъ черный, а жилетъ пестрый; не куплю даже бѣлыхъ перчатокъ—не изъ экономіи, а такъ, по нѣкоторому, мнѣ извѣстному, чувству. Да и передъ кѣмъ-же мнѣ было-бы рядиться? вѣдь родственника ни одного—все друзья, все люди, одинаково со мною думающіе и чувствующіе, и, однако-жъ, живущіе совсѣмъ, не въ эмпиреѣ, а на бѣдной нашей землѣ, подъ сѣрымъ и дождливымъ небомъ Петербурга. Кстати о Петербургѣ. Въ немъ есть по крайней мѣрѣ 50 круговъ или обществъ, во всемъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Каждый индивидуумъ въ Пет. соображается съ мнѣніемъ и обычаями своего круга, не обращая вниманія даже на существованіе другихъ. Мои пріятели принадлежатъ къ

кругу, подобнаго которому въ Москвѣ ничего нѣтъ. Вотъ это-то васъ и сбиваетъ съ толку. Вы, кажется, смотрите на моихъ пріятелей, какъ на фантазеровъ и мечтателей, которые бранятъ толпу и не знаютъ жизни. Ошибаетесь. Правда, всѣ они немного чудаки (ибо умные среди дураковъ всегда странны), но женаты, а женатая жизнь всякаго сведетъ съ эмпиреи на землю, какъ всякая дѣйствительная жизнь. Поженились они всѣ немного странно: Комаровъ черезъ три дня послѣ того, какъ въ первый разъ увидѣлъ свою М. А.; женитьба Краевскаго была сюрпризомъ для всѣхъ его знакомыхъ, изъ которыхъ самые близкіе къ нему узнали черезъ три дня послѣ того, какъ онъ уже женился (и не было ни стола, ни бала); Вержбицкій женился, будучи мальчикомъ 22 лѣтъ, на дѣвочкѣ моложе двадцати лѣтъ, существуя шестью стами рублей въ годъ жалованья (теперь у него доходу около 4000 р.). Говорю вамъ это для того, чтобы показать вамъ, что въ эмпиреѣ не бываетъ такихъ доходовъ. Комаровъ получаетъ страшными, усиленными трудами учительства 12000 р. въ годъ, для чего даетъ ежедневно до десяти уроковъ—тоже не эмпирейскій человѣкъ!

Повѣрьте, это не мечтатели и люди сосѣмъ не пылкіе, менѣе всего фантазеры, чтó, однако-же, не мѣшаетъ имъ быть прекраснѣйшими людьми во всѣхъ отношеніяхъ. Но что они люди извѣстнаго круга, это—правда, и совѣтъ, данный ими мнѣ, не удивитъ никого изъ людей этого круга. Къ этому я долженъ еще прибавить, что ихъ совѣтъ основывался также и на уваженіи къ моему выбору, и на высокомъ мнѣніи о васъ.

Октября 4, Понедѣльникъ.

До сихъ поръ не могу опомниться отъ вашего письма: такъ неожиданно было для меня его содержаніе. Когда, въ М., говорилъ я вамъ о моемъ пріѣздѣ, у меня и мысли не было о M-me Charpiot, которой, по моему мнѣнію, не было никакого дѣла и интереса до нашего дѣла; о дядюшкѣ съ тетушкою думалъ я—можетъ быть, захотятъ быть при церемоніи, и этимъ все и кончится. Присутствіе 20 особъ и параднаго стола послѣ церемоніи мнѣ и въ голову не входило, ибо думалъ, что вы скорѣе согласитесь сто разъ умереть, чѣмъ добровольно подвергнуться униженію и позору китайскихъ и тибетскихъ обычаевъ. Я такъ въ этомъ случаѣ былъ увѣренъ въ васъ, что не хотѣлъ и говорить объ этомъ. Я робокъ и дикъ въ обществѣ и съ незнакомыми людьми. Но въ обществѣ порядочномъ я менѣе дикъ, а иногда бываю даже разговорчивъ и смѣлъ; въ обществѣ, каково то, къ которому принадлежатъ ваши родственники, я теряюсь и уничтожаюсь, даже нечаянно попавши въ него; а играть въ немъ роль, и притомъ еще такую, слушать поздравленія, сопровождаемыя то идіотскими, то злыми улыбками, слушать любезности и лакейскіе экивоки (чтó неизбѣжно, если тутъ будетъ, напр., тотъ милый вашъ родственникъ, въ которомъ любовь видитъ идеалъ свѣтской любезности),—это не только на яву, но и во снѣ страшно увидѣть—можно проснуться съ сѣдыми волосами!.. Къ этой плѣнительной картинѣ не достаетъ только встрѣчи насъ съ хлѣбомъ и солью (впрочемъ, это-то, вѣроятно, и будетъ), да еще того, чтобы члены честнаго компанства (т. е. гости), прихлебывая вино, говорили-бы: горько! а мы-бы съ вами цѣловались въ ихъ удовольствіе; да еще не достаетъ нѣкоторыхъ обрядовъ, которые бываютъ на Руси уже на другой день и о которыхъ я, конечно, вамъ не буду говорить. Вы, можетъ быть, скажете мнѣ: „чтó-же за любовь ваша ко мнѣ, если она не можетъ выдержать вотъ какого опыта и если вы для меня не хотите подвергнуться,

конечно, непріятнымъ, но и необходимымъ условіямъ?" Прекрасно; но если-бы на Руси было такое обыкновеніе, что желающій жениться непремѣнно долженъ быть всенародно высѣченъ трижды: сперва у порога своего дома, потомъ на полпути, а наконецъ у входа въ храмъ Божій; неужели вы и тогда сказали-бы, что мое чувство къ вамъ слабо, если не можетъ выдержать такого испытанія? Вы скажете, что я выражаюсь, во-первыхъ, слишкомъ энергически (извините: я люблю называть вещи настоящими ихъ именами, а китаизмъ не считаю деликатностью), а во-вторыхъ, по моему обыкновенію утрирую вещи, и что то, что́ я сказалъ, далеко не то, чему я долженъ подвергнуться. Вотъ это-то и есть самый печальный и грустный пунктъ нашего вопроса. Я глубоко чувствую позоръ подчиненія законамъ подлой, безсмысленной и презираемой мною толпы; вы тоже глубоко чувствуете это; но я считаю за трусость, за подлость, за грѣхъ передъ Богомъ, подчиняться имъ, изъ боязни толковъ, а вы считаете это за необходимость. Вопреки первой заповѣди вы сотворили себѣ кумиръ, и изъ чего-же? Изъ презираемыхъ вами мнѣній презираемой вами толпы! Вы чувствуете одно, вѣруете одному, а дѣлаете другое. А это и не великодушно и неблагородно! Это значитъ молиться Богу своему втайнѣ, а въявь приносить жертвы идоламъ. Это страшный грѣхъ! О, я понимаю теперь, почему вы такъ заступаетесь за Т—ну Пушкина, и почему меня это всегда такъ бѣсило и опечаливало, что я не могъ говорить съ вами порядкомъ и толковать объ этомъ предметѣ! Любовь есть религія женщины, и нѣтъ для женщины высшаго и болѣе святого наслажденія, какъ всѣмъ жертвовать своей религіи. Для нея свято всякое законное и справедливое требованіе того, кого она любитъ. Съ моей стороны, я тоже имѣю право предложить вамъ вопросъ: „Неужели-же ваше чуство ко мнѣ такъ слабо, что вы не можете принести мнѣ жертвы (необходимость какой внутренно признаете сами) и не моможете выполнить самаго справедливаго и законнаго—не требованія—я не требую,—а прошу, умоляю васъ! Я увѣренъ, Марія, что первыя два письма мои произвели на васъ должное дѣйствіе и вполнѣ убѣдили васъ въ справедливости моихъ настояній. Это письмо я пишу для того, чтобы окончательно утвердить васъ въ разумномъ рѣшеніи, чтобы договорить все, что́ можно сказать объ этомъ предметѣ, и чтобы, во всякомъ случаѣ,—т. е. согласитесь вы со мною или не согласитесь, —уже болѣе не говорить объ этомъ ни слова. Вы, можетъ быть, увидите въ этомъ письмѣ нѣкоторое противорѣчіе: въ началѣ его я говорю о невозможности ѣхать мнѣ въ М. и какъ будто на этой невозможности основываю необходимость вашего рѣшенія ѣхать вамъ ко мнѣ въ Петербургъ; а потомъ доказываю эту необходимость моимъ отвращеніемъ покориться китайскимъ позорнымъ обычаямъ. Тутъ противорѣчія нѣтъ никакого: мнѣ дѣйствительно ѣхать нельзя, но въ то-же время, скажу вамъ откровенно, что мнѣ было-бы грустно, если-бы вы рѣшились ѣхать только потому, что мнѣ нельзя ѣхать, а не по согласію со мною, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ доводахъ второго разряда... Я увѣренъ, что вы хорошо поймете, что́ я хочу сказать этимъ. Но великій Боже!—какая ужасная идея входитъ мнѣ въ голову: неужели это возможно, что дѣло наше, изъ такой причины, отложится, и мы не будемъ обвѣнчаны до поста? Нѣтъ, М., если не изъ любви ко мнѣ, то хоть изъ сожалѣнія пощадите и спасите меня. Я, конечно, „не окончу смертію живота моего"—этого не бойтесь, но меня можетъ постигнуть праведная смерть—мною овладѣваетъ апатія, уныніе, лѣность, преферансъ—я опущусь до послѣдней

степени. Это неизбѣжно и вѣрно, какъ и то, что я буду гордъ и счастливъ вами, если вы побѣдите своего внутренняго врага — боязнь княгини Марьи Алексѣевны. Ахъ, Марія, Марія, только теперь почувствовалъ я, какъ сильно, какъ глубоко люблю я васъ. То, что̀ считаю я въ васъ недостаткомъ, заставляетъ меня не сердиться на васъ, не охладѣвать къ вамъ, но болѣзненно страдать. Со времени полученія вашего письма, я самъ не свой. Вы недавно писали ко мнѣ, что вы стары, больны и дики въ обществѣ, что это такіе недостатки въ васъ, которые я долженъ принять для себя какъ наказаніе Божіе: я смѣялся и смѣюсь надъ этимъ, хотя скажу это не въ похвальбу себѣ, немногіе способны надъ этимъ смѣяться. Но я вижу вашъ большой недостатокъ въ томъ, въ чемъ опять-таки слишкомъ немногіе способны увидѣть его,—это въ вашемъ esclavage. Поймите-же меня и уважьте во мнѣ то, что̀ составляетъ фондъ и лучшую сторону моей натуры, моей личности.

Прощайте, Марія... Съ нетерпѣніемъ жду письма отъ васъ и въ первый еще разъ желаю его получить попозже, т. е. уже какъ отвѣтъ вотъ на это письмо. Сегодня получили вы мое первое письмо объ этомъ предметѣ, завтра получите второе и это получите въ четвертокъ. Какъ хорошо, если-бы вы отвѣчали мнѣ въ пятницу или субботу.

Вашъ В. Бѣлинскій.

P. S. Я-бы очень желалъ знать мнѣніе объ этомъ предметѣ Аграфены Васильевны.

30.

10-го октября.

Третьяго дня (8, въ пятн.) получилъ я одно ваше письмо, сегодня другое. Первое меня нисколько не огорчило и не опечалило, а второе много утѣшило и сильно обрадовало. Въ немъ я узналъ въ васъ давно родное и милое душѣ моей существо, мою Marie. О прошломъ ни слова, да и настоящія обстоятельства такъ сложны, что было-бы смѣшно заниматься этими ребяческими мелочами. Не буду потому, что не могу, не въ силахъ писать вамъ, какъ обрадовало меня ваше рѣшеніе ѣхать въ Москву (sic). Это рѣшеніе достойно васъ и доказываетъ мнѣ ясно, что я не ошибся въ васъ. Сперва вы думали объ этомъ предметѣ иначе,— что̀-жъ за бѣда! Зато теперь вы думаете о немъ какъ слѣдуетъ. Ошибки извинительны человѣку, особливо если онѣ выходятъ не изъ его натуры, а изъ воспитанія, изъ общественнаго мнѣнія и т. д. Дѣло не въ томъ, чтобы никогда не дѣлать ошибокъ, а въ томъ, чтобы умѣть сознавать ихъ и великодушно, смѣло слѣдовать своему сознанію. Я больше всего цѣню въ людяхъ эластичность души, способность ея движенія впередъ. Вотъ бѣда, когда эта божественная способность утрачена! Въ васъ она жива—это для меня слишкомъ довольно, чтобы быть счастливымъ черезъ васъ и за вами. Итакъ, вы рѣшились; хоть вы и сказали, что обѣщали непремѣнно, но я увѣренъ, что будетъ такъ, ибо вы изъ тѣхъ натуръ, которыя наклоннѣе ко всякой крайности, чѣмъ къ срединѣ; зато и полюбилъ я васъ. Кромѣ того, я не ожидаю и не предполагаю никакой оппозиціи вашему рѣшенію ни со стороны вашего дяди, ни со стороны M-me Charpiot. Сестра и безъ того во всемъ съ вами согласна; а до прочихъ вамъ и дѣла нѣтъ. Но рѣшеніе ваше ѣхать 15 числа испугало меня: нужно сдѣлать окличку, безъ которой нельзя вѣнчаться. Объ этомъ поговорю съ вами теперь обстоятельнѣй; но прежде скажу нѣсколько словъ о другомъ дѣлѣ, которое должно вамъ знать.

Въ тотъ вечеръ, какъ получили вы мое письмо, которое произвело на васъ такое сильное дѣйствіе (и за которое написавшая его рука стоила

хорошей мушки), я былъ у одного знакомаго, въ низенькихъ комнатахъ, гдѣ было душно и жарко. День былъ сухой и теплый, а потому, вышедши изъ дому еще съ утра, я не надѣлъ калошъ. Надо сказать, что и передъ этимъ я все чувствовалъ себя не то, чтобы больнымъ, но-и не здоровымъ. Выхожу изъ гостей довольно поздно—улица мокра и грязна. И не знаю, промочилъ-ли я ноги, или быстрый переходъ изъ жаркой и душной комнаты на сырой и холодный воздухъ сильно на меня подѣйствовалъ, только я проснулся на другой день съ значительною болью въ головѣ и ознобомъ. Какъ истинный семьянинъ и русскій человѣкъ, я нехотѣлъ признать себя больнымъ, позавтракалъ яицъ и пошелъ къ Краевскому, коего нашелъ въ постели съ обвязанною тряпками головою. Короче: на другой день вечеромъ я почувствовалъ адскій огонь внутри себя, при нестерпимомъ холодѣ снаружи. Поставилъ себѣ семь злыхъ горчичниковъ (на спину, къ рукамъ, къ икрамъ и къ подошвамъ ногъ) и послалъ за докторомъ, который, прописавъ лѣкарство, велѣлъ мнѣ сейчасъ-же поставить 24 піявки, по 12 за каждымъ ухомъ. На другой день поутру (въ пятн.), ваше письмо застало меня въ самомъ животномъ положеніи, лежащаго на кушеткѣ—подушка запеклась въ крови, воротникъ рубашки тоже, грудь окровавлена, перевязки за ушами ослабли и запекшаяся кровь отстала, лицо блѣдное, не бритое, запачканное въ крови. Словомъ я былъ некрасивъ, но интересенъ. Въ этотъ день мнѣ было уже такъ лучше, что у меня вечеръ провелъ Тургеневъ (авторъ „Параши") и мы толковали съ нимъ „о Байронѣ и о матеріяхъ важныхъ". Вчера (въ субб.), мнѣ было еще лучше, и вечеръ провели у меня четверо гостей, а сегодня я только нѣсколько слабъ, а то совсѣмъ здоровъ. Желудокъ мой собачьимъ голодомъ обнаруживаетъ сильныя корыстныя претензіи на разныя явства; но неумолимый эскулапъ мой осудилъ его на супъ съ курицей, а выйти изъ дому позволилъ мнѣ не прежде среды. Тогда возьму изъ мѣхового магазина мою шубу, и безъ нея и безъ калошъ уже никуда ни шагу, не смотря ни на какую погоду—честное слово и ненарушимую клятву даю вамъ въ этомъ, моя дорогая Марія.

Итакъ, о моемъ здоровьѣ не безпокойтесь. Я теперь даже веселъ, благодаря вашему письму. Еслибы я лежалъ въ постели, безцѣнное письмо ваше, моя дорогая, милая Marie, оживило-бы меня. Всю эту исторію поторопился я разсказать вамъ больше для того, чтобы васъ не испугало начало приложеннаго здѣсь письма, писаннаго незнакомою вамъ рукою. Дѣло вотъ въ чемъ: всѣ мои бумаги отосланы въ пензенское депутатское собраніе для полученія дворянской грамоты. Я остался съ однимъ университетскимъ свидѣтельствомъ, по которому и живу и записываюсь въ полиціи. Грамоту я жду со дня на день, но могу легко прождать и еще два мѣсяца. И потому я просилъ моего знакомаго переговорить съ священникомъ, у котораго я исповѣдуюсь и причащаюсь, можетъ-ли онъ обвѣнчать меня по этому университетскому свидѣтельству, и притомъ съ тѣмъ, чтобы свидѣтельство о смерти моего отца я доставилъ ему послѣ. (Для этого я во вторникъ и былъ въ томъ домѣ, выходя откуда простудился). Вчера я получилъ отвѣтъ отъ моего пріятеля (Баландина), который прилагаю при моемъ письмѣ, потому что мнѣ трудно писать, и это письмо я царапаю уже цѣлый день (а въ пятницу началъ было, да и бросилъ послѣ нѣсколькихъ строкъ). Препятствіе, о которомъ я говорю, пустое: Петръ Александровичъ есть никто иной, какъ родной братъ моего пріятеля Языкова [1]), полковникъ и инспекторъ

[1]) Языковъ пріятель Бѣлинскаго; см. о немъ также въ „Литер. Воспоминаніяхъ" Панаева. Ред.

въ институтѣ, о церкви котораго идетъ рѣчь. Я съ П. А. хорошо знакомъ, онъ чудесный человѣкъ и очень меня любитъ. Итакъ, Marie, ваше метрич. свид. да позволеніе отъ вашего родителя не забудьте. Мѣсто возьмите въ malle poste—на двадцать восьмое число октября вмѣсто 15, ибо въ слѣдующее воскресенье (17 окт.) будетъ нашъ первый окликъ, 24 окт. второй, а 31—третій и послѣдній. Терять времени некогда, и потому, я завтра-же даю знать Баландину, чтобы онъ сказалъ священнику ваше имя и попросилъ его въ слѣдующее воскрес. начать окликъ. Ежели вы выѣдете изъ М. 28 окт., то будете въ П. 31 (въ воскресенье—въ день послѣдняго оклика). Съ 10 часовъ утра я жду васъ въ конторѣ malle poste. А 1-го ноября мы можемъ обвѣнчаться. Время это удобное: отъ 11-й книжки „От. З." я буду тутъ свободенъ, а къ 12-й приступлю не прежде 7-го или 8-го ноября. Женщину вы непремѣнно должны были-бы взять съ собою, если бы вы и совершенно были здоровы. Да берите для нея мѣсто не въ брикѣ, а рядомъ съ собою, въ каретѣ: разница въ 20 р. асс., а между тѣмъ этотъ пустой лишній расходъ избавитъ васъ отъ непріятности имѣть сосѣдку или—чтó еще хуже — сосѣда, и дастъ вамъ удобства имѣть вашу служанку у себя подъ бокомъ, такъ что, вмѣсто кондуктора, она будетъ помогать вамъ даже садиться въ карету и выходить изъ нея. Хорошо, если бы эта же самая женщина могла остаться у насъ кухаркою и горничною вмѣстѣ; если же нѣтъ, увѣдомьте меня заранѣе, чтобы я могъ пріискать къ вашему пріѣзду кухарку, вмѣщающую въ своей особѣ и горничную, на что бываютъ очень хороши шведки, которыхъ въ П. много; а вашу женщину можно будетъ отпустить въ М., заплативъ ей и взявши ей мѣсто въ сидѣйкѣ. Бога ради, одѣньтесь теплѣе. Знаете ли, что у меня есть тулупъ на прекраснѣйшемъ кошачьемъ мѣху, онъ мнѣ совсѣмъ не нуженъ: не прислать ли мнѣ его вамъ, чтобы вы перешили его себѣ на дорожный капотъ? Претеплая вещь! А? Не правда ли? Если хотите, скорѣе напишите, куда его отправить,—на имя вашего дядюшки, чтó ли, и я сейчасъ же отправилъ бы его по четырехдневному транспорту. Да для ногъ купите себѣ мѣховыя калоши, чтобы въ нихъ ставить ноги, сидя въ каретѣ. Да закажите себѣ башмаки на двойной кожѣ, на двойной подошвѣ—одна чтобы была изъ пробковаго церева. Дорога вамъ будетъ непремѣнно полезна и благодѣтельна, если сбережете себя—не промочите ногъ и не попадите на струю вѣтра, будучи въ легкой испаринѣ послѣ чаю, которымъ посему не совѣтую вамъ согрѣваться. А берите себѣ мѣсто въ malle poste, а не въ заведеніи дилижансовъ: казенная карета надежнѣе, да и пріѣдете полднемъ скорѣе и въ опредѣленный часъ. Не прошу васъ писать ко мнѣ это время часто или много. Вамъ будетъ за сборами и хлопотами не до того, и я доволенъ буду, если станете хотя двумя строками увѣдомлять о своемъ здоровьѣ. Но на это письмо жду скораго, немедленнаго и удовлетворительнаго отвѣта, жду его съ тоскою и тревогою: ибо не забудьте, что, желая сохранить время, я велѣлъ дѣлать окликъ, не получивъ отъ васъ на это рѣшительнаго согласія, и, стало-быть, не зная, умно или глупо распорядился я. Если вамъ нужны деньги—безъ церемоній скажите, сколько и на чье имя высылать. Прощайте! Берегите себя. Да пуще всего, не поддавайтесь силѣ ощущеній. Жизнь душитъ и давитъ ногами тѣхъ, которые глядятъ на нее съ мистическимъ ужасомъ и подобострастіемъ: надо смотрѣть ей прямо въ глаза. Въ ней нѣтъ ничего ни столько сладкаго, ни столько горькаго, ни столько ласкающаго, ни столько страшнаго, что бы смерть

не изгладила ровно, безъ всякаго слѣда. Стало-быть, не изъ чего слишкомъ волноваться. Будьте спокойнѣе и смотрите разсудительнѣе, холоднѣе и прозаичнѣе—будетъ лучше. Жизнь, какъ и пуля, щадитъ храбраго и бьетъ труса. Смѣлѣе! Вашу руку, Marie, которая, Богъ дастъ, скоро будетъ моею! Прощайте и не медлите утѣшить отвѣтомъ вашего В. Бѣлинскаго. Это письмо пойдетъ завтра (11 окт.).

Трепещу ужасной мысли, что или письмо это принесется къ вамъ наканунѣ вашего отъѣзда, или А. В. получитъ его, проводивши васъ. Если можно будетъ перемѣнить число, немедленно сдѣлайте это. Письмо это получится вами или 14 вечеромъ, или 15 поутру — страшно! Какъ это вамъ пришло въ голову ѣхать 15, не списавшись со мною. Вотъ ужъ подлинно изъ одной крайности въ другую. Впрочемъ, я люблю крайности; къ тому окликъ не слишкомъ важное дѣло, и, можетъ быть, священникъ обвѣнчаетъ и послѣ одного или двухъ окликовъ. Въ такомъ случаѣ еще лучше. Будь, что будетъ!

Вложенное письмо Баландина къ Бѣлинскому.

Суббота, октября 8-го дня, 1843 г.

Говорятъ, что вы больны. Очень сожалѣю, что не могу самъ зайти къ вамъ. Дѣла ваши почти устроены. Если дворянскаго свидѣтельства не пришлютъ, то попъ совершитъ бракъ и безъ него. На вашемъ свидѣтельствѣ будетъ написано: бракъ совершенъ при такихъ то свидѣтеляхъ, а свидѣтели подпишутъ. Свидѣтельства о смерти отца вашего не нужно. Окличка будетъ сдѣлана, начиная съ завтрашняго дня, если только вы потрудитесь доставить мнѣ немедленно имя и званіе вашей невѣсты. Поторопитесь. Попъ говорилъ мнѣ, что окликъ можно начать и за всенощною. Вамъ самимъ остается уладить только одно обстоятельство. Я говорилъ вамъ, что баронъ Притвицъ, директоръ строительнаго училища, запрещаетъ попу вѣнчать постороннихъ въ церкви училища. Это очень глупо, но „у всякаго барона своя фантазія". Совѣтую вамъ обратиться къ Петру Александровичу: онъ можетъ легко устранить и это послѣднее препятствіе.

Душевно преданный вамъ

А. Баландинъ.

P. S. Совсѣмъ было забылъ сказать, что, для совершенія брака, необходимо метрическое свидѣтельство невѣсты и позволеніе ея родителей, если таковыя имѣются. Впрочемъ, я думаю, вы сами это знали!

31.

Окт. 12.

Третьяго дня получилъ я отъ васъ письмо, которое сдѣлало меня кротко и тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко счастливымъ; образъ вашъ въ душѣ моей снова сталъ свѣтелъ и прекрасенъ, и я сказалъ вамъ правду во вчерашнемъ письмѣ, что это ваше письмо могло бы воскресить меня умирающаго. Да, до 4 часовъ нынѣшняго дня, я былъ невыразимо счастливъ вами и черезъ васъ: мысль о васъ дѣйствовала на мою грудь освѣжительно, я чувствовалъ вокругъ себя ваше незримое присутствіе, жилъ двойною жизнью. Я не жалѣлъ о томъ, что письмо мое заставило васъ много и тяжко страдать: страданье благодатно тогда, когда ведетъ къ сознанію. Мнѣ было бы даже непріятно, если бы вдругъ вы спокойно согласились со мною въ томъ, чего за минуту и представить не

умѣли себѣ какъ возможное и естественное, и потому въ вашемъ страданіи я видѣлъ органическій, живой процессъ сознанія и благословилъ его. Ваше письмо было написано въ два пріема, и составляетъ какъ бы два письма. Первое оканчивается изъявленіями вашей любви ко мнѣ, которыя тронули меня до глубины души, до слезъ; почеркъ слабѣетъ и послѣднія строки едва дописаны—волненіе души вашей прервало ихъ. Второе письмо начинается мыслью, что ваше страданье было не безполезно—и по вашему рѣшенію ѣхать въ П., я увидѣлъ, что вы съ честью и побѣдою вышли изъ борьбы. Да, ваше письмо было прекрасно; какъ въ зеркалѣ, отражало оно въ себѣ вашу душу, ваше сердце, все что̀ я въ васъ такъ высоко уважалъ, а потому и любилъ. Въ этомъ письмѣ вы были самой собою, безъ всякихъ посторонних вліяній.

Сегодня получилъ я отъ васъ второе письмо, которое вы написали, побывавъ у своего дражайшаго дядюшки, и въ которомъ поэтому, я уже не узналъ васъ. Въ немъ ничего нѣтъ вашего,—особенно вашей благородной откровенности: вы хитрите и лукавите со мною, а, можетъ быть, прежде всего съ самой-собою. „Я пріѣду, непремѣнно пріѣду“, говорите вы, но къ этому прибавляете: „если вы такъ этого хотите“. А развѣ вы не знаете, что я такъ этого хочу? Развѣ вы не знаете, что я такъ этого хочу потому, что иначе и нѣтъ возможности соединиться намъ, ибо ѣхать въ М. я рѣшительно не могу? Кажется, я объ этомъ писалъ подробно и ясно? Потомъ, какъ вы обѣщаетесь пріѣхать?—съ оговорками, что, можетъ быть, дурно сдѣлаете, пожертвовавъ одному чувству другими, хотя и не столь сильными, но все же святыми; что, можетъ быть, убьете сестру и отца, и что, можетъ быть, пріѣдете въ бѣлой горячкѣ... Marie, Marie! да кто жъ этакъ соглашается? этакъ только отказываютъ начисто...

Потомъ, въ одномъ мѣстѣ вашего письма вы увѣряете меня, что ошибаюсь я, думая, что вы не поѣдете въ П. по одному только уваженію къ княгинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ; увѣряете, что вамъ это трудно по родственнымъ отношеніямъ и по отношеніямъ къ институту. А въ концѣ письма, изъявляя сожалѣніе о̀ мукахъ, въ которыя бросаете меня, оправдываетесь тѣмъ, что не разъ предупреждали меня, что я считаю васъ лучшею, чѣмъ вы есть на самомъ дѣлѣ. Все это, Marie, недостойно васъ, и вы лучше бы сдѣлали, если бы откровенно сказали мнѣ, что не ѣдете только по уваженію къ мнѣнію родныхъ вашихъ и княгини Маріи Алексѣевны. Оно, конечно, такое признаніе было бы тяжело для вашего самолюбія, но, по крайней мѣрѣ, васъ утѣшила бы мысль, что вы поступили добросовѣстно. А то истиннаго-то мотива вашей нерѣшительности вы не замаскировали, да и поступили-то не прямо. Я очень ясно вижу, что одна только причина, почему вы боитесь и ужасаетесь словно смертной казни, ѣхать въ П., это—мысль, что вы, невѣста, поѣдете ко мнѣ, къ жениху, вмѣсто того, чтобѣ я пріѣхалъ къ вамъ, какъ это считается символомъ вѣры московскихъ бабъ и сплетницъ, и княгинь Марьевъ Алексѣевнъ. Вотъ что̀! Аграфена Васильевна (дай ей Богъ, здоровья!) удивляется, что я заставляю васъ ѣхать одну въ такую погоду. А если я съ вами поѣду, погода перемѣнится? помилуйте, да переѣздъ изъ М. въ П. и обратно, теперь, особенно въ malleposte, да это легче, чѣмъ изъ М. съѣздить къ Троицѣ; это теперь пустая поѣздка, и сколько женщинъ и дѣвушекъ, однѣ одинехоньки, ѣздятъ по этой дорогѣ! Сами вы ѣзжали и по проселочнымъ, ночевывали на столахъ

въ крестьянскихъ избахъ, среди общества свиней, поросятъ, ягнятъ, куръ, мужиковъ, бабъ. Наконецъ, Marie, я долженъ выразиться откровеннѣе: у меня нѣтъ въ головѣ органа, какимъ бы я могъ понять, почему вы дѣлаете такой важный вопросъ изъ такого пустого дѣла, какъ переѣздъ вашъ изъ М. въ П? Я вѣрю вамъ, что вы много и тяжело страдаете, да только я не понимаю, какъ же это и отчего, и потому не чувствую никакой симпатіи къ вашимъ страданіямъ,—хотя мысль о нихъ тѣмъ болѣе усиливаетъ мои собственныя.

Аграфена Васильевна ссылается на Б. и на Armance. Напрасно: вамъ бы слѣдовало умолчать объ этихъ лицахъ, чтобы не встрѣтить ихъ обвинительнаго, или насмѣшливаго взгляда, который бы заставилъ васъ покраснѣть. Не Б. для Arm. поѣхалъ за границу (онъ поѣхалъ для самого себя), а Arm. поѣхала для Б.—это разъ, потомъ Arm. прожила съ Б. около двухъ недѣль на моей квартирѣ, до брака своего съ нимъ, и все твердила ему, что вѣнчаться не нужно, что она такъ отдается ему и беретъ на себя всѣ слѣдствія этого рѣшенія, каковы бы они ни были. Русская барышня (существо, которое стоитъ прекрасной россіянки) не имѣетъ въ головѣ органа, чтобы понять подобную выходку со стороны страстной, любящей француженки. У Arm. есть отецъ, мать и сестры, которыхъ она безумно любитъ; но она религіозно считаетъ себя обязанной жертвовать одному чувству другими, не такъ сильными, хотя и все-таки святыми.

Письмо ваше, Marie, заставило меня перегорѣть въ жгучемъ жупельномъ огнѣ такихъ адскихъ мукъ, для выраженія какихъ у меня нѣтъ словъ. Мнѣ хотѣлось броситься не на полъ, а на землю, чтобы грызть ее. Задыхаясь и стоная, валялся я по дивану. Мой докторъ говорилъ на сторонѣ, что если бы я не послалъ къ нему въ четвергъ, я или бы умеръ къ утру отъ удара въ голову; или сошелъ бы съ ума. Когда мнѣ объ этомъ сказали, я не только былъ уже внѣ опасности, но уже получилъ ваше милое, ваше безцѣнное письмо отъ 5-го окт., и потому весело улыбнулся при мысли объ избѣгнутой опасности, думая: теперь мнѣ есть для чего жить. Когда я прочелъ ваше письмо отъ 8-го окт., мнѣ сейчасъ пришла въ голову мысль: и зачѣмъ я посылалъ за нимъ? зачѣмъ посланный мой засталъ его дома? Лучше было бы тогда издохнуть мнѣ, какъ собакѣ, чѣмъ дожить до такой минуты! Вамъ это также покажется непонятнымъ, какъ мнѣ ваши страданія. Горько мнѣ, что мы въ нѣкоторыхъ пунктахъ такъ мало понимаемъ другъ друга: Мнѣ мало того, что вы пріѣдете въ П.: меня все-таки будетъ убивать мысль, что вы этимъ принесли мнѣ жертву. Я хотѣлъ бы, чтобъ эта поѣздка ничего вамъ не стоила, кромѣ обыкновенныхъ безпокойствъ дороги. Меня убиваетъ мысль, что вы, кого считалъ я лучшею изъ женщинъ, что вы, въ рукахъ которой теперь счастіе и бѣдствіе всей моей жизни, что вы, которую я люблю, вы,—раба мнѣній московскихъ кумушекъ, салопницъ и тетушекъ. Вотъ чѣмъ Богъ-то наказалъ меня за грѣхи, а не тѣмъ, что вамъ 32 года и что вы больны!.. И тяжка наказующая меня Десница!..

Въ васъ есть способность къ безграничному самоотверженію, къ любви и преданности полной и совершенной, но не иначе, какъ съ дозволенія правительства и съ одобренія дяденьки съ тетенькой. Будь я вашъ мужъ, а вы моя жена,—о! вы поскакали бы на телегѣ ко мнѣ на край свѣта и обидѣлись бы, еслибъ кто увидѣлъ въ этомъ что-то необыкновенное и сталъ бы васъ хвалить. Но теперь вы на меня

смотрите не какъ на человѣка, котораго вы любите (самый человѣческій и поэтическій взглядъ!), а какъ на жениха (подлое слово, чтобъ чортъ приснился тому, кто его выдумалъ!), и позволите себѣ скорѣе умереть, зачахнуть въ горѣ и тоскѣ вѣчной разлуки со мною, чѣмъ увидѣться со мною противъ правилъ приличій, хотя бы отъ этого зависѣло мое спасеніе отъ смерти. Будь я въ Москвѣ, умирай я, вы не рѣшились бы придти ко мнѣ на квартиру видѣть меня. Да это еще извинительнѣе въ глазахъ моихъ: такимъ поступкомъ вы разорвали бы всѣ связи съ обществомъ и лишили бы себя пристанища приклонить голову; но, выходя замужъ, у насъ, на Руси, дѣвушка ничего не теряетъ, но все выигрываетъ, и если мужъ ее уважаетъ, она имѣетъ полное право плевать на все остальное. Вы, Marie, такъ зависите отъ чуждыхъ вліяній, что даже жаль васъ. Когда вы поѣхали къ дяденькѣ съ тетенькой,—если бы эти изверги сказали вамъ: „конечно-де, глупо жертвовать счастіемъ жизни условному приличію",—вы прискакали бы въ институтъ къ сестрѣ счастливая, веселая, довольная, съ твердой рѣшимостью презирать глупыя условія, и были бы въ восторгѣ отъ своего героизма. Но какъ эти добродушные злодѣи оказали отпоръ вашему намѣренію,—оно вдругъ ослабѣло, воля ваша исчезла, характеръ спрятался, а любовь ко мнѣ сказалась больною; все святое, все ваше отлетѣло отъ васъ,—и въ письмѣ ко мнѣ очутились только слова, слова, слова, да ложь, ложь и ложь..- Ахъ, Marie, Marie! Пока дѣло шло о такихъ выраженіяхъ любви, какъ напр., подарить крестикъ и обязать меня носить его, перекрестить и проч., вы были смѣлы и рѣшительны. А какъ дѣло коснулось до пожертвованія крошечку посущественнѣе, вы испугались бѣлой горячки.... Чтожъ ваша любовь ко мнѣ, ваше чувство?..· Робко же вы любите!... Вы говорите, еслибъ вы были сиротою, совершенно одинокою, вы ни минуты не поколебались бы ѣхать въ П. и не испугались бы остаться два—три дня до вѣнчанья подъ одною кровлею со мною. Не вѣрю, Marie, рѣшительно не вѣрю. Есть положенія въ жизни, для которыхъ не существуетъ условій, которыя не допускаютъ еслибъ. Таково положеніе—любовь, особенно для женщины. Это ея долгъ, обязанность, религія, и для женщины нѣтъ ничего сладостнѣе, какъ всѣмъ жертвовать религіи своего сердца. Любовь даетъ ей силу творить великое и пристыжать своею силою гордаго, сильнаго мужчину. Принести жертву—еще дѣло не великое: великое въ томъ, чтобы насладиться, обрѣсти источникъ счастія въ собственной жертвѣ. Жертвы, дѣлаемыя по холодному долгу, часто убиваютъ (напр. ввергая въ бѣлую горячку); жертвы, совершаемыя по любви, даютъ счастіе тому, кто приноситъ ихъ. Иначе, я не умѣю понимать ни любви, ни самоотверженія.

Вы на меня смотрите какъ на своего жениха, т. е. какъ на человѣка, съ которымъ вы можете быть связаны на вѣки, но съ которымъ вы еще не связаны на вѣки. Я совсѣмъ иначе смотрю на наши отношенія. Вы въ моихъ глазахъ давно уже жена моя, съ которою уже не можетъ у меня быть разрыва. И поэтому я думаю, что, если, женившись на васъ, я буду имѣть право выписать васъ изъ-за тысячи верстъ по первой надобности, то почему же общество теперь не признаетъ моимъ этого права.

Слушайте-же, Marie, что̀ я скажу вамъ теперь и вѣрьте—я не обманываю васъ—каждое слово мое вѣрно и честно. Вы пишете ко мнѣ, что въ М. можно обвѣнчаться скромно, словомъ, какъ я хочу: это об-

стоятельство дѣлаетъ то, что убѣжденія мои уже не помѣшали-бы мнѣ пріѣхать въ М., но обстоятельства, это дѣло другого рода, и клянусь вамъ Богомъ и честью, что, съ этой стороны, пріѣхать въ М. я никакъ не могу, какъ-бы ни желалъ этого. Для васъ (о, только въ трудныя минуты моей жизни созналъ я, какъ глубоко и сильно люблю я васъ!)—я сдѣлалъ-бы это охотно, мнѣ было пріятно пощадить вашу слабость и принесть вамъ эту жертву, но это не въ моей власти, по тремъ причинамъ, изъ которыхъ каждой одной достаточно, чтобъ я и не думалъ о возможности этой поѣздки. Во-первыхъ деньги. Marie, ваше женственное тонкое чувство деликатности не допускаетъ меня до подробныхъ объясненій по части этой статьи. Повѣрьте мнѣ, что я скорѣе мотъ, чѣмъ скряга, и если ужъ я заговорилъ о деньгахъ, какъ о препятствіи, значитъ дѣло не шуточное. Впрочемъ, я и на деньги еще не посмотрѣлъ-бы: нѣсколько безсонныхъ ночей и нѣсколько дней тяжелаго труда впереди не испугали-бы меня,—хотя я знаю, вы сами потомъ бранили-бы меня за недостатокъ откровенности по сей части. Во-вторыхъ, мои отношенія къ журналу и Краевскому. Оставить № безъ статьи въ это время, въ то-же время поставивъ Краевскому въ необходимость достать и дать мнѣ 3000 р. денегъ, которыхъ онъ мнѣ не долженъ,—согласитесь, что если я былъ-бы такъ наглъ, то онъ могъ-бы не быть такъ уступчивъ. Видите-ли, вы меня заставили-же наконецъ быть вполнѣ откровеннымъ съ вами. Я существую только „Отеч. Записками", и больше ничѣмъ. Плату получаю не задѣльную, а круглую, т. е. не по статьямъ, а въ годъ—4500 р. Теперь я собираюсь просить его, чтобъ онъ прибавилъ мнѣ еще 1500 р., чтобъ я получалъ въ годъ ровно 6000 р., а въ мѣсяцъ 500 р. По его-же собственному разсчету, намъ съ вами, на столъ, чай, сахаръ, квартиру, дрова, двоихъ людей, прачку и проч. никакъ нельзя издержать менѣе 250 р. въ мѣсяцъ или 3000 руб. въ годъ: такъ нельзя-же, чтобы столько-же не оставалось у насъ на платье и разныя непредвидѣнныя издержки! Теперь сообразите сами: какимъ образомъ я буду имѣть безстыдство просить у Краевскаго прибавки жалованья и за это отпуска, т. е. права оставить одну книжку „О. З.", въ такое критическое для журнала время, безъ моей статьи? Я ужъ не говорю о томъ, что убѣдить Краевскаго, какъ и многихъ въ Петербургѣ, въ томъ, что мнѣ надо ѣхать въ М., а вамъ нельзя ѣхать въ П., нѣтъ никакой возможности,—такъ же, какъ нѣтъ никакой возможности убѣдить иныхъ москвичей въ томъ, что ничего нѣтъ худого ѣхать невѣстѣ къ жениху, но что это даже хорошо, какъ знакъ ея желанія сдѣлать легкимъ тяжелый для обоихъ шагъ. О третьей причинѣ я писалъ къ вамъ въ прошедшемъ письмѣ. Документовъ у меня нѣтъ и послать въ М. нечего. Если я пошлю университетское свидѣтельство, мнѣ потомъ не по чемъ будетъ взять отъ части позволенія на выѣздъ и не съ чѣмъ будетъ остановиться въ трактирѣ (ибо по моимъ убѣжденіямъ, остановиться у вашего дядюшки я никогда и ни за что въ мірѣ не соглашусь). Грамоту изъ Пензы я могу получить завтра, но могу ее-же получить и черезъ три мѣсяца. Свидѣтельство о смерти отца надо выхлопатывать, а когда-же это? Въ Петербургѣ-же священникъ церкви института корпуса путей сообщенія вѣнчаетъ меня по одному университетскому свидѣтельству и больше ничего отъ меня не требуетъ (а отъ васъ требуетъ—и то, когда вы пріѣдете—метрическое свидѣтельство да позволеніе отъ вашего родителя), и съ будущаго воскресенья (17 окт.) начинаетъ оклики, для чего я вчера переслалъ къ нему ваше имя, от-

чество и фамилію. Получивъ письмо, я долго былъ въ страшной нерѣшимости—отложить окликъ или нѣтъ. Не знаю, худо или хорошо я сдѣлалъ, но рѣшился не откладывать. Marie, моя добрая, моя милая Marie, у вашихъ ногъ, рыдая, обнимая ваши колѣна, цѣлуя край вашего платья, умоляю васъ, спасите меня отъ горя и отчаянія, сдѣлайте меня вполнѣ счастливымъ — пріѣзжайте; но рѣшитесь на это твердо, мужественно, проникнувшись чувствомъ обязанностей, которыя налагаетъ на васъ любовь, если вы любите меня. Что̀ мнѣ въ вашемъ вынужденномъ рѣшеніи? Оно убьетъ меня, отравитъ мое счастье. Я и такъ давно влеку какое-то тяжелое существованіе, которое было прервано вашимъ святымъ, благоуханнымъ письмомъ отъ 5 окт., а теперь опять оно охватило меня своими холодными и слизистыми лапами. Вы страдаете сами, да зачѣмъ-же вы, бѣдный и милый другъ мой, страдаете безъ достаточной причины? Зачѣмъ пугаете себя призраками, созданными вашимъ воображеніемъ? Вы пишете, что, поѣхавъ въ П., убьете отца вашего. Не вѣрю, Marie! Много, много, если старикъ погруститъ дней десятокъ, пока не получитъ отъ васъ письма, что вы уже обвѣнчаны и что я васъ не обманулъ. Чтобъ утѣшить старика, я готовъ буду приписать къ вашему письму, что̀ угодно, или даже написать къ нему особое письмо подъ вашу диктовку. Повѣрьте мнѣ, Marie, вы пугаетесь призраковъ; вы не можете выносить взглядовъ и возраженій вашихъ родственниковъ—вотъ и все. Но неужели-же мысль о вашемъ счастіи не даетъ вамъ силы быть слѣпою и глухою къ людямъ, которые, повѣрьте, не по участію къ вамъ, а по страсти мѣшаться не въ свои дѣла, будутъ изливать свое неудовольствіе, что ихъ лишили любопытнаго для нихъ зрѣлища. Ахъ, Marie, Marie, еслибъ вы знали, какъ болитъ моя грудь любовью къ вамъ и скорбію о васъ; еслибъ вы знали, какъ мысль о васъ слилась со всѣмъ существомъ моимъ! И если я говорю съ вами иногда такъ рѣзко и бранчиво, вѣрьте, я-бы никогда на это не рѣшился, если-бы полнота и сила моего къ вамъ чувства не давали мнѣ на это право. Вы — милое дитя моего сердца, и мнѣ иногда нѣтъ силъ не бранить васъ, а потомъ нѣтъ силъ не жалѣть о васъ и не сердиться на себя. Я ничего не могу дѣлать для журнала, все думая и мечтая о васъ. И больной, въ огнѣ лихорадки, я ни на минуту не переставалъ думать о васъ, и не за себя, а за васъ безпокоился моимъ положеніемъ и страшился его. Я живу вашей жизнью, ваша скорбь—отрава моей жизни, ваша смерть—моя смерть. И что̀-же, за все это вы убиваете себя пустыми сомнѣніями, пустою борьбою, вредите своему здоровью и налагаете печать страданія на ваше лицо, которое должно сіять счастіемъ и быть прекрасно его блескомъ. О, нѣтъ, Marie, вы сжалитесь надо мною, отгоните отъ себя чернаго демона и перестанете колебаться между мною и мнѣніемъ людей близкихъ вамъ только формально? Не правда-ли? Вы отвѣтите мнѣ на это письмо, что рѣшились ѣхать, и что это рѣшеніе не мучитъ, а веселитъ васъ? О, Marie, тогда дай Богъ не сойти мнѣ съ ума отъ радости! Отвѣчайте мнѣ скорѣе.

Вашъ В. Бѣлинскій.

32.

Октября 13.

Ваша сестра сказала правду, что я фатальный и что мнѣ нѣтъ счастія. По всѣмъ соображеніямъ, союзъ съ вами сулилъ мнѣ тихое и спокойное счастіе. Но увы!—мы еще не соединены, а я уже глубоко

несчастенъ и страдаю такимъ страданіемъ, котораго и возможност прежде не подозрѣвалъ. Я получилъ ударъ съ такой стороны, съ ко торой никогда и не ожидалъ его. Я разошелся бы навсегда съ лучшим моимъ другомъ, если-бы, назадъ тому нѣсколько времени, онъ стал утверждать, что вы до такой степени зависите отъ мнѣнія людей, над которыми въ другихъ случаяхъ внутренно смѣетесь. Когда я положил писать къ вамъ о томъ, чтобы вы пріѣхали въ П.,—не знаю, какое-т странное безпокойство овладѣло мною. Когда друзья мои говорили мнѣ „разумѣется, невѣста ваша не задумается ни одной минуты", я отвѣчал имъ утвердительно, тогда какъ внутри меня проходилъ холодъ неволь наго сомнѣнія, называлъ себя подлецомъ передъ вами, человѣкомъ который недовольно уважаетъ васъ; но мое непосредственное чувств говорило свое. Ваше письмо, въ которомъ вы такъ легко, какъ о чемъ-т возможномъ для меня, говорите о необходимости подвергнуться шутов скимъ церемоніямъ,—это письмо было для меня ударомъ грома, внезапн упавшимъ къ ногамъ моимъ, въ ясную погоду. Я думалъ о васъ, чт вы скорѣе согласитесь умереть лютою смертью, чѣмъ добровольно под вергнуться безчестію и позору подлыхъ обычаевъ. Вышло, что я оши бался. Итакъ, съ облаковъ упалъ я на землю и больно ушибся. Само любіе мое было страшно поражено, и мнѣ, какъ бы невольно, лѣзли в голову все эти стихи Пушкина:

„Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ—
Воды я много подмѣшалъ".

Но любовь къ вамъ побѣдила все. Я забылъ о страшно-раненном самолюбіи и сталъ убѣждать васъ въ томъ, что вы не правы, стараяс объяснить вамъ мой взглядъ на этотъ предметъ. Отвѣта вашего я так боялся, что блѣднѣлъ при звукѣ колокольчика. Наконецъ, получа отвѣтъ. Въ немъ нахожу я все, что̀ уважалъ и любилъ въ васъ, все что̀ заставляло меня быть счастливымъ и гордымъ моимъ выборомъ. Я былъ вознагражденъ за все, и ни за что бы въ мірѣ не захотѣлъ, чтобы дѣло передѣлалось иначе, т. е. чтобы я не получалъ предшествовав шаго письма, столько огорчившаго меня. Душа моя озарилась спокой ствіемъ счастія—чувствомъ, доселѣ незнакомымъ мнѣ. Я любилъ вас и былъ счастливъ и гордъ вами. Близость нашего соединенія казалас мнѣ несомнѣнною, а въ ней я видѣлъ близость нашего счастія. Мн стало такъ тепло, такъ свѣтло, такъ хорошо! Ваше послѣднее пись наповалъ убило это прекрасное расположеніе моей души. Страшная был для меня минута, когда прочелъ я его. И вотъ, теперь, я словно гор на маломъ огнѣ. Въ груди у меня что-то щемитъ и не даетъ мнѣ за быться ни на минуту: ночью мнѣ снятся гробы. И все это потому, чт надъ вами такъ сильна княгиня Марья Алексѣевна, мнѣнія вашихъ род ственниковъ, и что, подобно мнѣ, вы не хотите жить разсудкомъ, презирать предразсудки, хотя въ важныхъ обстоятельствахъ ваше жизни. Когда я собирался писать къ вамъ, чтобы вы пріѣхали въ П и почувствовалъ что-то вродѣ нерѣшительности, я посовѣтовался с одною особою, мнѣніе которой было для меня очень важно. У Вержбиц каго въ домѣ живетъ въ качествѣ гувернантки подруга жены его—он обѣ воспитывались въ Екатерининскомъ институтѣ. Эта дѣвица уже н первой молодости, и не безъ ума, не безъ сердца. Я съ нею доволь коротокъ. Когда я ей сказалъ, что хочу просить васъ пріѣхать въ П.

она отвѣчала: „прекрасно, чего лучше“!—„И вы не находите страннымъ подобное предложеніе съ моей стороны“?—„Нисколько“, сказала она.— „Но если-бы вы были въ положеніи моей невѣсты—какъ бы вы поступили?“—„Разумѣется, поѣхала бы—и все тутъ“.

Это меня до того утѣшило и успокоило, что я даже началъ фантазировать, какъ вы будете дѣлать печальныя мины глядя на плачевныя и гнѣвныя восклицанія вашихъ родственниковъ, наружно соглашаясь съ ихъ доводами и только ссылаясь на необходимость, а внутренно смѣясь надъ этими пошляками,—и, довольная, счастливая весело готовитесь къ пути... Опытъ представилъ мнѣ тысяча-первое доказательство, что нѣтъ ничего общаго между міромъ фантазіи и міромъ дѣйствительности...

Вчера (13 окт.) мнѣ было очень тяжело. Докторъ позволилъ мнѣ выходить. Погода была ужасная—дождь, слякоть, сырость—тѣмъ лучше было для меня. Я готовъ былъ выкупаться въ Невѣ, если-бы зналъ, что отъ этого мнѣ будетъ легче. Я пошелъ къ Вержбицкимъ и повѣрилъ мое горѣ особѣ, о которой сейчасъ говорилъ. Я усомнился было даже въ себѣ, въ моихъ убѣжденіяхъ, и мнѣ хотѣлось, чтобы кто-нибудь во всемъ обвинилъ меня и во всемъ оправдалъ васъ. И васъ точно оправдали (хотя меня и не обвиняли), но чѣмъ-же?—тѣмъ, что вы воспитаны и живете въ Москвѣ, а потому не можете болѣе или менѣе не думать по московски... Боже мой! Да я бы хотѣлъ видѣть въ васъ не дочь Москвы, Петербурга, или другого города, а просто женщину которая въ важныхъ обстоятельствахъ своей жизни руководствуется только внушеніями и откровеніями своей женской натуры, не справляясь съ мнѣніемъ Москвы, Петербурга, дядюшки, тетушки и проч. Можетъ быть, васъ огорчитъ и оскорбитъ то, что я ставлю между собою и вами чужихъ людей и повѣряю имъ наши общія тайны, самыя святыя: на колѣняхъ прошу у васъ прощенія, и вы не можете не простить меня, если сообразите, что я дѣйствую какъ помѣшанный, ибо тяжкое горе сводитъ меня съ ума. Мысль, что вы не выше предразсудковъ и зависите отъ мнѣнія вашихъ родственниковъ, эта мысль—мрачная тѣнь на мое счастіе въ прошедшемъ и будущемъ. И не смотря на то, что никогда такъ глубоко и живо не сознавалъ и не чувствовалъ я неразрывности узъ, которыми связалъ себя съ вами не даннымъ словомъ, не тѣмъ, что далеко зашелъ въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ,—а моимъ къ вамъ чувствомъ. Внѣ васъ я теряю смыслъ моей жизни и перестаю понимать, зачѣмъ мнѣ жить. Вашъ образъ, звуки вашего голоса, ваши манеры—все это неотступно и неотходно окружаетъ меня. „Неужели-же вы этого не замѣтили?..“—я и теперь не могу вспомнить этой фразы безъ сердечнаго движенія, безъ чувства счастія. И много хранитъ моя память словъ и движеній, которыхъ значенье—темно иль ничтожно, но о которыхъ не могу я вспомнить безъ живѣйшаго волненія. Да, я люблю васъ, Marie! Въ моей любви къ вамъ нѣтъ ничего огненнаго, порывистаго, но есть все, что нужно для тихаго счастія и благороднаго человѣческаго (а не апатическаго) спокойствія, Только съ вами могъ бы я трудиться, работать и жить не безъ пользы для себя и для общества, только съ вами не тратились бы по напрасну мои лучшіе дни и не тонулъ бы я въ апатической лѣни. Только съ вами любилъ бы я мой тѣсный уголъ, неохотно бы оставлялъ его и радостно, нетерпѣливо возвращался бы въ него. Но нѣтъ, я нетолько люблю васъ—у меня есть вѣра въ васъ,—и я убѣжденъ, что вы должны, что вы не можете не побѣдить своего внутренняго врага. Вы никогда не боролись съ жизнію и не рѣшали

практически вопросовъ теоретическихъ, а оттого васъ теперь и пугают
такъ эти вопросы, на которые вызвалъ я васъ. Нѣтъ, вы не хуже того
чѣмъ я васъ считаю, но вы только худо дѣлаете, думая, что можно про
жить на свѣтѣ безъ воли и безъ борьбы. Возьмите надъ собою волю—
и все будетъ хорошо. Я теперь Богъ знаетъ что́ бы далъ за возможност
пріѣхать къ вамъ. Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, я былъ бы счастли
вѣйшимъ человѣкомъ, если-бы могъ пріѣхать въ Москву, чтобы спаст
васъ отъ безсонныхъ ночей, отъ слезъ и мукъ нерѣшительности. Н
симпатизируя вашему горю (ибо не понимаю его), я тѣмъ не менѣе стра
даю имъ. Каждая слеза ваша падаетъ каплею яда на мое сердце и су
шитъ его. Но я не могу пріѣхать: могущественная сила обстоятельств
не допускаетъ меня до этого. Я только-что выздоровѣлъ, и еще н
строки не написалъ для журнала; а Краевскій и теперь еще боленъ
ничего не можетъ дѣлать. Сегодня хотѣлъ его навѣстить; онъ сказал
моему человѣку, что хотя ему и легче, но чтобъ я отложилъ мое по
сѣщеніе дня на два. Сверхъ того, какъ вамъ уже извѣстно это,—мнѣ
не съ чѣмъ ѣхать въ М.—у меня нѣтъ бумагъ. Вы пишите, что дл
васъ была бы тяжела отсрочка до Рождества; эта отсрочка **невозможна**
ибо если я могу пріѣхать въ Москву, то развѣ только послѣ Пасхи
когда прекращается подписка на журналы. И такъ ждать почти до мая
Неужели вы согласитесь на это, чтобы только избѣгнуть ненавистно
вамъ поѣздки? Неужели вамъ не страшна такая отсрочка? Мнѣ — так
она ужасна. Кромѣ того, что все это время я ничего не буду въ состоя
ніи дѣлать и принужденъ буду снова приняться за преферансъ,—кромѣ
всего этого и многаго другого, я еще не вѣрю судьбѣ и жизни. Мал
ли что можетъ случиться въ это время. Не должно пытать судьбу
даетъ—берите сейчасъ-же, или послѣ не жалуйтесь на нее. Въ этом
отношеніи я фаталистъ, чѣмъ и вамъ желаю быть. Мнѣ почему-то ка
жется, что если мы не обвѣнчаемся до поста предрождественскаго, т
никогда ужъ не соединимся. Это предчувствіе—глупость, но оно мучит
меня. Итакъ, вотъ мое положеніе: съ одной стороны, ужасъ при мысл
о какой бы то ни было отсрочкѣ; съ другой ваши—слова: **„Я пріѣду
непремѣнно пріѣду, если вы такъ этого хотите!“** И потомъ, ваш
мученья, боязнь бѣлой горячки.

Ужасно! Часто приходитъ мнѣ въ голову:

Боже мой, не дай мнѣ сойти съ ума, но дай умереть. Еще вчер
я повторялъ, зачѣмъ удалось мнѣ пригласить въ четвергъ моего доктора
Мысль о вашихъ мученіяхъ, безсонныхъ ночахъ и какой-бы то ни был
болѣзни, вслѣдствіе принужденной поѣздки въ П., эта мысль точит
мою грудь какъ червь. Она до того мучитъ меня, что я, пожалуй, го
товъ на отсрочку до апрѣля (а тогда я самъ могу пріѣхать въ М.)
если это вамъ легче, чѣмъ поѣздка. Я, правда, не велѣлъ отложит
окликъ (и П. А. Языковъ, разумѣется, позволилъ священнику вѣнчат
меня), но что за бѣда, что разъ окликнутъ, а потомъ и перестанут
Это еще не Богъ знаетъ какое горе: вѣдь свадьба наша только отла
гается, а не расходится. Отложить совсѣмъ окликъ я былъ не въ со
стояніи: меня удержала тайная надежда, авось либо-вы одумаетесь, пере
ломите себя, и добровольно, бодро и весело съ полною довѣренності
къ Провидѣнію рѣшитесь на то, на что теперь рѣшаетесь съ отчаяньемъ
тоскою и сомнѣніемъ. И если-бы моя надежда сбылась, и вы написали б
ко мнѣ, что ѣдете—каково было бы мое положеніе: вы ѣдете, а врем
для оклика потеряно, и вмѣсто одного дня, должны жить со мною д

вѣнчанія недѣлю или двѣ! Теперь-же, если-бы рѣшились, можно, если
хотите, обвѣнчаться въ самый день вашего пріѣзда: это будетъ зави-
сѣть совершенно отъ васъ. Но если вы не можете рѣшиться на эту поѣздку
безъ ужаса, подвергая себя тѣмъ болѣзни, то, разумѣется, bon gré, mal
gré, надо отложить наше дѣло до апрѣля. Письмо это вы получите на-
вѣрное въ понедѣльникъ (8), и если пошлете отвѣтъ во вторникъ (9), я
навѣрное получу его въ субботу (23) и буду еще имѣть время остано-
вить второй окликъ, если вы не рѣшитесь ѣхать на лучшемъ нравствен-
номъ основаніи, нежели на какомъ рѣшаетесь теперь. Изъ этого вы, по край-
ней мѣрѣ, можете видѣть мою готовность на всевозможныя уступки, лишь бы
вы не страдали. Уважая вашъ предразсудокъ, я рѣшаюсь много, много
взять на себя... Ну, да что объ этомъ говорить. Смотрите же: въ суб-
боту (23) я непремѣнно долженъ получить ваше письмо. Отвѣтъ на
вчерашнее письмо не будетъ для меня удовлетворителенъ. Какова будетъ
жизнь моя до полученія отвѣта на это письмо—можете догадаться сами.
Мнѣ жаль васъ, Marie: вы одиноки, и некому укрѣпить васъ совѣтомъ
и мнѣніемъ. Mademoiselle Agrippine горячо и преданно любитъ васъ, но,
къ несчастію, она всегда и во всемъ согласна съ вами, а потому и не
можетъ дать вамъ ни совѣта, ни мнѣнія. На что бы вы ни рѣшились и
что бы ни было, вѣрьте одному, что я горячо и свято люблю васъ и
что самая жесткость моихъ выходокъ противъ васъ доказываетъ только
мою любовь къ вамъ. Да просвѣтитъ васъ Господь своимъ невидимымъ
совѣтомъ и да подастъ Онъ вамъ силу и крѣпость воли. Вашу руку,
мой милый, безцѣнный другъ, моя добрая, дорогая Marie—крѣпко жму
ее и съ тоскою, и любовію смотрю въ ваши глаза, полные печали и
тяжелой думы.

Прощайте, вашъ В. Бѣлинскій.

33.

Октября 15-го, вечеромъ.

Не успѣю отослать къ вамъ одно письмо, какъ ужъ и хочется на-
писать другое. Всякій разъ мнѣ представляется, что я не все вамъ вы-
сказалъ и что мнѣ остается и еще что-то сказать вамъ. Это происхо-
дитъ отъ того, что мы другъ друга не совсѣмъ хорошо понимаемъ, а
потому и принуждены повторять все одно и то же, не заставляя,
однако же, тѣмъ лучше понять себя. Я рѣшился на отсрочку; но от-
того же не стало мнѣ легче отъ этого рѣшенія, отчего это жгучее
томленіе въ груди, какъ будто меня совѣсть мучитъ за какое-нибудь
преступленіе?

Что значитъ этотъ злой духъ, который такъ неотступно и такъ
жестоко терзаетъ меня? Что онъ — предвѣстіе несчастія, предчувствіе,
что не сбыться прекраснымъ надеждамъ, которыя цвѣтутъ не для фа-
тальныхъ? Если бы я имѣлъ какую-нибудь возможность поѣхать въ
Москву, я не сталъ бы медлить ни минуты. Эта возможность сдѣлать
не idée fixe моею точкою помѣшательства, но чѣмъ болѣе я о ней думаю,
тѣмъ яснѣе вижу, что не слѣдуетъ мнѣ о ней и думать. Итакъ до апрѣля,
и почти до мая! И еще столько времени неопредѣленныхъ отношеній,
которыя мучительнѣе всего въ мірѣ, и которыя, сверхъ того, могутъ
не кончиться ничѣмъ, къ вѣчному, къ вѣчному горю обоихъ изъ насъ,
или того, кто изъ насъ живучѣе!

Вотъ что значатъ предразсудки! Нужно же людямъ мучить и тер-
зать себя ими, какъ будто и безъ предразсудковъ мало у нихъ горя! И

какое разочарованіе, Боже великій, какое разочарованіе! Для меня тут есть отъ чего сойти съ ума или умереть, хоть я и знаю, что ни съ у не сойду, ни умру, а только буду тажело страдать про себя. Пріѣзжай вы въ Петербургъ, и къ посту мы обвѣнчаны, а къ празднику мы у привыкли бы къ нашему новому положенію, рѣка вошла бы въ св берега и потекла бы ровною, чистою и свѣтлою волною, отражая в себѣ далекія небеса, если бы то угодно было Богу. А вы думаете, пр вычка дѣло легкое и скорое? Я отъ брака съ вами никогда не ожидал восторговъ, да и Богъ съ ними, съ этими восторгами, не стоятъ о того, чтобы гнаться за ними: я ожидалъ отъ жизни вдвоемъ съ ва существованія мирнаго, яснаго, теплаго, охоты къ труду и любви к своему углу, или, какъ французы говорятъ, къ своему очагу. И это б пришло и этимъ бы мы наслаждались уже вполнѣ мѣсяца черезъ д (если бы обвѣнчались въ началѣ ноября); а теперь этого надо ожида мѣсяцевъ черезъ восемь.

И почему же? потому что вы слишкомъ уважаете приличія мелка чиновническаго круга, который по своимъ понятіямъ едва ли выше л бого лакейскаго круга! Нѣтъ и въ самой Москвѣ всѣ порядочные лю взяли бы мою сторону противъ васъ. Не могу забыть вашего святог благоуханнаго письма (отъ 5 окт.), въ которомъ вы были самою собо писали подъ диктовку вашего сердца, а не вашего почтеннаго дядюш (проклятіе ему!). Вы согласились со мною, вы сами увидѣли, что я прав что, во всѣхъ отношеніяхъ, лучше вамъ ѣхать въ П(етербургъ), чѣм мнѣ въ М(оскву) и что въ этомъ нѣтъ никакой жертвы и ничего стра наго, неумѣстнаго, или предосудительнаго съ вашей стороны. Да какъ иначе и могли бы вы понимать это простое и обыкновенное дѣло, в у которой такое сердце, такая душа, такой умъ и такой рузсудокъ? В очень хорошо знаете, что дѣвушки бѣгаютъ отъ родителей, чтобы тай вѣнчаться съ тѣми, кого онѣ любятъ,—и если дѣйствительно пове шается бракомъ, то общество и не думаетъ ихъ презирать. Въ Росс бракъ покрываетъ и не такія дѣла. Ваше же положеніе передъ глаза общества совсѣмъ другое. Вы съ позволенія своего отца, поѣдете к жениху, который по обстоятельствамъ (а не по чему другом не можетъ пріѣхать къ вамъ, вотъ и все. Тутъ ничего нѣтъ ни стра наго, ни необыкновеннаго, ни неумѣстнаго, ни предосудительнаго. Петербургѣ это для всѣхъ и каждаго обыкновенно и естественно; Москвѣ это осудятъ только салопницы да чиновники... Неужели же нихъ смотрѣть? Вы все это сами знаете и чувствуете не хуже меня. вы съѣздили къ вашему драгоцѣнному дядюшкѣ и встрѣтили отпор опѣшили, оторопѣли, и вмѣсто того, чтобы спорить, доказывать, и наступая, то уступая, то твердостію, то лаской заставить его согласит съ вами, или, по крайней мѣрѣ, возбудить въ немъ терпимость (toleran къ мысли о вашей поѣздкѣ,—вы расплакались, голова у васъ разбол лась и вы начали вдругъ ни съ того, ни съ сего смотрѣть въ очки шего дражайшаго дядюшки и стали пренаивно увѣрять меня, ч требуя вашего пріѣзда въ Петербургъ, я требую, чтобы вы въ холо пошли по улицѣ въ дезабилье...

Ахъ, Marie, Marie! да вы уже отъ одной мысли о поѣздѣ, кажет сошли съ ума; чтó же бы стало съ вами, если-бы вы въ самомъ дѣ поѣхали?.. Страшно и подумать! А вы, право, не совсѣмъ въ у Marie: иначе какъ же бы вы могли о вашей поѣздкѣ въ Петербур говорить такимъ тономъ, какъ будто бы я требовалъ отъ васъ, что

вы рѣшились жить со мною, въ качествѣ жены, только безъ брака. И вы не стали бы сравнивать вашего положенія съ положеніемъ Eugenie, съ которымъ у васъ ровно ничего нѣтъ общаго.

Простите меня; милая Marie, за дерзость и жестокость моей шутки на-счетъ состоянія вашего мозга,—право, о немъ нельзя сказать, чтобы оно было сладко, какъ сахаръ. Вы немного лукавите передо мною и прежде всего передъ самой собою, но я васъ вижу насквозь. Вы не хуже меня понимаете, что поѣздка въ Петербургъ—дѣло очень простое, въ родѣ моихъ поѣздокъ съ Маросейки въ Сокольники; но у васъ слабъ характеръ, очень слабъ, и вы не можете прямо смотрѣть въ глаза вашему многоцѣнному дяденькѣ, когда онъ съ вами несогласенъ. Вотъ и все. Вы до такой степени, seclave передъ своимъ высокоцѣннымъ дядюшкою, что убѣждаете себя насильно въ его образѣ мыслей, не дерзая ему противорѣчить. Вотъ и все. У васъ нѣтъ силы быть самой собою. Это жаль, очень жаль, тѣмъ болѣе жаль, что когда вы являетесь самой собою (какъ въ письмѣ 5 окт.), вы бываете святы, нравственно прекрасны, достойны обожанія, высоки и благородны, блистаете всѣмъ, чѣмъ велика и благодатна натура женщины. И зато, если бы вы знали, какое состраданіе возбуждаете вы къ себѣ, когда находитесь подъ вліяніемъ вашего подъячественнаго дядюшки!

Святители! Вы ли это Марья Васильевна? Нѣтъ, это Марѳа Васильевна!.. Я не знаю, какъ мнѣ благодарить Бога, что я получилъ отъ васъ письмо отъ 5 окт. Если умру скоро, велю положить съ собою въ гробъ это письмо, какъ лучшее и прекраснѣйшее, чѣмъ порадовали меня судьба и жизнь. Это письмо еще дорого для меня и съ другой стороны: оно для меня—вашъ духовный портретъ. Безъ него вашъ свѣтлый образъ затмился бы въ душѣ моей, и я, какъ сумасшедшій, помучилъ бы себя тщетнымъ усиліемъ вспомнить, кого же и чтó же любилъ я въ васъ... Но теперь мнѣ только стоитъ прочесть его,—и передо мною снова возстаетъ прекрасный и свѣтлый образъ лучшей женщины, какую только встрѣтилъ я въ жизни, женщины, которая много любила и много страдала, женщины, которую полюбилъ я за ея любовь и ея страданье, и за ея возвышенный и простой умъ, за ея горячее сердце и благородную душу... Перечитавъ ваше сегодняшнее письмо, я съ ужасомъ остановился на одномъ мѣстѣ въ немъ. Вы пишете, каково бы вамъ было, если-бъ въ Петербургѣ васъ встрѣтилъ кто изъ московскихъ и посмотрѣлъ бы на васъ такимъ взглядомъ, отъ котораго не поздоровится. Кто же это, Marie? Ужъ не Любовь ли, горничная вашей кузины? Или не тотъ ли милый родственникъ вашъ, чтó такой мастеръ на лакейскія любезности и кучерскіе каламбуры? Но кто бы ни былъ, онъ — лакей, холопская подлая душа, если бы осмѣлился съ презрѣніемъ посмотрѣть на васъ за то только, что вы рѣшились пріѣхать къ своему жениху въ Петербургъ, вмѣсто того, чтобы дожидаться его къ себѣ въ Москву. Ну, Marie, какъ же слабо въ васъ сознаніе вашего достоинства, какъ же мало въ васъ уваженія къ самой себѣ, если взгляды лакеевъ, кучеровъ, свинопасовъ и чиновниковъ могутъ заставлять васъ потуплять ваши глаза и страдать. Вы ли это, Marie, или тѣнь ваша, призракъ? Нѣтъ, эти строки необдуманно сорвались съ пера вашего, и вамъ, вѣрно теперь стыдно ихъ.

Да, Marie, мы съ вами во многомъ расходимся. Вы, за отсутствіемъ какихъ-либо внутреннихъ убѣжденій, обожествили деревяннаго балвана общественнаго мнѣнія и преусердно ставите свѣчи своему идолу, чтобъ

не разсердить его. Я съ дѣтства моего считалъ за пріятнѣйшую жертв для Бога истины и разума—плевать въ рожу общественному мнѣні тамъ, гдѣ оно глупо или подло, или то и другое вмѣстѣ. Поступит наперекоръ ему, когда есть возможность достигнуть той же цѣли тих и скромно, для меня божественное наслажденіе. Зачѣмъ пишу я эт вамъ? Затѣмъ, что въ ваши свѣтлыя минуты, когда вы будете самоі собою, вы поймете это и скажете: еслибъ онъ былъ не таковъ, я бы можетъ быть, больше любила его, но меньше уважала...

Впрочемъ, насъ раздѣлило воспитаніе, а не природа. Я люблю уважаю вашу натуру, люблю и уважаю васъ, какъ прекрасную возмож ность чего-то прекраснаго. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же виноваты вы, чт родились и воспитались въ „дистанціи огромнаго размѣра", въ город княгини Маріи Алексѣевны.

А между тѣмъ въ этомъ городѣ есть и хорошіе, даже очень хоро шіе люди. Я отдыхалъ душою въ семействѣ Корша, чуждомъ всяких предразсудковъ. Ахъ, если бы знали вы, Marie, что за существо—жен Герцена! Она, дѣвушкою, бѣжала отъ своей воспитательницы и благо дѣтельницы — гнусной старухи, которая попрекала ее каждымъ кус комъ,—бѣжала отъ нея, чтобы обвѣнчаться съ теперешнимъ мужем своимъ,—и повѣрите ли—не умерла, не впала въ бѣлую горячку н сошла съ ума отъ этого. Это женщина, подобна вамъ, больная—низкаг роста, худая, прекрасная, тихая, кроткая, съ тоненькимъ голоскомъ, н страшно энергичная: скажетъ тихо,—и быкъ остановится съ почтеніем упрется рогами въ землю передъ этимъ кроткимъ взглядомъ и тихим голосомъ. Наталья Александровна не боялась бы познакомиться с Eugenie. Когда я былъ у Герцена въ деревнѣ,—даже меня поразил царствующая тамъ европейская свобода. Всѣ мужчины въ блузахъ (род рубашки, опоясанный кожаннымъ ремнемъ); гуляя, разъ я пожаловалс на усталость и жаръ, и ко мнѣ всѣ пристали (и она), чтобы я снял съ себя сюртукъ и понесъ его на плечѣ. Разъ я сконфузился даже когда она подшутила надъ моею чиновническою (все глупое и подло есть чиновническое) вѣжливостью, что я поклонился ей, выходя из обѣда. Какъ жаль, что вы съ нею незнакомы: она вывела бы васъ из затруднительнаго положенія и указала бы вашей совѣсти большую до рогу. Боткинъ возилъ къ ней знакомиться Armance, и та была очень до вольна этимъ знакомствомъ. Порядочный человѣкъ также Грановскій.

Когда шли толки о томъ, надо ли обвѣнчаться Б. съ Arm., или остаться имъ безъ вѣнца въ интимныхъ отношеніяхъ,—я сказалъ, что это невозможно въ нашемъ обществѣ, ибо прежде всего, кто же захо четъ быть знакомымъ съ Arm.?—Жена Герцена и моя жена прежде всѣхъ,—сказалъ Грановскій. Право, Marie, все это не дурные люди, и они образуютъ собою свой отдѣльный кругъ общества, который кромѣ себя никого знать не хочетъ и никѣмъ не интересуется, но которым многіе и многіе очень интересуются. Какъ жаль, Marie, что вы не знает никакого круга, кромѣ круга вашихъ родственниковъ, которые — люди добрые, не спорю, но по тону, манерамъ и понятіямъ принадлежатъ к самымъ низшимъ слоямъ русскаго общества. Что же касается до вашего дядюшки,—я его смертельно ненавижу, какъ самаго лютаго врага моего если я съ нимъ увижусь когда-нибудь, это будетъ не на радость вамъ; вы знаете, какъ я не умѣю владѣть лицомъ и взлядомъ моимъ: при встрѣчѣ съ нимъ мой взглядъ выразитъ смертельную ненависть. Этот человѣкъ осмѣлился стать между мною и вами, и мнимымъ правомъ своего родства, можетъ быть, разрушитъ наше счастіе. Проклятіе ему!

Итакъ, Marie, наше дѣло отложено. Мысль эта сжимаетъ мнѣ ердце. Отъ нея мнѣ стало холодно, и я почувствовалъ отвращеніе отъ ебя и отъ жизни. Хотѣлось бы умереть; и жаль, что упустилъ прекрасный случай.

Не знаю, какъ подѣйствуетъ на васъ это письмо, но въ немъ вы олжны видѣть только мою прямоту, а слѣд. и мою любовь къ вамъ. сли бы я не любилъ васъ искренно и глубоко, отсрочка меня обрадовала бы, а не сдѣлала бы несчастнымъ (ибо слово опечалила здѣсь лабо), и я сумѣлъ бы замаскироваться, притворившись спокойнымъ и гласнымъ съ вами. Но я люблю васъ,—и меня огорчаютъ ваши недостатки, я болѣзненно страдаю отъ нихъ. Признаться ли вамъ, я все ще не совсѣмъ потерялъ надежду, что ангелъ свѣта побѣдитъ въ васъ нгела тьмы, что вы сознаете свое смѣшное заблужденіе, и не по олгу, а по любви, весело и бодро пуститесь въ Питеръ, чтобы дать нѣ счастіе, котораго я нѣсколько заслуживаю въ качествѣ человѣка корбящаго и работающаго: ибо только такимъ, по моему мнѣю, должна быть наградою любовь женщины. Не забывайте, Marie, что даже не прошу васъ, а только надѣюсь—и не на васъ, а на Бога, оторый, сжалившись надъ моими невыносимыми страданіями, можетъ ыть, озаритъ вашу спутанную и оглушенную родственными толками голову свѣтомъ сознанія.

Вы съ чего-то вообразили, что я пишу подъ вліяніемъ моихъ рузей (какъ ни тяжело мнѣ было при чтеніи вашего письма, но эти троки заставили меня разсмѣяться): не пишите-ка вы подъ вліяніемъ ашихъ родственниковъ, но пишите подъ диктовку вашего сердца, оторое одно люблю я, одно хочу знать,—а что̀ мнѣ до вашихъ родственниковъ, равно какъ и имъ до меня? У меня есть только одинъ ругъ, который можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ на меня вліяніе: о Боткинъ, но его теперь, „въ минуту жизни трудную", нѣтъ со мною. очень люблю и уважаю моихъ петербургскихъ пріятелей; но никто въ нихъ не имѣетъ на меня никакого вліянія. Всѣхъ больше цѣню голову Тургенева,—но онъ-то именно до сихъ поръ и не подозрѣваетъ, то я женюсь. Но забавнѣе всего ваша премудрая и глубокомысленная огадка, что я пишу подъ вліяніемъ Краевскаго,—мнѣ и теперь еще мѣшно при мысли о ней. Знаете ли вы, что Кр. не видалъ ни одного вашего, ни моего письма, и что если я говорилъ съ нимъ о моемъ ѣлѣ, то болѣе съ точки зрѣнія хозяйственной, денежной, практической. наете ли вы, что я пишу вамъ вотъ уже пятое письмо, не видавши раевскаго, сперва за моей собственной болѣзнію, а теперь за его олѣзнію, ибо онъ все еще лежитъ, съ среды уже другая недѣля, и давно только очуствовался?

Полноте, Marie, пускаться въ политику и строить догадки: вы не стерица на это. Идите-ка прямою дорогою—дорогою, сердца. Умъ енщину часто обманываетъ; сердце—никогда. Спрашивайтесь одного ю. У меня есть вѣра въ него, что оно спасетъ и осчастливитъ меня. то я погибаю, и глубоко несчастливъ. Кр. боленъ, „О(течеств.), аписки)" запущены—у меня ни строки, а уже 15 число: примусь сать, принужу себя—не могу: внутренняя мука путаетъ мысли. Спаге меня, но не жертвою, не чувствомъ долга, а любовью и здравымъ судкомъ. Укрѣпитесь сознаніемъ и вы исполнитесь силою. Бросьте физмы и смотрите на дѣло прямо. А дѣло это очень просто.

M-lle Agrippine, на колѣняхъ умоляю васъ принять безпристрастное

участіе въ нашемъ спорѣ. и цѣлую ваши прелестныя ручки,—вѣдь, право, погибаю въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты. Вамъ же будетъ жаль, что такой очаровательный молодой человѣкъ пропадетъ ни за копѣйку, на радость Булгарина, Погодина и Шевырева.

Не знаю, Marie, надежда ли проказитъ, или чтò другое, только мнѣ стало легче—на глазахъ слезы, къ груди приливаютъ горячія волны любви,—и мнѣ хотѣлось бы излить передъ вами всю душу мою, чтобы вы меня поняли. Я весь полонъ вами, весь проникнутъ вашимъ незримымъ присутствіемъ. О, когда же незримое превратится въ очевидное?! Когда же, утомленный работою, тихо буду входить я въ ваше святилище и, глядя на васъ, слушая васъ, говоря съ вами, отдыхать душою и собирать новыя силы на новые труды? Неужели чиновническія приличія должны надолго отсрочить мое счастіе? Когда же тѣсный уголъ мой наполнится вашимъ присутствіемъ, и, почуявъ близость святыни, я буду жить полною жизнію? Когда же за минуты одушевленнаго труда будетъ мнѣ наградой ваша блѣдная рука? Когда буду повѣрять я вамъ мои мечты и читать мои писанія, требуя вашего мнѣнія и совѣта?

Ахъ, Marie, Marie! Жизнь коротка и обманчива, ловите ее—или послѣ не раскаивайтесь! Въ Китаѣ обычай и приличіе выше истины и счастья: выѣзжайте изъ Китая, т. е. изъ Москвы, и спѣшите ко мнѣ. Вѣрьте, счастіе, которое вы вкусите, не дастъ вамъ помнить о существованіи людей, которые любятъ вмѣшиваться не въ свои дѣла. Узнавши меня, вы не будете узнавать себя. Какъ женщина, вы так мало знаете жизнь, что съ вами иногда нѣтъ возможности говорить о ней, словно съ ребенкомъ. Я знаю, напр., что мои причины невозможности ѣхать въ Москву вы находите неудовлетворительными, особливо со стороны моихъ отношеній къ О. З. и К-му; но объяснить я вамъ ихъ не въ силахъ, именно потому, что вы женщина и притомъ русская женщина. Пріѣхавъ, сами увидите и, повѣрьте, не разъ вспомните о своей несправедливости ко мнѣ, обвините себя, пожалѣете обо мнѣ и посмѣетесь надъ собою.

Хотѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ и написалъ цѣлыхъ полтора листа. Чувствую необходимость безпрестанно говорить съ вами. Не обѣщаю писать въ понедѣльникъ (завтра суббота), но и не ручаюсь, что не буду писать, и что въ будущую пятницу (23-го) вы не получите отъ меня и еще письма, какъ получили его въ воскресенье, въ понедѣльникъ, во вторникъ и въ среду.

Не хочется разстаться съ вами, мой добрый другъ, моя милая Marie,—все бы говорилъ и говорилъ. Подумайте обо всемъ написанномъ мною и посовѣтуйтесь съ своимъ сердцемъ: на этого родственника у меня большая надежда—можетъ быть, онъ спасетъ меня: зато услышитъ онъ біеніе моего сердца, дружно и въ ладъ отвѣчающее на его біеніе. Цѣлую вашу руку.

(NB. Письмо это пойдетъ 16-го октября, въ субботу).

Вашъ В. Бѣлинскій.

34.

Окт. 15-го.

Сегодня почему то ждалъ я отъ васъ письма, рано поутру, письма, посланнаго вами, какъ мнѣ казалось, въ понедѣльникъ; но вотъ уже 10 часовъ, и его нѣтъ, и я перестаю ждать. Мнѣ тяжело, невыноси

тяжело. Ко всѣмъ другимъ причинамъ моего страданія присовокупилась новая: это—воспоминаніе о грубомъ и жесткомъ тонѣ моихъ писемъ, который долженъ оскорбить, огорчить васъ, когда вамъ и безъ того тяжело. Меня ужасаетъ мысль, что, можетъ быть, звѣрскія письма мои сильно подѣйствуютъ на ваше здоровье. О, я звѣрь, родился звѣремъ—имъ и умру. Но мое звѣрство скоро смѣняется человѣческимъ расположеніемъ, и тогда я изъ одного мученія перехожу въ другое. Marie, другъ мой, о, простите меня, если я огорчилъ васъ, забудьте это, изорвите мои несчастныя письма, и помните только одно, вѣрьте только одному, что я люблю, глубоко и сильно люблю васъ. Одумавшись, я понялъ, что требовалъ отъ васъ слишкомъ много, былъ къ вамъ несправедливо строгъ. Ваша слабость теперь понятна мнѣ, и я отъ всей души извиняю васъ въ ней. Поживя со мною, вы на многое будете смотрѣть иначе и во многомъ будете поступать иначе; но теперь—какъ винить васъ за то, что дышете тѣмъ воздухомъ, который окружаетъ васъ, а не тѣмъ, который далекъ отъ васъ. Сегодня видѣлъ я во снѣ, будто вы пріѣхали ко мнѣ. Я былъ бы счастливъ, очень счастливъ, если бы сонъ мой сбылся; но ваше спокойствіе, ваше здоровье дороже мнѣ всего, и вы поступайте свободно, не принуждая себя. Зимой мнѣ рѣшительно невозможно будетъ пріѣхать; придется подождать до весны. Такъ или сякъ, только будьте здоровы и спокойны,—здоровье и спокойствіе всего нужнѣе вамъ.

Боже мой, чтó со мной дѣлается! Меня мучитъ злой духъ. Не могу вспомнить о моихъ письмахъ безъ жгучаго щемленія въ груди. Вечеромъ страшно ложиться спать, и прежде чѣмъ засну совсѣмъ, не разъ забудусь и не разъ проснусь, вздрагивая. Тяжело. Неужели я надѣлалъ дѣлъ моими письмами? О, Боже, страшно подумать. Отвѣта на эти два письма буду ждать въ пятницу и субботу (22, 23), а на это въ воскресенье (24),—и если изъ отвѣта на это письмо увижу, что я опасался напрасно, что мои проклятыя письма не подѣйствовали на ваше здоровье, о, я съ ума сойду отъ радости. Сегодня никакъ не думалъ писать къ вамъ, и схватился за перо прежде, чѣмъ понялъ, зачѣмъ это дѣлаю. Это было какимъ-то вдохновеннымъ порывомъ.

Больше писать нечего. Вы поймете, что бы еще могъ или хотѣлъ сказать я. Прощайте. Храни васъ Господь, а мои обѣты и мольбы за васъ неотлучно съ вами, равно какъ и мысль моя.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Сердце не обмануло меня: только что полѣзъ было я въ ящикъ за конвертомъ, чтобы запечатать это письмо, какъ получилъ ваше. Ахъ, Marie, Marie, вы меня не понимаете, или не хотите понять: не грѣхъ ли вамъ думать, что я лгу передъ вами, обманываю васъ, увѣряя васъ, что не могу къ вамъ пріѣхать? И не могу я къ вамъ пріѣхать совсѣмъ не по боязни шутовскихъ церемоній, которыхъ—я вѣрю вамъ—не было бы теперь, еслибъ я пріѣхалъ. Не могу я пріѣхать по тому же самому, почему часовой не можетъ сойти съ своего поста, хотя бы отъ этого зависѣло счастіе всей его жизни. Я опять-таки несогласенъ съ вами, чтобы такое важное дѣло было пріѣхать вамъ въ Петербургъ. Никто съ этимъ не согласится, но спорить съ вами не буду, ибо чѣмъ же вы виноваты, что все жили въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ? Застать меня на столѣ—дѣло не невѣроятное и не невозможное; это было бы для васъ страшнымъ несчастіемъ, но неужели въ Москвѣ черезъ это теряются права на уваженіе? Какой же это гнусный, подлый и киргизъ-кайсацкій городъ!

Если вы одна пріѣдете къ Петербургъ и потомъ кого-нибудь и когда-нибудь встрѣтите изъ московскихъ, который посмотритъ на васъ такъ, что не поздоровится отъ этого взгляда, то увѣряю васъ, что мнѣ будетъ не больно, какъ вы пишите, а только смѣшно, и я буду объ этомъ разсказывать съ хохотомъ всѣмъ моимъ знакомымъ, чтобы и ихъ заставить хохотать. Ахъ, Marie, Marie, какъ вы будете смѣятся надъ этими описаніями, когда будете моею женою и почувствуете себя въ другой совершенно сферѣ, петербургской жизни, гдѣ на вещи смотрятъ діаметрально-противоположно. Но теперь ни въ чемъ васъ не увѣряю и ни въ чемъ съ вами не спорю. Вижу, что рѣшиться ѣхать для васъ то же, что рѣшиться умереть. Жалѣю о силѣ смѣшного предразсудка надъ такимъ умомъ и такимъ сердцемъ, каковы ваши; но извиняю васъ во всемъ этомъ, приписывая все это не намъ, а судьбѣ. Что касается до Eugenie, то вы напрасно думаете уподобиться ей тѣмъ, что рѣшитесь пріѣхать въ Петербургъ. Еслибы вы и пріѣхали, между ею и вами все бы ничего не было общаго; ибо Eugenie въ Петербургѣ никто бы не принялъ къ себѣ, а васъ всѣ примутъ, и вмѣсто презрѣнія, вы своимъ пріѣздомъ пріобрѣли бы только большое право на уваженіе всѣхъ и каждаго. Вы неправы, думая: что я пишу подъ чьимъ-либо вліяніемъ, а тѣмъ болѣе подъ вліяніемъ Краевскаго. Такъ же точно неправы вы, видя въ каждомъ моемъ словѣ seigneur et maitre а во мнѣ деспота. Это показываетъ, что вы еще мало знаете меня. Я фанатикъ, это правда, но всего менѣе доспотъ. Не мѣсто и не время объяснять вамъ теперь здѣсь разницу между деспотизмомъ и фанатизмомъ деспотомъ и фанатикомъ, и потому оставляю эту матерію. Если когда-нибудь мы будемъ соединены, тогда, надѣюсь, вы узнаете меня лучше и будете ко мнѣ справедливѣе; а теперь вы судите обо мнѣ подъ вліяніемъ тягостной для васъ идеи о поѣзкѣ въ П.

Рѣшайте вы—отъ васъ я жду рѣшенія—оно въ вашей, а не въ моей волѣ: или пріѣзжайте, если хотите, чтобы къ посту кончились наши пытки страданія; или отложите до апрѣля, когда я буду въ состояніи пріѣхать къ вамъ въ Москву.

Въ первомъ случаѣ вы можете ѣхать и не 28-го числа, а позже, лишь бы пріѣхать въ П. дня за три до поста; но въ обоихъ случаяхъ вы не замедлите увѣдомить меня. Если вы рѣшитесь отложить, я покорюсь вашему рѣшенію со всѣмъ resignation преданнаго вамъ друга, который ваше спокойствіе и здоровье предпочитаетъ своему счастію. Я вижу самъ, что ѣхать вамъ нѣтъ никакой возможности: почему-то вы воображаете, что такимъ поступкомъ лишаетесь права на уваженіе общества. Можетъ быть, въ Москвѣ оно и такъ, а потому больше и не спорю съ вами. Ахъ, боюсь одного, одного боюсь: моего проклятаго письма, какое получили вы уже въ воскресенье (17). Только пронеси Богъ мимо эту бурю, а тамъ пусть будетъ, что́ будетъ!

Бѣдный другъ мой, какъ выстрадаете. Сердце мое сжалось, когда я прочелъ ваше письмо. Правда причина вашего страданія—фантомъ, призракъ, бредъ больнаго воображенія; но развѣ отъ этого легче ваше страданіе? Напротивъ, тѣмъ большее страданіе возбуждаетъ въ моей душѣ ваше страданіе. Да, Marie, есть пункты, въ которыхъ мы рѣшительно не понимаемъ другъ друга; зато, благодаря имъ, я понялъ, что такое Москва. Я давно уже не люблю ее; но теперь... Что касается до приглашенія, которымъ удостоиваютъ меня ваши родственники, я долженъ объяснится съ вами опредѣленнѣе на этотъ счетъ. Въ Петербургѣ

нѣтъ обычая, останавливаться у родни, своей или женниной; тамъ это не въ тонѣ, да ни кто и не пригласитъ и не пуститъ; для этого есть трактиры. Такъ водится и въ Европѣ; но не такъ водится въ Москвѣ, патріархальной и азіятской. Если я захочу соблюсти экономію, я остановлюсь у своихъ родственниковъ, или у Щепкиныхъ, которыхъ считаю истинными своими родными въ духѣ; но что-жъ мнѣ за радость остановиться у людей, совершенно чуждыхъ мнѣ, быть связаннымъ, притворяться, скрывать свой образъ мыслей, говорить не то что думаю? Бывать у нихъ я готовъ для васъ. Это другое дѣло. Вы, Marie, совсѣмъ не понимаете меня съ моей главной и существенной стороны. Знаете ли вы, что людей, съ которыми я ни въ чемъ не могу сойтись, я считаю моими личными врагами и ненавижу ихъ? И знаете ли вы что я это считаю въ себѣ добродѣтелью, лучшимъ, что есть во мнѣ?

Прощайте. Отвѣчайте мнѣ немедленно на это письмо. Будьте свободны въ вашемъ рѣшеніи, и вѣрьте, что ваше спокойствіе и здоровье, въ моихъ глазахъ, стоютъ моего счастія, и что я постараюсь, какъ могу и умѣю, me resigner. Вашъ В. Бѣлинскій [1]).

После этого переписка окончилась, вслѣдствіе пріѣзда невѣсты къ Бѣлинскому.

1842.

VI.

Къ Н. В. Гоголю [2]).

35.

20-го апрѣля 1842 г. С. П. Б.

Милостивый Государь Николай Васильевичъ! Я очень виноватъ передъ вами, не увѣдомляя васъ давно о ходѣ даннаго мнѣ порученія. Главною причиною этого было желаніе—написать вамъ что-нибудь положительное и вѣрное, хотя бы даже и непріятное. Во всякое другое время ваша рукопись прошла бы безъ всякихъ препятствій, особенно тогда, какъ вы были въ Питерѣ. Если бы даже и предположить, что ее не пропустили бы, то все же могли навѣрное сказать, что только въ китайской Москвѣ могли поступить съ вами, какъ поступилъ г. Снѣгиревъ, и что въ П. этого не сдѣлалъ бы даже Петрушка Корсаковъ, хотя онъ и моралистъ, и піэтистъ. Но теперь дѣло кончено, и говорить объ этомъ безполезно.

Очень жалѣю, что „Москвитянинъ" взялъ у васъ все и что для „О. З." нѣтъ у васъ ничего. Я увѣренъ, что это дѣло судьбы, а не вашей доброй воли, или вашего исключительнаго расположенія въ пользу „Москвитянина" и къ невыгодѣ „О. З.". Судьба же давно играетъ странную роль въ отношеніи ко всему, что есть порядочнаго въ русской литературѣ: она лишаетъ ума Батюшкова, жизни Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова—и оставляетъ въ добромъ здоровьи Булгарина, Греча и другихъ подобныхъ имъ негодяевъ въ Петербургѣ и Москвѣ; она украшаетъ „Москвитянинъ" вашими сочиненіями и лишаетъ ихъ „О. З.". Я не такъ самолюбивъ, чтобы „О. З." считать чѣмъ-то соотвѣтствующимъ такимъ великимъ явленіямъ въ русской литературѣ, какъ Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Лермонтовъ; но я далекъ и отъ ложной

[1]) „Починъ". Сборн. общ. люб. русской словѣстности 1896 г.
[2]) „Русская Старина", январь 1877 г.

скромности бояться сказать, что „О. З.“ теперь *единственный* журналъ на Руси, въ которомъ находитъ себѣ мѣсто и убѣжище честное, благородное и—смѣю думать—умное мнѣніе, и что „О. З.“ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть смѣшиваемы съ холопами знаменитаго села *Порѣчья*. Но потому-то видно имъ тоже счастье; не измѣнить же для „О. З.“ судьбѣ своей роли въ отношеніи къ русской литературѣ.

Съ нетерпѣніемъ жду выхода вашихъ „М. Д.“. Я не имѣю о нихъ никакого понятія, мнѣ не удалось слышать ни одного отрывка, чему я, впрочемъ, и очень радъ: знакомые отрывки ослабляютъ впечатлѣніе цѣлаго. Недавно въ „О. З.“ была обѣщана статья о „Ревизорѣ“. Думаю, по случаю выхода „М. Д.“, написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ. Съ особенною любовію хочется мнѣ поговорить о милыхъ мнѣ „Арабескахъ“, тѣмъ болѣе, что я виноватъ передъ ними: во время оно, я съ жестокою запальчивостью изрыгнулъ хулу на ваши въ „Арабескахъ“ статьи ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгаю хулу на духа. Онѣ были тогда для меня слишкомъ просты, а потому и неприступно высоки; притомъ же на мутномъ днѣ самолюбія безсознательно шевелилось желаніе блеснуть и безпристрастіемъ. Вообще, мнѣ страхъ какъ хочется написать о вашихъ сочиненіяхъ. Я опрометчивъ и способенъ вдаваться въ дикія нелѣпости; но—слава Богу,—я, вмѣстѣ съ этимъ, одаренъ движимостью впередъ и способностью собственные промахи и глупости называть настоящимъ ихъ именемъ и съ такою же откровенностью, какъ и чужіе грѣхи. И потому, подумалось во мнѣ много новаго съ тѣхъ поръ, какъ, въ 1840 году, въ послѣдній разъ вралъ я о вашихъ повѣстяхъ и „Ревизорѣ“. Теперь я понялъ, почему вы *Хлестакова* считаете героемъ вашей комедіи, и понялъ, что онъ точно герой ея; понялъ, почему „Ст. Пом.“ считаете вы лучшею повѣстью своею въ „Миргородѣ“, также понялъ, почему одни васъ превозносятъ до небесъ, а другіе видятъ въ васъ нѣчто въ родѣ Поль де-Кока, и почему есть люди, и притомъ не совсѣмъ глупые, которые знаютъ наизусть ваши сочиненія, не могутъ безъ ужаса слышать, что вы выше Марлинскаго, и что вашъ талантъ—великій талантъ. Объясненіе всего этого даетъ мнѣ возможность сказать дѣло о дѣлѣ, не бросаясь въ отвлеченныя и окольныя разсужденія; а умѣренный тонъ (признакъ, что предметъ понятъ ближе къ истинѣ) даетъ многимъ возможность *сознательно* полюбить ваши сочиненія. Конечно, критика не сдѣлаетъ дурака умнымъ и толпу мыслящею; но она, у однихъ, можетъ просвѣтлить сознаніемъ безотчетное чувство, и у другихъ—возбудить мыслію спящій инстинктъ. Но величайшею наградою за трудъ для меня можетъ быть только вниманіе и ваше доброе, привѣтливое слово. Я не заношусь слишкомъ высоко, но—признаюсь—и не думаю о себѣ слишкомъ мало; я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и—что еще лестнѣе—имѣлъ счастіе пріобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ: и все-таки больше всего этого меня радуетъ доселѣ и всегда будетъ радовать, какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастію, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ, и я чувствую, что это не мелкое самолюбіе съ моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человѣкъ, какъ Пушкинъ, и что такое одобреніе со стороны такого человѣка, какъ Пушкинъ. Послѣ этого вы поймете, почему для меня такъ дорогъ вашъ человѣческій, привѣтливый отзывъ...

Дай вамъ Богъ здоровья, душевныхъ силъ и душевной ясности

Горячо желаю вамъ этого, какъ писателю и какъ человѣку, ибо одно съ другимъ тѣсно связано. Вы у насъ теперь *одинъ*,—и мое нравственное существованіе, моя любовь къ творчеству тѣсно связаны съ вашею судьбою; не будь васъ—и прощай для меня настоящее и будущее въ художественной жизни нашего отечества: я буду жить въ одномъ прошедшемъ и, равнодушный къ мелкимъ явленіямъ современности, съ грустной отрадой буду бесѣдовать съ великими тѣнями, перечитывая ихъ неумирающія творенія, гдѣ каждая буква давно мнѣ знакома...

Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ искренно мое мнѣніе о вашемъ „Римѣ“, но, не получивъ предварительно позволенія на откровенность, не смѣю этого сдѣлать.

Не знаю, понравится ли вамъ тонъ моего письма,—даже боюсь, чтобы онъ не показался вамъ болѣе откровеннымъ, нежели сколько допускаютъ то наши съ вами свѣтскія отношенія; но не могу перемѣнить ни слова въ письмѣ моемъ, ибо въ случаѣ, противномъ моему ожиданію, легко утѣшусь, сложивъ всю вину на судьбу, издавна уже не благопріятствующую русской литературѣ.

Съ искреннимъ желаніемъ вамъ всякаго счастья, остаюсь готовый къ услугамъ вашимъ Виссаріонъ Бѣлинскій.

1846.

VII.

Къ А. И. Герцену [1]).

36.

Спб., 1846 г., января 2. Милый мой Герценъ, давно мнѣ сильно хотѣлось поговорить съ тобою и о томъ, и о семъ, и о твоихъ статьяхъ *Объ изученіи природы*, и о твоей статейкѣ *О пристрастіи*, и о твоей превосходной повѣсти, обнаружившей въ тебѣ новый талантъ, который, мнѣ кажется, лучше и выше всѣхъ твоихъ старыхъ талантовъ (за исключеніемъ фельетоннаго—о г. Ведринѣ, Ярополкѣ Водянскомъ и пр.), и объ истинномъ направленіи и знаніи твоего таланта, и обо многомъ прочемъ. Но все не было то случая, то времени. Потомъ я все ждалъ тебя, и разъ опять испыталъ понапрасну сильное нервическое потрясеніе по поводу прихода г. Герца, о которомъ мнѣ возвѣстили, какъ о г. Герценѣ. Наконецъ, слышу, что ты сбираешься ѣхать не то будущею весной, не то будущею осенью. Оставляя же все прочее до будущаго случая, пишу теперь къ тебѣ не о тебѣ, а о самомъ себѣ, о собственной моей особѣ. Прежде всего, твою руку и съ нею честное слово, что все написанное здѣсь останется, впредь до разрѣшенія, строгою тайной между тобою, Ктчрмъ, Грнвскимъ Кршмъ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Я твердо рѣшился оставить *О. З.* [2]) и ихъ благороднаго, безкорыстнаго владѣльца. Это желаніе давно уже было моею idéée fixe; но я все надѣялся выполнить его чудеснымъ способомъ.

---

[1]) „Русская Мысль“ 1891 г.
[2]) Отечеств. Записки.

благодаря моей фантазіи, которая у меня услужлива не менѣе фантазіи г. Манилова, и надеждамъ на богатыхъ земли. Теперь я увидѣлъ ясно, что все это вздоръ, и что надо прибѣгнуть къ средствамъ, болѣе обыкновеннымъ, болѣе труднымъ, но зато и болѣе дѣйствительнымъ. Но прежде о причинахъ, а потомъ уже о средствахъ. Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно, я недѣлю въ мѣсяцъ работаю съ страшнымъ, лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмѣлья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздно шатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье, видимо, разрушается. Но трудъ мнѣ не опротивѣлъ. Я больной писалъ большую статью о *Жизни и соч. Кольцова*, и работалъ съ наслажденіемъ; въ другое время, я въ 3 недѣли чуть не изготовилъ къ печати цѣлой книги, и эта работа была мнѣ сладка, сдѣлала меня веселымъ, довольнымъ и бодрымъ духомъ. Стало быть, мнѣ невыносима и вредна только срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ, и безъ того брюзгливый и мелочно-раздражительный. Всякій другой трудъ, не оффиціальный, не ex officio, былъ мнѣ отраденъ и полезенъ. Вотъ первая и главная причина. Вторая—съ г. Крвскимъ невозможно имѣть дѣла. Это, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ, но онъ пріобрѣтатель, слѣд., вампиръ, всегда готовый высосать изъ человѣка кровь и душу, а потомъ бросить его за окно, какъ выжатый лимонъ. До меня дошли слухи, что онъ жалуется, что я мало работаю, что онъ выдаетъ себя за моего благодѣтеля, который изъ великодушія держитъ меня, когда уже я ему и не нуженъ. Еще годъ назадъ тому онъ (узналъ я недавно изъ втораго источника) въ интимномъ кругу пріобрѣтателей сказалъ: „Б. выписался и мнѣ пора его прогнать". Я живу впередъ забираемыми у него деньгами, я ясно вижу, что онъ не хочетъ мнѣ ихъ давать: значитъ, хочетъ отъ меня отдѣлаться. Мнѣ, во что бы то ни стало, надо упредить его. Не говоря уже о томъ, что съ такимъ человѣкомъ мнѣ нельзя имѣть дѣла, хочется дать ему замѣтить, что-де Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Въ журналѣ его я играю теперь довольно послѣднюю роль: ругаю Булгарина, этою самою бранью намекаю, что Кр.—прекрасный человѣкъ, герой добродѣтели. Служить орудіемъ подлецу для достиженія его подлыхъ цѣлей и ругать другаго подлеца не во имя истины и добра, а въ качествѣ холопа подлеца № 1,—это гадко. Что за человѣкъ Кр.—вы всѣ давно знаете. Вы знаете его позорную исторію съ Кронебергомъ. Онъ отказалъ ему, и на его мѣсто взялъ нѣкоего г. Фурмана, въ сравненіи съ которымъ гг. Кони и Межевичъ имѣютъ полное право считать себя литераторами перваго разряда. Видите, какая сволочь начала лѣзть въ *О. З.* Разумѣется, Кр. обращается съ Ф. какъ съ канальей, что̀ его грубой мѣщанско-пропріетерной душѣ очень пріятно. Забавна одна статья его условія съ Ф.: „Вы слышали (говорилъ ему Кр. тономъ оскорбленной невинности), что̀ сдѣлалъ со мною Крнбргъ? Я не хочу впередъ такихъ исторій, и для этого вы подпишитесь на условіи, что ваши переводы принадлежатъ мнѣ навсегда, и я имѣю право издавать ихъ отдѣльно; за это я вамъ прибавлю: Кр—гу я платилъ 40 руб. асс. съ листа, вамъ буду платить 12 руб. серебромъ". Итакъ, за *два* рубля мѣди онъ купилъ у него право на вѣчное потомственное владѣніе его переводами, вмѣсто единовременнаго журнальнаго

Каковъ?.. А вотъ и еще анекдотъ о нашемъ Плюшкинѣ. Ольхинъ даетъ ему 20 руб. сер. на плату за листъ переводчикамъ Вальтера-Скота, а Кр. платитъ имъ только 40 руб. асс., слѣд., воруетъ по 30 руб. съ листа (а за редакцію беретъ деньги своимъ чередомъ). Ольхинъ, узнавъ объ этомъ, пошелъ къ нему браниться. Видя, что дѣло плохо, Кр. велѣлъ подать завтракъ, послалъ за шампанскимъ, ѣлъ, пилъ и цѣловался съ Ольхинымъ, и тотъ, въ восторгѣ отъ такой чести, вышелъ вполнѣ удовлетворительнымъ и позволилъ и впредь обворовывать себя. Чѣмъ же Булгаринъ хуже Кр—го? Нѣтъ, Кр. во сто разъ хуже и теперь въ 1000 разъ опаснѣе Булгарина. Онъ завхатилъ все, овладѣлъ всѣмъ. Крибргъ предлагалъ Ольхину переводить въ *Б. для Ч.* (которой Ольхинъ сдѣлался теперь владѣльцемъ), и Ольхихъ сказалъ ему: „Радъ бы, да не могу—боюсь, Кр. разсердится на меня".

Чтобы отдѣлаться отъ этого стервеца, мнѣ нужно имѣть хоть 1,000 руб. серебромъ, потому что я забралъ у Кр. до 1 апрѣля, и долженъ буду до этого времени работать, не получая денегъ, но зарабатывая уже полученныя, а безъ денегъ нельзя жить съ семействомъ. Открываются кое-какіе виды на 2,500 руб. асс., остальную тысячу какъ-нибудь авось найдемъ. Къ Пасхѣ я издаю толстый, огромный альманахъ. Достоевскій даетъ повѣсть, Тургеневъ—повѣсть и поэму, Некр.—юмористическую статью въ стихахъ (*Семейство*,—онъ на эти вещи собаку съѣлъ), Панаевъ—повѣсть; вотъ уже пять статей есть; шестую напишу самъ; надѣюсь у Майкова выпросить поэмку. Теперь обращаюсь къ тебѣ: повѣсть или жизнь! Если бы, сверхъ этого, ты далъ что-нибудь печальное, журнальное, юмористическое, о жизни или россійской словесности, или о томъ и другомъ вмѣстѣ, хорошо бы было! Но я хочу не одного легкаго и потому прошу Грановскаго, нельзя ли историч. статью, лишь бы имѣла общій интересъ и смотрѣла беллетристически. На всякій случай, скажи юному профессору Кавелину, нельзя ли и отъ него поживиться чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Его лекціи, которыхъ начало онъ прислалъ мнѣ (за что я благодаренъ ему до нельзя), чудо какъ хороши; основная мысль ихъ о племенномъ и родовомъ характерѣ русской исторіи въ противуположность личному характеру западной исторіи—геніальная мысль, и онъ развиваетъ ее превосходно. Ахъ, если бы онъ далъ мнѣ статью, въ которой бы развилъ эту мысль, сдѣлавъ сокращеніе изъ своихъ лекцій, я бы не зналъ, какъ и благодарить его! Самъ я хочу написать что-нибудь о современномъ значеніи поэзіи. Такимъ образомъ, были бы повѣсти, юмористическія стихотворенія и статьи серьезнаго содержанія—и альманахъ вышелъ бы на славу. Кстати, попроси Ктчра попросить у Галахова (ста одного) какого-нибудь разсказца (я бы заплатилъ ему, какъ и многимъ изъ вкладчиковъ, по выходѣ альманаха). Теперь о твоей повѣсти. Ты пишешь 2-ю ч. *Кто виноватъ?* Если она будетъ такъ же хороша, какъ 1-я ч.,—она будетъ превосходна; но если ты написалъ новую другую, и еще лучше, я, все-таки, лучше бы хотѣлъ имѣть 2-ю ч. *Кто виноватъ?* чтобы имѣть удовольствіе замѣтить въ выноскѣ, что-де 1-я ч. этой повѣсти была напечатана въ такомъ-то № *О. З.* Понимаешь? Когда я кончу мои работы въ *О. З.* начисто, то пошлю въ редакцію С. *Пчелы* письмо, прося извѣстить публику, что я больше не принимаю никакого участія въ *О. З.* Это произведетъ свой эффектъ. Если вы не будете давать ему ни строки, равно какъ и никто изъ порядочныхъ людей, можетъ быть, что ему на будущій годъ нельзя будетъ и объявить подписки. Впрочемъ, немудрено,

что онъ и самъ давно рѣшилъ прекратить изданіе (вѣдь, у него послѣ нынѣшняго года будетъ въ ломбардѣ не менѣе 400,000 асс.)—пусть же кончитъ срамно; если же нѣтъ, то почувствуетъ, что́ я для него значу, и тогда я предпишу ему хорошія условія.

И такъ, вотъ въ чемъ дѣло. Отвѣчай мнѣ скорѣе. Анекдоты о Кр. можешь пустить по Москвѣ, только не говори, что узналъ ихъ отъ меня. Но о моемъ намѣреніи оставить „О. З.“—пока тайна; кромѣ того, я хочу раздѣлаться съ Кр. политично, съ сохраненіемъ всѣхъ конвенансовъ, и буду вредить ему какъ человѣкъ comme il faut. Объ альманахѣ тоже (если можно и сколько можно) держать въ секретѣ. Скажи Кавелину, что его порученіе о деньгахъ выполнить не могу: въ эти дѣла я давно уже далъ себѣ слово не вмѣшиваться, а теперь я съ этимъ канальей тѣмъ болѣе не могу говорить ни о чемъ, кромѣ что прямо относится ко мнѣ. Анненковъ 8 января ѣдетъ. Въ Берлинѣ увидится съ Кудрявцевымъ, и, можетъ быть, я и отъ этого получу повѣсть. Увидя столько въ моемъ альманахѣ повѣстей, отнятыхъ у „О. З.“, Кр. сдѣлается боленъ—у него разольется жолчь. Анн. тоже пришлетъ что-нибудь вродѣ путевыхъ замѣтокъ. Я печатаю Кольцова съ Ольхинымъ—онъ печатаетъ, а барышъ пополамъ: это еще видъ въ будущемъ, для лѣта: Къ Пасхѣ же я кончу 1-ю ч. моей Ист. русск. литературы. Лишь бы извернуться на первыхъ-то порахъ, а тамъ, я знаю, все пойдетъ лучше, чѣмъ было: я буду получать не меньше, если еще не больше, за работу, которая будетъ легче и пріятнѣе. Жму тебѣ руку, Н. А. также, потомъ всѣмъ тожь, и съ нетерпѣніемъ жду твоего отвѣта.

В. Б.

37.

Спб., 1846 г., января 14. Наѣлся же я порядкомъ грязи, полѣнившись написать тебѣ мой адресъ, и думалъ, что тебѣ скажетъ его Ктчръ. Вотъ онъ: на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста въ домѣ Лопатина, кв. № 43.

Несказанно благодаренъ я тебѣ, любезный Герценъ, что ты не замедлилъ отвѣтомъ, котораго я ожидалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Не могу спорить противъ того, чтобы ты дѣйствительно не имѣлъ своихъ причинъ не желать отказать Кузьмѣ Рощину [1]) въ продолженіи твоей повѣсти. Дѣлай, какъ знаешь. Но только на новую повѣсть твою мнѣ плоха надежда. Альманахъ долженъ выйти къ Пасхѣ; времени мало. Пора уже собирать и въ цензуру представлять. Цензоровъ у насъ мало, а работы у нихъ гибель, оттого они страшно задерживаютъ рукописи. Чтобы ты успѣлъ написать новую повѣсть — невѣроятно, даже невозможно. Притомъ же, бросивши продолжать и доканчивать старую, чтобы начать новую, ты испортишь себѣ. Я увѣренъ, что ты не захочешь оставить меня безъ твоей повѣсти, но данное слово Рощину тоже что-нибудь да значитъ. Дѣлай, какъ знаешь, а мое мнѣніе вотъ какое: надо сплутовать. Напиши къ нему письмо (пошутливѣе), что твой пегасъ охромѣлъ и повѣсть твоя, сначала шедшая хорошо, пошла вяло, надоѣла тебѣ, и ты ее забросилъ до времени. А потомъ, какъ я скажу тебѣ, что пора, напиши къ нему, что-де, къ крайнему твоему прискорбію, ты никакъ не могъ долго колебаться между обязанностью выполнить слово, данное подлецу и чуждому тебѣ человѣку, и между необходимостью

[1]) А. А. Краевскому.

помочь въ бѣдѣ порядочному человѣку и пріятелю твоему; но что за неустойку ты дашь ему другую повѣсть когда-нибудь. Вотъ и все. Мое отсутствіе изъ „О. З.“ скоро будетъ замѣтно, и когда-нибудь ты можешь замѣтить ему, что ты готовъ быть сотрудникомъ направленія, принципа, но не человѣка, особенно если этотъ человѣкъ мошенникъ. Ты сумѣешь сказать все это такъ, что оно будетъ понятно, а придраться не къ чему. Насчетъ писемъ Б— на [1]) объ Испаніи нечего и говорить: разумѣется, давайте. Анненковъ уѣхалъ 8 числа и увезъ съ собою мои послѣднія радости, такъ что я теперь живу вовсе безъ радостей.

Ахъ, братцы, плохо мое здоровье—бѣда! Иногда, знаете, лѣзетъ въ голову всякая дрянь, напр., какъ страшно оставить жену и дочь безъ куска хлѣба и пр. До моей болѣзни прошлою осенью я былъ богатырь въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я теперь. Не могу поворотиться на стулѣ, чтобы не задохнуться отъ истощенія. Полгода, даже 4 мѣс. за границею—и, можетъ быть, я лѣтъ на пятокъ или болѣе опять пошелъ бы какъ ни въ чемъ не бывало. Но бѣдность не порокъ, а хуже порока. Бѣднякъ—подлецъ, который долженъ самъ себя презирать, какъ парію, не имѣющую права даже на солнечный свѣтъ. „О. З.“ и перербургскій климатъ доканали меня. Съ чего-то, по обычаю всѣхъ нищихъ фантазеровъ, я прошлою весной возложилъ было великія надежды на Огарева. И, конечно, мои надежды на его сердце и душу нисколько не были нелѣпы; но я уже послѣ убѣдился, что человѣкъ безъ воли и характера—такой же подлецъ, какъ и человѣкъ безъ денегъ, и что всего глупѣе надѣяться на того, кто по горло въ золотѣ умираетъ съ голоду [2]).

Статьи у Галахова просить не нужно. Это половинчатый человѣкъ. Въ немъ много хорошаго, но это хорошее на откупу у Давыдова и Кузьмы Рощина. О Кавелинѣ ты говоришь дѣло: я бы самъ не рѣшился взять у него статьи даромъ. А насчетъ того, что̀ пишешь ты о деньгахъ мнѣ, право, мнѣ совѣстно и больно говорить. Кого я не грабилъ—даже Ктчра, богатаго человѣка! Ну, да теперь не до того, — теперь больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, я имѣю право быть подлецомъ. Что-жь дѣлать, свѣтъ подло устроенъ. Ужь, конечно, и ты совсѣмъ не богачъ, имѣешь нужное, но не лишнее, а Огаревъ — богачъ не только предо мною или Ктчромъ, нищими подлецами но и передъ тобою, человѣкомъ, по крайней мѣрѣ, обезпеченнымъ, слѣдовательно, почти честнымъ; но выходитъ, что я грабилъ и граблю не только тебя, но и Ктчра, а не Огарева [3]). Тьфу ты къ чорту! да что я присталъ къ Ог., какъ будто бы онъ на то и родился богатымъ, чтобы быть моимъ опекуномъ или богатымъ дядею? Все это очень подло, а подло потому, что я нищъ и боленъ, на себя не надѣюсь и готовъ хвататься за соломенку. Не знаю, откуда возьмешь ты 500 рублей, но если можешь достать, то шли скорѣе: я твердо рѣшился не брать у Кр. [4]) ни копѣйки.

Пожми за меня крѣпко руку Кршу и М. С. Щ—ну [5]), вѣдь, они тоже подлецы страшные, какъ и я, и питаются собственнымъ пo̍томъ и

---

[1]) В. Боткина.

[2]) Въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Огарева было разъяснено финансовое положеніе Огарева вслѣдствіе обязательствъ, которыя онъ принялъ на себя по отношенію къ своей женѣ, М. Л—нѣ.

[3]) Это писано еще при жизни отца Герцена, когда послѣдній еще не имѣлъ независимыхъ средствъ.

[4]) Краевскаго.

[5]) М. С. Щепкину.

кровью. М. С. насчетъ собственнаго поту и крови еще есть чего лизнуть—толстъ, потливъ и полнокровенъ; но какъ Кршъ до сихъ поръ не съѣлъ самого себя—не понимаю.

Прощай. О поклонахъ моихъ Натальѣ Александровнѣ я рѣшился никогда не писать: она должна знать, что я всегда носомъ моего сердца обоняю почку розы ея благополучія (я, братецъ, недавно опять прочелъ Хаджи-Бабу и проникся духомъ восточной реторики). А Грановскаго понукай—нельзя ли хоть чего-нибудь вродѣ извлеченія изъ его теперешнихъ публичныхъ лекцій. Что до участія въ литературномъ прибавленіи къ М. Вѣд., тутъ для меня нѣтъ ничего. Да мнѣ лишь бы на первый-то случай какъ-нибудь извернуться, а у меня и своей работы пропасть,—работы, которая дастъ мнѣ хорошія деньги. О новомъ журналѣ въ Пит. подумываютъ многое, имѣя меня въ виду, и я знаю, что мнѣ не дадутъ и 2-хъ лѣтъ поблаженствовать безъ проклятой журнальной работы.

Прощай. В. Б.

Вотъ и еще приписочка, въ которой еще разъ прошу тебя и всѣхъ васъ держать въ тайнѣ это дѣло, потому что это можетъ мнѣ повредить. Отъ тайны будетъ зависѣть мой перевѣсъ надъ жидомъ: въ объясненіи съ нимъ—мнѣ надо упредить его. Это не человѣкъ, а дьяволъ; но многое у него—не столько скупость, сколько разсчетъ. Онъ даетъ мнѣ разбирать нѣмецкіе, французскіе, латинскіе букварь, грамматики; недавно я писалъ объ итальянской грамматикѣ. Все это не потому только, чтобы ему жаль было платить другимъ за такія рецензіи, кромѣ платы мнѣ, но и потому, чтобы заставить меня забыть, что я закваска, соль, духъ, и жизнь его пухлаго, водяного журнала (въ которомъ все хорошее—мое, потому что безъ меня ни ты, ни Ботк., ни Тург., ни многіе другіе ему ничего бы не давали), и заставить меня увѣриться что я просто — чернорабочій, который беретъ не столько качествомъ, сколько количествомъ работы. Святители! о чемъ не пишу я ему, какихъ книгъ не разбираю! И по части архитектуры (да еще какой: византійской!), и по части медицины... Онъ сдѣлалъ изъ меня враля, шарлатана, свою собаку, осла, на которомъ онъ выѣзжаетъ въ Ерусалимъ своихъ успѣховъ. Булгаринъ ему въ ученики не годится. Но—что я болтаю—развѣ всего этого вы не знаете сами?

Портретъ Гр—го вышелъ у Борб.—чудо изъ чудесъ, твой, о Герценъ, очень похожъ, но никому не нравится. Это не ты,—ты долженъ быть веселъ, съ улыбкою. У ногъ Зевса я хочу видѣть орла, у ногъ Искандера я хочу видѣть рядъ бутылокъ съ нѣсколькими, для разнообразія, штофами; при Зевсѣ долженъ быть Ганимедъ, при Искандерѣ—Кетчеръ, наливающій, подливающій, возливающій и осушающій (ревущій левъ зачѣмъ?—это само по себѣ). Портретъ Натальи Александровны—прелесть; я готовъ былъ бы украсть его, еслибъ представился случай. Какъ хорошъ портретъ Щепкина! Слеза, братецъ мой, чуть не прошибла меня, когда я увидѣлъ, эти старыя, но прекрасныя съ ихъ старостью черты. Мнѣ показалось, будто онъ, друзьяка, самъ вошелъ ко мнѣ. Кто хочетъ убѣдиться, что старость имѣетъ свою красоту, пусть посмотритъ на этотъ портретъ, если не можетъ видѣть подлинника. О портретахъ твоихъ дѣтей не сужу,—Саша измѣняется, другихъ я не видалъ. Они понравились моей дочери—она пробовала даже ихъ ѣсть, но стекло помѣшало... Ну, прощайте. Смотрите же—никому, кромѣ нашихъ близкихъ. Ахъ, говорятъ, бѣднякъ Огаревъ умираетъ съ голоду за границею; что бы вамъ сложиться по подпискѣ помочь ему: я бы тоже пожертвовалъ 1 рубль серебромъ.

38.

Спб. 1846 г., января 26. Твое рѣшеніе, любезный Герценъ, отдать Кто виноватъ? Кр—му, а не мнѣ, совершенно справедливо. Подлости другихъ даютъ намъ право поступать подло даже съ подлецами. Но только мнѣ, соглашаясь, что ты правъ, приходится волкомъ выть. Я думалъ, что у меня будутъ двѣ капитальныя повѣсти—Достоевскаго и твоя, а мнѣ надо брать повѣстями. Я еще не знаю, успѣешь ли ты мнѣ написать двѣ вещицы, какъ обѣщаешь,—уже одно то, что это не повѣсти въ твоемъ родѣ, т.-е. съ глубокою гуманною мыслью въ основѣ, при внѣшней веселости и легкости—важно. Такія вещи, какъ Кто виноватъ? не часто приходятъ въ голову, а, между тѣмъ, одной такой вещи достаточно бы для успѣха альманаха.

Какъ васъ всѣхъ благодарить за ваше участіе, не знаю, и не считаю нужнымъ, но не могу не сказать, что это участіе меня глубоко трогаетъ. Я раздумался и созналъ, что въ одномъ отношеніи былъ вполнѣ счастливъ—много людей любили меня больше, нежели сколько я стоилъ. Цѣловаться не съ женщинами въ нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ и глупо, и пошло,—такъ хоть стукни по больнѣе Мих. Семеновича за меня, въ изъявленіе моихъ къ нему горячихъ чувствъ. Статьѣ г. Соловьева очень радъ, что, однако, не мѣшаетъ мнѣ печалиться о томъ, что при ней не будетъ статьи шепеляваго профессора. И статья была бы на славу, и имя автора—все это, братецъ, не что-нибудь такъ. А, все-таки, мнѣ хотѣлось бы, чтобы Кавелинъ, о чемъ бы ни писалъ, коснулся своего взгляда на русскую исторію въ сравненіи съ исторіей Западной Европы. А то украду, ей-Богу украду—скажи ему. Такія мысли держать подъ спудомъ грѣхъ.

Удивили и обрадовали меня двѣ строки твои о Станкевичѣ: „Ѣдетъ за границу и очень бы желалъ тебя взять. Стоитъ рѣшиться". Чего же лучше? Одолжаться вообще непріятно чѣмъ бы то ни было, и одолжать пріятнѣе; но если уже такая доля, то лучше одолжаться порядочными людьми или вовсе никѣмъ не одолжаться. Я. А. Ст. хорошо узналъ въ его пріѣздъ въ Питеръ, и мнѣ быть одолженнымъ ему будетъ также легко, сколько легко быть одолженнымъ всякимъ человѣкомъ, котораго много любишь и много уважаешь, а поэтому считаешь близкимъ и роднымъ себѣ. Мнѣ нужно только знать—какъ и какимъ образомъ, когда, а, главное, не стѣснитъ ли это его, и не повредитъ ли хоть сколько-нибудь его отношеніямъ къ отцу? Гдѣ онъ? Напиши поскорѣе, ради Аллаха, да кстати скажи ему: нельзя ли де поскорѣе повѣстицы или разсказца—онъ тиснулъ уже таковой въ Питерѣ—на славу. А самъ ты, коли писать для альманаха, такъ брось сборы и пиши, да и другихъ торопи. Времени мало; просрочить—значитъ все испортить. Если Ст. ѣдетъ весною, благодаря альманаху, я оставлю семейство не при чемъ, да и ворочусь ни съ чѣмъ; если онъ ѣдетъ осенью, я, м. б., и своихъ деньжонокъ прихвачу, да, пожалуй, еще и такъ, что чужихъ не нужно будетъ, а если и нужно, то немного. Все это важно.

Пока довольно. Скоро буду писать и больше, по оказіи. Отрывокъ изъ записокъ М. С.—вещь драгоцѣнная; я вспрыгнулъ, какъ прочелъ, что онъ хочетъ дать. Это будетъ одинъ изъ перловъ альманаха. Что Ктчръ говорилъ Галахову—ничего; если дастъ что порядочное, не мѣшаетъ; я заплачу—однако, съ концомъ. Объ оставленіи мною О. З.

говорить еще не нужно. Мнѣ надо помедлить недѣлю, другую—не больше.

Прощай. Кланяйся всѣмъ и скажи Сашѣ, что тебѣ, молъ, кланяется

Бѣлинскій.

Альманахъ Некрасова деретъ; больше 200 экз. продано съ понедѣльника (21 января) по пятницу (25).

39.

Спб., 1846 г., февраля 6. Письмо и деньги твои (100 р. с.) получилъ вчера, любезный мой Герценъ,—за что все не благодарю, потому что это лишнее. Радъ я несказанно, что нѣтъ причины опасаться не получить отъ тебя ничего для альманаха, такъ какъ Сорока-Воровка кончена и придетъ ко мнѣ во время. А, все-таки, грустно и больно, что Кто виноватъ? ушелъ у меня изъ рукъ. Такія повѣсти (если 2 и 3 часть не уступаютъ первой) являются рѣдко, и въ моемъ альманахѣ она была бы капитальной статьей, раздѣляя восторгъ публики съ повѣстью Достоевскаго (Сбритыя бакенбарды), а это было бы больше, нежели сколько можно желать издателю альманаха даже и во снѣ, не только на яву. Словно бѣсъ, какой дразнитъ меня этою повѣстью, и разставшись съ нею, я все не перестаю строить на ея счетъ предположительные планы, напр., перепечаталъ бы и первую часть изъ О. З. вмѣстѣ съ двумя остальными и этимъ началъ бы альманахъ, Тогда фурорный успѣхъ альманаха былъ бы вѣрнѣе того, что Погодинъ—воръ, Шевырко—дуракъ [1]), а Аксаковъ—шутъ [2]). Но, повторяю, соблазнителемъ невинности твоей совѣсти быть не хочу, а только не могу не замѣтить, кстати, что исторія этой повѣсти мнѣ сильно открыла глаза на причину успѣховъ въ жизни мерзавцевъ: они поступаютъ съ честными людьми какъ съ мерзавцами, а честные люди за это поступаютъ съ мерзавцами какъ съ людьми, которые словно во сто разъ честнѣе ихъ, честныхъ людей. Борьба неравная! Удивительно ли, что успѣхъ на сторонѣ мерзавцевъ? По крайней мѣрѣ, потѣшь меня однимъ: сдери съ Рощина рублей по 80 серебромъ, или ужъ ни въ какомъ случаѣ не меньше 250 асс. за листъ. Повѣсть твоя имѣла успѣхъ страшный, и требованіе такой цѣны за ея продолженіе никому не покажется страннымъ. Отдавая 1-ю ч., ты имѣлъ право не дорожить ею, потому что не зналъ ея цѣны. Теперь другое дѣло. Некрасовъ хочетъ сдѣлать именно это. Онъ обѣщалъ Рощину повѣсть еще весною и впередъ взялъ у него 50 р. с., а о цѣнѣ не условился. Вотъ онъ и хочетъ просить 250 р. асс. за листъ, чтобы отдать ее мнѣ, если тотъ испугается такой платы, или наказать его ею, если согласится. Чтобы мой альманахъ устоялъ послѣ Петербургскаго Сборника, необходимо во что бы то ни стало сдѣлать его гораздо толще, не менѣе 50 листовъ (можно и больше), а потомъ больше повѣстей изъ русской жизни, до которыхъ наша публика страшно падка. А потому я повѣсти Некрасова—будь она не больше, какъ порядочна—буду радъ донельзя.

Что статья Кавелина будетъ дьявольски хороша, въ этомъ я увѣ-

---

[1]) Шевыревъ.
[2]) Конст. Серг.

ренъ какъ нельзя больше. Ея идея (а отчасти и манера Кавелина развивать эту идею) мнѣ извѣстна, а этого довольно, чтобы смотрѣть на эту статью какъ на что-то весьма необыкновенное.

Впрочемъ, не подумай, чтобы я не дорожилъ твоею Сорокой-Воровкой: увѣренъ, что это граціозно-остроумная и, по твоему обыкновенію, дьявольски умная вещь; но послѣ Кто виноватъ? во всякой твоей повѣсти не такой пробы, ты всегда будешь безъ вины виноватъ. Если бы я не цѣнилъ въ тебѣ человѣка такъ же много, или еще и больше, нежели писателя, я какъ Потемкинъ Фонвизину, послѣ представленія Бригадира, сказалъ бы тебѣ: „Умри, Герценъ!" Но Потемкинъ ошибся: Фонвизинъ не умеръ, и потому написалъ Недоросля. Я не хочу ошибаться, и вѣрно, что послѣ Кто виноватъ? ты напишешь такую вещь, которая заставитъ всѣхъ сказать о тебѣ: „Правъ, собака! Давно бы ему приняться за повѣсти!" Вотъ тебѣ и комплиментъ, и посильный каламбуръ.

Ты пишешь: „Гранов. могъ бы прислать изъ послѣдующихъ лекцій". Если могъ бы, то почему же не пришлетъ? Зачѣмъ тутъ бы? Статьѣ г. Соловьева я радъ несказанно, и прошу тебя поблагодарить его отъ меня за нее.

По экземпляру вкладчикамъ, по законамъ вѣжливости гніющаго Запада, дарится отъ издателя всѣмъ, и давшимъ статью даромъ, и получившимъ за нее деньги. А отпечатать 50 экземпл. особо той или другой статьи—дѣло плевое и не стоющее издателю ни хлопотъ, ни траты. Но если мой альманахъ пойдетъ хорошо (на что я имѣю не совсѣмъ безосозвательныя причины надѣяться), то я не вижу никакой причины не заплатить Кав—ну и г. Соловьеву,—вѣдь, я долженъ буду получить большія выгоды. Будетъ съ меня и того, что эти люди съ такою благородною готовностью спѣшатъ помочь мнѣ безъ всякихъ разсчетовъ. Въ случаѣ неуспѣха, я не постыжусь остаться одолженнымъ ими: зачѣмъ же имъ стыдиться получить отъ меня законное вознагражденіе за трудъ, въ случаѣ успѣха съ моей стороны? Это ужъ было бы слишкомъ по-московски прекраснодушно. Въ случаѣ успѣха, и ты, о Герценъ, будешь пьянъ на мои деньги, да напоишь редереромъ (удивительное вино: я выпиваю его по цѣлой бутылкѣ съ большою пріятностью и безъ ущерба здравію) и Кетчера и всѣхъ нашихъ; а я въ тотъ самый день (по условію) нарѣжусь въ Питерѣ. По части шампанскаго Кетчеръ—мой крестный отецъ, и я не знаю, какъ и благодарить его. Ко всѣмъ солиднымъ винамъ (за исключеніемъ хереса, къ которому чувствую еще нѣкоторую слабость) питаю полное презрѣніе и, кромѣ шамп., никакого ни капли въ ротъ, а шампанское тотчасъ же послѣ супу. Ожидалъ ли ты отъ меня такого прогресса?

Статьѣ г. Мельгунова очень радъ, нечего и говорить объ этомъ. Не знаю, что онъ напишетъ, но увѣренъ, что все будетъ человѣчески хорошо. Поблагодари его отъ меня.

А когда Станкевичъ думаетъ ѣхать? Увѣдомь. И когда М. С. думаетъ выслать отрывокъ изъ записокъ? Этотъ гостинецъ словно съ неба свалился мнѣ,—и мнѣ страшно одной мысли, чтобъ онъ какъ-нибудь не увернулся отъ меня, и я до тѣхъ поръ не смѣю считать его своимъ, пока не уцѣплюсь за него и руками, и зубами.

Это письмо пишется къ тебѣ наканунѣ его отправленія (5 фев.), а завтра, братецъ ты мой, посылается къ г. Крвскму цыдулка съ возвѣщеніемъ о выходѣ изъ его службы. Думаю, что отвѣтитъ: какъ-де

хотите; но не считаю невозможнымъ, что, одумавшись, примется и за переговоры. Но ни за что не соглашусь губить здоровье и жизнь на каторжную работу. Надо хоть отдохнуть; а тамъ, если опять запречься въ журналъ, то ужъ въ такой, гдѣ бы я былъ и редакторомъ, а не сотрудникомъ только. Увидишь, какой эффектъ произведетъ на славянофиловъ статья во 2 № О. З.: Голосъ въ защиту отъ голоса Москвитянина.

Пишешь ты: сегодня бенефисъ Щепкина, а когда было это „сегодня"—Аллахъ вѣдаетъ—на письмѣ числа не выставлено. Увѣдомь, какъ сошелъ бенефисъ.

Альманахъ Нркр. деретъ, да и только. Только три книги на Руси шли такъ страшно: Мертвыя души, Тарантасъ и Петербургскій Сборникъ. Эхъ, какъ бы моя попала въ четвертыя! Письма Б—на получилъ.

Прощай. Что Кетчеръ? Какъ-то недавно во снѣ я ужасно обрадовался его пріѣзду въ Питеръ и весьма любовно съ нимъ лобызался, но—что очень странно—шампанскаго не пилъ. И такъ, крестному папенькѣ крѣпко жму руку, а равно и всѣмъ вамъ.

Твой В. Бѣлинскій.

Какой это Соколовъ такъ жестоко отвалялъ въ О. З. бѣднаго Ефремова? Жаль даже.

А какъ бы придумать моему альманаху названіе попроще и получше? Оно затрудняетъ меня.

40.

Спб., февраля 19. Деньги и статьи получилъ. Кѣтчера оттокнуть и откупорить можешь. Ходъ дѣла былъ чрезвычайный. Я, будто мимоходомъ, увѣдомилъ Рощина, предлагавшаго мнѣ взять у него денегъ, что, спасая здоровье и жизнь, бросаю работу журнальную, и прошу только додать мнѣ рублей 50 серебр., остающихся за нимъ по 1 апрѣля. Въ отвѣтъ получаю, что безъ меня онъ не можетъ счесться, что, дескать, придите—обо всемъ переголкуемъ. Прихожу. Сцена была интересная. Онъ явно былъ смущенъ. Не зналъ, какъ начать—думалъ шуткою, да не вышло. Онъ ожидалъ, можетъ быть, что я намекну о недостаточности платы, а я холодно и спокойно заговорилъ о жизни и здоровьѣ. „Да, вѣдь, надо же работать-то".—„Буду дѣлать, что мнѣ пріятно и не стѣсняясь срочностью".—„Гмъ! Какъ же это? Надо подумать объ От. Зап. Что дѣлаетъ Кронебергъ?" — „Не знаю". — „Гмъ! а Некрасовъ?" и т. д. Наконецъ: „не знаете ли кого?" Вообще былъ сконфуженъ сильно, но опасности своей не понимаетъ—это ясно. Онъ смотритъ на меня не какъ на душу своего журнала, а какъ на работящаго вола, котораго трудно замѣнить, но потеря котораго все же не есть потеря всего. Видите ли, онъ не только скупъ, но и тупъ въ соразмѣрности. Теперь понятно, что, платя мнѣ бездѣлицу, онъ искренно считалъ себя моимъ благодѣтелемъ. Въ апрѣлѣ ѣдетъ въ Москву—кажется, переманивать въ Петербургъ Галахова. Желаю успѣха. Сначала я рѣшился отказаться по чувству глубокаго оскорбленія, глубокаго негодованія; а теперь у меня къ нему нѣтъ ничего. Быть съ нимъ вмѣстѣ мнѣ тяжело, потому что я не способенъ играть комедію; но вотъ и все. Ты пишешь, что не знаешь, радоваться или нѣтъ. Отвѣчаю утвердительно: радоваться. Дѣло идетъ не только о здоровьѣ—о жизни и умѣ моемъ. Вѣдь, я тупѣю со дня на день. Памяти нѣтъ, въ головѣ хаосъ отъ рус-

скихъ книгъ. а въ рукѣ всегда готовыя общія мѣста и низенькая манера писать обо всемъ. Ты правъ, что пьеса Некрасова Въ дорогѣ превосходна; онъ написалъ и еще нѣсколько такихъ же и напишетъ ихъ еще больше; но онъ говоритъ, это оттого, что онъ не работаетъ въ журналѣ. Я понимаю это. Отдыхъ и свобода не научатъ меня стихи писать, но дадутъ мнѣ возможность писать такъ хорошо, какъ дано мнѣ писать. А то, вѣдь, я давно уже не пишу... А что я могу прожить и безъ От. З., можетъ быть, еще лучше, это, кажется, ясно. Въ головѣ у меня много дѣльныхъ предпріятій и затѣй, которыя при О. З. никогда бы не выполнить, и у меня есть теперь имя, а это много.

Твоя Сорока-Воровка отзывается анекдотомъ, но разсказана мастерски и производитъ глубокое впечатлѣніе. Разговоръ—прелесть, умно чертовски. Одного боюсь: всю запретятъ. Буду хлопотать, хотя въ душѣ и мало надежды. Мысль Записокъ медика прекрасна, и я увѣренъ, что ты мастерски воспользуешься ею. Статья Даніилъ Галицкій—дѣльный и занимательный монографъ, мнѣ очень нравится. Вѣдь, это г. Соловьева? Почему онъ не выставилъ имени? Узнай стороной и увѣдомь. О статьѣ Кавелина нечего и говорить,—это чудо. И такъ, вы, лѣнивые и бездѣятельные москвичи, оказались исправнѣе нашихъ петербургскихъ скорописцевъ. Спасибо вамъ!

А что мой альманахъ долженъ быть слономъ или левіаѳаномъ, это такъ. Пьеса Некр. Въ дорогѣ нисколько не виновата въ успѣхѣ альманаха. Бѣдные люди—другое дѣло, и то потому, что о нихъ заранѣе прошли слухи. Сперва покупаютъ книгу, а потомъ читаютъ; люди, поступающіе наоборотъ, у насъ рѣдки, да и тѣ покупаютъ не альманахи. Повѣрь мнѣ, между покупателями Пет. Сборн. много, много есть людей, которымъ только и понравится статья Панаева О парижскихъ увеселеніяхъ. Мнѣ рисковать нельзя; мнѣ нуженъ успѣхъ вѣрный и быстрый, нужно, что называется, сорвать банкъ. Одинъ альманахъ разошелся—глядь, за нимъ является другой—покупатели ужъ смотрятъ на него недовѣрчиво. Имъ давай новаго, повтореній они не любятъ. У меня тѣ же имена, кромѣ твоего и Мих. Сем. Когда альманахъ порядкомъ разойдется, тогда статья Кавелина поможетъ его окончательному ходу, а сперва она испугаетъ всѣхъ своимъ названіемъ—скажутъ: ученость, сушь, скука! И такъ, мнѣ остается разсчитывать на множество повѣстей да на толщину баснословную. И вѣрь мнѣ: я не ошибусь. Вы, москвичи, народъ немножко идеальный, вы способны написать или собрать хорошую книгу, но продать ее не ваше дѣло: тутъ вамъ остается только снять шляпу да низко намъ поклониться. Прозаическій переводъ Шекспира—вещь хорошая; но примись Кетчеръ за дѣло поумнѣе, черезъ насъ, у него было бы втрое больше покупателей, пошло бы лучше. И благородная цѣль была бы достигнута вѣрнѣе, и карманъ переводчика чаще бы видѣлся съ Депре. Я знаю только одну книгу, которая не нуждается даже въ объявленіи для столицъ: это 2 ч. Мертвыхъ Душъ. Но, вѣдь, такая книга только одна и была на Руси. Что же до цѣны, альманахъ Некр. очень дешевъ. Вчера и сегодня стоитъ 150 коп. сер., а, вѣдь, дороже Пет. Сборника. Рискнуть потратить на книгу тысячъ пять, да не положить за нее 14 р.—невозможно. Политипажи—дѣло доброе: они вербуютъ тѣхъ покупателей, которые иначе не читаютъ книгъ, какъ только глазами, а для кармана всѣ покупатели хороши. Я въ альм. Некр. знаю толку больше, нежели большая часть купившихъ его, а не купилъ бы его и при деньгахъ, за то купилъ бы

порядочный переводъ Тацита, если бы такой вышелъ, и ты тоже; а покупатели альманаховъ Тацита не купили бы,—и отъ Иліады Гнѣдича сладко спится.

Бѣднаго Языкова постигло страшное несчастье—у него умеръ Саша—чудесный мальчикъ. Бѣдная мать чуть не сошла съ ума, молоко готовилось броситься ей въ голову, она уже заговаривалась. Страшно подумать, смерть двухмѣсячнаго ребенка! Моей дочери только восемь мѣсяцевъ, а я ужъ думаю: если тебѣ суждено умереть, зачѣмъ ты не умерла полгода назадъ? Чего стоитъ матери родить ребенка, чего стоитъ поставить его на ноги, чего стоитъ ребенку пройти черезъ прорѣзываніе зубовъ, крупы, кори, скарлатины, коклюши, поносы, запоры—смерть такъ и бьется за него съ жизнью, и если жизнь побѣждаетъ, то для того, чтобы ребенокъ сдѣлался современемъ чиновникомъ или офицеромъ, барышнею и барынею! Было изъ чего хлопотать!. Смѣшно и страшно! Жизнь наполнена ужаснаго юмора. Бѣдный Языковъ!

Коли мнѣ не ѣхать за границу, такъ и не ѣхать. У меня давно уже нѣтъ жгучихъ желаній и потому мнѣ легко отказываться отъ всего, что не удается. Съ М. С. въ Крымъ и Одессу очень бы хотѣлось; но семейство въ Петербургѣ оставить на лѣто не хочется, а переѣхать ему въ Гапсаль—двойные расходы. Впрочемъ, посмотрю.

Твоему пріѣзду въ апрѣлѣ радъ до-нельзя.

Зачѣмъ ты прислалъ мнѣ диссертацію Надеждина — не понимаю. Развѣ для вѣсу посылки? Это другое дѣло.

Если будешь писать къ Рощину, пиши такъ, чтобы я тутъ былъ въ сторонѣ. И вообще, въ этомъ дѣлѣ всего лучше поступать политично. Наприм., изъяви ему свое искреннее сожалѣніе, что чертовская журнальная работа, разборы букварей, глупыхъ романовъ и тому подобнаго вздору такъ доканали меня, что я принужденъ былъ подумать о спасеніи жизни, и намекни, что, вслѣдствіе этого обстоятельства, ревность многихъ бывшихъ вкладчиковъ О. З. должна теперь охладѣть. Послѣднее особенно нужно ему. Онъ все думаетъ, что вы для него трудились; ему и въ голову не входитъ, что васъ привлекли не лица, не лицо, а благородное по возможности направленіе лучшаго сравнительно журнала. Если хотите, онъ, можетъ быть, думаетъ и это, но только себя считаетъ виновникомъ всего хорошаго въ его журналѣ. Не худо изъявить ему сожалѣніе, что О. З. теперь должны много потерять въ духѣ и направленіи. Ты бы это ловко могъ сдѣлать. Но оскорблять его прямо вовсе не нужно. Вотъ говорить о немъ правду за глаза — это другое дѣло. Да для этого слишкомъ достаточно одного Кетчера.

Ну, пока больше писать не о чемъ. Прощай.

В. Б.

41.

Спб., 1846 г., марта 20. Получилъ я конецъ статьи Кавелина, записки доктора Крупова, отрывокъ М. С. и, наконецъ, статью Мельгунова. И все то благо, все добро. Статья Кавелина—эпоха въ исторіи русской исторіи, съ нея начнется философское изученіе нашей исторіи. Я былъ въ восторгѣ отъ взгляда на Грознаго. Я по какому-то инстинкту всегда думалъ о Грозномъ хорошо, но у меня не было знанія для оправданія моего взгляда.

Записки доктора Крупова — превосходная вещь. Больше пока ничего не скажу. При свиданіи, мнѣ много будетъ говорить съ тобою о

твоемъ талантѣ. Твой талантъ—вещь не шуточная, и если ты будешь писать меньше тома въ годъ, то будешь стоить быть повѣшеннымъ за пальцы. Отрывокъ М. С. — прелесть. Читая его, я будто слушалъ автора, столько же милаго, сколько и толстаго. Статья Мельгунова мнѣ очень понравилась, и очень благодаренъ ему за нее. Особенно мнѣ нравится первая половина и тотъ старый румянцевскій генералъ, который Суворова, Наполеона, Веллингтона и Кутузова называлъ мальчишками. Вообще, въ этой статьѣ много мемуарнаго интереса, — читая ее переносишься въ доброе старое время и впадаешь въ какое-то тихое раздумье. Ты что-то писалъ мнѣ о статьѣ Рулье—не дурно бы, не мѣшало бы и Грановскаго что-нибудь. Чисто-литературныхъ статей у меня теперь по горло — ѣшь не хочу, и потому ученыхъ еще двѣ было бы очень не худо. Имя моему альманаху—Левіаѳанъ. Выйдетъ онъ осенью, но въ цензуру пойдетъ надняхъ и немедленно будетъ печататься.

Насчетъ путешествія съ М. С., — кажется, что поѣду. Мнѣ обѣщаютъ денегъ, и какъ получу, сейчасъ же пишу, что ѣду. Семейство отправляю въ Гапсаль—это и дача въ порядочномъ климатѣ, и курсъ леченія для жены, что̂ будетъ ей очень полезно. Тарантасъ, стоящій на дворѣ М. С. видится мнѣ и днемъ и ночью—это не соллогубовскому тарантасу чета. Святители! сдѣлать верстъ тысячи четыре на югъ, дорогою спать, ѣсть, пить, глазѣть по сторонамъ, ни о чемъ не заботиться, не писать, даже не читать русскихъ книгъ для библіографіи, — да это для меня лучше магометова рая, а гурій не надо—чортъ съ ними!

Рощинъ ѣдетъ въ Москву 2 апрѣля, кажется, переманивать въ Питеръ Галахова. Онъ говоритъ обо мнѣ, какъ о потерянномъ мальчишкѣ, котораго ему жаль; говоритъ, что я никогда не умѣлъ покориться никакому долгу, никакой обязанности. Теперь черезъ Некр. пытаетъ о моихъ дѣлахъ, дѣлаетъ видъ, что принимаетъ участіе, и, кажется, ему хочется, чтобы я взялъ у него денегъ, да нѣтъ же—скорѣй повѣшусь. Вообще, ему, какъ видно, неловко, и онъ сконфуженъ. Слышалъ я, что онъ распространяетъ слухи, что хочетъ мнѣ отказать, какъ человѣку безпокойному и его изданію опасному. Поздно схватился!

Мнѣ непремѣнно нужно знать, когда именно думаетъ ѣхать М. С. Я такъ и буду готовиться. Альманаха при мнѣ напечатается листовъ до 15, остальные безъ меня (я поручаю надежному человѣку), а къ пріѣзду моему онъ будетъ готовъ, а въ октябрѣ выпущу.

Здравствуй Николай Платоновичъ! Наконецъ-то твое возвращеніе—уже не миѳъ. Я былъ на тебя сердитъ и больно, братецъ, а за что—спроси у Герцена, А теперь я хотѣлъ бы поскорѣй увидѣть твою воинообразную наружность и на радости такого созерцанія выпить редереру,—что это за вино, братецъ ты мой! Сатину и всѣмъ вамъ жму руку.

В. Б.

42.

Спб., апрѣля 6. Вчера записалъ было я къ тебѣ письмо, сегодня хотѣлъ кончить, а теперь бросаю его и пишу новое, потому что получилъ твое, котораго такъ долго ждалъ. Признаюсь, я началъ было безпокиться, думая, что и на мою поѣздку на югъ (о которой даже во снѣ брежу) чортъ наложилъ свой хвостъ. Что̂ ты мнѣ толкуешь о важности и пользѣ для меня отъ этой поѣздки? Я самъ слишкомъ хорошо понимаю это, и ѣду не только за здоровьемъ, но и за жизнью. Дорога, воздухъ, климатъ, лѣнь, законная праздность, беззаботность, новые

предметы, и все это-бъ съ такимъ спутникомъ, какъ М. С., да я от одной мысли объ этомъ чувствую себя здоровѣе. И мой докторъ (очен хорошій докторъ, хотя и не Круповъ) сказалъ мнѣ, что, по роду мое болѣзни, такая поѣздка лучше всякихъ лѣкарствъ и леченій. И такъ М. С. ѣдетъ рѣшительно, и я знаю теперь, когда я могу готовиться Развѣ только что-нибудь непредвидѣнное и необыкновенное заставит меня отказаться; но, во всякомъ случаѣ, я надняхъ беру мѣсто в маль-постъ. Вчера я именно о томъ и писалъ къ тебѣ, чтобы ты как можно скорѣе увѣдомилъ меня, ѣдетъ ли М. С. и когда именно. Вот почему сегодняшнее письмо твое ужасно обрадовало меня, такъ что куда дѣвалась лѣнь, и я сейчасъ же сѣлъ писать отвѣтъ, несмотря на то, что А. А. Т. ѣдетъ во вторникъ. Извѣстіе объ обрѣтеніи явленныхъ 500 р.—тоже не послѣднее обстоятельство въ письмѣ твоемъ, меня обрадовавшее. Только этихъ денегъ ты мнѣ не высылай, а отдай мнѣ ихъ въ Москвѣ. Оно проще и хлопотъ меньше, можетъ быть, станетъ ихъ на мѣсяцъ и по пріѣздѣ въ Питеръ, а тамъ—что будетъ, то и будетъ, а пока—vogue la galère! Нашему брату, подлецу, т. е. нищему, а не то, чтобы мошеннику, даже полезно иногда довѣриться случаю и положиться на авось. Дѣлать-то больше нечего, а, притомъ, если такая поведенція можетъ сгубить, то она же иногда можетъ и спасти.

Ну, братецъ ты мой, спасибо тебѣ за интермессо къ Кто виноватъ? Я изъ нея окончательно убѣдился, что ты—большой человѣкъ въ нашей литературѣ, а не диллетантъ, не партизанъ, не наѣздникъ отъ нечего дѣлать. Ты не поэтъ: объ этомъ смѣшно и толковать; но, вѣдь, и Вольтеръ не былъ поэтъ не только въ Генріядѣ, но и въ Кандидѣ, однако, его Кандидъ потягается въ долговѣчности со многими великими художественными созданіями, а многія невеликія уже пережилъ и еще больше переживетъ ихъ. У художественныхъ натуръ умъ уходитъ въ талантъ, въ творческую фантазію, и потому въ своихъ твореніяхъ, какъ поэты, они страшно, огромно умны, а какъ люди—ограниченны и чуть не глупы (Пушкинъ, Гоголь). У тебя, какъ у натуры, по преимуществу, мыслящей и сознательной, наоборотъ—талантъ и фантазія ушли въ умъ, оживленный и согрѣтый, такъ сказать, осердеченный гуманистическимъ направленіемъ, не привитымъ и не вычитаннымъ, а присущимъ твоей натурѣ. У тебя страшно много ума, такъ много, что я и не знаю, зачѣмъ его столько одному человѣку; у тебя много и таланта, и фантазіи, но не того чистаго и самостоятельнаго таланта, который все родитъ самъ изъ себя и пользуется умомъ, какъ низшимъ подчиненнымъ ему началомъ,—нѣтъ, твой талантъ—чортъ его знаетъ—такой же бастардъ или пасынокъ, въ отношеніи къ твоей натурѣ, какъ и умъ, въ отношеніи къ художественнымъ натурамъ. Не умѣю яснѣе выразиться, но увѣренъ, что ты поймешь это лучше меня (если еще не думалъ объ этомъ вопросѣ) и мнѣ же выскажешь это, такъ ясно и опредѣленно, что я закричу: эврика! эврика! Есть умы чисто-спекулятивные, для которыхъ мышленіе почти то же, чистая математика, и вотъ, когда такіе умы принимаются за поэзію, у нихъ выходятъ аллегоріи, которыя тѣмъ глупѣе, чѣмъ умнѣе. Сочетаніе сухаго и даже влажнаго и теплаго ума съ бездарностью родитъ камни и полѣна, которые показывала, вмѣсто дѣтей, Рея Кроносу. Но у тебя при умѣ живомъ и осердеченномъ есть своего рода талантъ; въ чемъ онъ состоитъ, не умѣю сказать, но дѣло въ томъ, что я глупѣе тебя на много разъ, искуство (если не ошибаюсь) мнѣ роднѣе, чѣмъ тебѣ, фантазія

у меня преобладаетъ надъ умомъ, и, кажись, по всему этому, такому своего рода таланту скорѣе слѣдовало бы быть у меня, чѣмъ у тебя (уже по одному тому, что тебѣ читать Канта, Гегелеву феноменологію и логику ни почемъ, а у меня трещитъ голова иногда и отъ твоихъ философскихъ статей), а вотъ у меня такого своего рода таланта ни больше, ни меньше, какъ настолько, сколько нужно, чтобы понять, оцѣнить и полюбить твой талантъ. И такія таланты необходимы и полезны не менѣе художественныхъ. Если ты лѣтъ въ десять напишешь три—четыре томика, поплотнѣе и порядочнаго размѣра ты, — большое имя въ нашей литературѣ, и попадешь не только въ исторію русской литературы, но и въ исторію Карамзина. Ты можешь оказать сильное и благодѣтельное вліяніе на современность. У тебя свой особенный родъ, подъ который поддѣлываться такъ же опасно, какъ и подъ произведенія истиннаго художества. Какъ Носъ въ гоголевской повѣсти того же имени, ты можешь сказать о себѣ: „Я самъ по себѣ!" Дѣятельныя идеи и талантливое живое ихъ воплощеніе — великое дѣло, но только тогда, когда все это неразрывно связано съ личностью автора и относится къ ней, какъ изображеніе на сургучѣ относится къ выдавившей его печати. Этимъ-то ты и берешь. У тебя все оригинально, все свое—даже недостатки. Но поэтому-то и недостатки у тебя часто обращаются въ достоинства. Такъ, наприм., къ числу твоихъ личныхъ недостатковъ принадлежитъ страстишка безпрестанно острить, но въ твоихъ повѣстяхъ такого рода выходки бываютъ удивительно хороши. Пиши, братъ, пиши, какъ можно больше пиши, не для себя, а для дѣла: у тебя такой талантъ, за скрытіе котораго ты вполнѣ заслужилъ бы проклятіе.

А объ Рощинѣ и О. З. ты напрасно хлопочешь За себя лично и за другихъ я могу бояться худа; но въ отношеніи къ общему дѣлу я предпочитаю быть оптимистомъ. Тебя смущаетъ, что въ литературѣ не останется органа благородныхъ и умныхъ убѣжденій. Это и такъ. да не такъ. Я увѣренъ, что не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ я буду полнымъ редакторомъ журнала. Спекулянты не упустятъ основать журналъ разсчитывая именно на меня. Обо мнѣ теперь знаютъ многіе такіе, которые ничего не читаютъ, и они смотрятъ на меня съ уваженіемъ, какъ на человѣка, одареннаго добродѣльною способностью дѣлать другихъ богатыми, оставаясь нищимъ. О. З. уже стары, и въ нихъ я самъ старъ, потому что, наладившись разъ, какъ-то противъ моей воли, иду одною и тою же походкой. Я связанъ съ этимъ журналомъ своего рода преданіемъ: привыкъ щадить людей важныхъ только для него, и вообще держаться тона не всегда моего, а часто тона журнала. Вѣдь, и Рощинъ не могъ же не отразить своей личности въ своемъ журналѣ. Мнѣ надо отдохнуть, во-первыхъ, для спасенія жизни и возстановленія (возможнаго) здоровья, а, во-вторыхъ, и для того, чтобы стрясти съ сандалій моихъ прахъ О. З., забыть, что я образовалъ съ ними когда-то сіамскихъ близнецовъ. Кромѣ того, у меня на памяти много грѣховъ, надѣланныхъ во время оно въ О. З. И какъ хорошо, что мои статьи печатались безъ имени, и я въ новомъ журналѣ всегда могу отпереться отъ того, что говорилъ въ старь, еслибъ меня стали уличать! Жизнь— премудрая вещь; иногда перемѣна квартиры освѣжаетъ человѣка нравственно. Повѣрь мнѣ, что всѣ мы въ новомъ журналѣ будемъ тѣ же, да не тѣ, и новый журналъ не будетъ О. З. не по одному имени. Я надѣюсь, что буду издавать журналъ. А съ Рощинымъ мнѣ дѣлать не-

чего. Это страшно ожесточенный эгоистъ, для котораго люди—средство и либерализмъ—средство. Онъ очень уменъ по-своему и на Чичикова смотритъ совсѣмъ не какъ на генія, какъ смотримъ на него всѣ мы, а какъ на своего брата Кондрата. Но въ литературѣ онъ человѣкъ тупой круглый невѣжда. Не пошли ему меня его счастливая звѣзда, его мерзкія О. З. лопнули бы на второмъ годѣ. Повторяю: личность его не могла не отразиться на О. З., и вотъ причина, почему въ нихъ такъ много балласту, почему толщину ихъ всѣ ставятъ въ порокъ и почему короче, онѣ такъ гадки, не смотря на участіе въ нихъ мое и многихъ порядочныхъ людей. Я же не могу быть съ человѣкомъ на торговыхъ отношеніяхъ. Вотъ другое дѣло, еслибъ хозяиномъ О. З. былъ Коршъ, я готовъ бы остаться навсегда работникомъ этого журнала. Къ Рощину у меня никогда не лежало сердце, но все же думалъ о немъ лучше. чего онъ стоилъ. Оставаясь при немъ я долженъ лицемѣрить, на что у меня нѣтъ ни охоты, ни умѣнья. А писать у него изрѣдка — вздоръ, дудки. Ему самому смертельно хочется этого, и онъ ужъ подъѣзжалъ ко мнѣ чрезъ Панаева, да не надуетъ. У него разсчетъ вѣрный: я напишу ему въ годъ рецензій десятка два (разумѣется, столько хорошихъ, сколько это въ моихъ средствахъ), да статьи три-четыре: направленіе и духъ журнала спасется, а я за это получу много-много рублей 500 серебромъ въ годъ. Кто же въ дуракахъ-то? А, между тѣмъ, хоть и меньше. а все срочная работа, а я изъ-за нея своего дѣла не буду дѣлать, а отъ его работы сытъ не буду. Онъ теперь мечется то къ тому то къ другому, и никого не находитъ. Заказалъ статью Милановскому, котораго уже не разъ гонялъ отъ себя по шеѣ, какъ пустаго и гадкаго мальчишку. Не знаю, что будетъ впередъ, а пока я просто изумленъ тѣмъ, какъ имя мое вездѣ извѣстно и въ какомъ оно почетѣ у россійской публики: этого мнѣ и во снѣ не снилось. Вѣсть о разрывѣ давно уже прошла и въ провинцію. Всѣ подлецы и филистимляне петербургскіе (даже и совсѣмъ не литературные) въ восторгѣ, что у О. З. волоса обрѣзаны, а сыны Израиля печалятся объ этомъ. Р. этого не ожидалъ. Но теперь онъ, кажется, все понялъ, но, думая что я играю съ нимъ комедію, хочетъ выждать и переломить меня. Посмотримъ. Въ Москву онъ не поѣхалъ. У него образовалась фистула и онъ вытерпѣлъ довольно мучительную операцію, и теперь лежитъ. Но, вѣроятно, оправившись поѣдетъ надувать Галахова. Съ Богомъ!

Кончаю письмо извѣстіемъ, что мы съ Некрасовымъ взяли билетъ въ маль-постъ на 26 апрѣля.

В. Б.

43.

Одесса, 1846 г., іюля 4. Вчера получилъ письмо твое, любезный Герценъ, за которое тебѣ большое спасибо. Насчетъ перваго пункта вполнѣ полагаюсь на тебя; не забывай только одного — распорядиться въ томъ случаѣ, если мы разъѣдемся.

Мои путевыя впечатлѣнія собственно будутъ вовсе не путевыми впечатлѣніями, какъ твои письма объ изученіи природы—вовсе не объ изученіи природы—письма. Ты самъ знаешь, что и много ли можно сказать у насъ о томъ, что замѣтишь и чѣмъ впечатлишься въ дорогѣ. И такъ, путевыя впечатлѣнія у меня будутъ только рамкой статьи или лучше сказать, придиркой къ ней. Они будутъ состоять больше въ толкахъ о скверной погодѣ и еще сквернѣйшихъ дорогахъ. А буду писать я вотъ о чемъ:

1. О театрѣ русскомъ, причинахъ его гнуснаго состоянія и причинахъ скораго и совершеннаго паденія сценическаго искусства въ Россіи. Тутъ будетъ сказано многое изъ того, что уже было говорено и другими, и мною, но предметъ будетъ разсмотрѣнъ á fond. М. С. игралъ въ Калугѣ, Харьковѣ, теперь играетъ въ Одессѣ, а можетъ быть, будетъ играть въ Николаевѣ, Севастополѣ, Симферополѣ и чортъ знаетъ гдѣ еще. Я видѣлъ много, ходя и на репетиціи, и на представленія, толкаясь между актерами. Сверхъ того, М. С. преусердно снабжаетъ меня комментаріями и фактами, что все будетъ ново и сильно.

2. Въ Харьковѣ я прочелъ Московскій Сборникъ: луплю и наяриваю объ немъ. Статья Самарина умна и зла, даже дѣльна, не смотря на то, что авторъ отправляется отъ неблагопристойнаго принципа кротости и смиренія, и, подлецъ, зацѣпляетъ меня въ лицѣ О. З. Какъ умно и зло казнитъ онъ аристократическія замашки Соллогуба! Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, даровитымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, будучи славянофиломъ. За то Хомяковъ—я жъ его, ракалію! Дамъ я ему зацѣплять меня, узнаетъ онъ мои крючки! Ну, ужъ статья! Вотъ безталанный ерникъ! Потѣшусь, чувствую, что потѣшусь.

3. Я не читалъ еще ругательства Сенковскаго, но радъ ему, какъ новому матеріалу для моей статьи.

Изъ этого видишь, что моя статья будетъ журнально-фельетонною болтовней о всякой всячинѣ, сдобренною полемическимъ задоромъ. Ужь сдобрю.

Въ Калугѣ столкнулся я съ Иваномъ Аксаковымъ. Славный юноша! Славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ. Вообще, я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами дѣйствительно могутъ быть порядочные люди. Грустно мнѣ думать такъ, но истина впереди всего!

Здоровье мое лучше. Я, конечно, свѣжъ и замѣтно крѣпче, но кашель все еще и не думаетъ оставлять меня. Съ 25 іюня начались было въ Одессѣ жары, но съ 30 опять посвѣжѣло; впрочемъ, все тепло, такъ что ночью потѣешь въ легкомъ пальто. Началъ было я читать Данта, т.-е. купаться въ морѣ, да кровь прилила къ груди, и я цѣлое утро харкалъ кровью; докторъ велѣлъ на время прекратить купанья.

Вотъ что скверно. Послѣднія два письма отъ жены получилъ я въ Харьковѣ, отъ 22 и 27 мая, въ обоихъ она жалуется на огорченія и лихорадку; а съ тѣхъ поръ до сей минуты не получаю ни строки и не знаю, что съ нею дѣлается, тоска! Безъ этого мнѣ было бы весело far niente.

Соколовъ—славный малый, но впалъ въ провинціальное прекраснодушіе. Оттого, что ты въ письмѣ ко мнѣ не упомянулъ о немъ, чуть не расплакался. О, провинція—ужасная вещь! Одесса лучше всѣхъ губернскихъ городовъ, это—рѣшительно третья столица Россіи, очаровательный городъ, но—для проходящихъ. Остаться жить въ ней—гибель,

Натальѣ Александровнѣ мой поклонъ. А чтожъ ты не пишешь: гдѣ теперь пьетъ Огаревъ и селадонствуетъ Сатинъ? Всѣмъ нашимъ жму руку. Что ты не сообщилъ мнѣ ни одной новой остроты Корша? Поклонись отъ меня его семейству и не сказывай Марьѣ Ѳедоровнѣ, что меня безпокоитъ неизвѣстность о положеніи моего семейства: она, пожалуй, сочтетъ меня за примѣрнаго (!) семьянина, а такое мнѣніе съ

ея стороны хуже самой злой остроты Корша. Если не поклонишься скажи имъ что-нибудь.

В. Б.

М. С. страдаетъ отъ одескихъ жаровъ и своего чрева,—насилу носитъ его. Вамъ всѣмъ кланяется, а жертву своего обольщенія, Марью Кашперовну, цѣлуетъ—такой шалунъ!

44.

Симферополь, 1846 г., сентября 6. Здравствуй, любезный Герценъ! Пишу къ тебѣ изъ тридевятаго царства, чтобы зналъ ты, что мы еще существуемъ на бѣломъ свѣтѣ, хотя онъ и кажется намъ куда какъ чернымъ. Въѣхавши въ крымскія степи, мы увидѣли три новыя для насъ націи: крымскихъ барановъ, крымскихъ верблюдовъ и крымскихъ татаръ. Я думаю, что это разные виды одного и того же рода, разныя колѣна одного племени,—такъ много общаго въ ихъ физіономіи. *Если* они говорятъ и не однимъ языкомъ, то, тѣмъ не менѣе, хорошо понимаютъ другъ друга. А смотрятъ рѣшительно славянофилами. *Но*—увы!—въ лицѣ татаръ даже и настоящее, коренное, восточное, патріархальное славянофильство поколебалось отъ вліянія лукаваго Запада: татары большею частью носятъ на головѣ длинные волосы, а бороду брѣютъ! Только бараны и верблюды упорно держатся святыхъ праотеческихъ обычаевъ временъ Кошихина: своего мнѣнія не имѣютъ, буйной воли и буйнаго разума боятся пуще чумы и безконечно уважаютъ старшаго въ родѣ, т.-е. татарина, позволяя ему вести себя куда угодно и не позволяя себѣ спросить его, почему, будучи ничѣмъ не умнѣе ихъ, гоняетъ онъ ихъ съ мѣста на мѣсто? Словомъ, принципъ смиренія и кротости постигнутъ ими въ совершенствѣ, и на этотъ счетъ они могли бы проблеять что-нибудь поинтереснѣе того, что блеетъ Шевырко и вся почтенная славянофильская братія.

Не смотря на то, Симферополь, по своему мѣстоположенію, очень миленькій городокъ: онъ не въ горахъ, но отъ него начинаются горы и изъ него видна вершина Чатыръ-Дага. Послѣ степей Новороссіи, обожженныхъ солнцемъ, пыльныхъ и голыхъ, я бы видѣлъ себя теперь какъ бы въ новомъ мірѣ, еслибъ не страшный припадокъ геморроя, который теперь проходитъ, а мучить началъ меня съ 24 числа прошлаго мѣсяца.

Настоящая цѣль этого письма—напомнить всѣмъ вамъ о Букиньонѣ или Букильонѣ,—пьесѣ, которую Сатинъ видѣлъ въ Парижѣ и о которой онъ говорилъ Михаилу Семеновичу, какъ о такой пьесѣ, въ которой для него есть хорошая роль. А онъ давно уже подумываетъ о своемъ бенефисѣ и хотѣлъ бы узнать во время, до какой степени можетъ онъ надѣяться на ваше содѣйствіе въ этомъ случаѣ.

Нѣтъ! Я не путешественникъ, особливо по степямъ. Напишешь домой письмо—и получаешь отвѣтъ на него черезъ полтора мѣсяца: слуга покорный пускаться впредь въ такія Австраліи!

Когда ты будешь читать это письмо, я уже, вѣроятно, буду на пути въ Москву. По сіе время еще не пришли въ Симферополь О. З. и Б. для Ч. за августъ. Прощай. Кланяюсь всѣмъ нашимъ и остаюсь жаждущій увидѣться съ ними поскорѣй

В. Бѣлинскій.

P.S. Не знаю, привезу ли съ собою здоровья; но ужъ бороду непремѣнно привезу: вышла, братецъ, бородка весьма недурная.

Въ заключеніе писемъ Бѣлинскаго слѣдуетъ напомнить, что альманаха онъ не издалъ, а статьи, собранныя и приготовленныя для него, передалъ въ Современникъ, который купили у Плетнева Панаевъ и Некрасовъ и въ которомъ положеніе Бѣлинскаго мало измѣнилось противъ положенія въ Отечественныхъ Запискахъ.

1846—1847.

VIII.

Къ женѣ [1]).

45.

Москва. 1846, мая 1.

Вотъ уже четвертый день, какъ я въ Москвѣ, и все еще не могу оправиться отъ проклятой дороги. Холодъ, дождь, слякоть, невозможность прилечь, необходимость сидѣть, все это порядочно измучило меня. Часто дождь проникалъ къ намъ сквозь стеклянную складную стору и живописно струился по ногамъ. Не возьми я зимнихъ панталонъ и тулупа, я погибъ бы. Погода въ Москвѣ такая же, какъ и въ Петербургѣ. Вчера было солнце, но въ то же время было вѣтрено и холодно. Сегодня, первое мая, рѣшительно октябрьскій день. Мочи нѣтъ, какъ все это гадко. Ни зелени, ни деревьевъ—глубокая осень.

Дорога до того испорчена, особенно между Клиномъ и Москвою, что мы пріѣхали въ воскресенье въ 6 часовъ вечера. Друзья мои дожидались меня въ почтамтѣ съ двухъ часовъ. Принятъ я былъ до того ласково и радушно, что это глубоко меня тронуло, хотя я и привыкъ къ дружескому вниманію порядочныхъ людей. Безо всякой ложной скромности скажу, что мнѣ часто приходитъ въ голову мысль, что я не стою такого вниманія. Что это за добрый, за радушный народъ москвичи! Что за добрѣйшая душа Герценъ! Какъ бы я желалъ, чтобы ты, Marie, познакомилась съ нимъ. Да и всѣ они—что за славный народъ! Лучше, т.-е. оригинальнѣе принялъ меня Михаилъ Семеновичъ: готовясь облобызаться со мною, онъ пресерьезно сказалъ: какая мерзость! Онъ глубоко презираетъ всѣхъ худыхъ и тонкихъ. Дамы просто носятъ меня на рукахъ, братецъ ты мой: озябну, укутываютъ своими шалями, надѣваютъ на меня свои мантильи, приносятъ мнѣ подушки, подаютъ стулья. Таковы права старости, другъ мой! Впрочемъ, Наталья Александровна (къ которой я питаю какое-то немножко восторженно-идеальное чувство) нашла, что я похорошѣлъ (замѣть это) и поздоровѣлъ. Она такъ была мнѣ рада, что я даже почувствовалъ къ себѣ нѣкоторое уваженіе. Вотъ какъ!

Ѣдемъ мы 16, 17 или 18 мая, не прежде. Боюсь, что возвратимся довольно поздно. М. С. хочетъ лѣчиться, кромѣ купанья, и виноградомъ. Это и мнѣ будетъ очень полезно.

---

[1]) „Памяти Бѣлинскаго“, литературный сборникъ 1899 г. (Русскія Вѣдомости). 1898 г. „Братская помощь“ пострад. въ Турціи армянамъ.

Сегодня поѣду къ твоему отцу, а завтра увижусь съ Галаховым Кстати: завтра друзья мои даютъ мнѣ торжественный обѣдъ. На-днях (какъ назначитъ Галаховъ) увижусь съ Остроумовой. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя письма. Объ Олѣ не могу вспомнить безъ безпокойства такъ все и кажется, что мой баранъ нездоровъ. Въ пятницу или субботу опять буду писать къ тебѣ. А пока прощай, будь здорова и спокойна. Крѣпко жму твою руку.

Твой Бѣлинскій.

46.

Москва. 1846, мая 4.

Вотъ уже недѣля, какъ я живу въ Москвѣ, а отъ тебя все ни строки. Это начинаетъ меня сильно безпокоить. Все кажется, что тó больна ты, тó—плохо съ Ольгою, тó нельзя вамъ выѣхать по множеству хлопотъ, тó терпите вы отъ грубости людей. Такъ всякая дрянь и лѣзетъ въ голову и отнимаетъ веселье, а безъ этого мнѣ было бы въ Москвѣ довольно весело. Когда получу твое письмо, и въ немъ не будетъ ничего непріятнаго, то мнѣ будетъ настоящимъ образомъ весело.

Погода въ Москвѣ до сихъ поръ—ужасъ. Сегодня ночью шелъ сильный снѣгъ. Отъ такой погоды здоровъ не будешь. Особеннаго ничего не чувствую, а все-таки такъ нехорошо, и все отъ проклятой погоды. Въ прошломъ письмѣ моемъ я забылъ сказать тебѣ, что хваленая прочная пломбировка почти вся повыпала еще дорогою, отъ употребленія пищи, но безъ всякаго участія пера или другого зубочистительнаго орудія. Уцѣлѣла только въ нижнемъ зубу, и то сверху сошла. Ай да шарлатаны, чортъ ихъ возьми! Былъ у твоего „дражайшаго". Почтенный человѣкъ! Вотъ истинный-то представитель отсутствія добра и зла, олицетворенная пустота! Онъ, впрочемъ, былъ мнѣ радъ, и много суетился, угощая меня чаемъ. Я ему—объ васъ съ Агриппиной, а онъ все о себѣ—такъ и лупитъ, такъ и наяриваетъ. Только объ Ольгѣ послушалъ минуты двѣ не безъ удовольствія. Я разсказалъ ему о твоихъ родахъ, и заключилъ, что, несмотря на гнустность бабки, дѣло кончилось все-таки хорошо.—А Богъ-то на что! сказалъ онъ мнѣ съ убѣжденіемъ.—Да, никто, какъ Богъ!—отвѣчалъ я ему съ умиленіемъ. Живетъ онъ бѣдно, и страшно трусить смерти его княжны, угрожающей ему монастыремъ. Буду у него еще разъ и позову къ себѣ обѣдать. У Н. И. О. еще не былъ, а буду во вторникъ—такъ назначилъ Галаховъ.

Здѣшній кружокъ живѣе нашего, и здѣшнія дамы тоже поживѣе нашихъ (благодари за комплиментъ). И для отдыха Москва вообще чудный городъ. Впрочемъ, и то сказать, теперь какъ нарочно всѣ съѣхались сюда въ одно время, и отъ того весело. Сегодня даютъ мнѣ обѣдъ; ему надо было быть въ четвергъ, да по болѣзни Корша отложили до сегодня, а Коршъ-то все-таки не выздоровѣлъ.

Я ужъ не знаю, о чемъ больше и писать. И потому въ ожиданіи извѣстія отъ тебя, ma chère Marie, и въ чаяніи, что васъ уже нѣтъ въ Питерѣ,—писать больше не буду до выѣзда изъ Москвы. Жму всѣмъ вамъ руки и отъ души всѣхъ васъ цѣлую—о собачкѣ я не говорю. Малкѣ кланяюсь. Прощай.

В. Бѣлинскій.

47.

Москва, 1846, мая 7.

Наконецъ я имѣю о васъ нѣчто въ родѣ извѣстія. По крайней мѣрѣ, Тургеневъ увѣдомилъ меня, что вы всѣ здоровы, и сказалъ мнѣ, что вы отправляетесь изъ Петербурга 11-го мая. Стало-быть, это письмо получишь ты наканунѣ своего отъѣзда, въ пятницу. Надѣюсь, что въ этотъ день ты отправишь ко мнѣ письмо. Я ѣду 15 или 16. Къ 1-му іюня будемъ мы въ Харьковѣ, куда ты и можешь писать, по слѣдующему адресу: Его Высокоблагородію Николаю Дмитріевичу Алфераки; въ собственномъ домѣ. (Pour remettre à M-r Belinsky). Изъ Харькова я увѣдомлю тебя, куда опять можешь ты писать ко мнѣ. Затѣмъ прощай. Сегодня ѣду къ Остроумовой.

В. Бѣлинскій.

48.

Москва. 1846, мая 7.

Сейчасъ только (въ 4 часа) прочелъ письмо твое, chère Marie, воротившись домой для фрака и шляпы, необходимыхъ для посѣщенія Н. И. О. Прочелъ—и порадовался: вы всѣ скучаете, но здоровы, у Ольги появился 6-й зубъ, и ничего худаго не случилось. Худо только то, что у тебя, кажется, не опредѣленъ еще день отъѣзда; по крайней мѣрѣ, ты объ этомъ ничего не говоришь мнѣ. Странные мы съ тобою, братецъ ты мой, люди: живемъ вмѣстѣ—не уживаемся, а врозь скучаемъ. Вотъ и я: мнѣ не скучно, я гуляю, ѣмъ, пью, ничего не дѣлаю, дамы со мною любезны до нельзя—кажется, тутъ и грѣшно и стыдно было бы помнить, что женатъ и есть жена, а вѣдь помнится. Да это еще куда бы ни шло, а то вѣдь хотѣлось бы увидѣться, какъ будто и Богъ вѣсть какъ давно не видались. Поэтому, я думаю, что для поддержанія супружескаго благосостоянія необходимы частыя разлуки. Разлука сглаживаетъ всѣ неровности отсутствующаго и дѣлаетъ яснѣе его хорошія стороны. Но это пока въ сторону. Не знаю, получишь ли ты это письмо, если отправляешься въ субботу 11-го. Авось либо! Но писать больше не буду, если не получу отъ тебя письма объ отсрочкѣ отъѣзда. А собачка—грустила обо мнѣ, бѣдненькая! Но за то скоро забыла, глупенькая! Берегите ее отъ простуды.—Дочь Иванова застужена при прорѣзываніи глазныхъ зубовъ, и отъ того получила воспаленіе въ мозгу и лишилась зрѣнія. Страшно и больно смотрѣть—а ребенокъ полный и здоровый. Это письмо пойдетъ завтра (8, въ середу) и завтра же докончу его.

Мая 8.

Боясь, что письмо, это не застанетъ тебя въ Питерѣ, посылаю его на имя Маслова (Ив. Ильичъ), чтобы, въ случаѣ твоего отъѣзда, онъ переслалъ его въ Гапсаль. Вчера былъ у Н. И. О чемъ болтали мы, можешь догадаться. Она умна, у нея на многое есть чутье. Надъ драматическою пьесою Кудрявцева она смѣется. Вообще, Н. И.—не будь она погребена въ этомъ монастырѣ, была бы очень порядочною особою. Когда я съ нею раскланивался, появилась гнусная рожа Шихларевой: боюсь во снѣ увидѣть—стошнитъ. Письмо твое пришло въ Москву 5-го, а почталіонъ принесъ его 7-го. Москва городъ патріархальный, и въ ней все зависитъ отъ воли всѣхъ и каждаго, а получающіе письма зависятъ отъ прихода почталіоновъ. Извощики въ Москвѣ страшно де-

шевы, но ночныхъ нѣтъ, и ходить ночью въ Москвѣ опасно. Меня чуть было не прибилъ одинъ пьяный. И потому, кто хочетъ провести вечеръ въ гостяхъ, долженъ нанимать извощика на вечеръ.

Здоровье мое сносно и, мнѣ кажется, даже нѣсколько лучше, чѣмъ было въ Питерѣ. Михаила Семеновича держитъ въ Москвѣ бенефисъ Мартынова, который будетъ 14 или 15 мая, а на другой день мы ѣдемъ. Въ Крыму, можетъ быть, ему отведутъ покои въ Алупкѣ, зáмкѣ князя Воронцова, и мы тамъ будемъ съ нимъ упражняться въ купаніи въ морѣ и въ пожираніи винограда. По пріѣздѣ въ Гапсаль напиши ко мнѣ большое письмо, означь свой адресъ, опиши, какъ вы собирались и убирались, какъ ѣхали и доѣхали, и какъ устроились въ Гапсалѣ. Пошли письмо такъ, чтобы оно дошло въ Харьковъ (на имя Его Высокоблагородія Николая Дмитріевича Алфераки, въ собств. домъ, для передачи мнѣ) къ 1-му іюня; получивъ его, я напишу къ тебѣ изъ Харькова, куда писать тебѣ. Прощай. Агриппинѣ жму руку, и всѣхъ васъ цѣлую.

В. Бѣлинскій.

Печать я взялъ съ собою Наполеона.

49.

Москва 1846, мая 14.

Послѣднее письмо твое (отъ 9 мая) столько же огорчило меня, сколько доставило мнѣ радости предпослѣднее (отъ 6 мая). Мерзости, какія дѣлаетъ съ тобою управляющій Лопатина, дѣйствительно возмутительны, но для меня еще тяжелѣе та раздражительность, съ которою ты принимаешь ихъ. Не спорю: тяжело, досадно, гадко, но все же не вижу тутъ достаточной причины доходить до отчаянія, до разстройства здоровья, именно въ ту минуту, когда здоровье особенно нужно. Я обрадовался, увидя твое письмо, но мнѣ стало грустно и какъ-то неловко, когда я прочелъ его. Я какъ будто вижу тебя передъ собою въ этомъ письмѣ: ты встревожена, раздражена,—и все тебѣ кажется не такъ, нехорошо. Ты начинаешь съ того, что ты „никогда не говорила мнѣ, чтобы я въ „дражайшемъ“ нашелъ что-нибудь лучше того, что нашелъ“. Да я и писалъ къ тебѣ о немъ нисколько не въ тонѣ возраженія противъ тебя, а просто передавалъ тебѣ впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на меня. Я былъ уже заранѣе предубѣжденъ противъ него, хорошаго ничего не ожидалъ, ѣхалъ къ нему не для него, а для тебя, и нисколько не раскаиваюсь, что былъ у него. Тебѣ показалось, что я не получалъ твоихъ писемъ: ясно, что ты не разочла, что наши письма сперва разъѣзжались въ дорогѣ, а потому мы оба и упрекали другъ друга въ молчаніи. Но я твои получилъ всѣ, и первое, отъ 2-го мая. Ради всего святаго для обоихъ насъ, успокойся, Marie, и не давай себѣ выходить изъ себя по причинѣ дѣйствительно досадныхъ, но въ то же время и мелкихъ неудовольствій. 7-й зубъ Ольги гораздо важнѣе и двухъ цѣлковыхъ, которые содралъ съ тебя управляющій, и 30 рублей за клеенки и шкафъ, а ты къ этому зубу присоединила еще боль въ своей груди и дошла до возможности слечь въ постель. Я ѣду въ четвергъ (16-го мая), и если сегодня или завтра не получу отъ тебя болѣе утѣшительнаго письма, то дорога моя не будетъ весела. Зная твой характеръ, я не шутя боюсь, чтобы ты не слегла въ постель, если уже къ бывшимъ непріятностямъ прибавится еще какая-нибудь мелочь, а тутъ еще у меня на умѣ 7-ой зубъ... Тяжело.

Здоровье мое пока лучше, чѣмъ было въ Питерѣ. Съ 8-го мая на-

лась въ Москвѣ теплая погода, и теперь такъ хорошо, что даже ночью хнетъ весною. Я зябъ не потому, что простудился, а потому, что всѣ бли отъ холода, а теперь не зябну, а потѣю и блаженствую отъ жару.

Твои неудачи въ отъѣздѣ произошли отъ того, что ты не хотѣла ранѣе взять билетъ, какъ это дѣлаютъ всѣ. Но ужъ дѣло сдѣлано, лишь бы только выѣхать. Не знаю, получу ли отъ тебя письмо се- дня. Боюсь, чтобы оно не пришло послѣ завтра, въ день отъѣзда ъ четвергъ). А это письмо адресую на имя Маслова, тоже изъ боязни, о оно, придя въ день твоего отъѣзда, не попадетъ въ твои руки. Я дѣлся съ Тютчевыми, и они много меня порадовали извѣстіемъ о со- яніи, въ которомъ оставили васъ; но въ тотъ же день (т.-е. вчера) лучилъ я твое письмо... У Александры Петровны (Тютчевой) раз- лѣлись глаза, и по этой причинѣ они проживутъ нѣсколько дней въ оскве. Насчетъ адреса въ Харьковъ—адресуй письма ко мнѣ, какъ нешь. Я и забылъ было о Кронебергѣ. Это все равно. Скажи Маслову, о Некрасовъ будетъ въ Питерѣ въ половинѣ іюля, и попроси его оженное здѣсь письмо доставить по адресу хоть черезъ Майковыхъ, ли онъ не знаетъ, гдѣ живетъ Гончаровъ.

Еще разъ прошу тебя, милая Marie, быть спокойнѣе и беречь себя ъ губительнаго вліянія, какое на тебя имѣютъ petites misères de la vie maine. Не думай, что т о л ь к о съ тобою случаются такія бѣды. Чортъ ъ ними, съ такими бѣдами, лишь (бы) судьба пощадила отъ такихъ, кія обрушились надъ Языковыми. Прощай.

Т в о й Б ѣ л и н с к і й.

50.

Харьковъ. 1846, іюня 10.

Вообрази—какую я сдѣлалъ глупость: послалъ къ тебѣ письмо изъ алуги, въ Гапсаль, на твое имя, думая, что ты непремѣнно въ Гапсалѣ, ю тебя въ этомъ маленькомъ городкѣ найдутъ и безъ адреса квартиры что посылать черезъ Маслова—только лишняя трата времени. Сынъ I. С. Щепкина служитъ въ кавалер. полку въ Воронежѣ, былъ долго ъ Москвѣ и послѣ насъ долженъ былъ отправиться въ Воронежъ. Пріѣзжаемъ туда, и онъ подаетъ мнѣ твое письмо изъ Петербурга, ко- рое пришло въ Москву въ день нашего отъѣзда, и которое Ивановъ послалъ въ домъ Щепкина. Изъ этого письма я узнаю, что ты оста- ешься въ Ревелѣ и что слѣдовательно, я опростоволосился, пославъ ъ тебѣ письмо въ Гапсаль. Досадно! Письмо было подробное, почти урналъ изо-дня въ день, съ означеніемъ погоды каждаго дня. Пере- кажу тебѣ вкратцѣ его содержаніе. Выѣхали мы изъ Москвы 16 мая ъ четвергъ), въ 12 часовъ. Насъ провожали до первой деревни, за 13 ерстъ, и провожавшихъ было 16 человѣкъ, въ ихъ числѣ и Галаховъ. или, ѣли, разстались. Погода страшная, грязь, дорога скверная, за ошадьми остановка. Въ Калугу пріѣхали въ субботу (18 мая), про- или въ ней одиннадцать дней. Если-бъ не гнусная погода, мнѣ было бы скучно. Еще въ Москвѣ я почувствовалъ, что поправляюсь въ здо- овьи и возстановляюсь въ силахъ, а въ Калугѣ, въ сносную погоду, уходилъ за городъ, всходилъ на горы, лазилъ по оврагамъ, уставалъ о-нельзя, задыхался на-смерть, н о н е к а ш л я н у л ъ н и р а з у. Съ озвращеніемъ холода и дождя возвращался и кашель. Пребываніе въ алугѣ для меня останется вѣчно памятнымъ по одному знакомству,

котораго я и не предполагалъ, выѣзжая изъ Питера. Въ Москвѣ М. С. познакомился съ А. О. Смирновой. C'est une dame de qualité; свѣтъ убилъ въ ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила не въ обрѣзъ. Она большая пріятельница Гоголя, и М. С. былъ о нея безъ ума. Такъ какъ она приглашала его въ Калугу (гдѣ мужъ губернаторомъ), то я еще въ Москвѣ предвидѣлъ, что познакомли съ нею. Когда мы пріѣхали въ Калугу, ея еще не было тамъ; въ чествѣ хвоста толстой кометы, т.-е. М. С., я былъ приглашенъ губ натором на ужинъ въ воскресенье во время спектакля; потомъ мы него обѣдали. Во вторникъ пріѣхала она, и въ четвергъ я былъ представленъ. Чудесная, превосходная женщина—я безъ ума отъ н Снаружи холодна какъ ледъ, но страстное лицо, на которомъ вид слѣды душевныхъ и физическихъ страданій, измѣняетъ невольно ве чавому наружному спокойствію. Благодаря тебѣ, братецъ ты мой, теб моя милая супруга, я знаю толкъ въ этого рода холодныхъ лица Потомъ я у ней два раза обѣдалъ, въ послѣдній раскланялся, да е въ тотъ же вечеръ раскланялся съ нею на лѣстницѣ, ведущей изъ-кулисъ въ ея ложу. Пишу тебѣ все это не больше, какъ матеріалъ д разговоровъ и разсказовъ при свиданіи, а потому въ подробности пускаюсь. Несмотря на весь интересъ этого знакомства, погода дѣла мое пребываніе въ Калугѣ чисто невыносимымъ; разъ два дня сря сидѣлъ я въ заперти въ грязной комнатѣ грязной гостинницы, въ тепло пальто, съ окоченѣлыми руками и ногами и съ покраснѣвшимъ носом Выѣхали мы изъ Калуги, со вторника на середу (29 мая) въ 4 ча утра и поѣхали или, лучше сказать, поплыли по грязи въ Воронежъ Тулу. Въ Воронежъ приплыли въ субботу (1 іюня), въ 5 часовъ утр и въ пятницу ѣхали уже по хорошей дорогѣ. Въ Воронежѣ погода бы славная. Тутъ я получилъ твое письмо, на которое, для порядка, буду сейчасъ отвѣчать. Наканунѣ нашего выѣзда изъ Москвы пріѣха туда Языковъ (Мих. Александр.), и успокоилъ меня на твой счет сказавши мнѣ, что твои геройскіе подвиги, достойные Бобелины, увѣ чались блестящею побѣдой надъ злокачественнымъ Лопатинымъ и гну нымъ клевретомъ его, управляющимъ. Это извѣстіе дало мнѣ возмо ность уѣхать изъ Москвы въ спокойномъ духѣ, который былъ разстрое твоимъ письмомъ отъ 9 мая. Я не знаю, получила ли ты мой отвѣ на него, отъ 14 мая, кажется. Ты пишешь, что разлука сдѣлаетъ на уступчивѣе въ отношеніи другъ друга, но и болѣе чуждым другъ другу. Мнѣ кажется—то и другое равно хорошо. Почему хоро первое—толковать нечего, и такъ ясно; второе хорошо потому, что даст случай познакомиться вновь на лучшихъ основаніяхъ. Я уже не въ эт порѣ жизни, чтобы тѣшить себя фантазіями, но еще и не дошелъ того сухого отчаянія, чтобы не знать надежды. А потому жду мно добра для обоихъ насъ отъ нашей разлуки. Я никакъ, напримѣръ, могъ понять твоихъ жалобъ на меня, что будто я дурно съ тобою обр щаюсь, и видѣлъ въ этихъ жалобахъ величайшую несправедливость мнѣ съ твоей стороны, а теперь, какъ въ новой для меня сферѣ, смотрю на нашу прежнюю жизнь, какъ на что-то прошедшее, внѣ ме находящееся, то вижу, что если ты была не вполнѣ права, то и не с всѣмъ неправа. Я опирался на глубокомъ сознаніи, что не имѣлъ н какого желанія оскорблять тебя, а ты смотрѣла на факты, а не внутреннія мои чувства, и, въ отношеніи къ самой себѣ, была прав Ежели разлука и тебя заставитъ войти поглубже въ себя и увидѣ

е-что такого, чего прежде ты въ себѣ видѣть не могла,—то разлука будетъ очень полезна для насъ: мы будемъ снисходительнѣе, терпимѣе къ недостаткамъ одинъ другого и будемъ объяснять ихъ болѣзненностію, нервическою раздражительностію, недостаткомъ воспитанія, не какими-нибудь дурными чувствами, которыхъ, надѣюсь, мы оба чужды. Что же касается до твоихъ словъ, что мужъ, безъ причины оставляющій жену и дѣтей, не любитъ ихъ,—ты права; но, во 1-хъ, я говорилъ тебѣ о разлукѣ съ причиною, хотя бы эта причина была просто желаніемъ разсѣяться и освѣжиться прогулкою, или и прямо желаніемъ освѣжить ею свои семейныя отношенія, и, во 2-хъ, я, кажется, уѣхалъ не безъ причины. Но объ этомъ послѣ, какъ ты сама говоришь въ письмѣ своемъ.

Масловъ немного сердитъ на меня, что я не писалъ къ нему. Но вѣдь онъ долженъ же знать, что я человѣкъ—слабый (т.-е. лѣнивый), грѣшникъ такой! Слухъ носится, что умеръ Скобелевъ, а ты пишешь, что Масловъ думаетъ ѣхать въ Ревель, Гапсаль и еще не знаю куда. Гдѣ же мнѣ писать къ нему. А напиши-ка лучше ты и увѣдомь его о твоемъ знакомствѣ съ Александрою Осиповною Смирновой: это для него будетъ интересно.

Комплиментъ, сдѣланный тебѣ Тильманомъ (докторъ), основателенъ. Ты сильная барыня, и послѣ твоей войны съ Лопатинымъ, я не шутя начинаю тебя побаиваться.

Что же ты не пишешь, взяла ли съ собою Егора? И кто у тебя нянька? И какъ ты разсталась съ прислугою?

Въ Воронежѣ мы застали чудесную погоду. Выѣхали во вторникъ, въ 4 ч. послѣ обѣда (4 іюня). Солнце пекло насъ, но къ вечеру потянулъ вѣтеръ съ Питера, ночью полилъ дождь, и мы до Курска опять не ѣхали, а плыли, и въ Курскъ приплыли въ четвергъ (6). Въ тотъ же день поплыли въ знаменитую Коренную ярмарку (за 28 верстъ отъ Курска). И ужъ подлинно поплыли, потому что жидкая грязь по-колѣна, и лужи выше брюха лошадямъ были безпрестанно. Ѣхали на 5-ти сильныхъ коняхъ слишкомъ 4 часа и, наконецъ, увидѣли ярмарку, буквально по поясъ сидящую въ грязи, а дождь такъ и льетъ. За 20 р. въ сутки нашли комнатку, маленькую, грязную, и той были рады безъ памяти. Въ тотъ же вечеръ были въ театрѣ, и М. С. узналъ, что онъ играть не будетъ. На другой день прошлись по рядамъ (крытымъ, до которыхъ доѣхали на дрожкахъ, выше ступицы въ грязи). На другой день, около 2 часовъ пополудни, поѣхали назадъ, въ Курскъ. На полдорогѣ встрѣтился крестный ходъ: изъ Курска 8 іюня носятъ явленный образъ Богоматери въ монастырь, при которомъ стоитъ ярмарка. Вообрази тысячъ 20 народу, врозбить идущаго по-колѣна въ грязи, и который, пройдя 27 верстъ, ляжетъ спать подъ открытымъ небомъ, въ грязи, подъ дождемъ, при 5 градусахъ тепла. Въ Курскѣ перемѣнили лошадей, закусили и пустились плыть на Харьковъ (часовъ въ 8 вечера, въ субботу, 8 іюня). Ужъ не помню, ѣдучи въ Курскъ изъ Воронежа,—да, именно въ Курскъ изъ Воронежа,—имѣли удовольствіе засѣсть въ грязи, и нашъ экипажъ, вмѣстѣ съ съ нами (потому что выйти не было никакой возможности), вытаскивали мужики. Въ тотъ же вечеръ, какъ мы выѣхали изъ Курска, погода начала поправляться, а съ нею и дорога, такъ что верстъ за сто до Харькова ѣхали мы по дорогѣ довольно сносной, и могли дѣлать по 8 верстъ въ часъ (на пяти лошадяхъ), а станціи двѣ до Харькова

дѣлали по 10 верстъ· Въ Харьковъ пріѣхали мы въ воскресенье (9 іюня) около 2 ч. послѣ обѣда. Черезъ часъ я былъ уже у Кронеберговъ, съ полною увѣренностью найти твое письмо, а можетъ быть и цѣлыхъ два. Кронеберги приняли меня радостно, добрая М. А. была просто въ восторгѣ, даже Андрей Ивановичъ былъ видимо разогрѣтъ; а письма нѣтъ. Возвращается М. С отъ Алфераки—что письмо?—Нѣтъ!—Худо!—Я сталъ было утѣшать себя тѣмъ, что письмо твое должно идти до Харькова три недѣли; но Кронебергъ сказалъ мнѣ, что письма изъ Питера въ Харьковъ приходятъ въ 11-ый день, а по экстра-почтѣ въ 8-ой,—я и призадумался, забывъ, что по этой дорогѣ почты также дѣлаютъ въ часъ по 5 верстъ, а иногда и въ сутки по 50-ти. Былъ въ театрѣ, посидѣлъ съ четверть часа, и поѣхалъ къ Кронебергамъ, гдѣ и пробылъ почти до 12 часовъ. Вчера, часу въ 1-мъ, приходитъ Кронебергъ и подаетъ мнѣ твое письмо, которое взялъ онъ у Алфераки, съ которымъ встрѣтился гдѣ-то на улицѣ. И хоть много въ этомъ письмѣ непріятнаго, но я воскресъ. Теперь отвѣчаю тебѣ на твое послѣднее письмо.

Отчего ты ни слова не сказала въ немъ о томъ, опасна ли простуда груди твоей и лѣчишься ли ты? Отчего не отнимаешь Ольгу отъ груди? Ждешь ли 8-го зуба? Наемъ вторыхъ мѣстъ на пароходѣ былъ порядочною глупостью со стороны Маслова. Заграничные пароходы лучше здѣшнихъ и вторыя мѣста на нихъ немногимъ хуже первыхъ, но и ихъ потому всѣ избѣгаютъ, что надо быть въ обществѣ лакеевъ, что не совсѣмъ пріятно и для мужчинъ, а о женщинахъ нечего и говорить. О томъ, чего вы тутъ натерпѣлись—нечего и говорить; оставалось бы только радоваться, что все это кончилось и Ольга здорова, если бы не твое положеніе, о которомъ я теперь ничего вѣрнаго не знаю, потому что не знаю—какова эта болѣзнь—простуда груди, а ты объ этомъ не сказала ни слова. И потому, жду со страхомъ и нетерпѣніемъ твоего второго письма, которое надѣюсь получить въ Харьковѣ. въ которомъ мы пробудемъ до 18 числа, потому что М. С. въ Харьковѣ является въ 5 спектакляхъ. Мнѣ странно, что ты, пробывши въ Ревелѣ 5 дней, все еще только сбираешься пригласить доктора, вмѣсто того, чтобы пригласить его на другой же день пріѣзда. Ты, видно, забыла мою осеннюю исторію и что значитъ запускать болѣзнь. Это ни на что не похоже. Видно, мы всѣ только другимъ умѣемъ читать поученія, а сами... но дѣлать нечего—ворчаньемъ не поможешь, а вотъ что-то скажетъ мнѣ твое второе письмо.

Бога ради, не мучь себя заботами о будущемъ и о деньгахъ. Лишь стало (бы) денегъ вамъ, и вы могли бы пріѣхать въ Питеръ хоть съ цѣлковымъ въ карманѣ, а то все вздоръ. И потому, если не хватитъ денегъ, адресуйся заранѣе къ Александру Александровичу (Комаровъ), и проси не въ обрѣзъ, чтобы изъ пустой деликатности не натерпѣться бѣдъ; а я по пріѣздѣ тотчасъ же отдамъ ему, потому что въ Питеръ я пріѣду съ деньгами, которыхъ станетъ не только на переѣздъ на новую квартиру, но и на то, чтобы безъ нужды прожить мѣсяца три—четыре. Я на это и разсчитывалъ, уѣзжая изъ Питера, потому что я тогда же ясно видѣлъ, что безъ этой надежды, несмотря на всѣ альманахи, мы послѣ этой разлуки, съѣхались бы съ тобою только для того, чтобы умереть вмѣстѣ голодною смертью. Къ счастью, я не обманулся въ моей надеждѣ, и могу пріѣхать въ Питеръ съ деньгами. Но вотъ что меня безпокоитъ. Ты наняла квартиру до 15 сентября,

а я, кажется, буду въ Питеръ не прежде 15 октября: вотъ тутъ что дѣлать? М. С. надо ѣсть виноградъ, что и мнѣ было бы небезполезно, а это дѣлается въ сентябрѣ, въ которомъ мы и будемъ въ Крыму. Да еще очень можетъ быть, что князь Воронцовъ пригласитъ М. С. въ Тифлисъ, и хоть это не протянетъ нашей поѣздки, но сдѣлаетъ то, что раньше 15 октября мнѣ невозможно будетъ быть въ Питерѣ. Тутъ худо то, что вѣдь ты не рѣшишься остановиться у Тютчевыхъ, а въ трактирѣ жить Боже сохрани. И потому, скажи мнѣ, можешь ли ты остаться въ Ревелѣ до моего возвращенія.

Некрасовъ будетъ въ Питерѣ къ августу. Онъ открываетъ книжную лавку, и тотчасъ же займется печатаньемъ моего альманаха. Открытіе лавки очень выгодно для моего альманаха, такъ же какъ мой альманахъ очень выгоденъ для лавки. Деньги для лавки даютъ ему москвичи. Кстати: во время моего пребыванія въ Москвѣ, у Герцена умеръ отецъ, послѣ котораго ему должно достаться тысячъ четыреста денегъ. Если безъ меня придетъ отъ тебя письмо въ Харьковъ, его перешлютъ ко мнѣ. А по полученіи этого письма, пиши ко мнѣ немедленно въ Одессу, на имя *Его Высокоблагородія Александра Ивановича Соколова.* Я радъ, что наши псы съ вами, радъ и за нихъ, и еще больше за васъ. И потому, Малкѣ жму лапку, и даже дураку Дюку посылаю поклонъ. Объ Ольгѣ не знаю, что писать — хотѣлось бы много, а не говорится ничего. Что ты не говоришь мнѣ ни слова — начинаетъ ли она ходить, болтать, и что ея 8-ой зубъ? Ахъ, милочка, барашекъ, какъ она теперь уже перемѣнилась для меня — вѣдь уже полтора мѣсяца! Поблагодари ее за память о моемъ портретѣ и за угощеніе его молокомъ съ кашею. Она чѣмъ богата, тѣмъ и рада, и понюхать готова дать всякое кушанье. Должно быть, она очень довольна поведеніемъ моего портрета, который позволяетъ ей угощать себя не въ ущербъ ея аппетиту. Изъ Харькова я еще пошлю къ тебѣ письмо, т.-е. оставлю, а Кронебергъ пошлетъ. А теперь пока прощай. Будь здорова и спокойна духомъ, Marie, и успокой скорѣе меня насчетъ твоего здоровья. Жму руку Агриппинѣ и желаю ей всего хорошаго, а я не объѣдаюсь и не простужусь, какъ она обо мнѣ думаетъ. Прощай, Твой Висс.....

Среда 12. Сегодня пойдетъ на почту это письмо, а завтра Ольгѣ годъ, по каковому случаю чортъ меня возьми, если я не выпью завтра шампанскаго. Изъ Харькова мы ѣдемъ въ ночь, въ воскресенье, въ Екатеринославъ, а оттуда, черезъ Николаевъ и Херсонъ, въ Одессу. Пиши сейчасъ же въ Одессу, какъ получишь это письмо. Если въ Одессѣ твое письмо и не застанетъ меня, мнѣ перешлютъ его въ Крымъ. Вотъ уже другой день, какъ въ Харьковѣ опять холодно. Я отъ Петербурга, а онъ за мною. Прощай.

51.

Харьковъ. 1846, іюня 14.

Вчера, вовсе неожиданно, получилъ я твое второе письмо (отъ 27 мая), которое сильно огорчило меня. Что ты больна — это мнѣ горько, но горесть моя не ограничивается одною этою причиною: не меньше того мучитъ меня твое странное поведеніе въ болѣзни. Еще въ первомъ письмѣ твоемъ изъ Ревеля писала ты мнѣ о своей болѣзни, не говоря ни слова о мѣрахъ противъ нея, и во второмъ письмѣ — тоже ни слова о докторѣ и леченіи. Это невыносимо. Тебѣ, кажется, хочется повторить исторію моей болѣзни прошлою осенью. Если бы ты на другой же день

пріѣзда позвала доктора, — можетъ быть теперь была бы уже здоров
а такъ какъ ты этого не сдѣлала, то можешь или вытерпѣть опасну
и продолжительную болѣзнь, или, что еще хуже, воротишься въ П
тербургъ съ зерномъ какой-нибудь опасной болѣзни. Гдѣ тутъ разб
рать докторовъ — бери какого нибудь, если нѣтъ хорошаго. Отъ Д
стоевскаго ты могла узнать, кто изъ Ревельскихъ врачей считает
лучшимъ. Не могу понять, что ты дѣлаешь съ собою, со мною, Ольго
и со всѣми нами? Тебѣ можетъ показаться непріятнымъ, что вмѣс
того, чтобы утѣшать тебя, я бранюсь съ тобою: но войди въ мое п
ложеніе и посуди, легко ли мнѣ отъ всего этого?

О прислугѣ говорить нечего: въ Россіи нѣтъ хорошей прислуги,
потому надо дорожить не лучшею, а менѣе худшею. Это я всегда г
ворилъ тебѣ. Что чухонка мылась Ольгинымъ мыломъ, это—я понимаю
непріятно и досадно; но лучше было взять свои мѣры, чтобъ она н
могла впередъ этого дѣлать даже купить ей кусокъ мыла нежели сс
лать ее. Плетъ обуха не перешибетъ, и намъ съ тобою не передѣла
русской дѣйствительности. Другая чухонка не будетъ лучше перво
оставитъ въ покоѣ Олино мыло, но сдѣлаетъ другую мерзость, не лучш
этой. Надо сносить это терпѣливо, потому что другого ничего не остаетс
Въ Петербургѣ ты доканала себя, отстаивая отъ Лопатина какихъ-н
будь 30 р.; въ Ревелѣ ты рѣжешь себя кускомъ мыла. Я знаю, теб
дороги не 30 р., не кусокъ мыла, а справедливость; но вотъ здѣсь-т
и обнаруживается весь твой несчастный характеръ. Непривычка пок
ряться необходимости безпрестанно заставляетъ тебя жертвовать важным
ничтожному. Что же изъ этого выходитъ? Спасая грошъ, ты теряеш
фунтъ крови, тогда какъ тебѣ дорога каждая капля ея. Грустно, больн
страшно!

Довольно объ этомъ. Хотѣлъ бы говорить больше, но мысль, ч
это только огорчитъ, а не убѣдитъ тебя, удерживаетъ мою руку. Мн
грустно и больно. Теперь до самой Одессы я не получу отъ тебя письм
каково-то мнѣ будетъ ждать его, и каково-то будетъ мнѣ распечата
его! Видишь сама, какъ веселъ будетъ путь мой до Одессы. Я боюс
что у тебя изнурительная лихорадка—болѣзнь важная, которую ты еж
минутно усиливаешь и безпрестанно поддерживаешь своею способность
приходить въ отчаяніе отъ вещей досадныхъ, но въ сущности пустых
Что изъ всего этого будетъ — у меня языкъ не поворачивается сказа
тебѣ. Бѣдная Оля!... У Агриппины сердце доброе и благородное, н
терпѣніе не принадлежитъ къ числу ея добродѣтелей. Хороши мы в
сошлись: точно на подборъ — одинъ другого лучше. Тамъ, гдѣ бы он
еще справилась сама съ собою—ей надо няньчиться съ тобою, — как
положеніе! Не знаю, какъ вы еще живы! И въ самомъ дѣлѣ, какъ н
приходить въ отчаяніе, видя, что чухонки глупы, грубы и жадны к
деньгамъ? Подобное развращеніе нравовъ можетъ быть терпимо тольк
въ столицахъ, а Ревель—провинція. Можно ли жить послѣ этого. „Х
рошо (скажешь ты) смѣяться, да дѣлать наставленія, а попробовалъ б
самъ". Пробовалъ и пробую—и удается, какъ нельзя лучше. Что так
русская дорога, русскіе ямщики, трактиры, обѣды и пр. и пр. — это
и описать нельзя; но я рѣшился находить все въ порядкѣ вещей, в
сноснымъ, если не хорошимъ, — и отъ этого мнѣ стало хорошо, и п
ѣздка уже принесла пользу и физически и нравственно. Передъ моим
отъѣздомъ, недѣли за двѣ, или за три, и ты попробовала сдѣлать над
собою усиліе и повести себя въ отношеніи ко мнѣ иначе: я это видѣл

и, повѣрь мнѣ, ты уже взяла хорошіе проценты съ капитала твоего усилія: это я знаю. Вѣдь стало же тебя на это! Лишь захоти—и всегда станетъ; и все будетъ хорошо, и всѣ страданія и мученія сами собою незамѣтно исчезнутъ.

Здоровье мое поправляется. Кашель почти совсѣмъ исчезъ, а между тѣмъ, не забудь, я еще почти не видалъ хорошей погоды и, въ этомъ отношеніи, выѣхалъ только изъ Питера, но не изъ Москвы; что же будетъ въ Одессѣ, гдѣ я буду черезъ недѣлю, и гдѣ я буду купаться въ морѣ?

Изъ плодовъ въ Харьковѣ мы нашли только землянику, да и ту подаютъ только въ гостинницахъ. Нынѣшняя весна въ Харьковѣ была не лучше петербургской. Верстъ за 30 до Харькова я увидѣлъ Малороссію, хотя еще и перемѣшанную съ грязнымъ москальствомъ. Избы Хохловъ похожи на домики Фермеровъ — чистота и красивость неописанныя. Вообрази, что малороссійскій борщъ есть не что иное, какъ зеленый супъ (только съ курицею или бараниною, и заправленый саломъ), а о борщѣ съ сосиськами и ветчиною Хохлы и понятія не имѣютъ. Супъ этотъ они готовятъ превкусно и до нельзя чисто. И это мужики! Другія лица; смотрятъ иначе. Дѣти очень милы, тогда какъ на русскихъ смотрѣть нельзя—хуже и гаже свиней. Зубъ мой выпадаетъ. Въ Москвѣ хочу попробовать счастія у Жоли—заплачу подороже, лишь бы сдѣлалъ хорошо. Если его пломбировка окажется такая же — полно платить деньги этимъ шарлатанамъ. Изъ моей поѣздки хочу сдѣлать статью. Въ головѣ плановъ бездна. Словомъ: оживаю и вижу, что могу писать лучше прежняго, могу начать новое литературное поприще. А закабались опять въ журнальную работу—идіотъ, кретинъ!

Все бы хорошо, если бъ не твоя болѣзнь. Прощай. Жму и цѣлую твою руку, прошу и умоляю тебя, милая Marie, береги себя, помни, что ты больше не принадлежишь себѣ. Когда я уѣзжалъ, вы все прочили, что я и простужусь и обожрусь, и обопьюсь; а вышло не такъ: я берегъ себя и былъ остороженъ—могу похвалиться этимъ. Мое здоровье все улучшается, а ты больна, конечно отъ простуды; но сколько же ты прибавила къ ней отъ себя, и какъ помогаешь ты ей доканывать себя—Богъ тебѣ судья! Вчера мы съ М. С., пили шампанское за здоровье Ольги, о чемъ и прошу увѣдомить ее.

15 іюня. Въ Харьковѣ опять тепло. Третьяго дня пошелъ теплый дождь—и стало тепло. Харьковъ былъ первый городъ, въ которомъ на этой дорогѣ встрѣтился я съ мухами и блохами, а вчера вечеромъ (чудный вечеръ—такъ и парило) укусилъ меня первый комаръ, котораго я отъ радости тутъ же и раздавилъ. Что за пыль въ Харьковѣ! Ужасъ!

Меня печалитъ мысль, что ты долго не получишь моихъ писемъ. Твои шли ко мнѣ: первое кажется 17, а второе 15 дней. Чего ты не надумаешься въ ожиданіи! Это письмо пойдетъ по экстра-почтѣ, и потому не мудрено, что ты получишь его прежде перваго, которое пошло къ тебѣ въ среду (12).

Завтра въ ночь ѣдемъ въ Екатеринославъ, черезъ недѣлю будемъ въ Одессѣ. Пиши туда на имя Александра Ивановича Соколова (въ Одессѣ). Еще разъ прощай другъ мой. Желаю тебѣ всего хорошаго, а больше всего здоровья и терпѣнія, терпѣнія и здоровья. Твой Висс.

52.

Одесса, 1846, іюня 22, понедѣльникъ.

Мысль о твоей болѣзни, chère Marie, такъ мучительно безпокоитъ меня, что мнѣ тяжело писать къ тебѣ. Къ этому присоединяется еще та мысль, что до сихъ поръ ты не получила отъ меня ни одного письма со времени моего выѣзда изъ Москвы. При твоей обыкновенной мнительности, въ соединеніи съ болѣзнью, это обстоятельство должно быть для тебя истинною пыткой. То я боленъ, то умеръ, то забылъ свое семейство до того, что и знать о немъ не хочу, то мнѣ скучно и я страдаю, то мнѣ весело и я до того наслаждаюсь всѣми благами, что мнѣ вовсе не до жены: вотъ мысли, которыя денно и нощно вертятся у тебя въ головѣ и грызутъ тебя. Я это знаю хорошо, потому что знаю тебя хорошо, не говоря уже о томъ, что на твоемъ мѣстѣ и всякая другая женщина, хоть и не такъ, а все бы не могла не безпокоиться. Я и самъ до полученія отъ тебя письма въ Харьковѣ, чувствовалъ себя неловко, и хотя это письмо было и неутѣшительно, но все-таки оно избавило меня хотя отъ чувства неизвѣстности, которое теперь опять мучитъ меня. Разсчитываю по пальцамъ, и все выходитъ, что мои два письма изъ Харькова (отъ 12 и 15 іюня) ты должна получить не прежде 28 числа, т. е. еще черезъ 4 дня по отсылкѣ вотъ этого письма; а когда получу отъ тебя письмо—не знаю. Я, впрочемъ несмотря на это, живу недурно, даже больше весело, нежели скучно, потому что мысль о тебѣ и твоемъ положеніи вдругъ набѣгаетъ на меня, какъ волна на корабль,—качнетъ и рванетъ,—и отхлынетъ. Такіе минуты довольно часты и очень тяжелы, но я гоню отъ себя черныя мысли, какъ солдатъ на сраженіи, который все-таки думаетъ: авось не убьютъ, и съ отчаянною храбростью слышитъ свистъ пуль. Я думаю: если худо, еще будетъ время отдаться мукамъ страданія, а если хорошо, то нечего заранѣе напрасно себя мучить и терзать. Здоровье мое очень поправилось: я и свѣжѣе, и крѣпче, и бодрѣе. Что же касается до кашля—въ отношеніи къ нему я сдѣлался совершеннымъ барометромъ: солнце жжетъ, вѣтру нѣтъ — грудь моя дышетъ легко, мнѣ отрадно, и кажется, что проклятый кашель навсегда оставилъ меня: но лишь скроется солнце хоть на полчаса за облако, пахнётъ вѣтеръ — и я кашляю. Впрочемъ, сильные припадки кашля оставили меня уже съ мѣсяцъ. Вообще же, если бы я получилъ отъ тебя письмо, изъ котораго бы увидѣлъ, что ты здорова и спокойна, Ольга попрежнему дуетъ молоко какъ теленокъ, здоровѣетъ, полнѣетъ, начинаетъ ходить, лепетать, Агриппина находится въ добромъ гуморѣ, и вы съ нею бранитесь только слегка, и то больше для препровожденія времени,—я бы началъ жить, какъ давно уже не жилъ, да и надежду потерялъ жить. Но когда я получу отъ тебя письмо (если бы и предположить, что оно будетъ такъ благопріятно, какъ бы мнѣ хотѣлось): мое получишь ты 28, свое пошлешь, положимъ, 30-го іюня, а получу я его и не знаю когда—недѣли черезъ три. Надѣлалъ же я дѣла, пославши тебѣ письмо изъ Калуги въ Гапсаль.

Изъ Харькова выѣхали мы въ воскресенье 16-го, въ ночь, часа въ три. Наканунѣ, въ субботу, Кронебергъ участвовалъ въ пикникѣ, который затѣяли его знакомые. Замѣтивъ, что тутъ будетъ много незнакомыхъ рожъ, которыя, кажется, на меня и собирались, я отказался, хотя меня и сильно упрашивали. Съ пикника Кронебергъ провожалъ одну даму, на ея лошадяхъ, и лошади понесли ихъ съ страшной горы;

жизнь сидѣвшихъ была на волоскѣ. Кронебергъ выпрыгнулъ счастливо, только ушибъ колѣни и подбородокъ, и на другой день я увидѣлъ его съ подвязаннымъ лицомъ. Дама тоже отдѣлалась легкимъ ушибомъ; только кучеру досталось порядкомъ. Пикникъ ихъ былъ скученъ, и я поздравилъ себя, что не поѣхалъ на него. Въ тотъ же вечеръ (въ воскресенье) Кронебергъ былъ очень озабоченъ и сказалъ мнѣ, что его Коля тяжело боленъ. У него была корь, она прошла, но послѣ нея сдѣлалось воспаленіе; такое теперь, говоритъ, повѣтріе. Не знаю, что теперь у нихъ дѣлается. А дѣвочка ихъ — ничего; здорова и смѣшна, какъ слѣдуетъ быть ребенку, даже довольно жива.

Изъ Харькова выѣхали мы, какъ водится, съ дождемъ и довольно холодною погодой. Во время спектакля шелъ сильный дождь, обратившій страшную пыль въ порядочную грязь. Мы направили нашъ путь на Екатеринославъ. Погода скоро поправилась, и стало свѣтло, хотя и холодно, за исключеніемъ полдня, когда пекло солнцемъ. На одной станціи мы принуждены были ночевать, прождавши лошадей ровно 12 часовъ. Во вторникъ, часовъ около восьми вечера, прибыли въ Екатеринославъ. Этотъ городъ, какъ всѣ города въ Новороссіи, построенъ Потемкинымъ, который хотѣлъ изъ него сдѣлать южную столицу Россіи. И было гдѣ! Екатеринославъ стоитъ у Днѣпра, на высокомъ берегу. Днѣпръ обтекаетъ его полукругомъ, и въ этомъ мѣстѣ шире Невы. Городъ чрезвычайно оригиналенъ: улицы прямыя, широкія, есть дома порядочные, но больше все мазанки: по улицамъ бродятъ свиньи съ поросятами, спутанныя лошади. Городъ кишитъ жидами. На огромной (незастроенной) площади стоитъ храмъ, довольно большой, но онъ занимаетъ только мѣсто алтаря по прежнему плану. Потемкинъ хотѣлъ его строить на цѣлый аршинъ кругомъ шире собора Петра и Павла въ Римѣ—величайшаго въ Европѣ храма. Но онъ умеръ, и съ нимъ умерли всѣ его исполинскіе планы. На той же площади стоитъ дворецъ Потемкина, въ которомъ онъ принималъ у себя императрицу Екатерину и австрійскаго императора Іосифа II. Середина дворца реставрирована для дворянскаго собранія, а боковыя зданія находятся въ состояніи развалинъ. При дворцѣ садъ, омываемый заливомъ Днѣпра, въ саду много деревьевъ, которыя не могутъ расти въ московскомъ климатѣ и которыхъ нѣтъ и въ Харьковѣ (хотя отъ Харькова до Екатеринослава только 200 верстъ), напр., шелковичное дерево и др. Интересенъ также казенный городской садъ. Въ немъ однѣхъ яблонь до 49 родовъ, акацій до 30 родовъ, много разныхъ американскихъ растеній. Все это смотрѣли мы на другой день пріѣзда; погода была чудесная, я много ходилъ—и не уставалъ, и видъ этой природы и чуднаго мѣстоположенія упоилъ меня. Отобѣдавши у одного знакомаго М. С., въ 5 часовъ вечера мы выѣхали изъ Екатеринослава. Проѣхали черезъ Херсонъ (довольно дрянной городишко, при днѣпровскомъ лиманѣ, т. е. заливѣ); отъ него поворотили параллельно морю, отъ востока на западъ, ѣхавши до того времени прямо отъ сѣвера на югъ. Жаль, что черезъ Николаевъ проѣзжали ночью. Городъ большой, портовой, стоитъ онъ при сліяніи Буга съ Ингуломъ, образующемъ рѣку шириною верста и 70 саженъ. Переправлялись на баркасѣ, съ парусомъ и на веслахъ; ночь была чудная, мѣсячная. На другой день (въ субботу, 22), за 30 верстъ отъ Одессы завидѣли Черное море, по берегу котораго столько верстъ ѣхали не видавши его. Въ Одессу пріѣхали въ 2 часа. Оригинальный городъ! чисто иностранный, съ итальянскимъ характеромъ. Нашъ трактиръ на берегу моря, берегъ высокій,

вдоль его идетъ бульваръ, внизъ къ морю идетъ каменное крыльц съ большими уступами, въ 200 ступенекъ. По этой лѣстницѣ ходят купаться въ морѣ. На морѣ корабли, суда. Видъ единственный! А чт за гулянье по этому бульвару въ тихую, теплую погоду, лунной ночью Боже великій! Когда въ Одессѣ жары, жители днемъ спятъ, а ночы гуляютъ. Днемъ пыль страшная, и многіе дома (и нашъ трактиръ) сдѣ ланы съ жалузи, которые днемъ и ночью не открываются, по причин страшной пыли. Есть въ Одессѣ Палеройяль—четвероугольное зданіе съ садикомъ внутри, съ галлереей кругомъ, съ 3-хъ сторонъ — съ 4- ходъ въ театръ. Тутъ лавки съ модными товарами, кофейни, кондитер скія, въ галлереяхъ всегда народъ, сидятъ на скамейкахъ, на стульяхъ передъ маленькими столиками, пьютъ кофе, шоколадъ, лимонадъ, ор шадъ, ѣдятъ мороженое. Все это довольно пестро, живо. Для меня одн скверно нельзя купаться въ морѣ—вода страшно холодна. Это странно море—вода въ немъ холоднѣетъ отъ южнаго вѣтра, который ее выво рачиваетъ со дна, а при сѣверномъ теплѣетъ. Дня за три до нашег пріѣзда вода была тепла. Впрочемъ, нынѣшній годъ весна и лѣто въ Одессѣ скверныя, какъ и во всей Россіи. Оно, коли хочешь тепло, даж жарко, но вѣтеръ холодный. Теперь, спасибо, вечера очаровательны поэзія, чистая поэзія!

Пріѣхавши, я взялъ ванну, теплую, изъ морской воды, меня от нея страшно разслабило—едва на ногахъ держался цѣлый день. Завтр возьму похолоднѣе. Сдуру вымылъ голову морскою водой—4 раза мылил а грязи все-таки не смылъ, потому что соленая вода уничтожаетъ мыло Отъ смѣси оставшейся въ волосахъ грязи съ морскою водой моя голов до сихъ поръ словно смолою вымазана.

Шью себѣ сюртукъ въ Одессѣ. Неимѣніе сюртука въ дорогѣ был для меня истинною пыткой. Безъ фрака было бы въ 100 разъ легч обойтись.—Въ Одессѣ все страшно дешево.

Мы проживемъ въ Одессѣ недѣли двѣ, а можетъ быть и три, и я надѣюсь получить отъ тебя письмо въ отвѣтъ на мои харьковскія а если не получу, А. И. Соколовъ перешлетъ ихъ въ Крымъ.

Пиша это письмо, я все жралъ вишни. Пока изъ плодовъ только и есть. Впрочемъ въ Екатеринославѣ отвѣдалъ дыни.

Въ пятницу мнѣ будетъ весело отъ мысли, что, наконецъ-то, по лучила ты отъ меня мои письма. О, если бы они застали теб выздоровѣвшею!

Но пока прощай. Изъ Одессы ты получишь отъ меня еще письм два или три, смотря потому, сколько времени проживемъ мы въ ней Цѣлую тебя и Ольгу и кланяюсь всѣмъ вамъ Твой Висс...

Это письмо пойдетъ сегодня же, по экстра-почтѣ.

53.

Одесса. 1846, іюня 28.

Если только мои письма изъ Харькова не пропали на почтѣ, т ты ихъ получила сегодня, вчера или даже три и четыре дня назадъ Но отъ тебя ни строки. Неужели ты, послѣ двухъ своихъ писемъ, н послала еще ни одного въ Харьковъ? Страшно подумать! потому чт безъ особенной причины ты едва ли бы стала такъ долго не писат Хорошо бы, если бъ это потому, что ты хотѣла сперва дождаться от вѣта отъ меня, считая меня безъ вѣсти пропавшимъ. Однакожъ я вс надѣюсь и жду: авось Кронебергъ перешлетъ мнѣ твое письмо из

Харькова. Еслижъ нѣтъ, буду крѣпиться и ждать отвѣта отъ тебя на мои харьковскія письма, ждать ихъ до половины будущаго мѣсяца, до 20-хъ чиселъ его, а тамъ ужъ, конечно, если не отъ тебя, такъ отъ другихъ услышу что-нибудь о тебѣ. А пока буду писать въ предположеніи, даже въ увѣренности, что все хорошо, что ты теперь поправилась, а мои письма изъ Харькова успокоили и развеселили тебя.

Со вторника (на другой день по отправленіи къ тебѣ перваго письма моего) въ Одессѣ наступила лѣтняя погода. Не знаю, сколько именно градусовъ, но увѣренъ, что на солнце не меньше 35. М. С. весь такъ и плыветъ; меня этимъ еще нельзя пронять, но бываетъ и мнѣ тяжело. Потѣю чуть-чуть (потому что днемъ не выхожу), но иногда даже лежать трудно, не только сидѣть. Спишь съ отворенным окномъ, и я накрываюсь ночью моимъ салфеточнымъ халатомъ — и то жарко. Но что за вечера! что за луна! На одесскомъ бульварѣ, ночью, при лунѣ, надъ моремъ, поневолѣ становишься романтикомъ: грудь ноетъ, а на душѣ такъ сладко, свѣтло и ясно, хочется плакать, самъ не зная о чемъ и отчего, на глазахъ кипятъ слѣзы, а въ умѣ никакой опредѣленной мысли. Смѣшно право! Палерояль—очарованіе, особенно вечеромъ. Кругомъ магазины, съ широкими галлереями, съ асфальтовымъ поломъ, внутри садикъ, горятъ огни; мужчины, дамы гуляютъ, сидятъ, болтаютъ, пьютъ ѣдятъ. Хожу я настоящимъ аркадскимъ пастушкомъ: въ бѣлыхъ панталонахъ, въ жилетѣ, легкомъ платкѣ на шеѣ и бѣломъ пальто, прюнелевыхъ сапогахъ и соломенной шляпѣ — да и то жарко. Сегодня первый разъ купался въ морѣ—хорошо. Вода вблизи зеленая, попадетъ въ ротъ—солоно. Въ Одессѣ у М. С. есть докторъ, короткій знакомый, прекрасный человѣкъ и искусный врачъ. Онъ меня разспрашивалъ о болѣзни, далъ наставленіе, какъ купаться, и только потому не далъ лекарства, что не нашелъ этого нужнымъ. Онъ вмѣстѣ съ нами ѣдетъ въ Крымъ. Въ Одессѣ мы пробудемъ еще съ мѣсяцъ, а можетъ быть и больше. Изъ Одессы поѣдемъ въ Крымъ моремъ, а тамъ опять начнемъ колесить и кочевать изъ города въ городъ. М. С. заключилъ условіе съ однимъ содержателемъ труппы и будетъ играть у него въ Симферополѣ, Севастополѣ, Херсонѣ, Николаевѣ, Елизаветградѣ и не знаю гдѣ еще, всего 41 спектакль.

Въ понедѣльникъ вечеромъ вздумалъ я купить себѣ въ Палероялѣ дюжину фуляровъ, за которую заплатилъ 20 руб. серебромъ. Въ Питерѣ дюжина такивъ платковъ (большіе, прочные, плотные) стоила бы рублей 30, если не больше. Да вздумалось мнѣ кстати купить что-нибудь для тебя и Агриппины, и купилъ я вамъ по полдюжинѣ батистовыхъ платковъ, тебѣ подороже, ей подешевле: за твою полдюжину заплатилъ я 45 р. ассигн., за ея — 25. Вы, пожалуй, за этотъ гостинецъ, вмѣсто спасибо, еще разбраните меня. Но чтожъ было дѣлать. Матеріи на платье въ Одессѣ купить нельзя: таможня пропускаетъ только сшитое и надеванное (почему платки ваши будутъ обрублены и сполоснуты). Купить что-нибудь дешевенькое?—Но въ такомъ случаѣ всего бы лучше купить при въѣздѣ въ Петербургъ пару саекъ, да и сказать, вотъ-молъ вамъ душеньки, подарокъ одесскій. А если меня не обманули и лишняго не взяли, то такихъ платковъ за такую цѣну въ Питерѣ купить нельзя: вотъ почему одесскій гостинецъ имѣетъ смыслъ. Сегодня вечеромъ принесутъ мнѣ отъ портного суконный сюртукъ и триковый сюртукъ-пальто. Сукно по 25 р. аршинъ, и М. С. говоритъ, что въ Петербургѣ такое сукно стоитъ 35 р., а весь сюртукъ, съ прикладомъ и

работою, стоитъ 125 р. ассигн., а сюртукъ-пальто 80 р. Непремѣнн куплю себѣ еще полторы дюжины рубашекъ: дюжина готовыхъ (гол ландскаго полотна) стоитъ 60 р. серебромъ: вѣдь это не мотовство, рубашки надо же будетъ мнѣ дѣлать въ Петербургѣ, а тамъ это мног дороже. Денегъ возьму у М. С., а ему отдамъ въ Москвѣ; теперь ж трачу изъ 500 ассигн., которыя далъ мнѣ Герценъ; онъ еще въ Петер бургъ писалъ о нихъ и хотѣлъ мнѣ выслать, но я написалъ къ нему чтобы онъ далъ мнѣ ихъ въ Москвѣ.

Докторъ сказалъ мнѣ, что мой кашель не грудной и не желудоч ный, а происходитъ отъ разстройства всего организма, преимущественн же нервной системы. Теперь только вижу я, до какой степени разстроен твои нервы. Мои крѣпче твоихъ, я не боюсь лошадей и не пугаюсь ни чего, что вижу или знаю впередъ, но когда я слышу залпъ изъ пушк (2 раза въ день, въ 12 ч. дня и въ 9 вечера), то всегда пугаюсь, как будто бы подомною полъ провалился, и я полетѣлъ вверхъ ногами Докторъ говорилъ мнѣ о чудотворной силѣ морского купанья для стра ждущихъ разстройствомъ нервовъ, и увѣрялъ, что онъ отпуститъ мен домой совершенно здоровымъ. Я дѣйствительно становлюсь крѣпче. Се годня только два раза отдыхалъ на лѣстницѣ въ 200 ступенекъ, и т на минуту, и то отъ слабости ногъ, а не отъ одышки, которой почт нечувствовалъ; слабость же въ колѣняхъ чувствуютъ всѣ, не привык шіе ходить по этой лѣстницѣ, М. С., хотя это и желѣзный человѣкъ Вотъ уже три дня, какъ я не сплю послѣ обѣда, и за то, какъ ляг ночью такъ и засну сію же минуту и сплю крѣпко до $6^1/_2$ часовъ; ложусь въ одиннадцатомъ, когда нѣтъ театра. Я спать днемъ перестал потому, что за это провелъ адскую ночь — засну и проснусь — тяжело жарко, душно, даромъ, что окно отворено. Не знаю, какъ буду спат нынѣшнею ночью, послѣ морского купанья. Морская вода дѣйствует на тѣло почти такъ же сильно, какъ и минеральныя воды, и произво дитъ волненіе и жаръ въ крови ужасные. Поэтому и купался не больш двухъ минутъ.

Ѣмъ вообще умѣренно. Впрочемъ, въ жары я не могу обжираться еслибъ и хотѣлъ, а здѣшніе жары—не петербургскіе. Вишни и черешни не могу съѣсть и фунта за-разъ, а больше одного раза въ день еще н случалось: отъ этой ягоды, слава Богу, скоро дѣлается оскомина. Дру гихъ плодовъ пока еще нѣтъ, а апельсины теперь уже гадки. Вотъ в Крыму другое дѣло; надо быть осторожнѣе; да съ нами будетъ докторъ да и М. С. смотритъ за мной, словно дядька за недорослемъ. Что з человѣкъ, еслибъ ты знала.

Въ пятницу опять буду писать, а еслибъ до понедѣльника полу чилъ черезъ Кронеберга отъ тебя письмо изъ Харькова, то написал бы въ понедѣльникъ: въ оба эти дня ходитъ экстра-почта. Прощай цѣлую тебя и Ольгу и жму руку Агриппинѣ. Твой Висс...

54.

Одесса. 1846, іюля 8.

Сейчасъ получилъ твое письмо, chère Marie, оно меня испугало обрадовало, успокоило и удивило. Я думалъ, ты умираешь, если еще н умерла, или что съ Ольгой плохо. Твоя лихорадка и мелкія ежедневны огорченія, которыя такъ сильно на тебя дѣйствуютъ, о чемъ всемъ писала ты мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ отъ 27 мая, не говоря ни слова о томъ лечишься ли ты,—все это напугало меня. Прибавь къ этому, что вотъ уже почти мѣсяцъ, какъ я не получалъ отъ тебя ни строки, и, слѣдо

вательно, не имѣлъ никакого понятія о твоемъ положеніи за цѣлые полтора мѣсяца, кромѣ того, что ты больна. Каждый день жду письма, черезъ Кронеберга, изъ Харькова, и вотъ съ полчаса назадъ—письмо; срываю конвертъ Кронеберга—тамъ рука твоя—ну?—читаю и странное впечатлѣніе произвело на меня это письмо. Что за старина! Я исколесилъ болѣе двухъ тысячъ верстъ, проѣхалъ Калугу, Тулу, Воронежъ, Курскъ былъ на Коренной, въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, вотъ уже 17-й день какъ въ Одессѣ,—а ты все еще не выѣхала изъ Москвы, все пишешь мнѣ о моемъ пребываніи въ Москвѣ, которое я помню какъ будто сквозь сонъ. Однакожъ я очень хорошо помню, что ни въ Москвѣ, ни въ другомъ какомъ мѣстѣ не плакалъ. Это, вѣроятно, bon mot Панаева, которое Масловъ принялъ за наличныя деньги, а ты и повѣрила. Впрочемъ, если это имѣетъ какое-нибудь основаніе, т.-е. хоть не то, чтобы я рыдалъ, а можетъ быть глаза были влажны, такъ не помню, какъ честный человѣкъ, не помню, потому что былъ въ истинномъ „восторгѣ", такъ что многое мнѣ помнится сквозь сонъ.

Не понимаю, что у тебя былъ за планъ прожить зиму въ Ревелѣ: что за ребяческая мысль? Но объ этомъ послѣ. Что я за Ольгу радъ до смерти, что я люблю ее безъ памяти и заочно, при сей вѣрной оказіи, цѣлую ее 1000 разъ,—все это разумѣется само-собою, но вотъ что мнѣ кажется странно: когда же это она успѣла захворать и выздоровѣть: вѣдь въ письмѣ отъ 27 мая она была здорова, а отъ 27 до 6 іюня—всего десять дней. И что же ты не написала, чѣмъ именно была она больна? Потомъ: забыла ли она о груди, какъ забыла обо мнѣ вѣтренница и измѣнница.

Я никакъ не ожидалъ, чтобы Ревель былъ такъ отвратителенъ. Хуже всего то, что ты не только не гуляешь, но и не купаешься въ морѣ. За этимъ люди пріѣзжаютъ чортъ знаетъ откуда; а ты пріѣхала не издалека и понапрасну. А морскія ванны должны бы тебѣ быть полезны, какъ всѣмъ слабонервнымъ; только безъ доктора съ ними обращаться опасно. Я началъ купаться съ пятницы (28 іюня), въ субботу и воскресенье купался по два раза, а когда, въ понедѣльникъ (1 іюля) поутру, пошелъ я сдѣлать шестое купанье, то замѣтилъ, что откашливаюсь съ кровью. Это мнѣ не помѣшало выкупаться. Однако, въ тотъ же день поѣхалъ я къ доктору, и онъ велѣлъ мнѣ на время оставить купанье, и далъ микстуру, отъ которой . . . . и отвлекло приливъ крови отъ груди внизъ. Тѣмъ не менѣе, сегодня впервые позволилъ онъ мнѣ возобновить купанья, и я поутру купался, а часа черезъ три опять пойду. Чудо, что за наслажденіе! Сегодня море въ волненіи, волна то подхватитъ тебя, взнесетъ на гору, сброситъ внизъ, окатитъ съ головой, вода теплая, погода чудная, хотя съ вѣтромъ! Купанье уже оказало благодѣтельное вліяніе на мои нервы: я сталъ крѣпче, свѣжѣе и здоровѣе. Въ Москву мы будемъ съ М. С. къ первому октября и, если опоздаемъ, то ни какъ не больше, какъ двумя или тремя днями, потому что онъ получилъ отпускъ до этого времени. Пріѣхавши, я тотчасъ же беру мѣсто въ мальпостъ, или гдѣ случится и въ Москвѣ пробуду не больше недѣли.

Ты пишешь, что это отъ тебя 4-е письмо въ Харьковъ: я третьяго не получалъ. Должно быть, ты адресовала его на имя Алфераки, а онъ теперь на ярмаркѣ въ Ромнахъ. Жаль, что такъ случилось. Спектакли русскіе въ Одессѣ кончились, и мы пока живемъ такъ, сами не знаемъ, скоро ли ѣдемъ. Это зависитъ отъ содержателя театральной

труппы въ Новороссіи, съ которымъ М. С. сдѣлалъ условіе. Когда онъ напишетъ, мы по старому пути поѣдемъ на сѣверовостокъ, въ Николаевъ, гдѣ проживемъ недѣль около двухъ, оттуда еще дальше—въ Херсонъ, а оттуда опять въ Одессу, чтобы изъ нея моремъ ѣхать на южный берегъ Крыма, откуда поѣдемъ въ Симферополь и Севастополь, гдѣ М. С. будетъ играть.

Я познакомился съ братомъ покойнаго Кульчицкаго. Онъ очень похожъ на А. Я., только ниже его ростомъ, здоровъ и полонъ. Онъ показался мнѣ порядочнымъ молодымъ человѣкомъ.

Можно ли быть аккуратнѣе меня: получилъ отъ тебя письмо — и часа черезъ два послалъ отвѣтъ на почту!

Продолжай писать въ Одессу на имя Александра Ивановича Соколова. Когда меня и въ Одессѣ не будетъ, онъ станетъ пересылать ко мнѣ. По моему разсчету, на дняхъ отъ тебя долженъ придти ко мнѣ отвѣтъ на мои два письма изъ Харькова. Если онъ придетъ до пятницы, или въ пятницу, то въ этотъ день пошлю къ тебѣ письмо по экстра-почтѣ, а если послѣ, то буду писать въ понедѣльникъ.

Что это у тебя за странная манера говорить и писать о своей беременности такимъ тонкимъ штилемъ, какъ будто дѣло идетъ—о контрабандѣ? Мнѣ было бы пріятнѣе, если бъ ты написала прямо о своемъ положеніи въ этомъ отношеніи, т.-е. въ какой степени беременности находишься ты, когда придется тебѣ родить. Да, Бога ради, познакомься съ какимъ-нибудь лекаремъ: иначе я спокоенъ не буду, а я и такъ еще не совсѣмъ успокоился: вѣдь отъ 6-го іюня до 8 іюля я ничего не знаю о вашемъ положеніи. Кланяюсь Агриппинѣ и прощаюсь съ тобою. Твой Висс....

Отъ Кронеберга получилъ письмо: у него дома все хорошо.

Погода въ Одессѣ жаркая. Жру теперь все абрикосы — ихъ подвезли изъ Константинополя. Кстати, въ Грузію мы не поѣдемъ.

55.

Одесса. 1846, іюля 12.

Наконецъ я получилъ отъ тебя и отвѣтъ на мое первое письмо изъ Харькова, и теперь совершенно спокоенъ на счетъ вашего положенія по части здоровья. Правда, ты не совсѣмъ здорова, но нездоровье для насъ съ тобою вещь обыкновенная; а я боялся слѣдствій простуды твоей, полученной на пароходѣ. И такъ, поѣздка твоя въ Ревель не принесла тебѣ ни пользы, ни удовольствія, отъ того, главное, какъ теперь ясно оказывается, что ты ошибочно понадѣялась найти въ Ревелѣ прислугу и рискнула ѣхать туда безъ прислуги. Ты пишешь что Марья была бы теперь для тебя прекрасною кухаркой: знаешь ли что?—я бы очень желалъ, чтобы по возвращеніи въ Петербургъ, ты не убѣдилась на опытѣ, что имѣла въ Марьѣ прекрасную няньку, лучше которой мудрено найти. Я, признаюсь, что-то сильно боюсь, что по этой части тебѣ предстоитъ много огорченій. По крайней мѣрѣ, я желалъ бы, чтобы тебѣ сдѣлали пользу купанья въ морѣ, —тогда бы не смотря на всѣ неудовольствія, все бы стоило ѣхать въ Ревель; а иначе гораздо лучше остаться въ Петербургѣ на дачѣ. На счетъ твоего переѣзда въ Питеръ—дѣлай, какъ хочешь. Если бы и не стало денегъ, можно попросить у Александра Александровича. Кстати о деньгахъ. Я писалъ къ тебѣ о нихъ съ тѣмъ именно, чтобы совершенно успокоить тебя въ этомъ отношеніи; но вышло иначе: по тону письма твоего видно, что тебѣ все худо—нѣтъ денегъ

есть деньги. Я совсѣмъ не надѣюсь занять гдѣ-нибудь, какъ пишешь ты. Гдѣ мнѣ занять и кто мнѣ дастъ взаймы? Но я потому и рѣшился ѣхать въ такой дальній путь, что надѣялся не занять у кого-нибудь, а взять у друзей денегъ, съ которыми могъ бы пріѣхать въ Петербургъ. И я не ошибся въ моей надеждѣ: Герценъ предложилъ мнѣ денегъ. Объ отдачѣ ихъ ему я и думать не намѣренъ. И это меня нисколько не безпокоитъ, не мучитъ и не унижаетъ въ собственныхъ глазахъ: Герценъ не Струговщиковъ, не Косяковскій (о которыхъ не могу вспомнить безъ сердечнаго и всяческаго щемленія). Если бъ подобный поступокъ съ моей стороны я считалъ предосудительнымъ, это значило бы, что я самъ, будучи богатъ, не иначе помогъ бы бѣдному пріятелю въ его стѣсненномъ положеніи, какъ внутренно презирая его за-то, что онъ взялъ у меня денегъ, зная, что ему нечѣмъ будетъ заплатить мнѣ. Понимай меня какъ хочешь въ этомъ отношеніи, но я таковъ, и другимъ быть не хочу.

Опасеніе Агриппины, чтобы я не проболтался Достоевскому о томъ, что его родные — розмазня, совершенно неосновательно. Я былъ бы не болтунъ, а дуракъ, если бъ счелъ себя въ правѣ смѣяться Достоевскому въ глаза надъ близкими ему людьми, которые въ довершеніе всего, были къ вамъ радушны. На этотъ счетъ я могу васъ успокоить. Не знаю также, почему тотъ — юноша и мечтатель, кто думаетъ, что годовалый ребенокъ можетъ ходить или лепетать.

Дѣйствительно, мнѣ поѣздка лучше посчастливилась, чѣмъ тебѣ. Здоровье мое все лучше и лучше становится; наконецъ, и кашель начинаетъ подаваться. Въ Одессѣ теперь жары, отъ которыхъ все охаетъ и стонетъ. Представь себѣ: ночью душно отъ жару. Вѣтеръ одна отрада. Даже мнѣ тяжело отъ жару. Купаться въ морѣ наслажденіе. Жить въ Одессѣ дешево; только нѣтъ льду и нечего пить—вода прегнусная. Сегодня, какъ пойдетъ къ тебѣ это письмо, мы ѣдемъ въ Николаевъ. Можетъ быть, оттуда пріѣдемъ опять въ Одессу въ первыхъ числахъ августа, а 15 августа изъ Одессы моремъ поѣдемъ въ Крымъ. Если же изъ Николаева М. С. долженъ будетъ ѣхать играть въ Херсонъ, то въ Крымъ поѣдемъ изъ Херсона сухимъ путемъ. Во всякомъ случаѣ, письма твои мнѣ будетъ доставлять Александръ Ивановичъ Соколовъ; а начиная съ половины (или съ 20) августа, адресуй ихъ въ Севастополь, на имя Михаила Семеновича Щепкина (отдать при театрѣ), съ передачею мнѣ.

Я очень радъ, что ты хочешь переѣхать въ Петербургъ, не дожидаясь меня. Мнѣ пріятнѣе застать васъ въ Питерѣ, нежели дожидаться. И квартиру вмѣстѣ будемъ искать. О причинахъ же, которыя ты приводишь въ письмѣ своемъ, нечего и говорить: онѣ основательны какъ нельзя больше. Только одного не понимаю я: почему ты не пишешь мнѣ, когда тебѣ придется родить? Я вообще такого мнѣнія, что мнѣ не мѣшало бы знать это.

Спѣлые абрикосы — довольно вкусный плодъ. Я таки порядочно истребляю ихъ. Груши только начинаютъ спѣть, но ихъ уже давно продаютъ. Клубники и малины мнѣ не удалось отвѣдать это лѣто. Клубнику я хоть видѣлъ мелькомъ въ Харьковѣ, но малины и въ глаза не видалъ. Скоро поспѣютъ дыни и арбузы. Я писалъ къ тебѣ, что въ Харьковѣ зубъ мой выпалъ. Не знаю, какъ-то разъ впихнулъ я его, да такъ удачно, что и теперь держится крѣпко, только торчитъ пренелѣпо, смотря изо рту вонъ.

Я было надѣялся, что глазные зубы у Оли пойдутъ въ іюлѣ, и

что къ переѣзду она отмучается ими совсѣмъ. Анъ нѣтъ, чортъ дернулъ коренные полѣзать. Стало быть, худшее-то все еще впереди.

Въ Николаевѣ мнѣ будетъ скука смертельная. Спектакли мнѣ надоѣли смертельно. Начну что нибудь дѣлать, если погода позволитъ, т.-е. если жары не будутъ слишко мучительны. Буду купаться въ Бугѣ. Сегодня небо мрачно, вѣтеръ прохладенъ, а въ комнатѣ, при растворенномъ окнѣ, все-таки душно отъ жару, хоть я и сижу только въ рубашкѣ. Ну, прощай. Всѣхъ васъ обнимаю. Твой Висс...

56.

Николаевъ. 1846, іюля 17.

М. С. попросилъ меня свезти на почту его письмо съ деньгами;— и я кстати рѣшился свезти и свое, хотя писать не о чемъ, и жара страшная. Все же тебѣ весело будетъ получить письмо, хоть въ немъ и ничего не будетъ интереснаго. Жить въ Николаевѣ довольно скучно. Это первый городъ, въ которомъ у насъ не нашлось ни одного знакомаго. Городъ этотъ флотскій и набитъ матросами и ихъ офицерами. Спектакли идутъ плоховато. Актеры ничѣмъ не лучше твоихъ чухонскихъ кухарокъ. Ужасъ! Кажется, 25 (въ ночь, въ четвергъ) мы опять поѣдемъ въ Одессу. Я радъ этому, потому что до 15 августа буду купаться въ морѣ, что принесетъ мнѣ большую пользу. Въ будущемъ интересуетъ только южный берегъ Крыма, который проѣдемъ мы дня въ два, въ три. Внѣ этого—поѣздка мнѣ начинаетъ надоѣдать, мнѣ начинаетъ хотѣться домой, въ свой уголъ. Думаю, что въ Севастополѣ, куда мы явимся, проѣхавъ по южному берегу Крыма, гдѣ мы проживемъ съ мѣсяцъ, мнѣ будетъ скучно. Впрочемъ, я тамъ буду купаться въ морѣ и потому, если будетъ и скучно, за-то полезно. Здоровье мое хорошо. Особенно поправился у меня сонъ—сплю чудесно. Прощай.

Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ. В. Б.

Ухъ, какъ жарко—мочи нѣтъ.

Это письмо ты получишь позднѣе обыкновеннаго: оно пойдетъ черезъ Москву.

23 іюля.

Пришедши на почту въ прошлую середу, я узналъ тамъ, что московская почта ходитъ изъ Николаева по вторникамъ и пятницамъ. М. С. въ пятницу раздумалъ посылать свое письмо, отложивъ до вторника. Такъ какъ мнѣ не было ни о чемъ особенномъ писать—и я отложилъ до нынѣшняго вторника. О нашемъ маршрутѣ ничего вѣрнаго не знаемъ. Сегодня содержатель труппы, Жураховскій, ѣдетъ въ Херсонъ, чтобы узнать, позволятъ ли тамъ играть постомъ; если позволятъ, то перваго августа, или въ ночь на 31 іюля, мы выѣзжаемъ изъ Николаева въ Херсонъ (59 верстъ). Если не позволятъ, то Жураховскій будетъ просить позволенія играть въ Симферополѣ, и мы поѣдемъ туда. Если же бы не позволили ни тамъ, ни тутъ, мы, оставивъ экипажъ Жураховскому и оставивъ при немъ человѣка, поѣхали бы изъ Николаева въ Одессу на пароходѣ, гдѣ и прожили бы до 15 августа, а въ этотъ день на пароходѣ поѣхали бы въ Крымъ. Но всего вѣроятнѣе, что играть позволятъ въ Херсонѣ, а не то въ Симферополѣ, и намъ уже въ Одессѣ не быть. Въ Херсонѣ мы пробудемъ дней около десяти, а оттуда моремъ поѣдемъ въ Севастополь, гдѣ меня ожидаетъ чудесное купанье въ морѣ, потому что при берегахъ Севастополя вода солонѣе, нежели при берегахъ Одессы.

Въ слѣдующую пятницу надѣюсь написать тебѣ, — вѣрно ли мы ѣдемъ 31-го въ Херсонъ, — и если не въ пятницу, то ужъ непремѣнно во вторникъ (30), стало-быть, ровно черезъ недѣлю по полученіи этого письма, ты получишь другое. Со дня на день, все сильнѣе и сильнѣе начинаю скучать; хочется домой, поѣздка надоѣла, и меня утѣшаетъ только то, что большая половина поѣздки уже совершена, и что я еще увижу, хотя и мимоходомъ, южный берегъ Крыма.

Здоровье мое хорошо, кашля нѣтъ. Жду много добра отъ купанья въ морѣ въ Севастополѣ. Въ Николаевѣ напали на меня блохи и мухи, особенно послѣднія. Не даютъ спать, проклятыя, и если случится лечь попозднѣе, дальше 7 часовъ утра никакъ не дадутъ уснуть, днемъ тоже. А какъ жарко — мочи нѣтъ; а нынѣшнее лѣто еще не изъ жаркихъ здѣсь. Абрикосы проходятъ. На базарѣ въ Николаевѣ десятокъ лучшихъ абрикосовъ стоитъ 10 к. мѣдью, лучшихъ грушъ—30 к. мѣдью. Вчера въ первый разъ увидѣли дыни и, кажется, за гривенникъ купили четыре небольшія дыньки. Теперь скоро пойдутъ дыни и арбузы, а недѣли черезъ три и виноградъ—ѣшь не хочу. И все это нипочемъ. Боже мой! что это за богатый край! Вчера мы обѣдали у контръ-адмирала Берха, что за чудесный старикъ! До сихъ поръ, у насъ не было никого знакомыхъ; теперь зять Берха, офицеръ, будетъ у насъ часто бывать.

А отъ тебя что-то опять долго нѣтъ писемъ. Все жду отъ Соколова и не получаю. Теперь ужъ ты адресуй письма на имя М. С. въ Севастополь (*отдать при театрѣ*). Еще разъ прощай.

57.

Николаевъ. 1846, іюля 30.

Оба письма твои, chère Marie, я получилъ здѣсь, въ Николаевѣ, а если ты и кромѣ ихъ послала по тому же адресу и еще нѣсколько, я ихъ получу исправно въ Херсонѣ или въ Симферополѣ. Теперь я положительно могу увѣдомить тебя о нашемъ пути-дорогѣ. Въ Одессу мы больше не будемъ, а отправляемся послѣ завтра въ Херсонъ, гдѣ пробудемъ числа до 12 (августа), а потомъ поѣдемъ въ Симферополь, гдѣ пробудемъ почти до сентября, а весь сентябрь проведемъ въ Севастополѣ, куда и адресуй свои письма на имя М. С. Щ., надписывая каждый разъ: *отдать при театрѣ*. Начиная съ 15 сентября, посылай свои письма въ Воронежъ, по адресу: *е. бл. Николаю Михайловичу Щепкину, въ канцелярію Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка*. Въ Воронежѣ мы будемъ около 10 октября, и я былъ бы очень радъ получить тамъ вдругъ два или три письма твои. Въ Воронежѣ мы проживемъ сутокъ двое, стало быть, въ Москву пріѣдемъ числа 16. Въ Москвѣ я пробуду много если дней пять, слѣд. въ Петербургъ буду числа 25.

Письма твои, съ одной стороны, очень порадовали меня, потому что я увидѣлъ изъ нихъ, что всѣ вы здоровы, и ничего особеннаго дурного съ вами не случилось, но, съ другой стороны, они очень огорчили меня, показавши мнѣ, что ни житье вмѣстѣ, ни отдаленіе разлуки, ничто не научило васъ понимать мой характеръ и читать мои письма не въ однѣхъ строкахъ, но и между строками. Это тѣмъ болѣе огорчило меня, что мнѣ пришло вдругъ въ голову, что я самъ виноватъ въ этомъ, что созданъ такъ грубо, что не могу не оскорблять выраженіемъ моей симпатіи также точно, какъ и выраженіемъ моего нерасположенія. Испугавшись за твою болѣзнь и увидя изъ твоихъ писемъ, что всѣ дни твои

есть рядъ безпрерывныхъ мелкихъ досадъ и огорченій, я естественно желалъ помочь чѣмъ-нибудь горю, и для этого не нашелъ другого средства, какъ, жалуясь вамъ же на раздражительность вашихъ характеровъ, особенно для васъ вредную въ такихъ обстоятельствахъ, этимъ самымъ обратить ваше вниманіе на это обстоятельство и возбудить въ васъ рѣшимость бороться съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, источникъ моихъ словъ никоимъ образомъ не могъ быть для васъ оскорбителенъ, и если-бъ я даже и ошибся въ этомъ случаѣ на вашъ счетъ, вамъ нечего было сердиться, но лучше было бы успокоить меня, увѣривши меня (не оскорбляясь и не сердясь), что мои опасенія были напрасны и что я ошибся. *Но вмѣсто этого*, въ одномъ письмѣ ты пишешь, что Агриппина *не шутя разсердилась на меня*; *въ другомъ, что она плюетъ на меня, потому что я въ каждомъ письмѣ приписываю ей что-нибудь ругательное*. У меня руки опустились по прочтеніи этихъ вовсе неожиданныхъ мною строкъ. Живя вмѣстѣ, я часто вздорилъ съ Агриппиной (потому что, повторяю подъ опасеніемъ быть снова оплеваннымъ, у обоихъ насъ, у нея и у меня, характеры прескверные, ребячески—мелочные, болѣзненно раздражительные, а воспитаніе у обоихъ насъ не развило того, что называется деликатностью и тактомъ), но никогда, ни на яву, ни во снѣ, не питалъ я къ ней никакихъ враждебныхъ чувствъ; но находясь вдали отъ семейства, забывши всѣ мелочныя неудовольствія и, можно сказать, дрожа ежеминутно за здоровье и жизнь каждаго изъ его членовъ, я писалъ и объ Агриппинѣ не только безъ всякой враждебности, но съ полнымъ расположеніемъ, съ самою теплою симпатіей къ ней, и отвѣтъ на это получаю въ деликатномъ и граціозномъ образѣ плеванія! Я въ эту минуту походилъ на человѣка, который подошелъ къ другому съ улыбкой и протянутою для пожатія рукой, а въ отвѣтъ получилъ оплеуху. Но что еще огорчительнѣе для меня, это—то, что вмѣсто того, чтобы разувѣрить и успокоить Агриппину въ ея несправедливомъ и неосновательномъ раздраженіи противъ меня, ты берешь ея сторону и вычисляешь мнѣ все, чтó дѣлаетъ для насъ Агриппина. Я и прежде замѣчалъ съ горестью, что ты убѣждена въ томъ, что я не вижу и не понимаю, что для насъ дѣлаетъ и чѣмъ для насъ жертвуетъ Агриппина. Она вообразила, что живетъ у насъ въ тягость мнѣ, словно изъ милости, а ты такъ и смотришь на меня, какъ будто ожидая, что вотъ я въ одно прекрасное утро скажу тебѣ, что мнѣ уже не въ силахъ скрывать того, что ея пребываніе у насъ мнѣ невыносимо. Вотъ это-то мнѣ еще обиднѣе, нежели смѣшно и нелѣпо неосновательныя сомнѣнія Агриппины. Но довольно объ этомъ. Лучше переговорить при свиданіи, или, еще лучше, вовсе никогда не говорить объ этомъ: чего нельзя поправить, то только портится поправками. Видно, вамъ уже суждено не понимать меня, и я былъ бы очень радъ убѣдиться, что я больше васъ виноватъ въ этомъ.

Если въ Крыму есть Кумысъ, и мой докторъ, съ которымъ я тамъ долженъ увидѣться, скажетъ, что мнѣ кумысъ полезенъ, я буду пить его, только едва ли онъ тамъ есть, потому что для него ѣздятъ не въ Крымъ, а въ Оренбургъ. Плодами я не обжираюсь. Абрикосы рѣшительно кончились, и дней пять назадъ я ѣлъ ихъ въ послѣдній разъ. До грушъ я не охотникъ: недозрѣлыя — онѣ жестки, дозрѣлыя — безвкусно мягки. Бергамотовъ въ Николаевѣ нѣтъ. Дыни только что показались, а арбузы только что показываются. Въ Херсонѣ отличные арбузы, а это безвредный плодъ.

У зятя контръ-адмирала Берха премиленькія дѣти—сынъ и дочь десяти мѣсяцевъ, близнецы. На видъ имъ кажется года по полутора. Мальчикъ страдаетъ зубами, спалъ съ тѣла и сталъ вялъ, а дѣвочка—что за прелесть, и зовутъ ее Ольгой.

Съ недѣлю назадъ тому, дней съ пять сряду были все дожди, при которыхъ было все также душно и жарко. Наконецъ, въ пятницу вечеромъ сдѣлалось холодно, ртуть опустилась до 15 градусовъ. Субботу весь день было холодно, воскресенье стало теплѣе, а теперь опять жара. Странное лѣто! ни одного дня не помню я, чтобъ небо было совершенно чисто, чтобы не было на немъ ни облачка. Ни одной грозы не видалъ. Было, правда, на прошлой недѣлѣ нѣсколько ударовъ грома, и все тутъ.

Увѣдомь меня, ради всего святого, когда тебѣ придется родить, и купаешься ли ты въ морѣ, и есть-ли тебѣ отъ этого лучше. Прощай, цѣлую тебя и Ольгу. Твой Висс...

58.

Херсонъ. 1846, августа 6.

Третьяго дня получилъ я неожиданно твое третье письмо въ Харьковъ, отъ 3 іюня. Оно было адресовано на имя Алфераки, который въ это время находился на Роменской ярмаркѣ, стало быть, получилъ его уже по возвращеніи оттуда, отдалъ Кронебергу, который переслалъ его въ Одессу къ Соколову, а тотъ ко мнѣ въ Херсонъ. Изъ этого письма узналъ я, во первыхъ, что ты видѣла на мой счетъ преглупый сонъ, который почему-то нашла „очень непріятнымъ", во 2-хъ, у тебя въ Ревелѣ есть докторъ и что ты начала брать теплыя ванны, по его совѣту. Такъ вотъ въ чемъ было дѣло: письмо не попало мнѣ въ руки во время, а въ другихъ письмахъ тебѣ какъ-то не пришлось повторить это, а я безпокоился и мучился. Такъ-то большая часть нашихъ страданій и огорченій въ жизни происходитъ отъ такихъ недоразумѣній. Вотъ другое дѣло, что ты опечалилась отъ глупаго сна: тутъ по дѣломъ вору мука—не вѣрь глупымъ снамъ, коли знаешь грамотѣ и считаешь себя образованнѣе какой-нибудь старухи-салопницы; а если не хочешь, чтобы надъ тобой за это смѣялись, не пиши объ этомъ серьезно къ человѣку, который подобнымъ глупостямъ давно уже не вѣритъ!

Выѣздъ нашъ изъ Николаева ознаменовался двумя непріятными событіями: пожаромъ (сгорѣло 5 домовъ) и смертью ребенка у нашего хозяина, дѣвочки лѣтъ двухъ. Въ середу вечеромъ начала она кашлять съ хрипѣніемъ, М. С. посовѣтовалъ сейчасъ же послать за лекаремъ или самимъ поставить ей пьявокъ; я, не зная этого,—съ своей стороны тоже совѣтовалъ, немедля обратиться къ доктору; но хозяинъ отвѣчалъ мнѣ, что всѣ доктора—скоты, которые уже уморили у него двоихъ дѣтей, и что дѣтямъ доктора не нужны, однакожъ ночью пошелъ за докторомъ, но тотъ отказался, по причинѣ ночи; въ четвергъ поставили пьявокъ; но, видно, поздно: вечеромъ ребенокъ умеръ. Отецъ весь день ревѣлъ какъ баба; а потомъ всю вину, по обыкновенію сложилъ на волю Божію.

Въ Херсонѣ случилось съ нами необыкновенное происшествіе. Хотя содержатель театра, Жураховскій, и выпросилъ заранѣе позволеніе у херсонскаго начальства играть отъ 4-го до 15 августа, но губернаторъ одумался и запретилъ. Вслѣдствіе этого мы въ Симферополь не поѣдемъ, а проживемъ въ Херсонѣ до 26 августа, такъ какъ жители этого города

изъявили большую охоту видѣть М. С., и заранѣе разобрали почти всѣ билеты. Будетъ съиграно 7 спектаклей, да восьмой бенефисъ въ пользу М. С., который этимъ хотѣлъ вознаградить себя за двѣ почти недѣли, даромъ прожитыя въ Херсонѣ, потому что театръ начнется 15 августа. Скучно, а дѣлать нечего.

Ужъ какъ надоѣло мнѣ ничего не дѣлать и проживать въ разныхъ захолустьяхъ—мочи нѣтъ, тоска да и только! Такъ бы и полетѣлъ домой. Утѣшаю и укрѣпляю себя только тѣмъ, что уже бо̀льшая часть опредѣленнаго на поѣздку времени прошла, и что лучшее этой поѣздки, т.-е. Крымъ, еще впереди, и что мѣсяцъ въ Севастополѣ (сентябрь) будетъ употребленъ на дѣло—на купанье въ морѣ. Ну, что Агриппина? я думаю, еще больше осердилась на меня, розогорчилась и прочее и прочее? Есть изъ чего! Я такъ вовсе простылъ на этотъ счетъ, и даже жалѣю, что въ прошедшемъ письмѣ распространился объ этихъ вздорахъ. Ну, Агриппина Васильевна, полноте сердиться—дайте-ка руку—это будетъ лучше.

Фу, чортъ возьми, въ какую даль уѣхалъ я отъ васъ—инда страшно становится! Ахъ, кабы этотъ августъ да скорѣе прошелъ! Кабы деньги—я зналъ бы какъ убить время—поѣхалъ бы я до 25 августа въ Одессу къ Соколову и къ морю.

Въ послѣднее время пребыванія въ Николаевѣ я довольно дурно чувствовалъ себя. Кровь прилила къ груди, и оттого грудь болѣла, я кашлялъ, страдалъ . . . . . , а отъ недостатка движенія болѣла и голова. Наканунѣ отъѣзда Рѣдкинъ далъ мнѣ какихъ то пилюль,
. . . .
. . . .
. . . .—и грудь освободилась, дышу легко и полно, голова свѣжа, кашля нѣтъ. Даже языкъ такъ чистъ, какъ никогда не бывалъ, а послѣ обѣда, поспоритъ въ чистотѣ съ языкомъ Дюка и Малки (что эти почтенные юноши? напиши что нибудь о нихъ). Такъ какъ теперь по утрамъ и вечерамъ уже не такъ жарко, то хожу пѣшкомъ на Днѣпръ купаться, два раза въ день. Ѣдимъ арбузы, изъ которыхъ спѣлые еще очень рѣдки. Но что за дыни—объѣденье! Груши здѣсь очень недурны. Арбузы здѣсь продолговатые, на подобіе дыни.

Да будетъ вамъ извѣстно, что я хожу съ бородою. Съ выѣзда изъ Калуги не брился, въ Воронежѣ, на Коренной и въ Харьковѣ я походилъ на бѣглаго солдата, но къ пріѣзду въ Одессу у меня уже явилось что-то вродѣ бороды, а теперь совсѣмъ борода. Я боялся, что моя борода выйдетъ вродѣ моихъ усовъ, то есть мерзость страшная, но борода вышла на славу—вотъ сама увидишь.

Ну, прощай, chère Marie, цѣлую и обнимаю васъ всѣхъ. Твой Висс...

59.

Херсонъ. 1846, августа 13.

Третьяго дня получилъ я твое письмо отъ 26 іюля. Волосы Ольги, упавшіе изъ письма, когда я развернулъ его, непріятно поразили меня. Глаза мои упали на строку, что Ольга была больна не болѣе 10 дней—я даже обомлѣлъ; но, пробѣжавъ письмо, я успокоился, видя, что это отвѣтъ на 2-е мое письмо изъ Одессы, о которомъ я совсѣмъ забылъ. Когда ты писала ко мнѣ о Прокоповичѣ? не знаю. Или ты вовсе не писала, или письмо это не дошло до меня. Совѣты твои на счетъ покупки рубашекъ пропали понапрасну: эта покупка не состоялась. Я хотѣлъ

на нее взять денегъ у М. С., но какъ для этого мнѣ нужно было знать, играетъ ли онъ у Жураховскаго, то я и отложилъ дѣло до вторичнаго посѣщенія Одессы, которое не состоялось. Я уже писалъ къ тебѣ, что сшилъ въ Одессѣ сюртукъ за 125 руб. асс., такого сукна, изъ какого въ Питерѣ не сошьешь за эту цѣну. Потомъ пальто изъ трико за 75 р. асс. Кромѣ дюжины фуляровъ и батистовыхъ платковъ для тебя и Агр., купилъ я трубку со стеклами, заплатилъ 4 р. серебромъ — въ Питерѣ надо-бы заплатить 10 р. с.; палку камышъ, съ прекрасно сдѣланною изъ бронзы головою кардинала Ришелье, заплатилъ 4 р. с.—эту вещь въ Питерѣ едва-ли можно купить и за 10 р. с. Двѣ пары франц. прюнелевыхъ сапогъ по 3 р. с. за пару. Вотъ и всѣ мои покупки.

За присылку волосъ Оли спасибо. Я желалъ бы, чтобы ты выѣхала изъ Ревеля поскорѣе: чѣмъ больше промедлишь, тѣмъ дорога для тебя труднѣе. Сегодня Олѣ исполнилось два мѣсяца другаго года, а когда это письмо дойдетъ до тебя, ей, вѣроятно, минетъ и третій мѣсяцъ. Письма мои доходятъ до тебя страшно поздно.

Я жалѣю, что только два послѣднія письма адресовалъ на имя Достоевскаго; боюсь, что послѣднее, адресованное на твое имя, не застанетъ тебя въ Ревелѣ и пропадетъ. Это я адресую прямо въ Питеръ на имя Тютчева. Мнѣ кажется, я заѣхалъ на край свѣта. А между тѣмъ, скоро надо будетъ и еще отдалиться на 360 верстъ. Вотъ уже почти двѣ недѣли живемъ мы въ Херсонѣ безъ всякаго дѣла; спектакли начнутся послѣ завтра, и кончатся 25 или 27 августа, послѣ чего поѣдемъ въ Симферополь, гдѣ пробудемъ дней 10, а тамъ въ Севастополь—крайній предѣлъ и послѣднее мѣсто нашего странствованія, изъ котораго уже домой. Считаю дни, пройдетъ день—я и радъ, что однимъ днемъ меньше, и теперь утѣшаю себя мыслью, что скоро половины августа—какъ не бывало, и что по выѣздѣ изъ Херсона минетъ 4 мѣсяца моему странствію, со дня выѣзда изъ Питера. Лишь бы выбраться изъ скучнаго Херсона, а тамъ, время пойдетъ для меня быстрѣе. Во 1-хъ, надо будетъ проѣхать 300 верстъ до Симферополя, а въ дорогѣ время летитъ быстро, да и, кромѣ того, эта дорога сама по себѣ будетъ интересна, ибо крымская природа уже другая; Симферополь хотя и дрянной, но все же новый для меня городъ, и въ спектакляхъ 10 дней пройдутъ скорѣе, а тамъ — Севастополь съ моремъ, виноградомъ и устрицами. Если есть кумысъ, то непремѣнно буду пить. Я самъ убѣжденъ, что онъ будетъ мнѣ полезенъ. Ну, а изъ Севастополя поѣдемъ уже почти безъ остановокъ: остановимся на часъ, на другой—въ Николаевѣ, чтобы повидаться съ Морицомъ Борисовичемъ Берхомъ, да на часъ, на другой—въ Харьковѣ; изъ Харькова сдѣлаемъ кругъ на Воронежъ, гдѣ остановимся на день, на другой и гдѣ я надѣюсь застать письма отъ тебя. (Не забудь: если ты послѣ 15 сентября отошлешь хотя одно письмо въ Севастополь, оно уже не застанетъ меня). Изъ Воронежа до Москвы проѣдемъ уже безо всякихъ остановокъ. Отъ Николаева до Харькова поѣдемъ новою дорогою, черезъ Кременчугъ и Полтаву, и это мнѣ пріятно. И такъ, лишь бы выбраться изъ томительнаго Херсона, я бы считалъ, что моя поѣздка какъ будто кончена. Нашлись у насъ знакомые и въ Херсонѣ, которые насъ ласкаютъ; предстоятъ они намъ и въ Симферополѣ.

Въ прошлый вторникъ я видѣлъ чудное для меня зрѣлище. Ѣду купаться, и вижу страшные клубы пыли, подымающіеся изъ-за Днѣпра по направленію къ Херсону. Смотрю—нѣтъ, это не пыль, это густой

дымъ, да откуда же и какъ?—Слышу, въ Херсонѣ на одной колокольнѣ бьютъ набатъ. Странно: зачѣмъ же это, вѣдь если это пожаръ, такъ въ какой-нибудь деревнишкѣ въ окрестностяхъ Херсона. Наконецъ, вижу, что это не пыль, не дымъ, а туча саранчи, растянувшаяся на нѣсколько верстъ и летящая черезъ Херсонъ. Звонили затѣмъ, чтобъ испугать ее и не дать ей сѣсть на Херсонъ—иначе она не оставила бы ни деревца, ни былинки въ городѣ. Когда этотъ бичъ южныхъ странъ садится на поля, то не оставляетъ ни признака соломы — одну черную землю видятъ послѣ нея тамъ, гдѣ спѣлымъ колосомъ шумѣла колосистая рожь или пшеница. Саранча, которую я видѣлъ, на пути своемъ пожрала весь тростникъ въ окрестностяхъ Херсона. Насѣкомое это довольно велико: молодая саранча въ пятеро больше обыкновеннаго кузнечика, а старая немного потоньше пѣночки (птички) и немного подлиннѣе ея. Я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ, что жары спали и стало прохладнѣе: какъ нарочно начались опять такія палящія жары, что мочи нѣтъ. Ночью въ комнатѣ душно, а на дворѣ утра страшно прохладны. Въ субботу мы ѣздили на баркасѣ гулять, пристали верстахъ въ 4 отъ Херсона къ берегу, велѣли рыбакамъ закинуть сѣти, варили уху, ѣли, пили. Было человѣкъ 15. Разумѣется, эти затѣи и расходы М. С. Этотъ человѣкъ для удовольствія другихъ готовъ ничего не жалѣть. Даже я, по части мотовства—пасъ передъ нимъ. Воротились уже вечеромъ, въ темнотѣ. Что за люди, что за міръ окружаетъ насъ. Я дивлюсь, а М. С. только посмѣивается. Наканунѣ этого пикника я обожрался раками, которые теперь линяютъ. Вечеромъ былъ у насъ одинъ знакомый, я болталъ и чувствовалъ только, что въ комнатѣ душно. Гость ушелъ, я вышелъ на галлерею, и въ одну секунду я почувствовалъ, что зябну. Въ комнату я воротился въ пароксизмѣ сильной лихорадки—било меня такъ, что зубы колотились. Я выпилъ рюмку мадеры, и едва согрѣлся въ постели подъ тулупомъ. Думалъ, что по утру надо будетъ имѣть дѣло съ докторомъ, со рвотными, слабительными и пьявками. Однако проснулся, какъ ни въ чемъ не бывало. Скажи Александрѣ Балтазаровнѣ (мать жены Н. Н. Тютчева), какъ увидишься съ нею, что Новороссійскій край ея, со включеніемъ Отраднаго, страна чудесная, но что жить въ немъ я не согласился бы ни за какія блага въ мірѣ, ни даже за цѣну обладанія *Отраднымъ*. Климатъ и природа здѣсь чудные, но нѣтъ лѣсовъ и оттого тоска смертельная. Кругомъ выжженная солнцемъ сухая степь, воздухъ проникнутъ какою-то сухостью. Степь эта хороша въ апрѣлѣ и въ началѣ мая, а послѣ она выгораетъ. Дерево рѣдкость въ степи, и это всегда ветла. Въ городахъ тополь и бѣлая акація, но и тѣ ростутъ только до 30 лѣтъ, ибо въ это время корень ихъ встрѣчаетъ каменную почву, и они сохнутъ.

На счетъ абрикосовъ въ Таганрогѣ—ничего не могу тебѣ сказать. Въ Николаевѣ мы покупали ихъ по 3 к. с. десятокъ, а въ Херсонѣ уже не застали ихъ. Здѣсь чудесныя груши по 3 к. с. фунтъ. Начинаютъ появляться спѣлые арбузы — 30 к. мѣдью на вырѣзъ арбузъ въ полпуда; 10 коп. м. цареградская огромная дыня, а свои ни по чемъ. Арбузы мнѣ всячески полезны: избавляютъ отъ необходимости пить воду со льдомъ (что опасно). . . . .

Прощай, другъ мой, обнимаю васъ всѣхъ. Передъ выѣздомъ буду писать, а если получу отъ тебя письмо, буду писать опять во вторникъ (20). Твой Висс.....

Когда пріѣдешь въ Питеръ, попроси Некрасова написать ко мнѣ.

60.

Херсонъ. 1846, августа 22.

Скучно. Михаилъ Семеновичъ страдаетъ теперь на сценѣ пакостнѣйшаго театра (сдѣланнаго изъ сарая), играя съ безтолковѣйшими и пошлѣйшими въ мірѣ актерами; а я остался дома. Письмо это пойдетъ на почту завтра поутру, и я рѣшился приготовить его съ вечера, чтобъ чѣмъ-нибудь заняться. Вотъ отъ тебя опять давно уже нѣтъ-какъ-нѣтъ письма. Мнѣ хотѣлось бы получать рѣшительно каждую недѣлю. Чѣмъ ближе къ свиданію, тѣмъ безпокойнѣе и тоскливѣе становлюсь я. Мнѣ кажется, я заѣхалъ на край свѣта. Страшно подумать: пока пошлешь письмо и получишь на него отвѣтъ, должно пройти мѣсяца два! Послѣднее письмо твое было отъ 26 іюля: я ахнулъ, увидя что это отвѣтъ еще только на мое второе письмо изъ Одессы.

Что тѣбѣ сказать о себѣ? Въ понедѣльникъ поутру ѣдемъ изъ Херсона; остается трое сутокъ, а мнѣ все кажется, какъ будто остается еще три года! Ай да Херсонъ—буду я его помнить! Вообще, Новороссія страшно мнѣ опротивѣла. Безлѣсная, опаленная солнцемъ, вѣчно сухая и пыльная сторона. За неимѣніемъ лучшаго утѣшенія, утѣшаюсь мыслью, что ближе, чѣмъ черезъ недѣлю, увижу деревья, лѣса, виноградные сады. Но если-бъ было возможно, кажется, уѣхалъ бы сейчасъ же домой, не посмотрѣвши ни на что на это. Въ день нашего выѣзда, т.-е. въ понедѣльникъ, 26 августа, исполнится ровно *четыре мѣсяца*, какъ я выѣхалъ изъ Питера, а мнѣ кажется, что прошло съ тѣхъ поръ по крайней-мѣрѣ четыре года. Надѣюсь, что сентябрь пройдетъ для меня скорѣе, нежели августъ.

Цѣль этого письма—не оставить тебя на долгое время безъ извѣстій обо мнѣ, потому что слѣдующая почта вторникъ, а въ этотъ день меня уже не будетъ въ Херсонѣ, а тамъ, дорога, новый городъ, пока отдохнешь, осмотришься, а между тѣмъ на 300 верстъ дальше, и письмо изъ Симферополя пройдетъ еще дольше всѣхъ прежнихъ писемъ. Здоровье мое хорошо. Если въ воскресенье получу отъ Соколова твое письмо, буду отвѣчать на него уже изъ Симферополя. Въ Крыму кумысъ есть, и я буду пить его. Прощай, мой другъ, цѣлую тебя и Олю и жму руку Агриппинѣ.—Когда ты будешь читать эти строки, я буду уже въ Севастополѣ—самой крайней точкѣ нашего путешествія. Еще разъ прощай, chère Marie, будь здорова, спокойна и благоразумна. Твой Висс....

Дорогою прочелъ Жилблаза, Roman comique, теперь читаю Lettres d'un voyageur, и это послѣднее чтеніе порою очень освѣжаетъ меня. Чудо какъ хорошо!

Августа 23.

Погода у насъ начинаетъ мѣняться. Въ прошлую пятницу былъ довольно прохладный и сѣрый день, т.-е. было тепло безъ жару и зною; въ субботу опять жаръ и зной, въ воскресенье опять прохладный день съ сильнымъ вѣтромъ и страшной пылью. Слѣдующіе дни теплые, безъ малѣйшаго зноя; вчера немного жарко, сегодня тоже. Но вечера уже съ недѣлю какъ теплые безъ малѣйшаго жару; а утренники ужасно холодные; въ 7 часовъ уже темнѣетъ, а въ 8 уже настоящая ночь. Вотъ уже, значитъ, время вечеровъ со свѣчами, время, въ которое для меня необходимо быть въ своемъ углѣ; а когда я доберусь до него? Прощайте, обнимаю васъ всѣхъ.

Кто хочетъ насладиться долголѣтіемъ, тому совѣтую поѣхать въ Херсонъ: если онъ въ немъ проживетъ годъ, ему покажется, что онъ прожилъ маѳусаиловы вѣки, жизнь утомитъ его и душа его востоскуетъ по успокоительной могилѣ.

61.

Симферополь. 1846, сентября 4.

Меня опять начинаетъ безпокоить, что я такъ давно не получаю отъ тебя, chère Marie, писемъ: послѣднее было отъ 26 іюля, слѣдовательно, я опять не имѣю никакихъ извѣстій о положеніи моего семейства слишкомъ за мѣсяцъ! Меня только и успокаиваетъ одна мысль: вѣрно ты перестала писать, думая, что твои письма, адресованныя въ Одессу, не будутъ уже доходить до меня. Жаль! Они до сихъ поръ доходили бы преисправно; но какъ же тебѣ знать это? Еще думаю, что застану въ Севастополѣ хотя одно (а м. б. не одно) письмо твое, которое тамъ уже ждетъ меня.

Августа 26 отправились мы изъ ужаснаго Херсона въ Симферополь. Этотъ переѣздъ былъ бы переходомъ изъ ада въ рай, если-бъ не одно обстоятельство. Августа 24 я заболѣлъ сильнымъ припадкомъ геморoя, какихъ у меня никогда не бывало. Сдѣлалось страшное раздраженіе. . . . . Дѣло дошло до того, что позвалъ доктора, который къ несчастію, узнавши, что изъ меня вышло довольно крови, не рѣшился поставить мнѣ больше 8 пьявокъ. Я однако поставилъ одну лишнюю; но все-таки нужно было по крайней мѣрѣ 20, если не 30, а ужъ не 9. Однакожъ это нѣсколько облегчило меня, и поутру, въ понедѣльникъ, въ 7 ч. мы поѣхали, сперва водою (14 верстъ), а потомъ на лошадяхъ. Ѣхать мнѣ было довольно сносно; пріѣхали мы во вторникъ, часа въ 2. Чортъ меня дернулъ пойти съ М. С. въ турецкую баню, съ холоднымъ передбанникомъ. Мы пріѣхали въ пыли невыразимой и грязны, какъ свиньи. Должно быть, я тутъ простудился. Короче: въ пятницу мною овладѣло бѣшенство — хоть на стѣны лѣзть. Тогда нашъ докторъ велѣлъ мнѣ поставить 20 пьявокъ. Послѣ этого, со дня на день мнѣ становится все легче и легче. Докторъ нашъ— Андрей Ѳедоровичъ Арендтъ, родной братъ знаменитаго петербургскаго врача, предобрѣйшій старикъ, который полюбилъ насъ такъ, что и сказать нельзя. Къ этому, онъ очень искусный и опытный врачъ. Я его спрашивалъ о кумысѣ, и объяснилъ ему мою болѣзнь; но онъ сказалъ, что это не нужно и, вмѣсто этого, велѣлъ мнѣ курить траву (которой и далъ мнѣ), а курить ее надо какъ табакъ и затягиваться. Она производитъ сильный кашель и сильное отдѣленіе мокроты, и послѣ одной трубки груди легко, дыханіе свободно, мокрота отдѣляется прекрасно. И надо курить всякій разъ, какъ почувствуешь припадокъ кашля, одышки или просто усталости. Не знаю, вылечитъ ли это меня, но какъ пальятивъ это хорошее средство. Я знаю, что тебѣ непріятно будетъ узнать, что я не пью кумыса; скажу тебѣ по секрету, что и мнѣ это не совсѣмъ пріятно, да что же дѣлать? Не съ моими средствами собирать консиліумы. Въ Симферополѣ, кромѣ Арендта, есть еще искусный докторъ—Мильгаузенъ, да какъ я къ нему пойду? А вѣдь Арендтъ лечитъ насъ даромъ и о деньгахъ слышать не хочетъ.

Мѣстоположеніе Симферополя плѣнительное. Отъ него начинаются горы и, въ 60 верстахъ отъ него, виднѣется Чатыръ-Дагъ. То-то бы гулять! А я сегодня еще въ первый разъ вышелъ. Завтра ѣду за городъ съ М. С. Городъ заваленъ арбузами, дынями, грушами, сливами, яблоками, виноградомъ. Но какъ-то всего этого я ѣмъ мало, хотя мой докторъ велитъ ѣсть какъ можно больше всего, кромѣ грушъ. Арбузы здѣсь посредственны, но дыни—невообразимыя. То и другое здѣсь дорого, сравнительно съ Херсономъ. Небольшая дыня стоитъ 5 коп. серебромъ. Какъ-то купили мы окъ (3 фунта) грушъ за 28 к. мѣдью, а въ окѣ ихъ было 9, и каждая величиною съ французскую, что въ Питерѣ въ дешевую пору продаются по 10 р. асс. десятокъ, да и то неспѣлыя. Виноградъ еще неспѣлъ (точно такой, какой мы ѣдимъ въ Петербургѣ и Москвѣ), по 20 к. мѣдью за окъ. Но сегодня М. С. одинъ знакомый прислалъ винограду, во 1-хъ спѣлаго, а во 2-хъ такого, который на винодѣліе не употребляется, а разводится для ѣды. Святители! что это такое! Вообрази себѣ, если можешь, сладчайшій виноградъ, одинъ съ ароматомъ муската, а другой съ ароматомъ ананаса! Я только теперь могу сказать, что я ѣлъ виноградъ. Обыкновенный (винодѣльный) виноградъ въ сравненіи съ этимъ то же, что огурецъ въ сравненіи съ арбузомъ, тыква или рѣпа—въ сравненіи съ дынею. Вотъ бы привезъ вамъ хоть по ягодкѣ, если бъ это не было невозможно!

Въ Севастополь будемъ числу къ 15-му; а тамъ, октября 2-го или 3-го — маршъ домой! Дождусь ли этого! Нѣтъ, впередъ. . . . один нaдолго въ вояжъ не пущусь, особенно въ Россіи, гдѣ существуетъ только какое-то подобіе почтовыхъ сношеній между людьми. Какъ-то вскорѣ по пріѣздѣ въ Симферополь всю ночь снилась мнѣ Оля—будто такая хорошенькая, такая миленькая, и все безъ умолку болтала, а мы всѣ на нее смотрѣли. Потомъ, какъ-то послѣ обѣда, я спалъ и все видѣлъ ее. Не могу смотрѣть безъ тоски на маленькихъ дѣтей, особенно дѣвочекъ. Охъ, дожить бы поскорѣе до октября.

Не повѣришь, какъ грустно писать не въ отвѣтъ на письмо, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ на это письмо я могу получить, если не въ Москвѣ, то развѣ въ Воронежѣ. Прощай, ma chère Marie, крѣпко жму твою руку и обнимаю и цѣлую всѣхъ васъ. Твой Висс.

М. С. въ театрѣ; я одинъ дома. Пора принять порошокъ. Письмо это пойдетъ на почту завтра. Благо еще теперь не жарко — можно читать. Lettres d'un voyageur кончилъ; теперь читаю Les Confessions — немного книгъ въ жизни дѣйствовали на меня такъ сильно, какъ эта. Когда поправлюсь совсѣмъ, примусь писать. Вечера теперь уже длинны, и работа сократитъ время и незамѣтно приблизитъ минуту отъѣзда. А дня черезъ три я надѣюсь совершенно поправиться.

Сентября 5.

Ночью шелъ дождь — явленіе рѣдкое въ нынѣшнее лѣто. Пыли нѣтъ, свѣжо; облака расходятся; если пригрѣетъ солнышко, поѣдемъ за-городъ.

Сильно меня безпокоитъ мысль, что ты запоздала своимъ выѣздомъ изъ Ревеля и, можетъ быть, должна ѣхать въ дурную погоду. Досадно мнѣ на себя, что въ послѣднемъ письмѣ моемъ, адресованномъ на имя Достоевскаго, я позабылъ увѣдомить тебя, что слѣдующее буду адресовать на имя Тютчева, прямо въ Питеръ. Еще разъ прощай, будь здорова и спокойна.

62.

Берлинъ, 10 (22) мая 1847 г. [1])

Пишу тебѣ въ комнатѣ Тургенева въ татарскомъ халатѣ, chère Marie. Какъ можешь видѣть изъ этихъ строкъ, я не только живъ, даже здоровъ, сколько позволено мнѣ быть здоровымъ. Лучше всего тутъ то, что мнѣ не стало хуже послѣ того, что я вытерпѣлъ въ дорогѣ. Хотя во время переѣзда въ Кронштадтъ качки вовсе не было, однако, у меня такъ кружилась голова и даже нѣсколько тошнило, что я сидѣлъ какъ мертвый. Когда я увидѣлъ себя въ зеркалѣ, я ужаснулся моей страшной блѣдности. На кронштадтскомъ пароходѣ пассажировъ было какъ сельдей въ бочкѣ, поворотиться негдѣ было, а пройтись и думать нельзя,— сиди на одномъ мѣстѣ, да и только. На „Владимірѣ" еще стало тѣснѣе. Наконецъ, провожающіе удалились, остались одни отъѣзжающіе, а все тѣснота страшная. Всѣ бросились ѣсть, а я и думать объ этомъ не смѣлъ—меня бы вырвало. Только въ 9 часовъ вечера я могъ ужинать, и дурнота моя совершенно прошла. Бродя на палубѣ, я увидѣлъ, что, положивъ калоши въ чемоданъ, мы сдѣлали еще не самую большую глупость, а большая глупость въ томъ, что я не купилъ теплыхъ сапогъ. Если я не расплатился за это страшною бѣдою, это уже особенная милость ко мнѣ судьбы. Въ тепломъ пальто и въ шубѣ мнѣ было еще не совсѣмъ (по себѣ?) на палубѣ, а въ каютѣ я шубу снималъ. Вечеромъ я какъ-то заснулъ на палубѣ, проснулся въ 3 часа, покашлялъ съ полчаса, походилъ, чтобы отогрѣть несчастныя ноги, потомъ опять заснулъ до 6-ти часовъ. Снялись мы съ якоря въ часъ ночи съ понедѣльника на вторникъ. Поутру часовъ въ 7 попались мы въ льды и часовъ пять плыли верстъ пять. Позавтракалъ и заснулъ на палубѣ. Вдругъ слышу надъ собою голосъ П—ва: „Качка"! Качка была небольшая, продолжалась сутки. Меня два раза вырвало, въ среду по утру—слизями, мокротою, потому что сутки, какъ я не ѣлъ. Была потомъ опять качка, но боковая, и меня уже не тошнило. Сильно качало на рѣчномъ суднѣ при переѣздѣ изъ Свинемюнде въ Штетинъ. Утро было сумрачное, съ дождемъ, въ Штетинъ мы прибыли часа въ четыре въ пятницу, а въ 9 час. по желѣзной дорогѣ прибыли въ Берлинъ. Мое незнаніе нѣмецкаго языка надѣлало мнѣ много хлопотъ и комическихъ несчастій. Кое-какъ нашелъ Тургенева, который очень былъ мнѣ радъ. Спалъ раздѣтый, сегодня умылся и освѣжился. Письмо это написалъ больше для того, чтобы не оставить тебя долго въ неизвѣстности о моемъ положеніи и отъ тебя скорѣе получить письмо. Подробности оставляю до другого письма. Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ, а Ольгѣ кланяюсь.

Твой В. Бѣлинскій.

Любезная Марья Васильевна, вчера вечеромъ къ крайнему моему удовольствію нашелъ я у себя на квартирѣ вашего мужа, и хоть мнѣ досадно было, что я его не встрѣтилъ по обѣщанію въ Штетинѣ (чему впрочемъ я не виноватъ), но радость видѣть его въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ я ожидалъ, заглушила всѣ другія чувства. Вы можете теперь быть совершенно покойны на его счетъ; я его беру на свое попеченье и отвѣчаю вамъ за него своей головой. Мы вѣроятно не долго останемся въ Берлинѣ и сперва съѣздимъ въ Дрезденъ (потому что

[1]) „Русскія Вѣдомости" 1898 г.

сейчасъ еще рано ему ѣхать въ Силезію, на воды); вы можете писать къ вашему мужу на имя здѣшняго банкира „Meyer et Co", Behrenstrasse, № 44, pour remettre à m-r Belinsky или, если хотите, на имя банкира „Mendelssohn et Co" (это послѣднее еще лучше, потому что векселя вашего мужа адресованы на его имя), а онъ (т. е. банкиръ) будетъ знать, гдѣ будетъ находиться вашъ мужъ; когда-же мы попадемъ, наконецъ въ Силезію на постоянное жительство, мы вамъ оттуда вышлемъ свой адресъ. Повторяю вамъ, будьте на его счетъ совершенно спокойны, старайтесь сами быть здоровыми. Кланяюсь вамъ, вашей сестрѣ и вашей маленькой. Жму вамъ искренно руку и остаюсь преданный вамъ

И. Тургеневъ.

63.

Зальцбруннъ, 5 іюня (24 мая). [1]

Зальцбрунъ. $\frac{5 \text{ іюня}}{24 \text{ мая}}$ 1897 г. Вотъ я и въ Зальцбрунѣ, и уже началъ мой курсъ. Пріѣхали мы сюда 3 іюня, по вашему 22 мая, на другой-же день были у доктора Цемплина. Это благообразный старикъ, внушающій къ себѣ довѣріе. Дочитавъ въ исторіи моей болѣзни до имени Тильмана, онъ припрыгнулъ отъ удовольствія на стулѣ. Лучше всего, что онъ сказалъ Тургеневу, что по моему виду, ручается за мое выздоровленіе; а хуже всего то, что онъ лишилъ меня кофею, замѣнивъ его теплымъ молокомъ, потомъ запретилъ наѣдаться до сыта и велѣлъ меньше ѣсть говядины. Въ тотъ-же день, по его предписанію, началъ я мой курсъ. Въ 5 часовъ послѣ обѣда отправился я на колодецъ и выпилъ, черезъ $^{1}/_{4}$ часа, два полустакана теплой сыворотки, которая изъ козьяго молока и очень пріятна на вкусъ. На другой день (т. е. вчера) поутру, проснувшись въ 5 часовъ, выпилъ я чашку ослинаго молока, послѣ чего умывшись и одѣвшись, отправился на колодецъ. Тамъ выпилъ стаканъ смѣси $^{2}/_{3}$ сыворотки и $^{1}/_{3}$ Зальцбруна, а походивши полчаса, повторилъ то же, а чрезъ полчаса пошелъ домой завтракать.

— Обѣдаютъ здѣсь въ половинѣ перваго, или въ часъ — не позже. Кормятъ не дурно и дешево: за 12 билетовъ я заплатилъ 4 талера, стало быть обѣдъ обходится въ десять серебрянныхъ грошей, что составляетъ ровно 30 к. с. на наши деньги. Однако этотъ обѣдъ хорошъ пока его ѣшь, а послѣ отъ него чувствуется изжога, почему мы и хотимъ слѣдующіе 12 билетовъ взять въ другой гостинницѣ, гдѣ подороже (12 билетовъ стоятъ 5 талеровъ), да зато безъ отравленія, въ чемъ мы удостовѣрились, поужинавъ вчера тамъ. Квартира у насъ не дурна—двѣ опрятныя комнаты съ необходимою мебелью. За каждую изъ нихъ платимъ мы 10 талеровъ, т. е. 31 р. асс. на наши деньги, да за постель съ бѣльемъ по 15 серебр. грошей. Все это очень дешево. Квартира наша въ нижнемъ этажѣ и недалеко отъ ключа. Здоровье мое въ порядочномъ состояніи, по крайней мѣрѣ я чувствую себя лучше, чѣмъ въ Питерѣ, и почти не принималъ лѣкарство. А между тѣмъ, погода здѣсь мерзѣйшая, не лучше вашей. Но теперь я перескажу въ порядкѣ, что упомню, всю исторію моего вояжа. Описывать подробно

[1]) „Братская помощь пострадавшимъ армянамъ" М. 1897 г.

плаванія на пароходѣ не стану, потому что я тебѣ уже писалъ объ этомъ, да и почти забылъ все это теперь. Однако кое-что скажу въ добавленіе уже сказанному. Когда я почувствовалъ качку и мнѣ стало не въ мочь, я, шатаясь, какъ пьяный, сошелъ въ каюту, и тамъ почувствовалъ такое презрѣніе къ жизни, что извергнулъ на полъ весь мой завтракъ, а затѣмъ, не раздѣваясь, забился въ мою койку, въ которой не то, чтобъ спалъ, а дремалъ часовъ до 2-хъ слѣдующаго дня. Я не ѣлъ сутки, кромѣ того, что меня рвало—стало быть въ желудкѣ моемъ чувствовалась пустота страшная. Въ перемежкахъ отъ головокруженія качки, мнѣ хотѣлось ѣсть—и я съѣлъ два ломтя хлѣба, который былъ у меня въ дорожномъ мѣшкѣ. Затѣмъ велѣлъ подать себѣ двѣ порціи ветчины съ горчицею и уксусомъ: это меня поправило. Часамъ къ 5-ти вечера качка кончилась и я за ужиномъ страшно жралъ. Пароходъ Владиміръ внутри убранъ великолѣпно, но удобства никакого, и тѣснота страшная. За столъ въ шубѣ сѣсть нельзя—и тѣсно и жарко, а положить ее некуда. Я понялъ, какъ корабли набиваютъ неграми торгующіе—этимъ товаромъ. Буфетъ снабженъ гадко. Пива нѣтъ, квасу, кислыхъ щей тоже, былъ лимонадъ газесъ, да и тотъ вышелъ весь на другой же день; вода воняетъ смолою пить ее не было никакой возможности. Что же пить? вино! Это расчетъ со стороны буфетчика, потому, что за бутылку плохого Chateau landovons онъ бралъ 150 к. с. вмѣсто 1 р. 50 к. асс. Разумѣется, я вина не пилъ для утоленія жаждыя но съ ветчиною выпилъ рюмку хересу; потомъ, когда началась нова, качка—другую; но на этотъ разъ меня не рвало и почти не тошнило, хотя голова и ходила кругомъ. Я уже писалъ тебѣ, что въ Свинемюнде мы пересѣли въ судно, которое буксировалъ рѣчной пароходъ въ Штетинъ. Тутъ мы вытерпѣли порядочную боковую качку, но ни кого не рвало, и я могъ даже ѣсть. Вмѣсто бифштекса, котораго я спросилъ, мнѣ подали небольшой кусокъ битой говядины, въ которомъ вкусу не было ни капли, а перцу было пропасть; отъ этого кушанья меня мучила изжога до той минуты, когда я заснулъ ночью въ Берлинѣ. Въ Свинемюнде деревья давно уже распустились и сирень была въ полномъ цвѣту. Въ Штетинъ плыли мы часовъ пять; у пристани Побѣдоносцевъ сказалъ мнѣ, что черезъ полчаса пойдетъ въ Берлинъ поѣздъ по желѣзной дорогѣ. Какъ тутъ быть? Опоздать не хочется—оставаться въ Штетинѣ незачѣмъ, а распорядиться безъ нѣмецкаго языка нельзя. Какой-то дюжій малый, по указанію моего пальца, схватилъ чемоданъ и потащилъ его какъ перышко. Въ тепломъ пальто и шубѣ съ тяжелымъ сакомъ въ рукахъ побѣжалъ я за нимъ, да еще въ гору. Кричу ему chemien de fer, онъ что то рычитъ мнѣ въ отвѣтъ и летитъ дальше. Я изнемогъ, думая, что уже умираю; останавливаюсь; къ счастью и дуракъ мой остановился отдохнуть и, видя, какъ я тяжело дышу, взялъ у меня сакъ. Пошли опять и скоро очутились у большого отеля. Швейцаръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ M-r veunt la chambre? Я ему кое какъ объяснилъ, что мнѣ нужно. Онъ помогъ мнѣ расплатиться съ носильщикомъ, позвалъ мнѣ извозчика и велѣлъ везти меня на желѣзную дорогу. Я благодарилъ его чуть не со слезами на глазахъ: вѣдь спасъ, просто спасъ! Пріѣхали на станцію желѣзной дороги.

Вынувши кошелекъ и раскрывъ его, я сказалъ кучеру nehmen sie! Но онъ подвелъ меня къ окну гдѣ раздавались билеты, давая знать, что я могу опоздать. Кое-какъ я управился, и потому, что столкнулся съ П. Чемоданъ заклеймили и отнесли; наконецъ, я поѣхалъ. Въ Берлинъ прибыли часовъ въ 9 вечера. По выходѣ изъ вагона, я снова

пропадаю; но вдругъ слышу обращенный ко мнѣ на чистомъ русскомъ языкѣ вопросъ, много ли изъ Петербурга прибыло пассажировъ. Это былъ трактирный слуга. Я объяснилъ ему затруднительность моего положенія, и онъ взялся распорядиться. Отыскавъ кого слѣдуетъ, онъ переговорилъ съ нимъ, что бы мой чемоданъ былъ доставленъ ко мнѣ на квартиру; взявши дрожки, мы отправились съ нимъ въ улицу Berhensstrasse № 9, на квартиру Тургенева. Проводникъ мой метался какъ угорѣлый, бѣгалъ по высокимъ лѣстницамъ, наконецъ, нашелъ Тургенева не было дома, однако хозяйка его пустила меня въ его комнату. Когда я далъ проводнику моему талеръ то онъ чуть не припрыгнулъ до потолка отъ восторга. Ровно чрезъ 2 часа пришелъ Тургеневъ; мое внезапное появленіе видимо обрадовало его. Все это меня успокоило, и я почувствовалъ себя въ пристани: со мною была моя нянька. Проживъ въ Берлинѣ довольно скучно три дня, мы рѣшились съѣздить въ Дрезденъ, а оттуда дня на три прогуляться по саксонской Швейцаріи, такъ какъ погода была свѣжая и къ водамъ торопиться было нечего. О Берлинѣ распространяться не буду, городъ довольно скучный, хуже всего въ немъ вода: вонючая скверная, которою невозможно даже полоскать ротъ, и которою противно умываться. Я было принялся за пиво, но скоро увидѣлъ, что надо быть нѣмцемъ, что-бы каждый день пить эту мерзость, и замѣнилъ пиво искусственною сельтерскою водою. Тиргартенъ—огромный садъ, тѣнистый и красивый. Въ то время цвѣли прекрасныя каштановыя деревья.

Вторникъ 13/25 отправились мы по желѣзной дорогѣ изъ Берлина въ Дрезденъ, и переночевали въ Лейпцигѣ. Мнѣ такъ хотѣлось спать, что я не пошелъ смотрѣть на Лейпцигъ, хотя было всего часовъ 9 или 10. Часовъ въ 11 на другой день мы были въ Дрезденѣ. Городъ старый оригинальный. Пошли ходить; погода была скверная: свѣтло, ясно, но тепла всего было 13 гр. въ тѣни, и при этомъ пронзительно холодный вѣтеръ. Въ тепломъ пальто мнѣ было холодновато. Въ тотъ же вечеръ Тургеневъ утащилъ меня въ оперу; давали Гугенотовъ, пѣла madame Віардо...

На другой день погода была прекрасная, мы ѣздили за городъ, и мнѣ было весело. На третій пошли въ галлерею. Т. все поджидалъ M-me Віардо, на что и сердился; Т. мнѣ представлялъ, что В. знаетъ толкъ въ картинахъ и покажетъ намъ все лучшее, а я говорилъ, что не хочу сводить знакомство, когда не начемъ объясниться, кромѣ развѣ какъ на пальцахъ; но Т. успокоилъ меня, что я пойду за нимъ и ни кого знать не буду. Но Віардо упредила насъ; входимъ въ одну залу, они прямо намъ на встрѣчу,—и Т. представилъ меня имъ. Но какъ дѣло обошлось однимъ нѣмымъ поклономъ съ обѣихъ сторонъ, я ничего. На другой день опять пошли. Все шло хорошо, какъ вдругъ, уже въ послѣдней залѣ M-me Віардо, быстро обратившись ко мнѣ сказала: лучше ли вы себя чувствуете? Я такъ потерялся, что ничего не понялъ, она повторила, я еще больше смѣшался: тогда она начала говорить по-русски очень смѣшно и сама хохотала. Тутъ я, наконецъ, понялъ; въ чемъ дѣло, и подлѣйшимъ французскимъ языкомъ, какимъ не говорятъ и лошади, отвѣчалъ ей, что мнѣ лучше. Но и этимъ не кончилось дѣло. Віардо жили въ одной съ нами гостинницѣ. Когда мы дошли до нея, г-жа В. пригласила меня въ свой концертъ. Дѣлать нечего, я сказалъ, что буду,—и она прислала мнѣ свой билетъ, за который отказалась взять деньги, говоря, что она меня пригласила въ свой концертъ. Послѣ концерта Т. тащилъ было меня къ ней что-бы по-

благодарить, какъ оно-бы и слѣдовало, но я уперся какъ быкъ—и не пошелъ.

На другой день они должны были уѣхать, но мы еще раньше уѣхали въ саксонскую Швейцарію. Утро было прекрасное и обѣщало жаркій день, но часамъ къ 10 погода стала портиться и день былъ ни то, ни се. Я ходилъ пѣшкомъ, ѣздилъ верхомъ, носили меня на носилкахъ, только на ослахъ не ѣздилъ; видѣлъ чудную природу, прекрасныя и грандіозныя мѣстоположенія; видѣлъ на скалахъ, по берегу Эльбы, развалины разбойничьяго рыцарскаго замка, неприступнаго какъ орлиное гнѣздо, видѣлъ развалины одного изъ тайныхъ судилищъ, столь знаменитыхъ и страшныхъ въ средніе вѣка. Но все это скоро надоѣло мнѣ. У меня ужасная способность скоро привыкать къ новости. И потому мнѣ, въ тотъ-же день показалось что я лѣтъ сто сряду видѣлъ всѣ эти дива дивныя, и они мнѣ давно наскучили какъ горькая рѣдька. Погода не мѣшала, а способствовала такому настроенію духа, — и мы рѣшили завтра-же воротиться въ Дрезденъ, чтобъ оттуда не медля ѣхать въ Зальцбрунъ, который манилъ меня, какъ мѣсто осѣдлаго, на шесть недѣль, пребыванія. Воротились въ Перну, гдѣ и ночевали. На другой день съѣздили посмотрѣть, одно дѣйствительно удивительное мѣстоположеніе; а потомъ съѣздили въ крѣпость Кенигштейнъ. Это по неприступности третья крѣпость въ мірѣ, съ Гибралтаромъ и Свеаборгомъ. Она стоитъ на площади высокой, круглой горы, оканчивающейся отвѣсными скалами. Но меня все это не занимало, а только утомляло, день былъ полумрачный и холодный, а со мной не было теплаго пальто. Къ счастью съ Т. было пальто, которое я и одѣлъ на мое бѣлое пальто и мнѣ стало сносно. Часовъ въ 6 воротились мы въ Дрезденъ, а на другой день, въ 4 часа, по желѣзной дорогѣ, пустились въ Бреславу. Желѣзная дорога верстъ на тридцать прерывается шоссе. Ночевали въ какомъ то городкѣ; а на другой день были часовъ въ 11 въ Бреслау. Въ исторіи моей болѣзни, Тильманъ упоминаетъ „о романическихъ окрестностяхъ Зальцбруна, которыя невольно влекутъ чувствительное сердце къ наслажденію природою". Этихъ окрестностей я не замѣтилъ на дорогѣ изъ Бреслау до Фрейбурга, но отъ Фрейбурга до Зальцбруна мы ѣхали на лошадяхъ и ужъ все въ гору, и вдали рисовалась полукружіемъ цѣпь горъ. Но погода мерзость хоть шубу надѣвай. Гулять не хочется да и негдѣ: всюду нивы, а по нескошенному лугу ходить нельзя—штрафъ сдерутъ: „вотъ тебѣ и романическія окрестности невольно влекущія чувствительное сердце къ наслажденію природой"! Тѣснота страшная и буквально . . . . сходить человѣку. А между тѣмъ, мѣстоположенія дѣйствительно манятъ къ прогулкѣ.

Вообще изъ моего еще пока краткаго пребыванія за границею я извлекъ глубокое убѣжденіе, что я вовсе не путешественникъ, и что въ другой разъ меня и калачемъ не выманишь изъ дому. Еще другое дѣло съ семействомъ; а одному—слуга покорный. Мнѣ становится страшно; это я испытываю вотъ ужъ въ другой разъ. Пріѣхавъ въ Зальцбрунъ, я началъ выкладывать чемоданъ, а мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ грустно, что хоть и плакать. Въ глазахъ мерещились всѣ вы, а въ ушахъ все раздавалось: Висаленъ Глаголичъ. Но какъ мнѣ тяжело было все сегодняшнее утро (6/18 воскресенье; письмо это пойдетъ на почту завтра)! Погода была все это время холодная, вѣтрянная но свѣтлая, ясная, а сегодня небо мрачно, кромѣ холода и вѣтра. Я вовсе раскисъ и изнемогъ душевно; вспомнилось и то и другое, насилу отчитался

мертвыми душами. Чувствую, что пока не получу отъ тебя добраго письма не буду спокоенъ, и жить мнѣ будетъ тяжело. А какое еще письмо получу я отъ тебя, и отъ тебя ли еще получу я его?... Нѣтъ впередъ ни за спасеніе жизни не уѣду вдаль отъ семейства. Я не гожусь въ путешественники еще и по слабости моего здоровья: вставай, ложись, ѣшь безъ порядку, когда можно, а не когда хочешь. Еслибъ не желаніе основательнѣе вылѣчиться, я въ августѣ махнулъ бы домой, не жалѣя что не видалъ того и этого.

Докторъ велѣлъ мнѣ въ 8 ч. вечера быть въ комнатѣ, не смотря ни на какую погоду, а въ 9½ въ постели. Должно быть отъ холодной погоды на меня все это время напала спячка—сидѣть я не могу, ходить много тоже, а чуть прилягу — и засну. Въ сутки сплю я отъ 12 до 14 часовъ.

Аненковъ пріѣдетъ къ намъ въ Зальцбрунъ $\frac{10 \text{ іюня}}{29 \text{ мая}}$, мы получили отъ него письмо. Іюня 4 онъ выѣзжаетъ изъ Парижа. Съ Кудрявцевымъ я надѣюсь скоро увидѣться, и вѣроятно и ты скоро увидишь его.

Прощай, chère Marie, желаю тебѣ всего добраго и хорошаго также искренно и горячо, какъ желаю его самому себѣ. Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ. Твой В. Б.

„Скажи Некрасову, [1]) что онъ нелѣпо сдѣлалъ, что не послалъ со мною Тургеневу 5-й нумеръ „Современника“, Онъ для насъ погибъ, потому что не жить же намъ было для него вѣкъ въ Берлинѣ. Тургеневъ этимъ очень огорчился. Скажи Некрасову-же, что, по словамъ Тургенева, романъ Фильдинга „Томъ Джонсъ“ можетъ смѣло переводить и печатать; а гётевскаго романа „Средства“ не совѣтуетъ переводить. Кланяйся отъ меня всѣмъ нашимъ. Письмо это посылаю не франкированное, на имя конторы, въ предположеніи, что можетъ быть тебѣ удалось сдать квартиру“.

64.

Зальцбруннъ, 10 іюня (29 мая) 1847 г. [2]).

Вчера получилъ я твое письмо, ma chère Marie, и оно нельзя сказать, чтобы очень успокоило меня. Ты все еще больна, и, кажется, хуже, чѣмъ была при мнѣ, судя по 24 пьявкамъ. Я знаю, что Тильманъ до пьявокъ и всякаго кровопусканія не охотникъ, и если прибѣгаетъ къ нему, то въ трудныхъ случаяхъ. Вообще письмо твое дышетъ отчаяніемъ, которое въ свою очередь, производитъ во мнѣ отчаяніе. Когда-же будетъ этому конецъ? Или твоей болѣзни по этой погодѣ конца не будетъ? Вотъ и здѣсь—нѣтъ тепла, да и только. Вчера день—было разгулялся и потеплѣлъ, такъ что въ 7 часовъ вечера парило тепломъ, чего еще ни разу не было; но съ 9 пошелъ дождь, шелъ всю ночь и идетъ теперь; сыро и холодно, а на душѣ тяжело. Слухи о нашемъ пароходѣ, которые, не знаю зачѣмъ, поспѣшила сообщить тебѣ, больной, страждущей женщинѣ, М. А. К—ва, не имѣютъ никакого основанія, и ты вовсе понапрасну страдала отъ нихъ. Льды заставили насъ напрасно потерять часовъ пять,—вотъ и все; толчка-же не было ни одного, ни большого ни малаго. Качка была, но легкая; можетъ быть, я всѣхъ болѣе страдалъ отъ нея, но и меня вырвало только разъ въ цѣлыя сутки. Такія-ли бываютъ качки! Замертво никто не лежалъ; даже не всѣхъ рвало. Ни одной брызги не перелетѣло черезъ бортъ на палубу. Такъ вотъ отъ чего ты страдала: ровно ни отъ чего или совершенно отъ ничего. Насчетъ лѣкарствъ и рецептовъ Тильмана Бога ради не безпо-

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1898 г.
[2]) „Русскія Вѣдомости“ 1898 г.

койся: они всегда со мною были и въ дорогѣ,—лѣкарства въ мѣшкѣ, рецепты въ бумажникѣ. А теперь, когда я основался на осѣдлое житье, нечего и говорить объ этомъ. Что касается до того, что Ольгѣ необходимъ воздухъ, это новая причина къ немедленному переселенію въ Москву. Купанье-же въ Ревелѣ въ свое время будетъ хорошее, потому что послѣ этихъ неестественныхъ холодовъ, жары будутъ смертельные. И ты хорошо бы сдѣлала, если бы отправилась въ Ревель тотчасъ, какъ почувствуешь себя крѣпче, а на квартиру *слѣдуетъ*, *должно* плюнуть, чортъ съ нею. А поѣздки твоей въ Штетинъ и того, что ты хочешь гоняться за мною, я нисколько не боюсь и не боялся; а напротивъ вчера-же мечталъ о томъ, какъ бы хорошо было, еслибъ какимъ нибудь счастливымъ случаемъ ты могла очутиться не въ Штетинѣ, а въ Зальцбруннѣ. Коли пришлось къ слову, скажу на всякій случай: подумай, спишись съ Боткинымъ насчетъ 1.000 рублей, да переговори съ Некрасовымъ сама или черезъ Тютчева, сколько онъ можетъ дать тебѣ, и если все это устроится хорошо и скоро, то поѣзжай съ Ольгой и Агриппиной на воды, которыя укажетъ тебѣ Тильманъ. Вѣдь дорого ѣздить безпрестанно, а жить на одномъ мѣстѣ, да еще на водахъ, ужасно дешево. Подумай.

О моемъ здоровьѣ пока не могу сказать тебѣ ничего. Извѣстно, что первую недѣлю больнымъ отъ всякихъ водъ бываетъ хуже. Я пилъ съ нынѣшнимъ днемъ всего *семь* дней и дѣйствительно въ первые дни чувствовалъ себя нехорошо; кашля не было и ничего особеннаго, а было тяжело, особенно въ прошлое воскресенье. Какъ почувствую перемѣну, тотчасъ извѣщу тебя. А о Зальцбруннѣ разсказываютъ чудеса. Вотъ что говорилъ Тургеневу одинъ нѣмецъ: „Я,—говорилъ онъ,—прошлаго года съ величайшимъ трудомъ переходилъ въ другую комнату..., *харкалъ кровью и кусками легкихъ*; меня послали сюда прошлаго-же года), и вотъ видите я хожу, взбѣгаю на лѣстницы, говорю, пою. Когда я воротился, пославшіе меня доктора не вѣрили глазамъ своимъ, и теперь я, по ихъ предписанію, повторяю курсъ и на слѣдующій годъ опять повторю для совершеннаго выздоровленія“. Это мнѣ подаетъ сильную надежду. Впрочемъ, я здѣсь изъ самыхъ здоровыхъ больныхъ; много такихъ, на которыхъ страшно смотрѣть, а вѣдь надѣются же на выздоровленіе. Вообще мое положеніе кажется мнѣ гораздо надежнѣе твоего, которое тревожитъ меня и во снѣ и на яву (это не фраза, а правда). Теперь я пью по 4 стакана, $^2/_3$ сыворотки и $^1/_3$ воды; съ завтра буду пить по 5 стакановъ, сыворотку пополамъ съ водою. Сначала меня начало было нести, но теперь слабитъ разъ въ день, въ одно время. Бѣдный Бееръ! Жаль мнѣ его. Нельзя ли ему доѣхать живымъ до Зальцбрунна, можетъ быть, здѣсь онъ ожилъ бы. Или уже Тильманъ и этого не считаетъ для него возможнымъ?

А насчетъ поѣздки за границу подумай. Вѣдь еще не поздно. Сентябрь и октябрь и безъ того здѣсь всегда хороши, а нынѣшній годъ должны быть превосходны. Время стало быть еще не ушло. Ей Богу, подумай. Я уже писалъ о моемъ адресѣ, но вотъ еще для большей точности.

Salzbrunn in Schleisien, bei Freiburg.

Пиши ко мнѣ чаще, но не принуждай себя: пусть будетъ твоихъ строкъ пятокъ, а остальное можетъ Агриппина написать отъ тебя. А то изъ твоего письма, т. е. изъ его почерка, видно, что ты себя принуждала. Это напрасно. Затѣмъ прощай, мой другъ. Выздоравливай непремѣнно, если хочешь, чтобъ я выздоровѣлъ, и живи непремѣнно, если

…чешь, чтобъ я жилъ. Съ тоскою и ужасомъ жду дальнѣйшихъ извѣ…ій о твоемъ здоровьѣ. Обнимаю тебя и всѣхъ васъ трехъ и остаюсь …Б.

Кланяйся всѣмъ нашимъ. Скажи Папаеву или Некрасову, чтобы …слали къ намъ 6 и 7-й №№ въ Зальцбруннъ.

Сегодня ждемъ къ себѣ Анненкова.

65

Іюня 16-го (28) понедѣльникъ 1847 г.

Въ прошлый вторникъ получилъ я твое первое письмо и, не безъ …кованія думая, что ты будешь немедленно отвѣчать мнѣ на второе …е письмо, посланное дня черезъ три послѣ перваго,—рѣшился отвѣ…ть тебѣ уже на оба твои письма. По моему расчету, второе письмо …ое должно было придти ко мнѣ въ прошлый четвергъ, но оно пришло …лько въ субботу, и то вечеромъ. Еще дня за три до полученія пер…го письма твоего я получилъ письмо отъ Тютчева, которое вывело …еня изъ невыносимо-тяжелаго состоянія духа извѣстіемъ о томъ, что …бѣ лучше. А то мнѣ все чувствовался запахъ ладону и мерещились …ы и гробы, и я, въ моей безнадежности, утѣшалъ себя только этою …знадежностью, потому что безумная надежда не оставляла меня до …мой смерти Володи. Видно приходитъ моя старость; и я становлюсь …о того бабою, что меня пугаютъ даже сны, самые глупые и нелѣпые. …идѣлъ я разъ во снѣ, будто я женюсь; на комъ бы ты думала?—на …А. П. Тютчевой; а почему, не знаю, потому что ни о твоей смерти, ни …о смерти Тютчева никакой мысли не представлялось, какъ будто ни …тебя, ни Тютчева и не существовало на свѣтѣ. Смѣшно сказать, а этотъ …онъ немножко встревожилъ меня. Но письмо Тютчева успокоило меня, …и я началъ дышать легче и свободнѣе. А тутъ подоспѣло еще и твое …письмо. Конечно, твое положеніе и теперь нисколько не радостно, но …же надежда не даромъ смѣнила во мнѣ отчаяніе.

Теперь буду говорить тебѣ о себѣ. Я начинаю чувствовать себя …лучше и надѣяться, что Зальцбруннъ мнѣ дѣйствительно поможетъ. …Кашля почти нѣтъ, а бываетъ вмѣсто него легкое удушье, по вечерамъ …преимущественно, и тутъ, когда я стараюсь отхаркаться, еще порядочно …стучитъ въ голову; но зато я чувствую себя крѣпче и начинаю безъ …задыханья взбираться даже на горы, разумѣется, ползкомъ, съ чувствомъ, …толкомъ, разстановкой. Въ сравненіи съ тѣмъ, какъ я былъ въ Питерѣ, …я чувствую себя въ этомъ отношеніи богатыремъ. А передъ этимъ мнѣ …было тяжело; я чувствовалъ себя слабымъ, и спазматическое дыханіе …сильно меня мучило, даже и по утрамъ. А было мнѣ хуже между дру…гими причинами и отъ воды (Зальцбрунна), потому, что ея дѣйствіе, …какъ и всѣхъ водъ, сначала проявляется усиленіемъ болѣзни, отъ ко…торой лѣчишься. Но въ слѣдующій четвергъ, 19 (31), исполнится четыре …недѣли, какъ я пью воды, стало-быть, пора быть лучше. Лѣто тутъ не …играетъ никакой роли, потому что до сихъ поръ у насъ, въ Силезіи, …лѣта нѣтъ, и мы наслаждаемся преотвратительною осеннею погодою. …Ни одного не было хорошаго дня; были утра, вечера, полудни прекрас…ные даже, но дня хорошаго не было ни одного. Вдругъ прекрасное …утро—тепло, ясно, въ полдень даже жарко, а часовъ въ пять хоть …шубу надѣвай отъ холода. Вдругъ послѣ холоднаго, вѣтреннаго, дожд…ливаго утра сносный полдень и прекрасный вечеръ: тепло, солнце за…ходитъ ясно, тихо—ну погода установилась, вѣдь и барометръ поднялся,

завтра будетъ прекрасное утро; просыпаешься—мрачно, холодно, уны лый шумъ вѣтра и падающаго дождя. Я ужь и не жду хорошей по годы—надоѣло обманывать себя. Никто въ Зальцбруннѣ не запомнит такого мая и такого іюня: это что-то чудовищное для страны, въ кото рой растутъ каштаны, платаны, тополи, бѣлая и розовая акація, boul de neige, клематиты, розовыя деревья аршина въ четыре вышиною и т. п Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ къ тебѣ: „Сегодня ждемъ Анненкова" Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ вечеромъ этого дня, 10-го іюня (29-го мая) вечеръ былъ не дуренъ, но съ утра слѣдующаго дня пошелъ проливной дождь, лилъ онъ пятницу, субботу, а въ воскресенье, съ проливным дождемъ, стало такъ холодно, что мы потому только не топили печей что въ нашемъ „Маріуполѣ" (такъ называется домъ, гдѣ мы живемъ ихъ не имѣется (изъ чего не заключи, что нашъ домъ похожъ на петер бургскія дачи со щелями—онъ каменный, окна сдѣланы какъ слѣдуетъ) Къ довершенію нашего веселаго положенія, когда я дрожалъ отъ хо лоду въ зимнемъ пальто, надѣтомъ на лѣтнее, и мечталъ объ оставлен ной въ Берлинѣ шубѣ, часовъ около семи вечера съ Тургеневымъ на чался припадокъ, которымъ онъ теперь страдаетъ аккуратно два раз въ годъ. У него дѣлаются судороги въ груди, онъ раздираетъ себ руки, плечи, грудь щетками до крови, третъ эти мѣста одеколономъ и облѣпляетъ горчичниками. Припадокъ продолжался часовъ до 6-ти утра и я ночью раза два просыпался отъ его стоновъ, хотя онъ отъ нихъ и воздерживался съ удивительною твердостью. На другой день погода по правилась, а во вторникъ мы, было уже, подумали, что настало лѣто; но не тутъ-то было: холодовъ такихъ уже не было, но дождя и осенней прохлады до сихъ поръ ѣшь—не хочу. Воображаю, что дѣлается у вас въ Питерѣ!

Дѣйствіе водъ обнаруживается у меня преимущественно въ же лудкѣ—пученіемъ, спазмами и такими вѣтрами, какихъ у меня еще ни когда не бывало... Языкъ у меня чистъ, а на лицо со дня на день ста новлюсь здоровѣе, какъ говорятъ всѣ—и докторъ, и мои компаньоны Совѣту твоему я послѣдую и спрошу Цемплина насчетъ Эмса, только я долженъ сказать тебѣ, что довѣріе наше къ этому эскулапу сильно поколебалось: это кажется, обыкновенный докторъ, какіе бываютъ на всѣхъ водахъ въ мірѣ. Онъ долго держитъ въ своей рукѣ руку паціента нѣжно смотритъ ему въ глаза, но путнаго отъ него ничего не услышишь Онъ получаетъ, говорятъ, 50.000 руб. годового дохода, у него въ Зальц бруннѣ нѣсколько домовъ и дачъ, заведеніе сыворотки принадлежитъ ему, а за сыворотку каждый больной платитъ талеръ въ недѣлю; вѣ роятно, поэтому онъ заставилъ употреблять сыворотку и Тургенева, у котораго грудь нисколько не болитъ. Чахоточный нѣмецъ, съ которымъ говорилъ Тургеневъ, сказывалъ ему, что у иныхъ больныхъ дѣйствіе водъ оказывается гораздо послѣ лѣченія. Прошлый сезонъ былъ здѣсь одинъ слабогрудый, которому воды нисколько не помогли, такъ онъ и уѣхалъ съ этимъ убѣжденіемъ. Но зимою, и особенно въ Масленицу когда онъ больше всего страдалъ грудью, онъ, къ удивленію своему, чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и на нынѣшній сезонъ не прі ѣхалъ въ Зальцбруннъ, какъ предполагалъ въ прошломъ году. Впро чемъ, если бы Зальцбруннъ мнѣ не помогъ сверхъ чаянія, у меня есть еще средство едва ли не лучше Эмса: въ Парижѣ, гдѣ столько знаме нитыхъ спеціальныхъ врачей, одинъ дѣлаетъ чудеса по части чахотки; это мнѣ сказывалъ Анненковъ, и вотъ доказательство, что это не слухи

которые часто бываютъ обманчивы; Л. П. Языкова поѣхала за границу умирать отъ чахотки. Анненковъ сталъ ходить къ ней тотчасъ по ея пріѣздѣ въ Парижъ, и самъ видѣлъ, что отъ перехода изъ одной комнаты въ другую она падала въ обморокъ отъ изнеможенія; она обратилась къ этому доктору,—и теперь отправилась въ Россію даже безъ одышки, почти совсѣмъ здоровая. А она еще будетъ опять у него пользоваться, потому что въ августѣ опять ѣдетъ въ Парижъ. Все это произошло на глазахъ Анненкова. Тильманъ, конечно, правъ, говоря, что я долженъ быть какъ можно больше на чистомъ воздухѣ; я такъ и дѣлаю, когда нѣтъ дождя, что бываетъ не весьма часто. Но, довольно обо мнѣ. Теперь надо отвѣчать на твои письма.

Изъ твоихъ писемъ замѣтно, что нашего переселенія въ Москву ты не считаешь необходимымъ, и мнѣ немножко досадно, что ты на этотъ счетъ не выразилась прямѣе и положительнѣе. Я бы объ этомъ подумалъ и поразмыслилъ. Такое дѣло одному рѣшить нельзя, и безъ обоюднаго согласія кончать его не слѣдуетъ. И потому прошу тебя объ этомъ написать ко мнѣ поподробнѣе и обстоятельнѣе, а я сейчасъ же скажу тебѣ мои резоны. Въ Москвѣ климатъ лучше—разъ: тамъ нѣтъ сырости; потомъ, когда тамъ лѣтомъ стоитъ хорошая погода, то въ одиннадцать часовъ вечера захлебываешься волнами теплаго воздуха, что въ Питерѣ не бываетъ: тамъ и въ хорошую лѣтнюю погоду въ 9 часовъ вечера уже берегись. Это, воля твоя, разница, и притомъ большая, и важно не для одного меня, но и для Оли. Отъ комнатной жизни освободить нельзя, а гулять часъ—другой ежедневно можно и въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ. Потомъ въ Москвѣ жить много дешевле; это обстоятельство важное для насъ. Подумай обо всемъ этомъ и напиши мнѣ. А съ Некрасовымъ мнѣ переписываться на этотъ разъ нечего: на этотъ счетъ у насъ съ нимъ переговорено и порѣшено. Что ты сдала квартиру, меня это радуетъ; а что ты не поѣхала сейчасъ же въ Москву, потому, что по болѣзни едва двигаешься,—нечего говорить, что это хорошо, а дурно. Изъ этого уже логически слѣдуетъ, что ты хорошо сдѣлаешь, переѣхавши на дачу. Ты проживешь на ней, можетъ быть, недѣль десять, т. е. тебя съ нея прогонятъ не холода и дожди, а ранніе прохладные вечера, ибо надо ожидать осени удивительной, какая только бываетъ на югѣ. Я помню въ Питерѣ одну почти такую осень, когда почти до конца октября стояла погода сухая и ясная, безъ дождей. По возвращеніи же съ дачи, ѣхать въ Москву тебѣ не совѣтую. Кромѣ того, что этотъ переѣздъ можетъ еще по какимъ-либо неожиданнымъ обстоятельствамъ затрудниться и отсрочиться, — во всякомъ случаѣ лучше переѣзжать всѣмъ вмѣстѣ. А то я пріѣду въ Питеръ и принужденъ буду прожить въ немъ долѣе, чѣмъ предполагалъ; и этого я не хочу. Разумѣется, квартиру не надо нанимать тамъ, куда Тильманъ не ѣздитъ вовсе; но забиваться и въ его сторону не слѣдуетъ. Къ Некрасовымъ можно и ближе, и дальше какъ случится. Квартиру на всякій случай нанимать надо такую, чтобы и зиму можно было на ней прожить. Я бы желалъ переѣхать въ Москву тотчасъ же по возвращеніи въ Питеръ; но вѣдь это еще какъ удастся. Что касается до моего совѣта тебѣ ѣхать за границу, я не удивляюсь, что Тютчевъ пожалъ плечами: когда я получилъ его письмо и нѣсколько успокоился насчетъ твоего положенія, то и самъ пожалъ плечами, вспомнивъ, какую дичь напоролъ я тебѣ въ письмѣ.

Что же во второмъ письмѣ ничего не говоришь о Марьѣ Александ-

дровнѣ? Увѣдомь о Кронебергѣ, которому передай мой поклонъ, если увидишь его. Бѣдный Бееръ! Думалъ ли я тогда, что говорю съ человѣкомъ, уже отмѣченнымъ рукою смерти! Но еще больше жаль бѣдную Наталью Андреевну. Ей теперь ничего не остается, какъ поскорѣе умереть. Жаль, что не знаешь ея адреса и не можешь навѣстить ее. Напиши мнѣ, раздѣлалась ли ты съ кухаркою, у тебя ли еще Егоръ. Хочу знать даже о здоровьѣ Малки. Зачѣмъ Олѣ соленыя ванны? Вѣдь она здорова и весела, какъ ты пишешь. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя извѣстія, сдала ли ты квартиру. Вотъ тутъ и гуляй; сегодня поутру пасмурно и холодно. Съ закрытыми окнами немножко душно, а открыть— руки коченѣютъ и писать нельзя. Пошли обѣдать, насъ встрѣтилъ дождь, лилъ часа два. Теперь 6 часовъ вечера, на дворѣ и холодно, и сыро, выйти нельзя—осень да и только.

Прибавлю тебѣ насчетъ Зальцбрунна, что по устройству и удобствамъ это самыя дрянныя воды въ Германіи, которая славится и въ этомъ отношеніи своими водами. Это оттого, что воды недавно открыты, и все въ нихъ молодо и ново. Хуже всего то, что кормятъ гадко. Мы обѣдаемъ теперь въ лучшемъ трактирѣ (который помѣщается въ зданіи, гдѣ находится и колодезь, и котораго изображеніе помѣщено на первомъ мѣстѣ моего письма), а иногда изжога мучаетъ. Готовятъ все мясное, и то плохо. По причинѣ гнусной погоды мы успѣли сдѣлать только двѣ прогулки въ окрестности, которыя удивительны. Одну въ замокъ Фюрштенштейнъ, противъ котораго находятся развалины средневѣковаго рыцарскаго замка, какъ можешь сама видѣть на картинѣ второго листа моего письма. Потомъ ѣздили въ Альтъ-Вассеръ, гдѣ есть соленыя ванны и копи каменнаго угля. Въ оба эти мѣста мы ѣздили, а дня два-три ходили на ферму, верстахъ въ двухъ отъ Зальцбрунна. Тамъ въ горахъ стоитъ большой трехъ-этажный домъ въ швейцарскомъ вкусѣ. Въ первомъ этажѣ кухня и коровій хлѣвъ, а въ хлѣву коровъ десять, величины, красоты и дородства неописаннаго, а съ ними быкъ англійской породы, толстый, жирный и длины непомѣрной. Зовутъ его Гамлетомъ. Рыло глупое и доброе, мы кормили его изъ рукъ травою. Всѣ эти звѣри съ желѣзными цѣпями на шеяхъ. А что за молоко! Святители! Если будетъ хорошая погода, каждый день буду ходить туда полдничать. Хорошо у нихъ и масло, только они солятъ его черезчуръ. Большой стаканъ молока со сливками стоитъ зильберъ-грошъ (3 к. с.). На другой день по полученіи твоего второго письма получили мы два нумера Современника; для меня это было радостью къ радости.

Я теперь пью шесть стакановъ, немножко меньше полустакана сыворотки, остальное вода. Эта смѣсь непріятна. Кажется, я и кончу смѣсью, потому что Цемплинъ и слышать не хочетъ, чтобы я пилъ воду безъ сыворотки. А послѣобѣденное питье сыворотки съ его рѣшенія давно уже оставлено, потому что отъ него у меня усилился кашель, вѣроятно отъ того, что сыворотка теплая, чуть не горячая, а погода-то все прохладная. У насъ почти еще нѣтъ мухъ, и начали онѣ появляться не больше какъ съ недѣлю. Курсъ мой долженъ кончиться 4 (16 іюля): ты этого не забывай и сдѣлай такъ, чтобы я послѣднее письмо твое въ Зальцбруннѣ получилъ не позже 5 (17) іюля; Ольгѣ Виссаріоновнѣ въ прошлую пятницу исполнилось два года, и она все развивается, до того, что знаетъ твое и свое имя—браво! А меня вѣрно забыла, измѣнница.

Ну, вотъ я, какъ видишь, и спокоенъ насчетъ твоего положенія,

же веселъ; но это мнѣ не помѣшаетъ опять захандрить, если долго не получу отъ тебя письма. Теперь твой чередъ успокоиться насчетъ моего положенія. Желаю тебѣ всего хорошаго, цѣлую и обнимаю всѣхъ васъ, тебя, Ольгу и Агриппину. Тургеневъ и Анненковъ вамъ всѣмъ кланяются. Письмо это пойдетъ на почту завтра.

66.

Зальцбруннъ, 25 іюня (7 іюля) 1847 г.

Спасибо тебѣ, chère Marie, за твое послѣднее письмо. Оно очень обрадовало меня и потому, что я не ожидалъ его, и потому, что оно исполнено пріятныхъ вѣстей. Итакъ, ты раздѣлалась, наконецъ, съ квартирою, ты на дачѣ, гдѣ можно имѣть и Тильмана, а главное—тебѣ лучше. Мнѣ почти не о чемъ писать къ тебѣ, но чтобы ты не была въ безпокойствѣ насчетъ моего долгаго молчанія, пишу какъ-нибудь и что-нибудь. Я знаю, что ты ожидала съ большимъ нетерпѣніемъ и, можетъ быть, безпокойствомъ моего письма (которое получила въ число, выставленное на этомъ письмѣ). Я дѣйствительно позапоздалъ съ своимъ отвѣтомъ, но это не отъ лѣни, не отъ невнимательности. Кромѣ того, что, какъ я уже писалъ тебѣ объ этомъ, я поджидалъ твоего второго письма, чтобы разомъ отвѣчать на оба,—тутъ была еще и другая, болѣе важная причина: мнѣ хотѣлось сказать тебѣ что-нибудь положительное о моемъ здоровьѣ, и потому я ждалъ и медлилъ. А на этотъ счетъ я и теперь не могу сказать тебѣ ничего опредѣленнаго и положительнаго ни въ хорошемъ, ни въ худомъ отношеніи. Съ одной стороны, мое здоровье плохо, ибо одышка, судорожное дыханіе и стукотня въ голову, не позволяющая откашливаться, мучатъ меня почти такъ же, какъ мучили въ Петербургѣ. Въ этомъ отношеніи мнѣ въ Зальцбруннѣ гораздо хуже, нежели было въ Берлинѣ и Дрезденѣ. Съ другой стороны, я чувствую себя крѣпче не только того, какъ я былъ въ Петербургѣ, но и чуть ли не крѣпче того, какъ я чувствовалъ себя въ прошлое лѣто, во время поѣздки (а я тогда чувствовалъ себя очень недурно). Языкъ мой чистъ, какъ у человѣка совершенно здороваго, хотя я пользуюсь преподлѣйшимъ столомъ: это явно дѣйствіе водъ. Аппетитъ и сонъ у меня совершенно въ порядкѣ. И потому, другъ мой, ты не спѣши приходить въ волненіе отъ состоянія моего здоровья: вопросъ о немъ довольно запутанъ, и его можетъ рѣшить только время. Тутъ можетъ быть много причинъ. На иныхъ Зальцбруннъ дѣйствуетъ заднимъ числомъ, какъ я уже писалъ тебѣ объ этомъ. Дурное состояніе моей груди можетъ происходить отъ дѣйствія воды, и въ такомъ случаѣ это хорошо, а не дурно. Можетъ оно также происходить отъ дурной погоды и скверной пищи. А пока у насъ—вотъ еще въ первый разъ какъ третій день сряду нѣтъ дождя. Съ прошлаго воскресенья (4 іюля) стало ясно, но вѣтренно и холодно, вчера опять ясно, но немного теплѣе, а сегодня (это письмо пишется во вторникъ, 6 іюля) ни облачка на небѣ и тепло, почти какъ лѣтомъ. А до сихъ поръ—осень, осень и осень, да еще какая—петербургская. Мнѣ остается скучать въ Зальцбруннѣ ровно девять дней, и въ четвергъ ($^{15}/_{3}$ іюля) послѣдній день моего водопитія. Въ этотъ же день мы и выѣзжаемъ, расплатившись и устроивши чемоданы въ середу. Съ Цемплинымъ рѣшительно ни о чемъ не хочу совѣтоваться. Это шарлатанъ... Тургеневъ говоритъ ему о моемъ удушьѣ, а онъ отвѣчаетъ: „Да, я это понимаю, это бываетъ, это отъ воды, но это пройдетъ". Скажи, пожалуйста, еслибъ я вмѣсто доктора посовѣто-

вался съ тобой, могла ли бы дать мнѣ отвѣтъ болѣе неопредѣленн
и пустой? Есть тутъ и другой докторишка подъ командой Цемпли
но этотъ, кромѣ всего другаго, еще и страшно глупъ. Оба они на
дятся во всеобщемъ презрѣніи у своихъ паціентовъ, которые обращаю
къ нимъ не въ чаяніи помощи, а такъ, для успокоенія совѣсти.

Изъ Зальцбрунна мы ѣдемъ черезъ Дрезденъ во Франкфуртъ,
бываемъ на Рейнѣ, взглянемъ на замѣчательнѣйшіе города Бельгіи,
и въ Парижъ. До Парижа пройдетъ недѣля, можетъ быть, полто
Если въ это время я не почувствую значительнаго облегченія, сейча
же по пріѣздѣ въ Парижъ обращусь къ знаменитому Тира-де-Мальмо
Есть слухи, что великій князь Михаилъ Павловичъ приглашаетъ
въ Петербургъ для великой княжны. Изъ этого можешь видѣть, ка
великъ авторитетъ Тира-де-Мальмора въ дѣлѣ леченія легочныхъ
лѣзней.

Анненковъ говоритъ, что онъ рѣшительно не вѣритъ неизлѣчимо
чахотки и творитъ чудеса. Онъ даетъ больнымъ какую-то водицу,
торая разбиваетъ мокроту и быстро очищаетъ легкія. Можетъ быть, м
придется пожить у него въ его Maison de santé, въ Елисейскихъ
ляхъ. Изъ этого видишь, что меня въ Парижъ влекутъ не удовольст
и что можетъ быть, что Парижъ будетъ для меня тѣмъ же Зальцбр
номъ. Это будетъ зависѣть отъ того, въ какомъ состояніи Тира-де-Ма
моръ найдетъ мои легкія. Кланяйся отъ меня Тильману, но о мое
намѣреніи лѣчиться у Тира-де-Мальмора пока не говори ему. Мож
будетъ сказать ему послѣ, представивъ дѣло такъ, что въ Парижѣ м
стало хуже и я поневолѣ обратился къ Тира-де-Мальмору.

Вотъ думалъ, что нечего и не о чемъ писать, а, между тѣмъ, доп
и до втораго листа... Хотя морское путешествіе мнѣ и менѣе вред
нежели сухопутное, но скорѣе умру нежели поѣду моремъ, особе
осенью. До сихъ поръ отъ ѣзды въ коляскѣ у меня кружится голо
а я выдержалъ на морѣ самую легкую качку. Тургеневъ и Анненк
захохотали, когда я имъ сказалъ, что ты спрашиваешь меня, почему
не пишу тебѣ о зальцбруннскихъ окрестностяхъ. Судя по нынѣшне
дню, кажется, погода лѣтняя устанавливается, и эту послѣднюю недѣ
можно будетъ поѣздить по окрестностямъ, не нуждаясь въ шубахъ
привезу тебѣ раскрашенныя картинки замѣчательнѣйшихъ окрестнос
Зальцбрунна, которыя дѣйствительно очаровательны. Анненковъ спе
пилъ за обѣдомъ по полубутылкѣ (то рейнвейна, то шампанскаго,
другихъ винъ), а теперь нашелъ, что для его здоровья полезнѣе п
по цѣлой бутылкѣ. Однако, онъ не очень здоровъ и частенько терп
отъ приливовъ крови къ головѣ. Онъ, видишь, созданъ такъ, что д
женъ держаться.... діаметрально противоположнаго моему. Онъ мож
быть здоровъ только въ шумномъ городѣ, гдѣ нельзя ложиться сп
раньше двухъ часовъ ночи. Ему необходимо истощать свое здоров
чтобы быть здоровымъ. Радъ ли я ему былъ—объ этомъ нечего и сп
шивать. Съ Тургеневымъ я безпрестанно бранюсь, потому что для мо
здоровья необходимо кого-нибудь бранить. А впрочемъ, мы живемъ
рошо и пока еще другъ другу не надоѣли. Ольга не забыла слова „
лодя“! Каково-же! Хорошо еще, что это слово для нея не болѣе, ка
слово, звукъ пустой. По всему видно, что къ моему пріѣзду она крѣ
перемѣнится. Меня очень порадовали подробности, которыя ты сообща
мнѣ о ней, и я желалъ бы и впредь находить ихъ въ твоихъ пи
махъ. Пиши о ней всякій вздоръ, вѣдь ребенокъ вздоромъ-то и ми
и дорогъ.

Что за нищета въ Силезіи! Ужасъ! Нищихъ здѣсь больше, чѣмъ у насъ взяточниковъ. Нѣмцы — народъ добродушный, но тупой и безвкусный. Они мнѣ порядочно надоѣли.

Кланяйся отъ меня всѣмъ нашимъ знакомымъ. Некрасовъ, вѣроятно, давно уже воротился изъ Москвы, проси его и Панаева писать ко мнѣ о всевозможныхъ литературныхъ новостяхъ, слухахъ и сплетняхъ: это для меня будетъ невыразимымъ лакомствомъ. Что М. А. Комарова? Обнимаю всѣхъ васъ. В. Б.

Письмо это идетъ сегодня (7-го), а будетъ еще много. Кстати: я вспомнилъ, что Тургеневъ носитъ на шеѣ красную шерстинку (шерстяную нитку, которой шьютъ по канвѣ), для предохраненія себя отъ горловыхъ простудъ. Не знаю, вѣрно ли это средство, но онъ увѣряетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ носитъ эту вещь, ни разу не простуживался. Анненковъ очень расположенъ къ простудамъ этого рода, и у него начало болѣть горло, но онъ надѣлъ, по совѣту Тургенева, шерстинку— и простуда прошла. Можетъ быть, это и не отъ того, но во всякомъ случаѣ, я думаю, ты не дурно бы сдѣлала, если бы надѣла Олѣ на шею ожерелье изъ цвѣтной берлинской шерсти, которое она приметъ за украшеніе.

Теперь уже пиши въ Парижъ на мое имя, poste restante.

Погода опять портится—утро было чудное, въ 5 часовъ было тепло, а въ $5^1/_2$ — жарко, а вотъ, теперь (10 ч.) сбираются тучи, и, кажется, быть бурѣ. Лишь бы не сдѣлалось холодно, а то ничего. Я чувствую, что холодная погода губитъ меня. Ну, прощай еще разъ. Обнимаю тебя.

67.

Дрезденъ. 7 (19) іюля 1847.

Послѣднее письмо твое отъ 24-го іюня не застало меня въ Зальцбруннѣ, и я получилъ его въ Дрезденѣ. Изъ него увидѣлъ я, какъ намъ надо быть осторожными другъ съ другомъ. Я потому поопоздалъ письмомъ къ тебѣ, что хотѣлъ отвѣчать разомъ на оба письма твои и поджидалъ втораго. Это было съ моей стороны непростительно глупо, и давно уже догадался, что надѣлалъ бѣдъ. Ну, дѣлать нечего!

Только, ради Бога, впередъ будь спокойнѣе, если долго не будешь получать отъ меня писемъ. Вѣдь не всегда же можно писать, когда нужно.

Что же касается до твоихъ опасеній насчетъ не только моего здоровья, но и жизни, то они, слава Богу, до того далеки отъ истины, что твое письмо къ Тургеневу даже разсмѣшило насъ противоположностью твоихъ страховъ съ моимъ состояніемъ. Противъ того, какимъ я чувствовалъ себя, выѣзжая изъ Питера, я теперь чувствую себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, хотя кашель, удушье и головная боль и остались еще при мнѣ. Но нѣсколько теплыхъ дней (особенно послѣдніе два дня въ Дрезденѣ) даютъ мнѣ надежду, что хорошая погода докончитъ дѣло зальцбрунной воды. Только два дня теплыхъ.—и я уже откашливаюсь, стукотня въ голову сдѣлалась гораздо сноснѣе, а припадки удушья рѣже. Но главное, я сталъ несравненно крѣпче тѣломъ и бодрѣе духомъ. Сплю и ѣмъ какъ нельзя лучше.

Я теперь въ Дрезденѣ съ Анненковымъ, а Тургеневъ улетѣлъ отъ насъ въ Лондонъ; впрочемъ, въ Парижѣ мы съ нимъ съѣдемся. Изъ Зальцбрунна мы выѣхали 3 (15) іюля, въ четвергъ. Въ послѣдній разъ всталъ я въ 5 часовъ утра, проглотилъ насильно чашку ослинаго мо-

лока, въ послѣдній разъ пошелъ на водопой и насильно проглотилъ стакановъ. Пришелъ домой — и сейчасъ укладываться. Въ 12 часов выѣхали. Въ Дрезденѣ мы остановились по слѣдующимъ причинамъ Анненковъ давно не былъ въ Галлереѣ, а я — шить бѣлье. Ты очен кстати упомянула въ одномъ изъ твоихъ писемъ объ этомъ предметѣ Я какъ-то сказалъ Анненкову, что думаю сдѣлать себѣ бѣлья въ Па рижѣ. „Зачѣмъ же въ Парижѣ?“ — „Да гдѣ же? Вѣдь тамъ оно де шево“. — „Дешевле, чѣмъ въ Россіи, и дороже, чѣмъ гдѣ-нибудь“— „Такъ гдѣ же надо шить бѣлье?“—„Разумѣется, или въ Дрезденѣ, ил въ Берлинѣ; но въ Дрезденѣ всего лучше, и я самъ тамъ шилъ себ бѣлье“.

Изъ Дрездена мы ѣдемъ на Веймаръ и Эрфуртъ по желѣзной до рогѣ. Эрфуртомъ желѣзная дорога прекращается, и намъ придется д Франкфурта-на-Майнѣ ѣхать сутокъ двое съ половиною, а может быть, и трое въ дилижансѣ; зато изъ Франкфурта до самаго Париж уже ни одной версты не проѣдемъ на лошадяхъ, а все или по желѣз ной дорогѣ, или на пароходѣ по Рейну. Черезъ Брюссель проѣдемъ в Парижъ. Если буду писать къ тебѣ съ дороги, то изъ Брюсселя, и т въ такомъ только случаѣ, если остановимся въ немъ дня на два—н три, иначе писать трудно, потому что дорога утомляетъ людей и по крѣпче меня. И потому, не безпокойся, если послѣ этого письма долг не будешь получать писемъ отъ меня. Можетъ случиться и такъ, чт даже по пріѣздѣ въ Парижъ я не тотчасъ напишу къ тебѣ, а отдох нувъ, осмотрѣвшись, а главное—побывавши у Тира-де-Мальмора. Тогд я буду въ состояніи написать тебѣ о себѣ что-нибудь положительное

Знаешь ли сколько я заплатилъ Цемплину? Три талера—это такса Не думай поэтому, чтобы онъ мало получалъ. Въ Зальцбруннъ еже годно пріѣзжаетъ тысячи три народа. Если половина изъ нихъ запла титъ ему по три талера, выйдетъ сумма въ 4,500 талеровъ, т. е. в 15.000 рублей асс. слишкомъ. Да сверхъ того онъ получаетъ много с своего заведенія сыворотки, на которомъ еще мошенничаетъ, дѣлая е изъ коровьяго молока вмѣсто козьяго. Вообще я въ Зальцбруннѣ про жилъ, съ квартирою, столомъ, сывороткою, ослинымъ молокомъ, во дою,—словомъ, всѣмъ, менѣе 250 франковъ. Это страшно дешево.

Письмо твое, другъ мой, немножко пахнетъ сумасшествіемъ. Письм къ Тургеневу писано 22-го по случаю неполученія отъ меня писемъ, послано оно 24-го, когда уже ты получила мое письмо и увѣрилас что я живъ. Въ отвѣтъ на мое письмо ни полстроки, ни полслов Видно, что заметалась вовсе. Поэтому, мнѣ было бы крайне пріят сейчасъ же, по пріѣздѣ въ Парижъ, отправиться на почту, въ отд леніе poste restante, и найти тамъ твое письмо, писанное въ спокойно духѣ и съ хорошими извѣстіями о состояніи здоровья и духа всѣхъ вас

Послѣднее письмо изъ Зальцбрунна послалъ я къ тебѣ в среду, 7-го іюля н. ст. Тамъ я писалъ, что день портится, тучи прошли, день былъ яркій и знойный. Мы поѣхали въ старый з мокъ Фюрштенштейнъ, и я, къ моему удивленію, съ интересомъ осматр валъ его 500-лѣтнія древности лазилъ по лѣстницамъ, уставалъ, т жело дышалъ, но не задыхался и не чувствовалъ боли въ груди. Э отъ теплой погоды. Воротился я порядочно уставши, съ полчаса п кашливалъ въ постели, послѣ чего заснулъ такимъ богатырскимъ сно что не слышалъ и не подозрѣвалъ ужаснѣйшей бури, почти всю но свирѣпствовавшей надъ Зальцбрунномъ. Четвергъ былъ опять зноен

часа въ два пополудни была буря съ громомъ, молніею, проливнымъ дождемъ и яркимъ солнцемъ вмѣстѣ. Потомъ все стало холоднѣе и холоднѣе. А въ день выѣзда я въ тепломъ пальто чуть не дрожалъ отъ холода. Но по выѣздѣ изъ Брюсселя въ вагонѣ было душно, а по пріѣздѣ въ Дрезденъ и въ 10 часовъ вечера тяжело было дышать отъ жару. Предпрошлую ночь я почти всю не спалъ, а на нынѣшнюю потому только спалъ, что окно было отворено, и я даже поутру не проснулся отъ свѣжести, накрывшись одной простынею. Однако, сегодня день довольно свѣжій. Прощай, другъ мой. Обнимаю тебя и всѣхъ васъ. В. Б.

. . . Чуть было не забылъ сказать, что наканунѣ выѣзда изъ Зальцбрунна Анненковъ говорилъ съ Цемплинымъ обо мнѣ, спрашивалъ его о діэтѣ и пр. Цемплинъ между прочимъ сказалъ ему, что, судя по цвѣту лица моего, я сильно поправился противъ того, какъ пріѣхалъ въ Зальцбруннъ. Дѣйствительно, я самъ не надивлюсь теперь здоровому выраженію моего лица.

Свидѣтельство.

„Коллежскій секретарь Павелъ Васильевъ, сынъ Анненковъ... симъ свидѣтельствуетъ, что дворянинъ Виссаріонъ Григорьевъ, сынъ Бѣлинскій, не токмо что не преданъ землѣ за-живо, какъ у нѣкоторыхъ подозрѣніе оказывается, но и намѣренъ сему воспротивиться всѣми своими силами и съ успѣхомъ, какой истинному старанію и усердію всегда предлежитъ. Мы же въ отстраненіе всякихъ толковъ сіе наше свидѣтельство даемъ, сколько для признанія истины, коей всегда были вѣрный слуга, столько и для того, чтобъ персонамъ, духомъ смущеннымъ, оное было не токмо въ успокоеніе, но и въ надежду лучшаго порядка вещей, какъ изъ существа дѣла начинаетъ уже оказываться, въ увѣреніе чего и подпись нашу съ гербомъ моей печати прилагаемъ. Іюля 19-го 1847 г. городъ Дроздъ.

Коллежскій секретарь и не кавалеръ Павелъ Васильевъ, сынъ Анненковъ.

Сіе свидѣтельство дано Марьѣ Васильевнѣ Бѣлинской, которой при семъ случаѣ датчикъ поручаетъ себя въ воспоминаніе“.

Анненковъ хотѣлъ это свидѣтельство утвердить подписью саксонской палаты депутатовъ, но я увѣрилъ, что можно обойтись даже и безъ его гербовой печати, за которою ему надо было лѣзть въ чемоданъ. Кланяйся отъ насъ всѣмъ нашимъ знакомымъ. Одинъ изъ трехъ листковъ послѣдняго моего письма къ тебѣ принадлежитъ Тютчеву, Некрасову и т. д. А ты въ своемъ письмѣ ни слова не сказала, что отдала его Языкову. В. Б.

68.

Парижъ, 3 августа, н. с., 1847 г. [1]).

Письмо твое отъ $^{3}/_{15}$ іюля, chère Marie, я получилъ въ poste restante, на третій день по пріѣздѣ въ Парижъ. Хоть ты въ немъ и не говоришь положительно, что твое положеніе опасно, но оно тѣмъ не менѣе почему-то произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Я теперь только о томъ и думаю, какъ бы поскорѣе домой, да чтобъ ужъ больше одному не ѣздить отъ семейства дальше, какъ изъ Петербурга въ Москву. Вообще все письмо твое дышетъ нездоровьемъ. Конечно, къ

[1]) „Дѣло“ сборникъ въ пользу СПБ. Женскаго медицинскаго института М. 1889 г.

нездоровью намъ давно уже пора привыкнуть, какъ къ нормальному нашему положенію, но мнѣ почему-то кажется, что ты несовсѣмъ въ безопасномъ положеніи. День, въ который новое письмо твое разувѣритъ меня въ этомъ предположеніи, будетъ однимъ изъ лучшихъ дней въ моей жизни. Мнѣ такъ тяжело и грустно отъ мысли о твоемъ здоровьѣ, что не хочется писать о себѣ, и если я дѣлаю это, то потому только, что могу сообщить тебѣ положительно хорошія извѣстія о состояніи моего здоровья, и надѣюсь разсѣять твои болѣзненныя предположенія на мой счетъ.

Я уже писалъ тебѣ, что мы съ Анненковымъ остановились въ Дрезденѣ на 4 дня. Тамъ я сшилъ себѣ дюжину рубахъ. Оттуда до Эйзенаха ѣхали мы по желѣзной дорогѣ. Въ Эйзенахѣ остановились ночевать. Поутру осмотрѣли замокъ Вартбургъ, въ которомъ содержался Лютеръ. Въ часъ мы выѣхали изъ Эйзенаха во Франкфуртъ на Майнѣ, уже въ дилижансѣ, потому что на этомъ пространствѣ (140 верстъ) желѣзная дорога еще не готова. Ѣхать въ дилижансѣ послѣ желѣзной дороги пытка: тѣсно, душно, да еще проклятые нѣмцы курятъ сигары... Тоска, смерть, да и только. Но всякой пыткѣ бываетъ конецъ, и часовъ около 7 на другой день поутру мы пріѣхали во Франкфуртъ. Тутъ мы ночевали, а на другой день переѣхали, по желѣзной дорогѣ, ночевать въ Майнцъ. Изъ Майнца отправились на пароходѣ по Рейну. День былъ гнусный: осенній мелкій дождь, вѣтеръ, холодъ. Въ каютѣ душно, на палубѣ мокро, сыро и холодно; одно спасеніе — въ боковой каюткѣ на палубѣ, но тамъ курители сигаръ, эти мои естественные враги. Все это сдѣлало то, что я холодно смотрѣлъ на удивительныя мѣстоположенія, на виноградники, на средневѣковые замки, какъ реставрированные, такъ и въ развалинахъ. Вечеромъ прибыли въ Кельнъ. Когда я сказалъ Анненкову, что рѣшительно не намѣренъ терять цѣлый день, чтобы полчаса посмотрѣть на Кельнскій соборъ,—съ нимъ чуть не сдѣлался ударъ. Онъ дико хохоталъ, всплескивалъ руками—я думалъ, что съ ума сойдетъ. Поутру мы пустились по желѣзной дорогѣ на Брисель, куда и прибыли вечеромъ. Въ Briселѣ ночевали и провели слѣдующій день, ради усталости отъ дороги. Были въ соборѣ, куда попали на отпѣваніе покойника. Еще прежде видѣлъ я католическихъ поповъ: верхъ безобразія! Наши передъ ними красавцы; по крайней мѣрѣ, какъ замѣтилъ Анненковъ, питторескны, съ ихъ длинными волосами, бородою и широкимъ длиннымъ платьемъ. А здѣшніе — бритые, коротко-остриженные, съ трехъуголками на головѣ, въ длинномъ, но узкомъ платьѣ — мочи нѣтъ, какъ гадки. Но служба эффектна, особенно въ огромномъ соборѣ, когда, при пѣніи хора, органъ отвѣчаетъ трубѣ. Ну, да объ этомъ поговоримъ при свиданіи. На другой день, въ $8^1/_2$ часовъ поутру, отправились мы по желѣзной дорогѣ, въ Парижъ, куда и прибыли часовъ въ 6 вечера. Когда мы еще приближались только къ французской границѣ, то уже начали чувствовать сильную перемѣну въ погодѣ: тепло, почти жарко, а въ Парижѣ нашли такую погоду, какой я уже не надѣялся нынѣшнимъ лѣтомъ и во снѣ видѣть. Переодѣвшись, поѣхали мы къ Герцену; тамъ всѣ были такъ рады намъ, особенно эта добрѣйшая Марья Ѳедоровна Коршъ. Проболтали часовъ до 12. На другой день (въ пятницу, 30 іюля) одинъ изъ моихъ парижскихъ друзей долженъ былъ привести ко мнѣ Тира де Мальмора; однако явился безъ него, потому что, ждавши его нѣсколько часовъ, едва могъ переговорить съ нимъ нѣсколько минутъ и взять съ него слово пріѣхать съ нимъ завтра ко мнѣ. Отъ этого прожданья не успѣли мы

съѣздить на почту; впрочемъ, оттого больше, что узнали, что почта открыта только до 4 часовъ вечеромъ. Пошли въ Тюильри. Меня съ перваго взгляда никогда и ничто не удовлетворяло—даже Кавказскія горы, но Парижъ съ перваго же взгляда превзошелъ всѣ мои ожиданія, всѣ мечты. Тюильрійскій дворецъ, съ его площадью, обсаженною каштанами, съ его террасою, съ которой смотришь на place de la Concorde (что прежде была площадь Революціи) съ ея обелискомъ, великолѣпными фонтанами — это, просто, братецъ ты мой, Шехеразада. Вечеромъ поѣхали мы (Герценъ съ Натальей Алексѣевной, я и Анненковъ) въ Пале-Ройяль: новое чудо, новая Шехеразада! Представь себѣ огромный четвероугольникъ залитыхъ огнемъ роскошныхъ магазиновъ, а въ серединѣ каштановый лѣсъ, съ большимъ бассейномъ, въ центрѣ котораго бьетъ въ формѣ плакучей березы огромный фонтанъ! Вечеръ былъ до того тепелъ, что такъ и тянуло стать подъ самый фонтанъ, чтобъ освѣжиться его холодными брызгами. Но обо всемъ этомъ лучше говорить, чѣмъ писать. На другой день (въ субботу), часу въ 12-мъ, пріѣхалъ докторъ. Долго, внимательно слушалъ онъ меня, а потомъ сказалъ, что нѣтъ никакого сравненія моего положенія съ положеніемъ, въ которомъ онъ началъ лѣчить M-me Языкову, что онъ нисколько не считаетъ меня опаснымъ больнымъ и надѣется въ 1½ мѣсяца не только возстановить мою грудь, но и вогнать меня въ тѣло, т.-е. заставить потолстѣть и пожирѣть.

69.

Августа 4.

Вчера я писалъ словно пьяный, или какъ будто во снѣ: меня мучила тошнота отъ лѣкарства, и потому не удивляйся нескладицѣ моего языка. Продолжаю. Докторъ объявилъ затѣмъ, что мнѣ надо жить не въ Парижѣ, а въ maison de santé въ Passy, предмѣстьи Парижа. Причины: тамъ лучше воздухъ, а въ Парижѣ нельзя еще и вести правильнаго образа жизни, тогда какъ мнѣ слѣдуетъ ложиться не позже 10 ч. вечера, а вставать раньше. Отнялъ у меня кофе, говоря, что онъ раздражаетъ нервы и вредитъ легкимъ. Онъ нашелъ, что у меня въ легкихъ есть два завала, оба въ плечахъ, но что завалъ праваго плеча незначителенъ, а надо обратить вниманіе на завалъ лѣваго плеча и разбить его. Дѣйствительно, еще въ Зальцбруннѣ я не разъ говорилъ Т. и А—ру, что мнѣ нельзя лежать ни на которомъ боку, потому что отъ этого дѣлается у меня болѣзненное сжатіе въ груди. Я сказалъ ему, что, по словамъ моего доктора, у меня были раны на легкомъ тутъ-то, и указалъ ему мѣсто; онъ тотчасъ бросился слушать и сказалъ, что дѣйствительно раны были, но что онѣ совершенно затянулись и теперь уже ничего не значатъ въ моей болѣзни. Прописавши лѣкарства и давши адресъ дачи, онъ уѣхалъ. Мы поѣхали съ Тургеневымъ (который словно съ неба свалился къ намъ — на другой день нашего пріѣзда въ Парижъ) на почту, гдѣ я получилъ твое письмо и отъ Некрасова, а Т. получилъ 7 № „Совр.". Письмо твое нагнало на меня сильную тоску, какъ я уже говорилъ тебѣ. Передъ тѣмъ какъ ѣхать на почту, я принялъ микстуры и пилюли, а потомъ повторилъ это на ночь—и на утро мой кашель былъ уже легче. Въ воскресенье мы съ Анненковымъ пріѣхали въ Пасси. Черезъ полчаса пріѣхалъ туда и Тургеневъ. Они пробыли у меня часа 4, до пріѣзда доктора. Я выбралъ себѣ комнату по вкусу, очень уютную и спокойную. Когда я остался одинъ, на меня напала спячка, продолжающаяся до сихъ поръ. Въ по-

недѣльникъ докторъ прибѣгалъ ко мнѣ три раза. Во 2-й разъ онъ пришелъ, узнавши, что у меня Анненковъ. Толкуетъ, хлопочетъ, мечется; такого вниманія и вообразить трудно. Самъ положилъ мнѣ пластырь на лѣвое плечо; самъ носитъ жаровню съ горячими угольями, на которые сыплетъ какой-то порошокъ, запахъ котораго сильно походитъ на ненавистный мнѣ ладанъ. И я долженъ вдыхать въ себя эту мерзость, при закрытыхъ окнахъ. Третьяго дня я началъ принимать его радикальное, имъ изобрѣтенное лѣкарство — eau péctorale dissolvante, — и вотъ уже другое утро, какъ я ни разу не кашлянулъ, въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ! (Днемъ же я уже нѣсколько дней, какъ не кашляю). Только отъ этого лѣкарства тошнитъ — въ немъ есть что-то ядовитое. Вчера m-r Tirat сказалъ Анненкову, послушавъ меня, что онъ вылѣчитъ меня уже не въ 1½ мѣсяца, а въ 15 дней, потому что лѣкарство на меня дѣйствуетъ удивительно.

Изъ этого ты видишь, что я бросился къ Tirat не по желанію пить воды въ Эмсѣ. О водахъ въ Эмсѣ мнѣ Тильманъ ничего не говорилъ, а Цемплину я не вѣрю не потому, что онъ получаетъ 50000 тал., а потому, что онъ шарлатанъ, невѣжда и мошенникъ. А что Тильманъ меня послалъ къ нему, это очень просто: больше не къ кому было послать, — на этихъ водахъ всего два доктора, одинъ шарлатанъ и невѣжда, но не дуракъ, а другой и шарлатанъ, и невѣжда, и дуракъ вдобавокъ. Я уже не говорю о томъ, что Тильманъ для меня совсѣмъ не то, что Магометъ для музульманъ. Онъ прекрасный докторъ и прекрасный человѣкъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ люди, съ которыми онъ связанъ знакомствомъ и которыхъ онъ хвалитъ, походили на него, и чтобы онъ не могъ ошибиться. Я обратился къ Tirat, какъ къ извѣстному въ Европѣ спеціальному для грудныхъ болѣзней доктору, изобрѣтшему новое и самое дѣйствительное противъ чахотки средство, тайну котораго онъ хранитъ для себя. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія умереть, а, напротивъ, имѣю сильное желаніе жить; сверхъ того, я обязанъ семействомъ стараться о сохраненіи моей жизни. Теперь хорошъ бы я былъ, если бъ предпочелъ г. Цемплина, доказавшаго мнѣ свое невѣжество и свое невниманіе къ больнымъ, г-ну Tirat, о которомъ Анненковъ разсказывалъ мнѣ чудеса, которыхъ очевиднымъ свидѣтелемъ онъ былъ самъ, ежедневно посѣщая m-me Языкову. Но твое болѣзненное воображеніе и тутъ умѣло сочинить цѣлую небывалую исторію, чтобы мучить тебя. Ты вообразила, что Языкова лѣчилась года полтора и т. д. Слушай же, какъ она лѣчилась. Она цѣлые дни палила и жгла папиросы, несмотря на строжайшее запрещеніе Tirat, сама ихъ приготовляла на машинкѣ, сидя надъ кучею табаку и вдыхая въ себя его ядовитую пыль. Вмѣсто того, чтобы ложиться въ 9 и въ 10 часовъ, она просиживала ночи до 5 часовъ. Сверхъ того, она считаетъ себя большимъ знатокомъ въ медицинѣ и, лѣчась лѣкарствами Tirat, принимала еще и свои. А лѣчилась она у него не 1½ года, какъ пишешь ты, а только одну зиму, — и несмотря на все это, несмотря на то, что онъ нашелъ ее готовою умереть черезъ три дня, — онъ отпустилъ ее въ Россію почти здоровою. Вѣдь это уже не просто лѣченіе, а что-то въ родѣ чуда! Нѣтъ, что касается до меня, у меня есть какое-то глубокое убѣжденіе, что Tirat сдѣлаетъ меня совершенно здоровымъ, приведетъ въ лучшее положеніе, нежели въ какомъ я былъ лѣтъ 5 назадъ. Ты все думаешь, что я бросился въ Парижъ для удовольствій, для кутежа; а если бы не слова Анненкова о Tirat, такъ я изъ Зальцбрунна бросился бы сломя голову въ Петербургъ. Я увѣренъ, что ты думаешь

теперь, что я уже и Богъ знаетъ какъ повредилъ себѣ разными наслажденіями, и виномъ, и прочимъ; но я — мое тебѣ честное слово — до сихъ поръ ни капли вина въ ротъ не взялъ, а о прочемъ, можетъ-быть, и не подумалъ ни разу. Я совсѣмъ не такъ жаденъ къ удовольствіямъ, какъ ты думаешь, и если я дѣйствительно нѣсколько повредилъ себя виномъ прошлое лѣто, такъ это вина не моя, а Тильмана: скажи онъ мнѣ, что у меня были раны на легкихъ и что я легко, при невоздержаніи, могу дойти вотъ до такихъ-то и такихъ-то послѣдствій, — да мнѣ насильно никто не впустилъ бы въ ротъ капли вина. Вотъ и съ этой стороны Tirat особенное внушаетъ къ себѣ довѣріе: онъ сказалъ, что считаетъ долгомъ обманывать только такихъ больныхъ, какіе неизлѣчимы и близки къ смерти; но что какъ скоро есть какая-нибудь надежда на излѣченіе, онъ никогда не скрываетъ отъ больного его положенія, но говоритъ ему сущую правду, а уже тотъ веди себя самъ, какъ хочетъ.

Какъ только Tirat выпуститъ меня изъ своего maison de santé и скажетъ мнѣ, что ему больше нечего дѣлать со мною,—сейчасъ же скачу домой, и если промедлю недѣльку въ Парижѣ (мнѣ хочется посмотрѣть на театры), то въ такомъ только случаѣ, если извѣстія отъ тебя будутъ благопріятны.

Насчетъ шерстинки ты не такъ меня поняла: ее надо Олѣ носить постоянно, какъ предохранительное отъ горловой простуды средство, а не надѣвать временно, какъ лѣкарство. Я въ нее не вѣрю, потому что самъ не ношу. Впрочемъ, Tirat надѣлъ на меня нѣчто похуже шерстинки—фланелевую фуфайку—и велѣлъ всю жизнь, и днемъ, и ночью, и зимою и лѣтомъ, носить подъ рубашкою! И я уже надѣлъ. Вчера былъ день холодный, такъ ничего, а сегодня опять жаръ — такъ мочи нѣтъ, да еще пластырь рветъ грудь.

За комнату, столъ и прислугу я плачу 200 фр. въ мѣсяцъ. Лѣченье съ лѣкарствами обойдется столько же. У дома садъ, а изъ сада калитка ведетъ въ Булонскій лѣсъ. Обѣдаю я въ 6 часовъ вечера, завтракаю часовъ въ одиннадцать. Кофею не пью.

Что это дѣлается съ Агриппиною? Впрочемъ, тамъ, гдѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 12 градусовъ тепла — рѣдкость, мудрено быть здоровымъ. Ты мнѣ ни слова не пишешь, лѣчитесь ли вы? Спасибо тебѣ за подробности объ «Ольгѣ Висаеновнѣ Гыиголевнѣ»: онѣ меня много порадовали.

Анненковъ ѣздитъ ко мнѣ каждый день. Сегодня я поѣду къ нему обѣдать: это мнѣ позволено, лишь бы возвращаться домой часу въ десятомъ. Лѣкарство же я принимаю только по утрамъ, да на ночь, а днемъ свободенъ. А что касается до знакомства съ «кондрашкою», то Анненковъ самъ давно знаетъ, что ему едва ли миновать его.

Скажи Тютчеву, что въ одномъ со мною домѣ будетъ жить ex-министръ Тестъ: онъ знаетъ, о комъ идетъ дѣло, и тебѣ объяснитъ. Кланяйся всѣмъ нашимъ знакомымъ, кого увидишь. Ровно черезъ недѣлю послѣ полученія этого письма ты получишь другое. Боюсь я, что долгое неполученіе этого письма тебѣ надѣлаетъ много зла. А что же мнѣ было дѣлать? Дорогою не до писанья, а изъ Парижа хотѣлось написать что-нибудь поположительнѣе. Затѣмъ прощай. Обнимаю и цѣлую всѣхъ васъ. Твой В. Бѣлинскій.

70.

Парижъ, 14 Августа, н. с. 1847 г.

Мнѣ почти нечего и не о чемъ писать къ тебѣ, chère Marie. И потому пишу больше потому, чтобы ты не безпокоилась о мнѣ. Я объ-

щалъ въ прошломъ письмѣ послать тебѣ слѣдующее ровно черезъ недѣлю; но это какъ-то не удалось. Я все ждалъ письма отъ тебя, самъ не зная почему, а все ждалъ. Не получая давно извѣстій отъ тебя, я по этой причинѣ порядочно безпокоюсь и скучаю, но пока еше не теряю духа. Здоровье мое видимо поправляется. Я могу сказать тебѣ положительно и утвердительно, что теперь чувствую себя въ положеніи едва ли не лучшемъ, нежели въ какомъ я былъ до моей страшной болѣзни осенью 1845 года; если же не въ лучшемъ, то уже и нисколько не въ худшемъ. Кашлю почти нѣтъ вовсе, а если и случится иной день разъ закашляться, — это такъ легко въ сравненіи съ прежними припадками кашля, что и сказать нельзя. Иные же дни не случается кашлянуть ни разу—чего со мною уже сколько лѣтъ какъ не бывало! Лучше всего то, что меня оставилъ утренній кашель, самый мучительный, какъ ты должна это помнить. Теперь я по утрамъ только харкаю и отхаркиваюсь безъ труда и усилія, но уже не кашляю вовсе. Прежде меня мучило такое ощущеніе въ груди, какъ будто мои легкія засыпаны пескомъ; теперь этого ощущенія нѣтъ вовсе — я дышу свободно и могу вздохнуть глубоко. Еще недавно, при глубокомъ вздохѣ, я чувствовалъ боль въ бокахъ, подъ ребрами—теперь и это проходитъ. Вообще, со стороны дыханія, я въ лучшемъ положеніи, нежели въ какомъ былъ въ 1844 году. Вотъ тебѣ всѣ новости о моемъ здоровьѣ. Сплю какъ убитый, ѣмъ славно. Только желудокъ по временамъ бываетъ разстроенъ: но это явно дѣйствіе лѣкарствъ, которыя я принимаю. Что дѣлать! Лѣча одну болѣзнь, медикаменты производятъ другую. Но это зло временное. Даже головная боль, появлявшаяся у меня прошлою осенью, при установкѣ книгъ, проходитъ видимо. Итакъ, что касается до меня, все хорошо. Скучаю сильно, хочется скорѣе домой, надоѣло шататься; безпокоюсь о васъ, боюсь получить дурное извѣстіе; но, за исключеніемъ этого, я въ такомъ положеніи, въ которомъ желалъ бы и вамъ быть.

Въ прошломъ письмѣ я забылъ тебѣ отвѣтить насчетъ переѣзда въ Москву. Этотъ вопросъ я представляю вполнѣ на твое рѣшеніе: какъ хочешь, такъ тому и быть. Пожалуй даже хоть и вовсе не переѣзжать. Въ послѣднемъ случаѣ мнѣ жаль только того, что я продалъ шкапы. Но что-жъ дѣлать!

Ахъ, какъ мнѣ хочется видѣть Олю—мочи нѣтъ! Но пока цѣлую ее заочно. Прощай. Пиши ко мнѣ; но если-бъ ты могла написать мнѣ насчетъ своего здоровья такія же хорошія вѣсти, какъ я тебѣ насчетъ моего,—больше я ничего бы не желалъ. Что Агриппина? Лучше ли хоть ей? Прощай. Твой В. Б.

71.

Парижъ, 22 августа 1847 г.

Въ прошлую середу (18 авг.) неожиданно получилъ я твое письмо, chère Marie, котораго такъ долго ждалъ. Паспортъ мой постоянно находится у Анненкова, чтобы онъ могъ брать мои письма на poste restante. Герценъ съ Н. А. и сыномъ уѣхалъ въ Гавръ, — его сыну докторъ предписалъ брать морскія ванны,—Марья Ѳедоровна Коршъ осталась одна съ Наташею. Въ середу пріѣзжаю къ ней; черезъ часъ является Анненковъ и подаетъ мнѣ твое письмо. Еще за недѣлю передъ тѣмъ онъ подалъ мнѣ также письмо, но то было отъ Гоголя. Я и на этотъ разъ боялся, не отъ чужихъ ли отъ кого. Что сказать тебѣ о впечатлѣніи, которое произвело на меня и это письмо? Изъ него я уви-

дѣлъ, что ты продолжаешь быть больною, и что болѣзнь твоя серьзна; ею отзывается каждое слово твоего письма, и ты высказываешь ее больше, нежели сколько хочешь высказать. Я не хочу говорить, какъ это на меня дѣйствуетъ. Удивляюсь только тому, что ты ни слова не пишешь о томъ, лѣчишься, или нѣтъ, бываетъ у тебя Тильманъ, или нѣтъ. Что касается до меня,—я, конечно, еще не выздоровѣлъ, но тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого сравненія съ тѣмъ, что я былъ, еще недавно, еще въ Зальцбруннѣ, и чѣмъ я сталъ теперь. Кашель еще есть, хоть онъ бываетъ рѣдко и его припадки очень слабы, но бываетъ—не хочу тебя обманывать ложными извѣстіями. Но не забудь, что по утрамъ кашля у меня вовсе не бываетъ; а ты помнишь, что по утрамъ у меня были постоянные и сильные припадки кашля. Они продолжались и въ Зальцбруннѣ, и дорогою; прекратились же дня черезъ три послѣ того, какъ я началъ лѣчиться у Tirat. Если же теперь бываетъ кашель, то не въ опредѣленное время, а какъ-то нечаянно, неожиданно (и не по утрамъ); иногда его дня по два, по три вовсе не бываетъ. Вотъ, напр., дня два назадъ стояла въ Парижѣ такая знойная погода, что я два вечера трудно засыпалъ, метаясь въ постели и чувствуя, что мнѣ не достаетъ воздуха для дыханія. Этотъ нестерпимый зной произвелъ нѣкоторое раздраженіе въ моихъ легкихъ, и я эти два дня покашливалъ изрѣдка и слегка, при чемъ чувствовалъ, что головная стукотня еще не прошла у меня. Вотъ тебѣ вся правда о моемъ кашлѣ, тутъ нѣтъ ни іоты преувеличенной, или уменьшенной. Но ты вѣдь хорошо знаешь, что я страдалъ не однимъ кашлемъ, но еще и одышкою, что я не могъ быть въ лежачемъ положеніи, особенно не могъ лежать на спинѣ—какъ, бывало, лягу, такъ и закашляюсь; что дышать для меня было трудомъ, работою, да еше тяжелою; что я безпрестанно чувствовалъ, что мои легкія какъ будто засыпаны мукою или мелкою пылью. Что касается до одышки,—она еще есть и теперь, но уже не такая, какъ была прежде, постоянная и безпричинная: теперь, если она бываетъ, то отъ усталости, отъ лѣстницы, отъ много движенія, если и не труднаго, то быстраго (особенно отъ наклоненія корпусомъ къ полу, что-бъ поднять что-нибудь). И притомъ эта одышка до того легка въ сравненіи съ прежнею, что я ее почти не замѣчаю, тѣмъ болѣе, что иногда по цѣлымъ днямъ вовсе не испытываю ея. Въ лежачемъ положеніи мнѣ теперь такъ же удобно, какъ и въ стоячемъ, и я могу по нѣскольку часовъ сряду лежать на спинѣ, не чувствуя ни малѣйшаго раздраженія или стѣсненія въ груди и позыва къ кашлю. Дышу я теперь легко, а въ погоду теплую и нѣсколько сырую даже наслаждаюсь процессомъ дыханія; и ни въ какую погоду уже не чувствую, чтобы мои легкія были засыпаны какою-нибудь дрянью. Послѣднее радуетъ меня больше всего,—и въ этомъ отношеніи я чувствую себя рѣшительно и положительно лучше, нежели какъ я былъ весною и лѣтомъ 1845 года, до моей страшной болѣзни. По временамъ чувствую нѣкоторую боль въ груди, но эта боль имѣетъ особенный характеръ: она не только легка, даже пріятна, какъ всякая боль послѣ ушиба или раны, когда больное мѣсто уже залѣчено, но еще отзывается старою болью. Вотъ тебѣ самый подробный и вѣрный отчетъ о состояніи моего здоровья. Заключаю: я еще не выздоровѣлъ, но крѣпко и видимо выздоравливаю. Узнать же, выздоровѣлъ ли я, можно только, проведя осень и зиму въ Петербургѣ.

Во вторникъ (наканунѣ полученія отъ тебя письма) у меня обѣдали Анненковъ и Тургеневъ. Кухарка, подавая кушанье, сказала имъ, что докторъ проситъ ихъ не уѣзжать, не переговоривши съ нимъ. Онъ

всегда радъ моимъ друзьямъ, потому что съ ними ему объясняться, конечно, легче, чѣмъ со мной. Пришедши, онъ объявилъ, qu'il me regarde comme guéri, и что я могу, если хочу, переѣхать въ Парижъ. При этомъ удивлялся скорому на меня дѣйствію лекарствъ. Я сказалъ, что переѣду черезъ недѣлю. И послѣзавтра я дѣйствительно переѣду въ Парижъ, въ сосѣди Анненкову. (А потому, на это письмо когда будешь отвѣчать, адресуй на имя Анненкова, rue Caumartin, 41, съ передачею мнѣ. Это лучше, чѣмъ poste restante; да и если бы случилось, что послѣднее письмо твое не застало бы меня въ Парижѣ, оно все бы не пропало, потому что Анненковъ могъ переслать его). Я очень радъ моему переѣзду въ Парижъ, потому что въ Passy скучаю страшно, и время тянется для меня ужасно медленно,—для избѣжанія чего я часто ѣзжу въ Парижъ. Впрочемъ, переѣздомъ въ Парижъ ни мое лѣченье, ни мой régime не прекращаются. Я буду, по мѣрѣ надобности, видѣться съ m-r Tirat. Въ Парижѣ я думаю прожить до 15 сентября, т.-е. по вашему до 3 сентября. Я вѣдь вовсе не видалъ Парижа, не былъ ни разу въ театрѣ, не ѣздилъ ни въ Версаль, ни въ Сенъ-Клу, ни въ другія замѣчательныя мѣста. Если бы Герценъ утащилъ меня въ какую-нибудь поѣздку подальше и извѣстія отъ тебя были бы поуспокоительнѣе, я, можетъ-быть, остался бы въ Парижѣ и до 1 октября (т.-е. по вашему до 18 сентября)—и вотъ, главное, въ какомъ разсчетѣ: отъ Парижа до Берлина идетъ желѣзная дорога, которая въ Ганноверѣ перерывается 30-ю часами ѣзды въ дилижансѣ, а къ октябрю этого перерыва не будетъ, ибо на этомъ клочкѣ откроется желѣзная дорога. Это, впрочемъ, предположеніе; всего вѣроятнѣе, что я не утерплю и отправлюсь 15 сентября н. ст. Но если бы я пробылъ до октября, то единственно по причинѣ ужаса, какой вдыхаетъ въ меня одна мысль о 30-часовой пыткѣ въ дилижансѣ. Страхъ дилижанса во мнѣ такъ великъ, что я ѣду изъ Берлина на Штетинъ, а оттуда моремъ вплоть до Питера, рискуя подвергнуться всѣмъ возможнымъ качкамъ. Если-бъ я не оставилъ моей шубы въ Берлинѣ, можетъ быть, я рѣшился бы 15 сентября н. с. отправиться въ Гавръ (4 часа ѣзды по желѣзной дорогѣ), а оттуда моремъ до дому—8 сутокъ. И потому всего вѣроятнѣе, что я поѣду 15 сентября на Берлинъ, несмотря на 30 часовъ ѣзды въ дилижансѣ. Но путь мой лежитъ уже не черезъ Дрезденъ. Впрочемъ, въ Брюсселѣ голландское полотно не дороже, чѣмъ въ Дрезденѣ; но для этого надо будетъ остановиться на сутки или больше, чего сохрани Боже! И потому, если можно будетъ, я въ Парижѣ куплю эту гостинку Олѣ; разница въ цѣнѣ будетъ небольшая, ибо въ Парижѣ дорого шитье, а не матеріалъ. Что же касается до твоего желанія на будущее лѣто быть за границей, объ этомъ теперь распространяться рано, и потому скажу коротко, что употреблю для этого всѣ силы, и что если будетъ какая-нибудь возможность, то непремѣнно всею семьею уѣдемъ, хоть мѣсяца на три, за границу. А что Агриппина учитъ Ольгу ругаться, это мнѣ вовсе не нравится. Замѣть, что Ольга называетъ ее „пожилою дѣвкою“ не просто, а когда разсердится. Это дурно. Слову „чудище“ нечего дивиться. Она могла его слышать отъ каждой изъ васъ и запомнить. Ребенокъ долженъ знать только слова ласки и привязанности, а не брани. Я очень вѣрю, что Агриппина въ восторгѣ отъ такихъ выходокъ Оли: это совершенно въ ея эксцентрическомъ характерѣ; но я не понимаю, ты-то чему нашла тутъ радоваться?

Ты пишешь, что Панаевъ и Некрасовъ были у тебя, а не пишешь, взяла ли ты у Некрасова денегъ. Я получилъ отъ В. П. Б—на письмо,

въ которомъ онъ говоритъ, что 1000 р. асс. тебѣ буцетъ имъ непремѣнно доставлена. Говоря о моемъ здоровьѣ, я забылъ сказать, что у меня также не бываетъ кашлю, когда я ложусь спать, какъ и поутру, и что въ силахъ я себя чувствую по крайней мѣрѣ не хуже того, какъ я чувствовалъ себя въ 45 году до болѣзни. Все это сущая правда, безъ всякаго преувеличенія. Пиши и ты о себѣ сущую правду, какова бы она ни была.

Забылъ я еще сказать тебѣ, что и на зиму въ Питеръ Tirat снабдитъ меня своими лѣкарствами. Затѣмъ прощай. Кланяюсь Агриппинѣ и цѣлую Олю. Твой В. Б.

Кланяйся отъ меня Маріанѣ и поздравь съ замужествомъ. Вотъ тебѣ и нянька она! Гдѣ вы найдете такую?

72.

Парижъ, 3 Сентября, н. с., 1847 г.

Еще въ прошлую субботу думалъ ѣхать въ poste restante, но разсчелъ, что рано — нѣтъ еще двухъ недѣль отъ полученія тобою моего перваго письма изъ Парижа. Зато въ понедѣльникъ — ровно двѣ недѣли — пріѣзжаю и спрашиваю письма на мое имя съ полною увѣренностію, что получу его; и вышло что нѣтъ. Въ середу не удалось съѣздить; но вчера (четвергъ) получилъ. Спасибо тебѣ за него; оно успокоило меня. Ты бранишь меня, что я вообразилъ тебя умирающею. Вообразишь, братецъ ты мой, поневолѣ, читая твои письма. Но что толковать объ этомъ! Если ты дѣйствительно не такъ больна, какъ я воображалъ,—этого мнѣ и нужно. Конечно, еще было бы лучше, еслибъ ты вовсе не была больна и совершенно была здорова, но, за неимѣніемъ лучшаго, хорошо и не совсѣмъ худое.

Состояніемъ моего здоровья я продолжаю быть довольнымъ, хотя погода вотъ ужъ около недѣли стоитъ подлѣйшая. Сегодня рѣшительная осень: даже Анненковъ, одаренный отъ природы шубою изъ толстаго слоя жиру, выходилъ сегодня въ тепломъ пальто. А меньше, чѣмъ за недѣлю назадъ, были жары невыносимые, по крайней мѣрѣ, для меня, потому что даже вечеромъ я чувствовалъ, что мнѣ не достаетъ воздуха для дыханія, такъ какъ воздухъ въ жаркую погоду сухъ и жидокъ. Но все это еще бы ничего; худо то, что сѣверный климатъ опасенъ мнѣ не столько холодомъ, сколько этими быстрыми, неожиданными, крутыми переломами погоды. Вотъ гдѣ я обыкновенно простужаюсь и отъ чего я получилъ непрерывный катарръ, который чуть не обратился въ чахотку. И вотъ почему я желалъ переѣхать на житье въ Москву. Климатъ московскій не только не теплѣе, но я думаю, что еще холоднѣе петербургскаго; но онъ постояннѣе; менѣе измѣнчивъ и капризенъ, а оттого менѣе опасенъ мнѣ. Признаюсь, я сильно боюсь Питера.

Я думалъ ѣхать домой 15 сентября (по-вашему 3 сентября); Тургеневъ обѣщалъ проводить меня до Берлина и, пожалуй, до Штетина, но на Тургенева плоха надежда—вотъ онъ показался, было, на нѣсколько дней въ Парижѣ, да и опять улизнулъ въ деревню къ Віардо. Обстоятельства заставляютъ воротиться домой Н. П. Боткина, и онъ мнѣ сказалъ, было, что ѣдетъ тоже 15 сентября, чему я, разумѣется, очень обрадовался; но третьяго дня онъ сказалъ мнѣ, что нельзя ли еще недѣльку утянуть, потому что его жена заказываетъ для себя разныя вещи. Конечно, лучше мнѣ ѣхать черезъ три недѣли съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, нежели черезъ двѣ одному; но я боюсь, чтобы вмѣсто

одной недѣли не потерять, по крайней мѣрѣ, двухъ; тогда какъ мнѣ рѣшительно нечего дѣлать въ Парижѣ, страхъ наскучило и домой тянятъ страшно. Да мнѣ и опасно долго оставаться въ Парижѣ: здѣшняя осень и зима съ каминами вмѣсто печей, съ комнатами безъ зимнихъ рамъ, не по мнѣ. Кромѣ того, Н. П. Боткинъ любитъ ѣздить съ отдыхами. Напр., можно взять билетъ на желѣзную дорогу отъ Парижа прямо до Кельна,—и въ такомъ случаѣ до Кельна на таможняхъ чемодановъ смотрѣть не будутъ; но какъ надо ѣхать часовъ 22 безъ отдыху, то, несмотря на его отвращеніе къ таможеннымъ осмотрамъ, онъ возьметъ билетъ только до Брюсселя, гдѣ будетъ отдыхать. Боюсь я, что съ этими отдыхами мы проѣдемъ до Берлина дней десять или болѣе, вмѣсто какихъ-нибудь пяти дней. И потому, если Тургеневъ пріѣдетъ въ Парижъ около 15 числа и попрежнему будетъ предлагать провожать меня,—я думаю, что уѣду съ нимъ. Но изъ этого ты все-таки сама можешь видѣть, что я не могу назначить тебѣ съ точностію дня моего отъѣзда, а сдѣлаю это въ слѣдующемъ письмѣ, которое будетъ послѣднимъ моимъ письмомъ къ тебѣ изъ-за границы,—особенно, если не придется прожить нѣсколько дней въ Берлинѣ, дожидаясь отхода парохода, а не то, такъ напишу еще изъ Берлина. Во всякомъ случаѣ, на это письмо ты мнѣ уже не отвѣчай, ибо мудрено, чтобы твой отвѣтъ засталъ меня въ Парижѣ.

Поклонъ твой Н. А. Герценъ я передалъ; она благодаритъ тебя и кланяется тебѣ. Она попрежнему худа на видъ, но увѣряетъ, что чувствуетъ себя хорошо. Насчетъ же того, что она скучаетъ въ Парижѣ,— не знаю, кто тебѣ сказалъ, но сказалъ неправду. Что ей скучать—вѣдь они путешествуютъ всею семьею, съ дѣтьми.

Больше писать не о чемъ, и чѣмъ ближе къ отъѣзду, тѣмъ больше не хочется писать. Обнимаю и цѣлую всѣхъ васъ, а Ольгѣ Виссаріоновнѣ, сверхъ того, и нижайше кланяюсь. Анненковъ тебѣ кланяется. Твой В. Б.

73.

Парижъ, 22 сентября 1847 [1]).

Второе письмо мое къ тебѣ было вложено въ письмо къ Некрасову; уже слишкомъ пять недѣль какъ оно отправлено. Но вотъ уже ровно 31 день, какъ послалъ я къ тебѣ мое третье письмо, прося адресовать его на имя Анненкова. И до сихъ поръ нѣтъ отвѣта. Въ ожиданіи его, я нарочно промедлилъ въ Парижѣ дня три. Что это значитъ? Боюсь отвѣчать себѣ на этотъ вопросъ. Сегодня отдамъ это письмо на почту; завтра пойдетъ оно въ Петербургъ, и завтра выѣзжаю и я самъ изъ Парижа. Письмо мое должно упредить меня, потому что мнѣ придется, можетъ быть, ждать въ Берлинѣ нѣсколько дней (сколько именно—не знаю), когда пойдетъ пароходъ. Попроси кого-нибудь изъ нашихъ повидаться съ Гончаровымъ и попросить его, нельзя ли ему доставить мнѣ нѣкую протекцію въ таможнѣ. Это, я думаю, не мудрено, потому что всѣ мои товары состоятъ единственно въ игрушкахъ Олѣ. Наталья Александровна Г. посылаетъ ей, отъ имени своей дочери Таты (Наташи), великолѣпную игрушку съ музыкою; отъ себя—платье; Марья Ѳедоровна Коршъ—швейцарскій домъ. Я купилъ кое-какой дряни франковъ на десятокъ.

---

[1]) Изъ Парижа, по совѣту докторовъ, Бѣлинскій переѣхалъ въ окрестности его и писалъ рѣдко. Это письмо—послѣднее изъ заграничныхъ его писемъ къ женѣ.

Здоровье мое въ хорошемъ положеніи. Больше писать не о чемъ, да и некогда. Если буду имѣть счастіе обнять васъ всѣхъ живыхъ и здоровыхъ, тогда разскажу все, чего въ письмахъ не перепишешь. Прощай, до скораго свиданія, другъ мой. Твой В. Б.

Если въ Берлинѣ мнѣ придется прожить больше трехъ дней, то буду писать оттуда.

1847—1848.

IX.

Къ П. В. Анненкову [1]).

74.

С.-Петербургъ $\frac{\text{1-го}}{\text{13-го}}$ марта 1847 года.

Дрожайшій мой Павелъ Васильевичъ! Боткинъ переслалъ мнѣ ваше письмо къ нему, въ которомъ такъ много касающагося до меня. Не могу выразить вамъ, какое впечатлѣніе произвело оно на меня, мой добрый и милый Анненковъ! Я знаю, что вы человѣкъ обезпеченный, и порядочно обезпеченный, но отнюдь не богачъ, и я знаю, что и не съ вашими средствами за границею 400 франковъ никогда не могутъ быть лишними. Но все-таки не въ этомъ дѣло: это я всегда ожидалъ отъ васъ, и это меня нисколько не удивило, но взволновало. Но ваши строки: „Грустную новость сообщили вы мнѣ о Бѣлинскомъ, новость, которая, сказать признательно, отравляетъ всѣ мои похожденія здѣсь“ тронули меня до слезъ. Я не былъ такъ самолюбивъ и простъ, чтобы вообразить, что вы близки къ отчаянію и, пожалуй, наложите на себя руки, не принялъ ихъ даже въ буквальномъ значеніи, но понялъ все истинное, дѣйствительно въ нихъ заключающееся, понялъ, что мысль о моемъ положеніи иногда дѣлаетъ не полными ваши удовольствія. Но это не все; для меня вы измѣняете планъ своихъ путешествій и вмѣсто Греціи и Константинополя располагаетесь ѣхать ко мнѣ въ Силезію, около Швейдница и Фрейбурга, недалеко отъ Бреславля! Вотъ что скажу я вамъ на послѣднее въ особенности: если бы не чувствовалъ, какъ много и сильно люблю я васъ, ваше письмо вмѣсто того, чтобы преисполнить меня радостью, которую я теперь чувствую, возбудило бы во мнѣ неудовольствіе и досаду. Но довольно объ этомъ. Думаю я отправиться на первомъ пароходѣ, а когда именно пойдетъ онъ, теперь знать нельзя. Зависѣть это будетъ отъ очистки льду на Балтикѣ. Пароходъ съ пассажирами отходитъ изъ Питера въ Кронштадтъ по субботамъ: послѣдняя суббота въ апрѣлѣ приходится 26-го апрѣля (по вашему 8-го мая), первая суббота въ маѣ—$^3/_{15}$-го, вторая—$^{10}/_{22}$-го, третья—$^{17}/_{29}$-го. Итакъ, всего вѣроятнѣе: не раньше $^3/_{15}$-го и не позже $^{17}/_{29}$-го мая. Какъ только самъ узнаю навѣрное, сейчасъ же извѣщу васъ и Тургенева.

Да, я было струхнулъ порядкомъ за свое положеніе, но теперь поправляюсь. Тильманъ ручается за выздоровленіе весною даже и въ Питерѣ, но всегда прибавляетъ: „А лучше бы ѣхать если можно“. Когда

[1]) „П. В. Анненковъ и его друзья“ Спб. 1892.

я сказалъ ему, что нельзя, онъ видимо насупился, а когда потомъ сказалъ, что ѣду, онъ просіялъ. Изъ этого я заключаю, что въ Питерѣ можно меня починить до осени, а за границею можно закрѣпить готовый развязаться и расползтись узелъ жизни. Вотъ уже съ мѣсяцъ чувствую я себя лучше, но упадокъ силъ у меня страшный: устаю отъ всякаго движенія, иногда задыхаюсь отъ того, что переворочусь на кушеткѣ съ одного бока на другой.

Письма ваши—наша отрада. Во второмъ письмѣ я былъ совсѣмъ готовъ принять вашу сторону противъ добродѣтельныхъ враговъ введенія науки земледѣлія и ремеслъ, но когда увидѣлъ, что это введеніе направлено противъ древнихъ языковъ, я—на попятный дворъ. У меня на этотъ счетъ есть убѣжденіе, немножко даже фанатическое, и если я за что уважаю Гизо, такъ это за то, что въ 1835, кажется, году онъ отстоялъ преподаваніе во Франціи древнихъ языковъ. Но объ этомъ поговоримъ при свиданіи. Выходка „добродѣтельной" партіи противъ ѳиѳира привела меня на минуту въ то состояніе, въ которое приводитъ ѳиѳиръ. Этотъ фактъ окончательно объяснилъ мнѣ, что такое эти новые музульмане, у которыхъ Руссо—Алла, а Робеспьеръ—пророкъ его, и почему эта партія только шумлива, а въ сущности безсильна и ничтожна.

Всѣ наши живутъ, какъ жили; только бѣдный Кронебергъ боленъ и, кажется, серьезно. Богатый Краевскій тоже боленъ и, говорятъ, тоже серьезно, но о немъ я не жалѣю, хотя и не желаю ему зла.

Пріѣду къ вамъ съ запасомъ новостей, а для письма какъ-то и не помнится ничего. Привезу вамъ „Современникъ". Передъ отъѣздомъ заѣду къ вашимъ братьямъ, заранѣе предупредивъ ихъ; все сдѣлаю, какъ слѣдуетъ человѣку, который раздумалъ умирять и разохотился жить. Жена моя и всѣ мои вамъ кланяются; всѣ васъ любятъ и помнятъ, отъ всѣхъ вы своимъ уѣздомъ отняли много удовольствія. Кланяйтесь милому Петру Николаевичу. Еслибъ и съ нимъ столкнуться тамъ! Да ужь не слишкомъ ли я многаго хочу, ужь не зазнался ли я? А вѣдь новостей-то я вамъ много привезу. Я знаю, что вы многое знаете черезъ Боткина, но я вамъ многое изъ этого многаго передамъ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Прощайте пока. Вашъ В. Бѣлинскій.

75.

Берлинъ. 29-го сентября 1847 года.

Вотъ я и въ Берлинѣ, и уже третій день, дражайшій мой Павелъ Васильевичъ. Пріѣхалъ я сюда часовъ около пяти въ понедѣльникъ. Надо разсказать вамъ мой плачевно-комическій вояжъ отъ Парижа до Берлина. Начну съ минуты, въ которую мы съ вами разстались. Огорченный непріятною случайностію, заставившею меня ѣхать безъ Фредерика, и боясь за себя остаться въ Парижѣ, заплативши деньги за билетъ, я побѣжалъ къ поѣзду и задохнулся отъ этого движенія до того, что не могъ сказать ни слова, ни двинуться съ мѣста. Я думалъ, что пришелъ мой послѣдній часъ, и въ тоскѣ безсмысленно смотрѣлъ, какъ двинется поѣздъ безъ меня. Однако минуты черезъ три я пришелъ немного въ себя, могъ подойти къ кондуктору и сказать: „Premieres places". Только что онъ толкнулъ меня въ карету и захлопнулъ дверцы, какъ поѣздъ двинулся. Я пришелъ въ себя совершенно не прежде, какъ около первой станціи. Тогда овладѣли мною двѣ мысли: таможня и Фредерикъ. Спать хотѣлось смертельно, но лишь задремлю, и греза переноситъ меня въ таможню, я вздрагиваю судорожно и просыпаюсь. Такъ мучился я

до самаго Брюсселя, не имѣя силы ни противиться сну, ни заснуть. Таково свойство нервической натуры! Что мнѣ дѣлать въ таможнѣ? Объявить мои игрушки! Но для этого меня ужасали 40 франковъ пошлины, заплаченные Герценомъ за игрушки же. Утаить? Но это вещи (особенно та, что съ музыкою) большія; найдутъ и конфискуютъ. Это еще хуже 40 франковъ пошлины, потому что (и объ этомъ вы можете по секрету сообщить Марьѣ Өедоровнѣ и Натальѣ Александровнѣ) я очень дорожу этими игрушками, и когда подумаю о радости моей дочери, то дѣлаюсь ея ровесникомъ по лѣтамъ. Гдѣ ни остановится поѣздъ, все думаю: „Вотъ здѣсь будутъ меня пытать, а Фредерика-то со мною нѣтъ, и чортъ знаетъ, кто за меня будетъ говорить!" Наконецъ, дѣйствительно, вотъ и таможня. Ищу моихъ вещей—нѣтъ. Обращаюсь къ одному таможенному: „Je ne trouve pas mes effets", „Où allez-vous?" „A Bruxelles". „C'est à Bruxelles qu'on visitera vos effets". Ухъ, словно гора съ плечъ: отсрочка пыткѣ! Наконецъ я въ Брюсселѣ. „Нѣмъ ли у васъ товаровъ? Объявите!" сказалъ мнѣ голосомъ пастора или исповѣдника таможенный. Подлая манера, коварная, предательская уловка! Скажи: нѣтъ, да найдетъ,—вещь-то и конфискуютъ, да еще штрафъ сдерутъ. Я говорю: „Нѣтъ". Онъ началъ рыться въ бѣльѣ по краямъ чемодана и ужъ совсѣмъ было сбирался перейдти въ другую половину чемодана, какъ чортъ дернулъ его на полвершка дальше засунуть руку для послѣдняго удара, и онъ ощупалъ игрушку съ музыкой. Еще прежде онъ нашелъ свертокъ шариковъ; я говорю, что это игрушки, бездѣлушки, и онъ положилъ ихъ на мѣсто. Вынувши игрушку, онъ обратился къ офицеру и донесъ ему, что я не рекламировалъ этой вещи. Вижу: дѣло плохо. Откуда взялся у меня французскій языкъ (какой—не спрашивайте, но догадайтесь сами). Говорю: „Я объявлялъ". „Да, когда я нашелъ". Офицеръ спросилъ мой паспортъ. Дѣло плохо. Я объявилъ, что у меня и еще есть игрушка. Я уже почувствовалъ какую-то трусливую храбрость; стою словно подъ пулями и ядрами, но стою смѣло, съ отчаяннымъ спокойствіемъ. Пошли въ другую половину чемодана, достали игрушку Марьи Өедоровны. Разбойникъ ощупалъ въ карманѣ пальто коробочку съ оловянными игрушками. Думаю: вотъ дойдетъ дѣло до вещей Павла Васильевича. Однако дѣло кончилось этимъ. Офицеръ возвратилъ мнѣ паспортъ и потребовалъ, чтобъ я объявилъ цѣнность моихъ вещей. Вижу: смиловались, и дѣло пошло къ лучшему, и отъ этого опять потерялся. Вмѣсто того, чтобы оцѣнить первую игрушку въ 10 франковъ, вторую—въ 5, а оловянныя—въ 1—, я началъ толковать, что не знаю цѣны, что это подарки, и что я купилъ только оловянныя игрушки за 5 франковъ. Поспоривши со мною и видя, что я глупъ до святости, они оцѣнили все въ 35 Франковъ и взяли пошлины 3— франка. Такъ вотъ изъ чего я страдалъ и мучился столько! Изъ трехъ съ половиною франковъ! Чемоданъ фредерика оставили въ таможнѣ. Вышелъ я изъ нея словно изъ ада въ рай. Но мысль о Фредерикѣ все-таки безпокоила. Однакожь въ отелѣ тотчасъ разспросилъ и узналъ, что поѣздъ изъ Парижа приходитъ въ 8 часовъ утра, а въ Кельнъ отходитъ въ 10—. По утру отправился я на извощикѣ въ таможню, нашелъ тамъ моего bonhomme въ крайнемъ замѣшательствѣ на мой счетъ и привезъ его съ чемоданомъ къ себѣ въ трактиръ. До Кельна ѣхалъ уже довольно спокойно. Думаю: Бельгія—страна промышленная, со всѣхъ сторонъ запертая для сбыта своихъ произведеній; стало быть, таможни ея должны быть свирѣпы; но Германія—страна больше религіозная, философская, честная и глупая, нежели промышленная; вѣроятно, въ ней и таможни

филистерски-добрыя. Но когда очутился въ таможнѣ, то опять струсилъ отъ мысли: гдѣ меньше ожидаешь, тамъ-то и наткнешься на бѣду; игрушки-то я уже объявлю, да чтобъ вещей Анненкова-то не нашли-бы. А кончилось только осмотромъ Фредерикова чемодана и ящика съ лѣкарствами. Въ мой чемоданъ плутъ таможенный и не заглянулъ, но, схвативши его, понесъ въ дилижансъ, за что я далъ ему франкъ. По утру ѣхать надо было рано. Встали во-время и убрались. Но Фредерикъ сдѣлалъ глупость: увѣрилъ меня, что до желѣзной дороги близехонько, и мы пошли пѣшкомъ, перешли по мосту черезъ Рейнъ и еще довольно прошли въ гору до мѣста. Я еле-еле дотащился. Но бѣда этимъ не кончилась: пожитки наши повезъ носильщикъ; звонятъ во второй разъ, а ихъ нѣтъ! Фредерикъ бросился въ кабріолетъ и поѣхалъ на встрѣчу нашимъ чемоданамъ. Я пошелъ въ залу, но ее уже затворяли, и я, только показавши билетъ, заставилъ себя пустить. Вообразите мою тоску! Иду на галлерею; тамъ все отзывается послѣднею суетою. Слышу: звонятъ въ третій разъ; бѣгу въ залу. О, радость! Фредерикъ вѣситъ пожитки. Я сѣлъ и видѣлъ, какъ пронесли наши чемоданы.

Я рѣшился брать вездѣ первыя мѣста, чтобъ не страдать отъ сигаръ и не жить тамъ, гдѣ живутъ другіе. Изъ Гама до Ганновера я проѣхалъ лучше, чѣмъ ожидалъ. Во-первыхъ. ѣхали мы не 30 часовъ а ровно $24^1/_4$; во-вторыхъ, Фредерикъ какъ то умѣлъ всегда пихнуть меня въ купе, гдѣ и просторно, и свѣтло, и свѣжо. А это было не легко, потому что на каждой станціи дилижансы перемѣнялись чортъ знаетъ зачѣмъ. Только послѣднюю станцію сдѣлалъ я внутри дилижанса, какъ будто для того, чтобы понять, отъ какой муки избавилъ меня Фредерикъ на ночь. Вообще въ этотъ переѣздъ онъ былъ мнѣ особенно полезенъ, и безъ него я пропалъ бы. Въ воскресенье ночевали въ Брауншвейгѣ, гдѣ, сверхъ всякаго чаянія, я опять наткнулся на таможню. Но тутъ я уже былъ совершенно спокоенъ, потому что не спрашивали, а осматривали молча; вынули большую игрушку, свѣсили и взяли съ меня 7 зильбергрошей. Тѣмъ и кончилось. Въ Кельнѣ и Брауншвейгѣ Фредерикъ ночевалъ въ одной со мною комнатѣ, и это было хорошо: онъ во время будилъ меня, да и вообще по утрамъ былъ мнѣ полезенъ. Сначала онъ отговаривался отъ такой чести; но когда я настаивалъ, онъ замѣтилъ: „Je suis propre“. Дѣйствительно, бѣлье на немъ было безукоризненно. Ночуй-ка въ одной комнатѣ не то что съ лакеемъ, съ инымъ чиновникомъ русскимъ,—онъ и... тебя, каналья. Замѣтилъ я за Фредерикомъ смѣшную вещь: онъ со всѣми нѣмцами заговаривалъ по французски и не скоро замѣчалъ, что они его не понимаютъ такъ что я часто напоминалъ ему, чтобъ онъ говорилъ по нѣмецки. Эхъ, сила привычки-то! Вчера по утру онъ со мною простился.

Въ Кельнѣ, когда я изъ таможни ѣхалъ въ дилижансѣ въ трактиръ, со мною заговорилъ какой-то полякъ. Вдругъ одинъ изъ пассажировъ говоритъ мнѣ по русски: „Вы вѣрно изъ Парижа выгнаны, подобно мнѣ, за то, что смотрѣли на толпы въ улицѣ Saint-Honore?“ Завязался разговоръ, который продолжался въ отелѣ за столомъ. Какъ истинный русакъ, онъ умѣетъ говорить въ духѣ каждаго мнѣнія (то-есть, приноровляться), но своего не имѣетъ никакого. Ругаетъ Луи-Филиппа и Гизо, Францію и говоритъ, что недаромъ нѣкоторые французы отдаютъ преимущество нашему образу правленія. Я его осадилъ, и онъ сейчасъ же согласился со мною. Было говорено и о славянофилахъ, которыхъ онъ всѣхъ знаетъ, и между прочимъ онъ сказалъ: „Да за что́ ихъ хватать! Что они за либералы! Вотъ ихъ петербургскіе про-

тивники, такъ либералы". Разговоръ нашъ кончился вотъ какъ: „А вотъ у насъ драгоцѣнный человѣкъ!" „Кто?" „Бѣлинскій". Другой на моемъ мѣстѣ тутъ-то бы и продолжалъ разговоръ; но я постыдно обратился въ бѣгство, подъ предлогомъ, что холодно да и спать пора.

Здоровье мое рѣшительно въ лучшемъ положеніи, нежели въ какомъ оно было до дня отъѣзда изъ Парижа. Первые два дня было трудно, потому что было тепло, и я безпрестанно потѣлъ; но при выѣздѣ изъ Кельна погода сдѣлалась такая, что безъ халата у меня отмерзли бы ноги. Въ холодъ я болѣе увѣренъ, что не простужусь, потому что больше берегусь. Сверхъ того, я постоянно (кромѣ переѣзда изъ Гама въ Ганноверъ) принималъ лѣкарство и даже усилилъ пріемы: вечеромъ три ложки да по утру пять. Кашель появившійся было въ послѣдніе дни пребыванія въ Парижѣ, опять оставилъ меня, и я дышу вообще свободнѣе. Вообще, если я въ такомъ состояніи доѣду до дому, то ни для меня, ни для другихъ не будетъ сомнѣнія, что я таки поправился немного и въ этомъ отношеніи не даромъ ѣздилъ за границу. Пріѣхавъ въ Берлинъ, я велѣлъ Фредерику сказать кучеру, чтобы везъ въ отель, ближайшій къ Behrenstrasse. Подвезли къ отелю, но Фредерикъ хотѣлъ еще ближе, велѣлъ поворотить назадъ и привезъ меня въ отель цѣлою улицею дальше. Пошелъ къ Щепкину, думаю: „Вотъ одолжитъ, если перемѣнилъ квартиру!" Однако нѣтъ. Только его не засталъ: онъ былъ въ театрѣ, и я вчера по утру увидѣлся съ нимъ. Онъ принялъ меня пріятельски, предложилъ и настоялъ, чтобъ я переѣхалъ къ нему, и я эту ночь ночевалъ у него. Спрашивалъ я его: что дѣлается въ Берлинѣ, въ Пруссіи по части штандовъ и конституціи. Онъ говорилъ: ничего. Сначала штанды повели себя хорошо, такъ что король почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи; но началось гладко, а кончилось гадко. Началось тѣмъ, что Финке предлагалъ собранію объявить себя палатою и захватить диктатуру конституціонную, а кончилось тѣмъ, что король распустилъ ихъ съ полнымъ къ нимъ презрѣніемъ и теперь держитъ себя восторжествовавшимъ деспотомъ. „Да отчего жь это?" „Оттого, что въ народѣ есть потребность на картофель, но на конституцію ни малѣйшей; ея желаютъ образованныя городскія сословія, которыя ничего не могутъ сдѣлать". „Такъ ты думаешь, что изъ этого ничего не выйдетъ?" „Убѣжденъ". Знаете ли что, Анненковъ? Это грустно, а похоже на дѣло, особенно по прочтеніи I-го тома „Исторіи" Мишле, гдѣ показано, кто во Франціи-то сдѣлалъ революцію... Видѣлъ я портретъ Мѣрославскаго съ его факсимиле: чудное, благородное, мужественное лицо! Щепкинъ говоритъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Мѣрославскій будетъ казненъ, ибо король благодарилъ procureur-général, который употреблялъ всѣ уловки, чтобъ запутать и погубить подсудимаго. Общественное мнѣніе рѣшительно въ Берлинѣ за поляковъ: публика часто прерывала рѣчи подсудимыхъ криками „браво", такъ что подъ конецъ правительство просило публику вести себя смирнѣе. А все-таки будетъ такъ, какъ угодно деспотизму и неправдѣ, а не какъ общественному мнѣнію, что̀ бы не говорилъ объ этомъ вѣрующій другъ мой Бакунинъ!

Вотъ вамъ подробный и даже скучный отчетъ о моемъ путешествіи. Теперь мнѣ грозитъ послѣдняя и самая страшная таможня — русская. Щепкинъ говоритъ, что она да англійская—самыя свирѣпыя. Будь что̀ будетъ! Меня немножко успокаиваетъ то, что не будутъ спрашивать и исповѣдывать. А я купилъ цѣлый кусокъ голландскаго полотна; его теперь рѣжутъ и шьютъ на простыни. Воля ваша, а я родился рано: куда ни повернусь, все вижу, что жить нельзя, а путешествовать и по-

давно. Чтó ни говорите о таможняхъ, а въ моихъ глазахъ это—гнусная, позорная для человѣческаго достоинства вещь. Я отвергаю ее не головою, а нервами; мое отвращеніе къ ней—не убѣжденіе только, но и болѣзнь вмѣстѣ съ тѣмъ. Когда дочь моя будетъ капризничать, я буду пугать ее не шкоронье, какъ Тату, а таможнею.

Прощайте, милый мой Павелъ Васильевичъ! Крѣпко, крѣпко жму вамъ руку и говорю мое горячее дружеское спасибо за все, чтó вы дѣлали для меня; это спасибо вы раздѣлите съ Герценымъ и Боткинымъ! Натальѣ Александровнѣ и Марьѣ Өедоровнѣ тысячу привѣтствій и добрыхъ словъ; Сашѣ поклонитесь, а Тату разцѣлуйте. Катеринѣ Николаевнѣ Бакуниной мое почтеніе. Вспомнилось мнѣ, что второпяхъ прощанія я забылъ поблагодарить Константина за его чудныя макароны, божественный рисотъ et cetera, et cetera: поправте мою оплошность. Ну, еще разъ прощайте! Скажите Марьѣ Өедоровнѣ, что вопреки ея злымъ предчувствіямъ я часто думалъ о всѣхъ жителяхъ avenue Marigny и о ней, что мнѣ было грустно, что я съ ними разстался, и что я по пріѣздѣ домой буду часто говорить о нихъ съ своими и слѣдить за ними въ ихъ вояжѣ. Поклонитесь отъ меня Н. И. Сазонову и напомните ему о его обѣщаніи написать статью. Бакунину крѣпко жму руку. В. Бѣлинскій.

76.

С.-Петербургъ. 20-го ноября / 2-го декабря 1847 года.

Дражайшій мой Павелъ Васильевичъ! Виноватъ я передъ вами, какъ чортъ знаетъ кто, такъ виноватъ, что и оправдаться нѣтъ духу, даже на письмѣ, хотя въ винѣ моей передъ вами есть circonstances attenuantes. И потому, не теряя лишнихъ словъ, предаю себя вашему великодушію, которое въ васъ сильнѣе справедливаго негодованія. Не можете представить, какъ, съ одной стороны, обрадовало меня письмо ваше, а съ другой—какимъ жгучимъ упрекомъ кольнуло оно мои трикраты виновную передъ вами совѣсть. Но довольно объ этомъ. Пущусь въ повѣствовательный слогъ и разскажу вамъ о себѣ и о прочемъ, все въ хронологическомъ порядкѣ. Гибельная привычка быть подробнымъ и обстоятельнымъ въ письмахъ—главная причина моей несостоятельности въ перепискѣ.

Отправивши къ вамъ письмо изъ Берлина, въ которомъ я расхвастался моимъ здоровьемъ, я черезъ нѣсколько же часовъ почувствовалъ, что мнѣ хуже, что я, значитъ, простудился. Такова моя участь! Изъ Парижа только что расхвастался женѣ чуть не совершеннымъ выздоровленіемъ, какъ на другой же день и простудился и сталъ никуда не годенъ. Въ Берлинѣ погода стояла гнусная. Мы съ Щепкинымъ выходили только обѣдать, да еще по утрамъ онъ ходилъ къ своему египтологу Лепсіусу, а я все сидѣлъ дома. Кстати о Щепкинѣ. Онъ самолюбивъ до гадости, до омерзенія: это правда, но онъ все-таки не чуждъ многихъ весьма хорошихъ качествъ и малый съ головой. Можетъ быть, я такъ говорю потому, что дружеское расположеніе, съ какимъ обошелся со мною Щепкинъ, затронуло, подкупило мое самолюбіе. Да, я въ этомъ отношеніи въ сорочкѣ родился: многіе люди, различно, а иногда и противоположно, враждебно даже относящіеся другъ къ другу, ко мнѣ относятся почти одинаково. Можетъ быть, тутъ не одно счастіе, а есть немножко и заслуги съ моей стороны; а эта заслуга, по моему мнѣнію, заключается въ моей открытости и прямотѣ. Напримѣръ,

Тургеневъ былъ оскорбленъ обращеніемъ съ нимъ Щепкина и этимъ ограничился. Я же, напротивъ, не оскорблялся, а чуть замѣчая, что онъ заносится, показывалъ ясно, что это вижу, и не уступалъ ему, какъ это одни дѣлаютъ по робости характера, другіе—по гордости, третьи—по уклончивости. Впрочемъ, у Щепкина есть въ манерѣ нѣчто странное и пошлое независимо отъ его самолюбиваго характера, а это мало знающіе его приписываютъ его самолюбію. Но вотъ я и заболтался, вдался въ диссертацію и ужь самъ не знаю, какъ выйдти изъ нея приличнымъ образомъ. Проживъ съ Щепкинымъ съ недѣлю въ одной комнатѣ, я уразумѣлъ предметъ его занятій и восчувствовалъ къ нему уваженіе. Для него искусство важно какъ пособіе, какъ источникъ для археологіи. Онъ выучился по-коптски, читаетъ бойко іероглифы, и Египетъ составляетъ главный предметъ его изученія. Археологію я высоко уважаю и слушать знающаго по ея части человѣка готовъ цѣлые дни. И Щепкинъ сообщилъ мнѣ много интереснаго касательно Египта. Его профессоръ Лепсіусъ такъ обшарилъ весь Египетъ, что теперь послѣ него нѣтъ никакой возможности поживиться надписью или іероглифомъ, хоть останься для этого жить въ Египтѣ. Большая комната у Лепсіуса кругомъ обставлена шкапами, наполненными только матеріалами для исторіи Египта. Онъ возстановилъ по источникамъ хронологію Египта за пять тысячъ лѣтъ до нашего времени, слѣдовательно, слишкомъ за три тысячи лѣтъ до Р. Х. И въ этомъ отношеніи Лепсіусъ сдѣлался уже авторитетомъ, на него всѣ ссылаются, всѣ его цитируютъ. Теперь онъ обработываетъ грамматику коптскаго языка, послѣ чего приступитъ къ другимъ важнымъ работамъ по части исторіи Египта. Поразилъ меня особенно фактъ, что египтяне называли евреевъ прокаженными. Вотъ и дивись послѣ этого, что иной индивидуумъ грязенъ и вонючъ не по бѣдности и нуждѣ, а по безкорыстной любви къ грязи и вони (какъ П—нъ),—когда цѣлый народъ, съ самаго своего появленія на сцену исторіи до сихъ поръ, подобно Петрушкѣ, носитъ съ собою свой особенный запахъ!

Въ пятницу я уѣхалъ въ Штетинъ, а на другой день, ровно въ часъ, тронулся нашъ „Адлеръ". Лишь только начали мы выбираться изъ Свинемюнде, какъ началась качка. Я пообѣдалъ въ субботу часа въ два, а потомъ позавтракалъ во вторникъ часовъ въ десять утра. Въ промежуткѣ я лежалъ въ моей койкѣ то въ дремотѣ, то во рвотѣ. Во вторникъ я обѣдалъ и оправился. Были слабѣе меня, напримѣръ, Полуденскій (братъ мужа сестры Сазонова), который лежалъ въ агоніи вплоть до Кронштадта. Въ Кронштадтъ прибыли мы въ среду, часовъ въ шесть. Началась переписка и отмѣтка паспортовъ — церемонія длинная и варварски скучная. Между тѣмъ переложились на малый пароходъ. Да, я забылъ было сказать, что при видѣ Кронштадта намъ представилось странное зрѣлище: все покрыто снѣгомъ, и на канунѣ (намъ сказали) въ Петербургѣ была санная ѣзда. Страдая морскою болѣзнію, я поправился въ моей хронической болѣзни и прибылъ здоровехонекъ. Тутъ я вполнѣ убѣдился, что ѣздить по ночамъ по желѣзнымъ дорогамъ, словомъ—спать тепло одѣтому на открытомъ воздухѣ для меня своего рода лѣченіе едва ли не болѣе дѣйствительное всѣхъ другихъ родовъ лѣченій. Не даромъ я такъ не люблю спать въ трактирахъ. Если не въ моей комнатѣ, въ которой я привыкъ спать, то всего лучше на вольномъ воздухѣ одѣтому. Если судьба опять накажетъ меня путешествіемъ, я буду ѣздить по ночамъ, а останавливаться на отдыхи днемъ. Оно и

здорово и полезно: можно и пообѣдать не торопясь, и городъ осмотрѣть, и кости расправить ходьбою.

Но вотъ и Питеръ! Что-то у меня дома? Такъ и полетѣлъ бы, изволь идти въ таможню. Часа четыре прошло въ мукѣ ожиданія хлопотъ, но дѣло сошло съ рукъ лучше, нежели гдѣ-нибудь. Да, забылъ было: въ понедѣльникъ была на морѣ буря, и пароходъ нѣсколько часовъ былъ въ опасности. Къ счастію, я ничего не зналъ.

Дома я нашелъ все и всѣхъ въ положеніи довольно порядочномъ. Тильманъ назвалъ Тира́ шарлатаномъ, лѣкарства его велѣлъ оставить. Это меня страшно огорчило. Плакали мои 68 франковъ! Черезъ нѣсколько дней, послѣ обѣда сдѣлалось мнѣ худо: я хрипѣлъ, задыхался словомъ—это былъ вечеръ хуже самыхъ худыхъ дней прошлой зимы когда я безпрестанно умиралъ. Жена пристала, чтобъ я началъ принимать лѣкарство Тира́. Что дѣлать? Не принимать—пожалуй издохнешь пока дождешься пріѣзда Тильмана; принимать—какъ сказать объ этомъ Тильману? Эти доктора хуже женщинъ по части самолюбія и ревности. Однако дѣло обошлось хорошо. Мнѣ стало лучше, и Тильманъ не только не разсердился, но еще и велѣлъ продолжать микстуру Тирашки. Онъ, видите ли, досталъ рецептъ этой микстуры. Надо вамъ сказать, что Тильманъ лѣчитъ m-me Языкову. Онъ говоритъ, что средства Тира́ всѣ самыя извѣстныя и обыкновенныя, что ими и онъ, Тильманъ, часто лѣчитъ, и что, зная теперь составъ Тирашкиныхъ снадобій, онъ можетъ позволить ихъ употребленіе. Кстати: Языкова нѣсколько разъ была въ опасности, харкала кровью; теперь ей лучше. Дочь ея замужемъ и въ Москвѣ. Сама она, кажется, и не думаетъ сбираться за границу. Я все сбираюсь побывать у нея, да все не соберусь: то заболѣю, то работа. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ былъ я у вашихъ братьевъ. Что это за добрыя души! Они обрадовались мнѣ словно родному, какъ говорится. Что у нихъ теперь за квартира! Въ нижнемъ этажѣ, окна на бульваръ, и какъ ихъ комнаты выступаютъ изъ улицы угломъ, то изъ ихъ оконъ видны Адмиралтейство и Зимній дворецъ. Видъ несравненный!

Жена моя жила на квартирѣ временной; надо было искать новую. Съ ногъ сбился, а не нашелъ. Изъ нѣсколькихъ гадкихъ порѣшили взять менѣе другихъ гадкую. Она до того мала, что половина мебели нашей не вошла бы въ нее, и я задохнулся бы въ ней. Я сбирался перейти въ нее, и я задохнулся бы въ ней. Я собирался перейти въ нее, какъ собирается человѣкъ, осужденный за долги на тюремное заключеніе, переѣзжать на эту квартиру. Къ счастію, случайно нашли квартиру большую, красивую и дешевую: кромѣ кухни и передней, шесть комнатъ, большія стекла, полы парке, обои, цѣна 1320 рублей ассигнаціями. Переѣздъ былъ хлопотенъ; мы перевозились изъ трехъ мѣстъ: съ старой квартиры, а большая часть мебели была у Языкова, книги—у Тютчева. При переѣздѣ я простудился, и у меня открылись раны на легкихъ (о чемъ я узналъ послѣ). Тильманъ говорилъ женѣ, что такого больного у него не бывало, что онъ уже не одинъ разъ назначалъ день моей смерти, и я его неожиданно обманывалъ. Это хорошо, но это только одна сторона медали, а вотъ и другая: не разъ онъ меня считалъ внѣ всякой опасности и назначалъ время совершеннаго моего выздоровленія, и я опять каждый разъ его обманывалъ. Самаринъ тиснулъ въ „Москвитянинѣ“ статью (весьма пошлую и подлую) о „Современникѣ“; мнѣ надо было отвѣтить ему. Взялся было за работу; не могу: лихорадочный жаръ, изнеможеніе. Какъ я испугался! Стало быть, я не могу работать! Стало быть, мнѣ надо искать

мѣсто въ больницѣ, а женѣ въ богадѣльнѣ! Но дня черезъ два, черезъ три лихорадка прошла совершенно, Тильманъ велѣлъ мнѣ оставить всѣ лѣкарства: я принялся за работу и въ шесть дней намахалъ три съ половиною листа! И все это съ отдыхами, съ лѣнью, съ потерею времени: иногда принимался не раньше 12 часовъ, а послѣ обѣда работалъ только три дня, и то отъ 7 до 9 часовъ, не болѣе. И во все это время я чувствовалъ себя не только здоровѣе и крѣпче, но бодрѣе и веселѣе обыкновеннаго. Это меня сильно поощрило. Значитъ, я могу работать: стало быть, могу жить. Вообще, чтобъ ужъ больше не возвращаться къ этому предмету, скажу вамъ, что какъ ни хилъ и ни плохъ я, а все гораздо лучше, нежели какъ было до поѣздки за границу; просто сравненья нѣтъ!

Вь литературѣ нашелъ я много новаго. „Отечественныя Записки" гнусны по части изящной словесности, но во всемъ остальномъ—журналъ хоть куда. Разумѣется, тутъ не умъ и таланты Краевскаго виноваты, а его счастіе.... Нужно же было Заблоцкому именно въ нынѣшнемъ году написать превосходнѣйшую статью (которую я выпросилъ у автора и для себя, и для васъ, и которую взялись переслать вамъ). Прочелъ я въ „Отечественныхъ Запискахъ" превосходную критику сочиненій фонъ-Визина, таковую же книжку: „О религіозныхъ сектахъ евреевъ" и нѣсколько прекрасныхъ рецензій. Авторъ ихъ—нѣкто г. Дудышкинъ. Онъ никогда не писалъ и не думалъ писать, но покойникъ Майковъ убѣдилъ его взяться за перо. Ну, не счастіе ли...? Вѣдь онъ могъ начать и у насъ, а что онъ началъ въ „Отечественныхъ Запискахъ"—это дѣло чистаго случая. Теперь Дудышкинъ—нашъ, а все-таки „Отечественнымъ Запискамъ" онъ помогъ, и этого не воротишь. Какой-то господинъ прислалъ въ „Отечественныя Записки" превосходную статью или, лучше сказать, рядъ превосходнѣйшихъ статей о золотыхъ пріискахъ въ Сибири. Опять счастіе! Боясь, что „Современникъ" подрѣжетъ его при новой подпискѣ, Краевскій велѣлъ ...ву валяться въ ногахъ у москвичей, чтобы выпросить у нихъ названій будто бы обѣщанныхъ въ „Отечественныя Записки" статей, и тѣ дали!... В. П. Боткинъ обѣщалъ исторію Испаніи за три послѣднія столѣтія, Грановскій — біографію Помбаля, Кавелинъ — разныя вещи по части русской исторіи. Это рѣшительная гибель для „Современника"! Они оправдываются тѣмъ, что желаютъ намъ всякихъ успѣховъ, но жалѣютъ и Краевскаго!! Я написалъ къ Боткину длинное письмо. Онъ сложилъ вину на Некрасова: зачѣмъ-де онъ ихъ не предупредилъ. Грановскій отвѣчалъ прямо, что такъ какъ „Отечественныя Записки" издаются въ одномъ духѣ съ „Современникомъ", то онъ очень радъ, что у насъ вмѣсто одного два хорошихъ журнала, и готовъ помогать обоимъ. Подите, растолкуйте такому шуту, что именно по одинаковости направленія оба журнала и не могутъ съ успѣхомъ существовать вмѣстѣ, но должны только мѣшать и вредить другъ другу. А между тѣмъ отложеніе отъ „Отечественныхъ Записокъ" главныхъ ихъ сотрудниковъ „Современникъ" выставилъ въ своей программѣ, какъ право на свое существованіе; Краевскій же увѣряетъ печатно, что сотрудники его все тѣже, и наши московскіе друзья-враги теперь торжественно оправдали Краевскаго и выставили лжецомъ „Современникъ". Мы крѣпко боимся, чтобы за это не сѣсть на мель при новой подпискѣ. Одинаковое направленіе! Эти господа не хотятъ понять, что направленіемъ своимъ теперь „Отечественныя Записки" обязаны только случаю да счастію, а не личности ихъ редактора. Кстати объ этой прекрасной личности. Вы знаете, что

Краевскій прошлое лѣто ѣздилъ въ Москву и останавливался у Боткина Какъ conditio sine qua non своего драгоцѣннаго пребыванія у Боткина онъ сказалъ ему, что не хочетъ встрѣчаться съ Кетчеромъ. Вмѣст того, чтобы сказать ему, что это очень легко: стоитъ-де вамъ взят шляпу да уйти, когда придетъ Кетчеръ,—ему ничего не сказали, и Краевскій имѣлъ полное право заключить, что честный и благородный человѣкъ ему принесенъ въ жертву. По совѣту Н. Ф. Павлова, Краевскі купилъ за 4 руб. 70 коп. мѣди примочку для рощенія волосъ; въ ден отъѣзда онъ входитъ въ комнату Боткина съ пузырькомъ въ рукѣ горько жалуется, что Павловъ заставилъ его потерять деньги на дрянь Всякій другой сказалъ бы ему: „Выкиньте де за окно, если это дрянь" Но Василій Петровичъ почелъ долгомъ быть благоговѣйно и преданно деликатнымъ въ отношеніи къ Краевскому: „Отдайте мнѣ; что́ вы заплатили?" „Пять рублей"... Но этимъ дѣло не кончилось. Въ минут отъѣзда Краевскій пришелъ къ Боткину съ пустымъ пузырькомъ и попросилъ его отлить ему на дорогу примочки.... Не подумайте, чтобы я тутъ что-нибудь переиначивалъ или преувеличивалъ: нѣтъ, я историкъ тѣмъ болѣе точный и правдивый, чѣмъ болѣе желаю выставить Краевскаго въ настоящемъ его видѣ. Малѣйшая ложь могла бы оправдать его въ главномъ, а это-го-то я и не хочу. Это его московскіе подвиги; а вотъ петербургскіе. Нанялъ онъ себѣ великолѣпный отель на Невскомъ, надъ ресторономъ Доминика, за 4,000 рублей ассигнаціями. Разъ были у него Дудышкинъ, Милютинъ и еще кто-то третій, все люди, которыми онъ дорожитъ для „Отечественныхъ Записокъ". Нужно ему было съ ними переговорить, а время было обѣденное, и онъ пригласилъ ихъ къ Доминику, такъ какъ въ этотъ день у него не готовился столъ. Ну, тѣ рады, думали пообѣдать на славу. Но Краевскій велѣлъ подать четыре обѣда трехрублевые и ни капли вина: онъ на счетъ вина придерживается Магометова закона а разрѣшаетъ только на чужое вино. Собѣседники его велѣли подать вина; но Краевскій не шевельнулъ и бровью, заплатилъ за четыре обѣда, а за вино великодушно предоставилъ расплачиваться своимъ гостямъ. Выкупилъ онъ изъ мѣщанскаго общества (и тѣмъ спасъ отъ рекрутства) Буткова, но выкупилъ на деньги общества посѣщенія бѣдныхъ и за такое благодѣяніе запрягъ Буткова въ свою работу. Тотъ уже не разъ приходилъ со слезами жаловаться Некрасову на своего вампира. Разъ Бутковъ проситъ у Некрасова нумера „Отечественныхъ Записокъ". Но прежде вамъ надо сказать, что Бутковъ живетъ у Краевскаго, вмѣстѣ съ другимъ молодымъ человѣкомъ Крешевымъ. Онъ далъ имъ лишнюю комнату, взявши съ каждаго изъ нихъ по 100 руб. сер. въ годъ. Некрасовъ замѣтилъ Буткову, что ему лучше брать „Отечественныя Записки" у Краевскаго съ которымъ онъ живетъ въ одномъ домѣ. „Просилъ не разъ, да не даетъ; говоритъ: подпишитесь"... Разъ приходитъ къ нему Дудышкинъ. „Что́ говорятъ въ городѣ объ „Отечественныхъ Запискахъ"? спрашиваетъ Краевскій. „Да говорятъ, что единство направленія въ нихъ изчезаетъ". „А, да! Это надо поправить; я открою у себя вечера по четвергамъ для моихъ сотрудниковъ". Здѣсь вы видите, будто онъ хочетъ давать направленіе (котораго у него-то самого никогда и не бывало) своимъ сотрудникамъ; но умыселъ другой тутъ былъ: ему нужно набираться чужого ума. Дѣйствительно, что́ ни напечатаетъ, обо всемъ настоятельно требуетъ мнѣнія.... и потомъ выдаетъ это мнѣніе за свое собственное. Вечера онъ открылъ, да только къ нему никто на нихъ не ходитъ, ибо

кѣ его не терпятъ... И вотъ кого поддерживаютъ наши московскіе друзья во вредъ „Современнику"!

Достоевскій славно подкузмилъ Краевскаго: напечаталъ у него первую половину повѣсти, а второй половины не написалъ, да и никогда не напишетъ. Дѣло въ томъ, что его повѣсть до того пошла, глупа и бездарна, что на основаніи ея начала ничего нельзя (какъ ни бейся) развить. Герой—какой-то нервическій... какъ ни взглянетъ на него героиня, такъ и хлопнется онъ въ обморокъ. Право!

Ваше послѣднее письмо—прелесть во всѣхъ отношеніяхъ, и даже со стороны слога и языка безукоризненно. А что, дрожайшій мой авторъ „Кирюши", что бы вамъ тряхнуть еще повѣстцою? Написали одну, и весьма порядочную, стало быть, можете написать и другую, и еще лучше. Говорятъ, вы скучаете. Это мнѣ странно. Вотъ бы отъ скуки-то и приняться за дѣло.

Я очень радъ, что „мальчишка" нашъ нашелся. Подлинно, чему же пропасть, то всегда найдется. Кланяюсь ему, но писать теперь некогда, а на письмо его отвѣчу черезъ нѣкоторое время. Некрасовъ выполнилъ всѣ его порученія. Смотрите за нимъ,

Слегка за шалости браните
И въ Тюльери гулять водите.

Григоровичъ написалъ удивительную повѣсть. Въ той же книжкѣ увидите вы мою статью противъ Самарина, страшно изуродованную цензурою.

Мои всѣ вамъ кланяются. Я скоро (право не вру) опять буду писать къ вамъ: Вашъ В. Б.

Кланяйтесь Герценамъ и Марьѣ Ѳедоровнѣ и всѣмъ нашимъ. А что же статья объ эстетикѣ Гегеля?

77.

С.-Петербургъ. Декабрь 1847 года.

Дражайшій мой Павелъ Васильевичъ! Не удивляйтесь сему посланію, столь интересному по его содержанію: вы его получаете изъ Берлина. Больше ничего не скажу на этотъ счетъ, но прямо приступлю къ изложенію тѣхъ необыкновенно интересныхъ русскихъ новостей, которыя заставили меня на этотъ разъ взяться за перо.

Тотчасъ же по пріѣздѣ услышалъ я, что въ правительствѣ нашемъ происходитъ большое движеніе по вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Государь Императоръ вновь и съ большею противъ прежняго энергіею изъявилъ свою рѣшительную волю касательно этого великаго вопроса. Разумѣется, тѣмъ болѣе рѣшительной воли и искусства обнаружили окружающіе его отцы отечества, чтобы отвлечь его волю отъ крайне непріятнаго имъ предмета. Искренно раздѣляетъ желаніе Государя Императора только одинъ Киселевъ; самый рѣшительный и, къ несчастію, самый умный и знающій дѣло противникъ этой мысли—Меншиковъ. Вы помните, что нѣсколько назадъ тому лѣтъ движеніе тульскаго дворянства въ пользу этого вопроса было остановлено правительствомъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Теперь, напротивъ, посланъ былъ тульскому дворянству запросъ: такъ ли же расположено оно теперь въ отношеніи къ вопросу? Перовскій выписалъ въ Питеръ М—ва для совѣщанія съ нимъ о средствахъ разрѣшить вопросъ на дѣлѣ. Трудность этого рѣшенія заключается въ томъ, что правительство рѣшительно не хочетъ дать свободу крестьянамъ безъ земли, боясь проле-

таріата, и въ то же время не хочетъ, чтобы дворянство осталось бе: земли, хотя бы и при деньгахъ. Вы имѣете понятіе о М—вѣ. Это ч ловѣкъ не глупый, даже очень не глупый, но пустой и ничтожны болтунъ на всѣ руки, либералъ на словахъ и ничто на дѣлѣ. Рол которую онъ теперь играетъ, забавляетъ его самолюбіе и даетъ пиц болтовнѣ, а онъ и безъ того помолчать не любитъ. Онъ говоритъ, ч въ губерніи его считаютъ Вашингтономъ (по его, это значитъ быть р дикаломъ въ либерализмѣ), а вотъ мы, молодое поколѣніе, хотѣли б его повѣсить какъ консерватора, хотя, по правдѣ, мы и не считаем его достойнымъ такого строгаго наказанія и думаемъ, что доволы было бы прогнать его къ его лошадямъ на его заводъ писать для них конституцію: это его настоящее мѣсто, конюшня. Разъ, въ домѣ К—ко М—въ принималъ у себя молодое поколѣніе аристократіи, которая в рвется служить по выборамъ, и прочелъ имъ свой проектъ освобожд нія крестьянъ. Пріѣхалъ въ половинѣ чтенія пріятель его Жихарев (сенаторъ), и онъ вновь прочелъ весь свой проектъ, написанный пр глупо и начиненный текстами изъ Св. Писанія. „...!" сказалъ ему Ж харевъ при всѣхъ этихъ Ш—хъ, С—хъ и пр., ни мало не привы шихъ къ такому демократическому краснорѣчію въ порядочномъ общ ствѣ.—„Ты сдѣлаешь смѣшнымъ свой проектъ". „А мнѣ что за дѣл Лишь бы я сдѣлалъ мое дѣло, а тамъ пусть смѣются!" „Да... коли т сдѣлаешь смѣшнымъ свое дѣло, то погубишь его. Дай сюда!" Выры ваетъ бумагу, складываетъ и кладетъ себѣ въ карманъ. „Я обдѣла это дѣло самъ, я примусь за это con amore, ночи не буду спать,—я н говорю, чтобы ты написалъ все вздоръ, у тебя есть идеи, да не так все это надо сдѣлать". И М—въ послѣ говорилъ Я—ву, что онъ жа лѣетъ, что тутъ не было Виссаріона, который посмотрѣлъ бы, кака это была минута, когда Жихаревъ и пр. Видите ли, какой это государ ственный человѣкъ! И Жихаревъ принялся за дѣло ревностно. Како былъ результатъ, то-есть, что и какъ написалъ онъ—не знаю, ибо вот уже четвертая недѣля, какъ по причинѣ гнусной погоды не выхожу из дому, а пріятели рѣдко ко мнѣ заглядываютъ, потому что живу тепер не по дорогѣ всѣмъ, какъ прежде; но знаю, что М—въ уже выгодн продалъ свой заводъ конскій троимъ изъ молодыхъ аристократовъ и по условію, остался за хорошее жалованье смотрителемъ и распоряди телемъ завода. Итакъ, дѣло обошлось не безъ пользы если не дл крестьянъ, то для М—ва! Перовскій, который въ душѣ своей против освобожденія рабовъ, а по своему шаткому положенію (онъ теперь в немилости) объявилъ себя (съ Уваровымъ) за необходимость освобож денія, радъ, что нашелъ въ М—вѣ человѣка, къ которому можетъ по сылать всѣхъ для переговоровъ. Но не думайте, чтобы дѣло это был въ такомъ положеніи. Все зависитъ отъ воли Государя Императора, она рѣшительна. Вы знаете, что послѣ выборовъ назначается обыкно венно двое депутатовъ отъ дворянства, чтобы благодарить Государ Императора за продолженіе дарованныхъ дворянству правъ, и вы знаете что въ настоящее царствованіе эти депутаты никогда не были допускаемы до Государя Императора. Теперь вдругъ смоленскимъ депутатамъ ве лено явиться въ Питеръ. Государь Императоръ милостиво принялъ ихъ говорилъ, что онъ всегда былъ доволенъ смоленскимъ дворянствомъ и пр., и потомъ вдругъ перешелъ къ слѣдующей рѣчи: „Теперь я буду говорить съ вами не какъ Государь, а какъ первый дворянинъ имперіи Земли принадлежатъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріо брѣли ее нашею кровью, пролитою за государство; но я не понимаю,

акимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить того иначе, какъ хитростію и обманомъ, съ одной стороны, и невѣжествомъ—съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности". Затѣмъ онъ сказалъ имъ, чтобы они ѣхали въ свою губернію и, держа то въ секретѣ, побудили бы смоленское дворянство къ совѣщаніямъ о мѣрахъ, какъ приступить къ дѣлу. Депутаты, пріѣхавъ домой, сейчасъ же составили протоколъ того, что говорилъ имъ Государь Императоръ, и потомъ явились къ Орлову разсказать о дѣлѣ. Тотъ не повѣрилъ имъ; тогда они представили ему протоколъ, прося показать его Государю Императору—точно ли это слово Его Величества. Государь Императоръ, просмотрѣвъ протоколъ, сказалъ, что это его подлинныя слова, безъ искаженія и прибавокъ. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи депутатовъ въ ихъ губернію Перовскій получилъ отъ Смоленскаго губернатора донесеніе, что двое изъ дворянъ смущаютъ губернію, распространяя гибельныя либеральныя мысли. Государь Императоръ приказалъ Перовскому отвѣтить губернатору, что въ случаѣ бунта у него есть средства (войска и пр.), а чтобы до тѣхъ поръ онъ молчалъ и не въ свое дѣло не мѣшался. Я забылъ сказать: въ рѣчи своей къ депутатамъ Государь Императоръ сказалъ, что онъ уже намекалъ (указомъ объ обязанныхъ крестьянахъ) на необходимость освобожденія, да этого не поняли. Недавно Государь Императоръ былъ въ Александровскомъ театрѣ съ Киселевымъ и оттуда взялъ его съ собою къ себѣ пить чай: фактъ, прямо относящійся къ освобожденію крестьянъ. Конечно, не смотря на все, дѣло это можетъ опять затихнуть. Друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага, окружающіе Государя Императора, утомятъ его проволочками, серединными, неудовлетворительными рѣшеніями, разными препятствіями истинными и вымышленными, потомъ воспользуются маневрами или чѣмъ-нибудь подобнымъ и отклонятъ его вниманіе отъ этого вопроса, и онъ останется не рѣшеннымъ при такомъ Монархѣ, который одинъ по своей мудрости и твердой волѣ способенъ рѣшить его. Но тогда онъ рѣшится самъ собою, другимъ образомъ, въ тысячу болѣе непріятнымъ для русскаго дворянства. Крестьяне сильно возбуждены, спятъ и видятъ освобожденіе. Все, что дѣлается въ Питерѣ, доходитъ до ихъ разумѣнія въ смѣшныхъ и уродливыхъ формахъ, но въ сущности очень вѣрно. Они убѣждены, что Царь хочетъ, а господа не хотятъ. Обманутое ожиданіе ведетъ къ рѣшеніямъ отчаяннымъ. Перовскій думалъ предупредить необходимость освобожденія крестьянъ мудрыми распоряженіями, которыя юридически опредѣлили бы патріархальныя, по ихъ сущности, отношенія господъ къ крестьянамъ и обуздали бы произволъ первыхъ, не ослабивъ повиновенія вторыхъ: мысль достойная человѣка благонамѣреннаго, но ограниченнаго! Попытку свою началъ онъ съ Бѣлоруссіи возобновленіемъ уже забытаго тамъ со временъ присоединенія Литвы къ Россіи инвентарія. Поляки и жиды растолковали мужикамъ, что инвентарій значитъ то, что Царь хочетъ ихъ освободить, а господа не хотятъ, и что Царь, бывши въ Кіевѣ, хотѣлъ къ нимъ заѣхать, а господа не пустили его. Я думаю, что тутъ даже не нужна была интервенція поляковъ и жидовъ, и что такое толкованіе могло само собою родиться въ крестьянскихъ головахъ, уже настроенныхъ къ мыслямъ о свободѣ. Итакъ, Перовскій достигъ цѣли совершенно противоположной той, какую имѣлъ. Оно и понятно:

когда масса спитъ, дѣлайте что хотите, все будетъ по вашему; и когда она проснется, не дремлите сами, а то быть худу.

(Сейчасъ я узналъ, что М—въ, а потомъ Жихаревъ писали и проектъ, а совѣтъ смоленскому предводителю дворянства; бумага не важная, изъ которой и не вышло никакихъ слѣдствій).

Такъ вотъ-съ, мой дражайшій, и у насъ не безъ новостей и даж не безъ признаковъ жизни. Движеніе это отразилось, хотя и робко, въ литературѣ. Проскальзываютъ тамъ и сямъ то статьи то статейк очень осторожныя и умѣренныя по тону, но понятныя по содержані Вы, вѣрно, уже получили статью Заблоцкаго. Въ другое время нель было бы и думать напечатать ее, а теперь она прошла. Мало этог недавно въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" ее разб рали съ похвалою и выписали мѣсто о злѣ обязательной ренты. П мѣщики наши проснулись и затолковали. Видно по всему, что патріа хальносонный бытъ весь изжитъ, и надо взять иную дорогу. Очен интересна теперь „Земледѣльческая Газета", органъ мнѣній помѣщиков Толкуютъ о съѣздахъ помѣщиковъ и т. д. Обо всемъ этомъ вамъ да дутъ понятіе XI-й и особенно XII-й нумера „Современника" (смѣсь).

Что еще у насъ новаго? Разнесся было слухъ, что Воронцовъ п неудовольствію отказывается отъ Кавказа, ссылаясь на болѣзнь глаз Но эта болѣзнь была не выдуманная, онъ выздоровѣлъ и не думает оставлять Кавказа. А то было говорили, что на его мѣсто пошлют Меншикова, чтобъ избавиться отъ докучнаго оппонента по вопросу об освобожденіи. Строгановъ вышелъ въ отставку, и разсказываютъ, вот по какому случаю. Онъ получилъ именное секретное предписаніе (чт то въ родѣ того, какъ носятся темные слухи, чтобы наблюдать над славянофилами) и отвѣчалъ Уварову, что, находя исполненіе этог предписанія противнымъ своей совѣсти, онъ скорѣе готовъ выйти в отставку. Разумѣется, Уваровъ поспѣшилъ изложить это дѣло как явный бунтъ, и Строгановъ былъ уволенъ. На мѣсто ето утвержденъ. Голохвастовъ. То и другое большое несчастіе для Московскаго универ ситета.

Перовскій въ немилости и, говорятъ, еле держится. Причина: он скрутилъ по дѣлу К—скаго полиціймейстера Б—ва, какъ уличенна члена шулерской шайки, и посадилъ его подъ арестъ, отдавъ его под судъ. Это было во время отсутствія Государя Императора въ Питерѣ Одна особа... весьма значительная при дворѣ, по родству съ Б—вым написала ему письмо, чтобы онъ не безпокоился, что лишь бы пріѣхал Государь, а то, все будетъ хорошо, и ему дадутъ хоть другое, но тако же мѣсто. Перовскій, захвативъ бумаги Б—ва, велѣлъ пришить къ дѣл и это письмо... Такъ говорятъ.

Наводилъ я справки о Шевченкѣ и убѣдился окончательно, чт внѣ религіи вѣра есть никуда негодная вещь. Вы помните, что вѣру ющій другъ мой говорилъ мнѣ, что онъ вѣритъ, что Шевченко—чело вѣкъ достойный и прекрасный. Вѣра дѣлаетъ чудеса, творитъ люде изъ ословъ и дубинъ, стало быть, она можетъ и изъ Шевченки сдѣлать пожалуй, мученика свободы. Но здравый смыслъ въ Шевченкѣ должен видѣть осла, дурака и пошлеца, а сверхъ того, горькаго пьяницу, лю бителя горѣлки по патріотизму хохлацкому. Этотъ хохлацкій радикал написалъ два пасквиля... Читая одинъ пасквиль, Государь хохоталъ и вѣроятно дѣло тѣмъ и кончилось бы, и дуракъ не пострадалъ бы з то только, что онъ глупъ. Но когда Государь прочелъ другой пасквиль то пришелъ въ великій гнѣвъ... И это понятно, когда сообразите, вт

чемъ состоитъ славянское остроуміе, когда оно устремляется на женщину. Я не читалъ этихъ пасквилей, и никто изъ моихъ знакомыхъ ихъ не читалъ (что, между прочимъ, доказываетъ, что они нисколько не злы, а только плоски и глупы), но увѣренъ, что второй пасквиль долженъ быть возмутительно гадокъ по причинѣ, о которой я уже говорилъ. Шевченку послали на кавказъ солдатомъ. Мнѣ не жаль его: будь я его судьею, я сдѣлалъ бы не меньше. Я питаю личную вражду къ такого рода либераламъ. Это — враги всякаго успѣха. Своими дерзкими глупостями они раздражаютъ правительство, дѣлаютъ его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ нѣтъ ровно ничего, и вызываютъ мѣры крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія. Вотъ вамъ доказательство. Вы помните, что въ „Современникѣ" остановленъ переводъ „Пиччинино" (въ „Отечественныхъ Запискахъ" тоже). „Манонъ Леско", „Леонъ Леони". А почему? Одинъ изъ хохлацкихъ либераловъ, нѣкто Кулешъ... въ „Звѣздочкѣ", журналѣ, который издаетъ Ишимова для дѣтей, напечаталъ исторію Малороссіи, гдѣ сказалъ, что Малороссія должна или отторгнуться отъ Россіи, или погибнуть. Цензоръ Ивановскій просмотрѣлъ эту фразу, и она прошла. И не мудрено: въ глупомъ и бездарномъ сочиненіи всего легче не досмотрѣть и за него попасться. Прошелъ годъ—и ничего, какъ вдругъ Государь получаетъ отъ кого-то эту книжку съ отмѣткою фразы. А надо сказать, что эта статья появилась отдѣльно, и на этотъ разъ ее пропустилъ Куторга, который, понадѣясь, что она была цензурована Ивановскимъ, подписалъ ее, не читая. Сейчасъ же велѣно было Куторгу посадить въ крѣпость. Къ счастію, успѣли предупредить графа Орлова и объяснить ему, что настоящій-то виноватый—Ивановскій. Графъ кое-какъ это дѣло замялъ и утишилъ. Ивановскій былъ прощенъ. Но можете представить, въ какомъ ужасѣ было министерство просвѣщенія и особенно цензурный комитетъ. Пошли придирки, возмездія, и тутъ-то... Мусинъ-Пушкинъ... накинулся на переводы французскихъ повѣстей, воображая, что въ нихъ-то Кулешъ набрался хохлацкаго патріотизма, и запретилъ „Пиччинино", „Манонъ Леско" и „Леонъ Леони". Вотъ что дѣлаютъ эти скоты, безмозглые либералишки! Охъ, эти мнѣ хохлы!.. Либеральничаютъ во имя голушекъ и вареииковъ съ свинымъ саломъ! И вотъ теперь писать ничего нельзя: все мараютъ. А съ другой стороны, какъ и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволитъ печатно проповѣдывать отторженіе отъ него области? А вотъ и еще слѣдствіе этой исторіи. Ивановскій былъ прекрасный цензоръ, потому что благородный человѣкъ. Послѣ этой исторіи онъ, естественно, сталъ строже, придирчивѣе, до него стали доходить жалобы литераторовъ, и... и онъ вышелъ въ отставку, находя, что его должность не сообразна съ его совѣстью... Такъ вотъ опытъ вѣры моего вѣрующаго друга! Я эту вѣру опредѣляю теперь такъ: вѣра есть поблажка празднымъ фантазіямъ или способность все видѣть не такъ, какъ оно есть на дѣлѣ, а какъ намъ хочется и нужно, чтобы оно было. Страшная глупость эта вѣра! Вещь, конечно, невинная, но тѣмъ болѣе пошлая.

Ну, что бы вамъ еще сказать. Книги мои я получилъ 21-го ноября (3-го декабря). Скоренько, нечего сказать! То-то ждалъ, то-то проклиналъ удобство и скорость европейскихъ сношеній! Письмо ваше или, вѣрнѣе сказать, Тургенева получилъ. Благодарю васъ обоихъ. Тургеневу буду отвѣчать, теперь недосугъ, и это письмо измучился пиша урывками. Скажите ему, чтобы въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ не употреблялъ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, напримѣръ, имени моего

вѣрующаго друга. Можно быть взрослому дѣтинѣ съ просѣдью въ волосахъ ребенкомъ, но всему есть мѣра, и такъ компрометировать друзей своихъ, право, ни на что не похоже. Бога ради, увѣдомьте меня о брошюркѣ противъ Ламартина по поводу Робеспьера. А затѣмъ прощайте. Да, кстати: Историческое Общество въ Москвѣ открыло документъ, изъ котораго видно, что князь Пожарскій употребилъ до 30,000 рублей, чтобы добиться престола. Возникло преніе: печатать или нѣтъ этотъ документъ. Большинствомъ голосовъ рѣшено: печатать. Славянофилы въ отчаяніи. Читали-ль вы „Домби и сынъ"? Если нѣтъ, спѣшите прочесть. Это чудо. Все, что написано до этого романа Диккенсомъ, кажется теперь блѣдно и слабо, какъ будто совсѣмъ другого писателя. Это что-то до того превосходное, что боюсь и говорить: у меня голова не на мѣстѣ отъ этого романа.

78.

С.-Петербургъ. $\frac{15\text{-го}}{27\text{-го}}$ февраля 1848 года.

Дражайшій Павелъ Васильевичъ! Случайно узналъ я, что вашъ отъѣздъ изъ Парижа въ февралѣ отложился еще на два мѣсяца, но это еще не заставило бы меня приняться за перо чужою рукою, еслибъ не представился случай пустить это письмо помимо русской почты. Я, батюшка, боленъ уже шестую недѣлю; привязался ко мнѣ проклятый гриппъ, мучитъ сухой и нервическій кашель, по поверхности тѣла пробѣгаетъ ознобъ, а голова и лицо въ огнѣ; истощеніе силъ страшное; еле двигаюсь по комнатѣ; 2-й нумеръ „Современника" вышелъ безъ моей статьи, теперь диктую ее черезъ силу для 3-го; вытерпѣлъ двѣ мушки, а сколько переѣлъ разныхъ аптечныхъ гадостей—страшно сказать, а все толку нѣтъ до сихъ поръ; вотъ уже недѣли двѣ, какъ не ѣмъ ничего мясного, а ко всему другому потерялъ всякій аппетитъ. Къ довершенію всего, выѣзжаю пользоваться воздухомъ въ намордникѣ, который выдумалъ на мое горе какой-то чортъ англичанинъ,—чтобъ ему подавиться кускомъ ростбифу! Это для того, чтобъ на холодѣ дышать, теплымъ воздухомъ черезъ машинку, сдѣланнную изъ золотой проволоки, а стоитъ эта вещь 25 серебромъ. Человѣкъ богатый я—изволите видѣть—и дышу черезъ золото, и только по прежнему въ карманахъ не нахожу его. Легкія же мои, по увѣренію доктора, да и по собственному моему чувству, въ лучшемъ состояніи, нежели какъ были назадъ тому три года. На счетъ гриппа Тильманнъ утѣшаетъ меня тѣмъ, что теперь въ Петербургѣ тяжелое время для всѣхъ слабогрудыхъ, и что я еще не изъ самыхъ страждущихъ; но это меня мало утѣшаетъ.

Поговоривши съ вами о моей драгоцѣнной особѣ, хочу говорить о вашей драгоцѣнной особѣ, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобъ опять возвратиться къ моей драгоцѣнной особѣ. Читалъ я вашу повѣсть и скажу вамъ о ней мое мнѣніе съ подобающею въ такомъ важномъ случаѣ откровенностію. Вы сами вѣрно оцѣнили себя, сказавши, что вы—не поэтъ, а обыкновенный разсказчикъ; я прибавлю къ этому отъ себя, что между обыкновенными разсказчиками вы необыкновенный разсказчикъ. Не то, чтобъ у васъ было мало таланта, чтобъ быть поэтомъ, а родъ вашего таланта не такой, какой нуженъ поэту; для разсказчика же у васъ гораздо больше таланта, чѣмъ сколько нужно; но я отдамъ вамъ отчетъ въ порядкѣ въ моихъ впечатлѣніяхъ въ продолженіе чтенія вашей повѣсти. Вступленіе мнѣ не понравилось. Толкуете вы на двухъ или болѣе страницахъ, что оба пріятеля, не смотря на всю раз-

вицу ихъ характеровъ, ничѣмъ не разнились между собою. Я это понялъ (не безъ труда и погу) такъ, что оба они были дрянь. Если вы хотѣли сказать это, мнѣ кажется, вы могли бы сказать и короче, и простѣе, и прямѣе, а то перехитрили, повели дѣло черезчуръ тонко. а гдѣ тонко, тамъ и рвется. Но все это не важно; по праву дружбы мы сами сократили и перемѣнили бы это мѣсто: вѣдь дружба на то и создана, чтобъ друзья при всякой возможности гадили своимъ друзьямъ, особенно за глаза, когда тѣ далеко. Сильно заинтересовала меня ваша повѣсть съ того мѣста, гдѣ герой утѣшаетъ горемычную вдову Прѣснову; письмо къ нему армейскаго его дріятеля привело меня въ восторгъ; встрѣча его со вдовой, пьяный извозчикъ, урезонившійся оплеухами, пребываніе друзей на дачѣ у вдовы, сама вдова, ея тетки, ея гости, наконецъ, прогулка верхами сперва на двухъ лошадяхъ, а потомъ на одной, ночное объясненіе друзей, все это прекрасно, превосходно; но конецъ повѣсти ни къ черту не годится. Разсказъ армейскаго друга о его изгнаніи изъ деревни дѣлаетъ вдову совершенно не понятною, и слова обоихъ пріятелей; „она погибнетъ", слова, которыя должны намекать на смыслъ всей повѣсти и быть ея заключительнымъ аккордомъ, ничего не объясняютъ и ничего не заключаютъ, и аккордъ дребезжитъ такими неладными звуками, какъ будто вы его не написали, а пропѣли. да еще вмѣстѣ съ Тургеневымъ — что̀ еще сквернѣе, нежели когда каждый изъ васъ поетъ особо. Итакъ, конецъ повѣсти — пшикъ. Какъ хотите, а по моему мнѣнію, въ такомъ видѣ печатать ее не представляется никакой возможности. Чѣмъ выше будетъ удовольствіе читателей при чтеніи ея, тѣмъ болѣе они будутъ оскорблены ея неожиданно вялымъ и совершенно непонятнымъ концомъ. Мнѣ кажется, вы тутъ опять перетонили. Воля ваша, конецъ вы должны передѣлать, потому что жаль бросать такую прекрасную вещь. Но вѣдь у васъ, я думаю, не осталось черновой! Такъ напишите намъ, прислать что ли вамъ назадъ. Бога ради не бросайте этой вещи: она такъ хороша; изъ нея видно, что вы во всемъ успѣваете и вамъ все дано, кромѣ пѣнія и каламбуровъ, отъ которыхъ снова дружески прошу васъ воздержаться. Съ чего вы это, батюшка, такъ превознесли „Лебедянь" Тургенева? Это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ разсказовъ его, а послѣ вашихъ похвалъ онъ мнѣ показался даже довольно слабымъ. Цензура не вымарала изъ него ни единаго слова, потому что рѣшительно нечего вычеркивать. „Малиновая вода" мнѣ не очень понравилась, потому что я рѣшительно не понялъ Степушки, Въ „Уѣздномъ лѣкарѣ" я не понялъ не единаго слова, и потому ничего не скажу о немъ; а вотъ моя жена такъ въ восторгѣ отъ него: бабье дѣло! Да вѣдь и Иванъ-то Сергѣевичъ—бабьё порядочное! Во всѣхъ остальныхъ разсказахъ много хорошаго, мѣстами даже очень хорошаго, но вообще они мнѣ показались слабѣе прежнихъ. Больше другихъ мнѣ понравились „Бирюкъ" и „Смерть". Богатая вещь— фигура Татьяны Борисовны, недурна старшая дѣвица, но племянникъ мнѣ крайне не понравился, какъ списокъ съ Андрюши и Кирюши, на нихъ не похожій. Да воздержите вы этого милаго младенца отъ звукоподражательной поэзіи: „Ррркаліооонъ! Че-о-экъ!" Пока это ничего, да я боюсь, чтобъ онъ не пересолилъ, какъ онъ пересаливаетъ въ употребленіи словъ орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово: зеленя, которое также безсмыленно, какъ мясня и хлѣбена вмѣсто мяса и хлѣба. А какую Дружининъ написалъ повѣсть новую—чудо! Тридцать лѣтъ разницы отъ „Полиньки Саксъ"! Онъ для женщинъ будетъ то же, что̀ Герценъ для мужчинъ. „Сорока-воровка" напечатана и

прошла съ небольшими измѣненіями; не смотря на нихъ, мысль ярко показывается. Я и забылъ было сказать, что вашу повѣсть прежде меня читалъ Боткинъ, и мы совершенно сошлись съ нимъ во мнѣніи о ней. Послѣдніе разсказы Тургенева всѣ безъ исключенія очень нравятся Боткину и всѣмъ нашимъ друзьямъ, публикѣ тожь. „Сорока-воровка" имѣла большой успѣхъ. Но повѣсть Дружинина не для всѣхъ писана, также какъ и „Записки Крупова". Не знаю, писалъ ли я вамъ, что Достоевскій написалъ повѣсть „Хозяйка"—ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши немного Гоголя. Онъ и еще кое-что написалъ послѣ того, но каждое его новое произведеніе—новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о „Бѣдныхъ людяхъ". Я трепещу при мысли перечитать ихъ,—такъ легко читаются они! Надулись же мы, другъ мой съ Достоевскимъ-геніемъ! О Тургеневѣ не говорю: онъ тутъ былъ самимъ собою, а ужъ обо мнѣ, старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать. Я, первый критикъ, разыгралъ тутъ осла въ квадратѣ. Читаю теперь романы Вольтера и ежеминутно мысленно плюю въ рожу дураку, ослу и скоту Луи-Блану. Изъ Руссо я только читалъ его „Исповѣдь", и судя по ней, да и по причинѣ религіознаго обожанія ословъ, возымѣлъ сильное омерзеніе къ этому господину. Онъ такъ похожъ на Достоевскаго, который убѣжденъ глубоко, что все человѣчество завидуетъ ему и преслѣдуетъ его. Жизнь Руссо была мерзка, безнравственна. Но что за благородная личность Вольтера! Какая горячая симпатія ко всему человѣческому, разумному, къ бѣдствіямъ простого народа! Чтó онъ сдѣлалъ для человѣчества! Правда, онъ иногда называетъ народъ vile populace, но зато, что народъ невѣжественъ, суевѣренъ, изувѣръ, кровожаденъ, любитъ пытки и казни. Кстати: мой вѣрующій другъ и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысь, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ дóлженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная, аркадская мысль! Послѣ этого отчего же не предложить, что живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную и, наконецъ, перейдутъ въ республику? Пій IX въ два года доказалъ, чтó значитъ великій человѣкъ для своей земли. Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами. Странный я человѣкъ! Когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піэтистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли,—тутъ я и назадъ. Вѣрующій другъ и славянофилы наши оказали мнѣ большую услугу. Не удивляйтесь сближенію: лучшіе изъ словянофиловъ смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ

мой вѣрующій другъ; они высосали эти понятія изъ соціалистовъ и въ статьяхъ своихъ цитуютъ Жоржа Занда и Луи Блана. Но довольно объ этомъ. Дѣло объ освобожденіи крестьянъ идетъ, а впередъ не подвигается. На дняхъ прошелъ въ государственномъ совѣтѣ законъ, позволяющій крѣпостному крестьянину имѣть собственность съ позволенія своего помѣщика. Черезъ годъ снимутся таможни на русско-польской границѣ. Передѣлывается, говорятъ, тарифъ вообще. Когда будете писать Герцену, крѣпко кланяйтесь отъ меня Натальѣ Александровнѣ и Марьѣ Ѳедоровнѣ. Тургенева обнимаю и мыслью, и руками. Слышалъ я, дѣла его плохи, и живетъ онъ чортъ знаетъ гдѣ и чортъ знаетъ зачѣмъ, и по всему этому и представляется мнѣ какимъ-то миѳомъ. Усталъ диктовать, а потому и говорю вамъ: прощайте, мой благоутробный и не мистически, а раціонально обожаемый другъ мой Павелъ Васильевичъ!

1847.

X.

Къ К. Д. Кавелину.

79.

Спб., 1847 г., ноября 22.

Сейчасъ только получилъ и разобралъ съ большимъ трудомъ ваше, писанное небывалыми до васъ на свѣтѣ іероглифами [1]), письмо, милый мой Кавелинъ, и сейчасъ отвѣчаю на него. Что вы лѣтомъ ничего не дѣлали для „Современника“, за это никто изъ насъ и не думалъ сердиться на васъ. Вы—какъ сотрудникъ, соучастникъ, а не работникъ, не поденщикъ, обязанный не имѣть ни лѣни, ни отдыха, ни другихъ дѣлъ, болѣе для васъ важныхъ. И вы напрасно извиняетесь, потому что никто васъ и не обвинялъ. Вотъ что вы губите насъ, помогая... Краевскому, это намъ больно; но объ этомъ послѣ. Отзывъ вашъ о моей статьѣ [2]) тронулъ меня глубоко, хотя, въ то же время, и посмѣшилъ своею преувеличенностью. Статья моя дѣйствительно не дурна, особенно въ томъ видѣ, какъ написана (а не какъ напечатана), но далеко не такъ хороша, какъ вы ее находите. Не называю васъ за это ни мальчишкою (изо всѣхъ моихъ друзей и пріятелей, этимъ именемъ я называю только Тургенева), ни рыцаремъ. Дѣло просто: вы меня любите, а, между тѣмъ, сочли за человѣка, который заживо умеръ и отъ котораго больше нечего было ожидать. И такое мнѣніе съ вашей стороны не было ни несправедливо, ни опрометчиво: оно основывалось на фактахъ моей прошлогодней дѣятельности для „Современника“. Дѣло прошлое: а я и самъ ѣхалъ за границу съ тяжелымъ и грустнымъ убѣжденіемъ, что поприще

---

[1]) „Русская Мысль“, 1892 г. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ Кавелинъ писалъ дѣйствительно очень неразборчиво, а въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, напротивъ, онъ выработалъ себѣ весьма четкій и красивый почеркъ.

[2]) Рѣчь идетъ о Бѣлинскаго по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ Гоголя.

мое кончилось, что я сдѣлалъ все, что дано было мнѣ сдѣлать, что я измочалился, выписался, выболтался и сталъ похожъ на выжатый и вымоченный въ чаю лимонъ. Каково мнѣ было такъ думать, можете посудить сами; тутъ дѣло шло не объ одномъ самолюбіи, но и о голодной смерти съ семействомъ. И надежда возвратилась мнѣ съ этой статьей. Не удивительно, что она всѣмъ вамъ показалась лучше, чѣмъ есть, особенно вамъ, по молодости и темпераменту болѣе другихъ наклонному къ увлеченію. Спасибо вамъ. Ваше сравненіе моей статьи съ Пушкина и Лермонтова послѣдними сочиненіями и еще съ послѣдними распоряженіями кого-то, чье имя я не разобралъ въ вашихъ гіероглифахъ,— это сравненіе дышетъ увлеченіемъ и вызываетъ улыбку на уста. Такъ! Но есть преувеличенія, лжи и ошибки, которыя иногда дороже намъ вѣрныхъ и строгихъ опредѣленій разума; это тѣ, которыя исходятъ изъ любви: видишь ихъ несостоятельность, а чувствуешь себя человѣчески тепло и хорошо. Еще разъ спасибо вамъ, милый мой Кавелинъ. Кстати о статьѣ. Я уже писалъ къ Боткину, что она искажена цензурою варварски и — что всего обиднѣе — совершенно произвольно. Вотъ вамъ два примѣра. Я говорю о себѣ, что, опираясь на инстинктъ истины, имѣлъ на общественное мнѣніе больше вліянія, чѣмъ многіе изъ моихъ дѣйствительно ученыхъ противниковъ: подчеркнутыя слова не пропущены, а для нихъ-то и вся фраза составлена. Я мѣтилъ на ученыхъословъ— Надеждина и Шевырева. Самаринъ говоритъ, что согласіе князя съ вечемъ было идеаломъ новогородскаго правленія. Я возразилъ ему на это, что и теперь, въ конституціонныхъ государствахъ, согласіе короля съ палатою есть осуществленіе идеала ихъ государственнаго устройства: гдѣ же особенность новогородскаго правленія? Это вычеркнуто. Цѣлое мѣсто о Мицкевичѣ и о томъ, что Европа и не думаетъ о славянофилахъ, тоже вычеркнуто. Отъ этихъ помарокъ статья лишилась своей ровноты и внутренней діалектической полноты. Ну, да чортъ съ ней! Мнѣ объ этомъ и вспоминать—ножъ вострый! Скажу кстати, что и вамъ угрожаетъ такая же участь. Въ засѣданіи географическаго общества Панаевъ столкнулся съ маленькимъ, черненькимъ. . . . . Поповымъ [1]. Я читалъ отвѣтъ Самарину. „Что-жь мудренаго, когда онъ напечатанъ". — „Нѣтъ, вторую статью Кавелина [2]". — „Какъ же это?"—„Мнѣ показывалъ Срезневскій (цензоръ) [3], и я уговорилъ его кое-что смягчить". — „Видите ли, сколько у насъ цензоровъ и какіе ...... славянофилы".

Насчетъ вашего несогласія со мною касательно Гоголя и натуральной школы я вполнѣ съ вами согласенъ, да и прежде думалъ такимъ

---

[1]) Александръ Николаевичъ Поповъ — товарищъ по университету К. Д. Кавелина, защитившій въ 1842 г. съ большимъ успѣхомъ диссертацію на магистра уголовнаго права, о Русской Правдѣ („Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву". Москва, 1841 г., 121 стр. in—8°), — принадлежалъ къ направленію славянофильскому и, по соперничеству съ Кавелинымъ еще на студенческой скамьѣ, былъ съ нимъ въ недружелюбныхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи А. Н. Поповъ сдѣлался извѣстенъ учеными трудами по славистикѣ, русской исторіи и исторіи русскаго права и, состоя на службѣ во II отд. Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, принималъ дѣятельное участіе въ редакціонныхъ коммиссіяхъ по освобожденію крестьянъ. А. Н. Поповъ † 16 ноября 1877 г.

[2]) Отвѣтъ К. Д. Кавелина Самарину на его разборъ статьи Кавелина о „Юридическомъ бытѣ древней Россіи".

[3]) Изм. Ив. Срезневскій — извѣстный славистъ, профессоръ Петербургскаго университета и академикъ (р. 1812 г. † 9 февр. 1880 г.). Въ то время профессора университета исполняли цензорскія обязанности.

же образомъ. Вы, юный другъ мой, не поняли моей статьи, потому что не сообразили, для кого и для чего она писана. Дѣло въ томъ, что писана она не для васъ, а для враговъ Гоголя и натуральной школы, въ защиту отъ ихъ фискальскихъ обвиненій. Поэтому, я счелъ за нужное сдѣлать уступки, на которыя внутренно и не думалъ соглашаться, и кое-что изложилъ въ такомъ видѣ, какой мало имѣетъ общаго съ моими убѣжденіями касательно этого предмета. Напримѣръ, все, что вы говорите о различіи натуральной школы отъ Гоголя, по-моему совершенно справедливо: но сказать это печатно я не рѣшусь: это значило бы наводить волковъ на овчарню, вмѣсто того, чтобы отводить ихъ отъ нея. А они и такъ напали на слѣдъ, и только ждутъ, чтобы мы проговорилися. Вы, юный другъ мой, хорошій ученый, но плохой политикъ, какъ слѣдуетъ быть истому москвичу. Повѣрьте, что, въ моихъ глазахъ, г. Самаринъ не лучше г. Булгарина, по его отношенію къ натуральной школѣ, а съ этими господами надобно быть осторожному.

Вы обвиняете меня въ славянофильствѣ. Это не совсѣмъ неосновательно; но только и въ этомъ отношеніи я съ вами едва ли расхожусь. Какъ и вы, я люблю русскаго человѣка и вѣрю великой будущности Россіи; но, какъ и вы, я ничего не строю на основаніи этой любви и этой вѣры, не употребляю ихъ какъ неопровержимыя доказательства. Вы же пустили въ ходъ идею развитія личнаго начала, какъ содержаніе исторіи русскаго народа [1]). Намъ съ вами жить не долго, а Россіи—вѣка, можетъ быть, тысячелѣтія. Намъ хочется поскорѣе, а ей торопиться нечего. Личность у насъ еще только наклевывается, и оттого гоголевскіе типы—пока самые вѣрные русскіе типы. Это понятно и просто, какъ $2\times2=4$. Но какъ бы мы ни были нетерпѣливы и какъ бы ни казалось намъ все медленно идущимъ, а, вѣдь, оно идетъ страшно быстро. Екатерининская эпоха представляется намъ уже въ миѳической перспективѣ, не стариною, а почти древностью. Помните ли вы то время, когда я, не зная исторіи, посвящалъ васъ въ тайны этой науки? Сравните-ка то, о чемъ мы тогда съ вами толковали, съ тѣмъ, о чемъ мы теперь толкуемъ, и придется воскликнуть: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!" Терпѣть не могу я восторженныхъ патріотовъ, выѣзжающихъ вѣчно на междометіяхъ или на квасу да на кашѣ; ожесточенные скептики для меня въ 1,000 разъ лучше, ибо ненависть иногда бываетъ только особенною формой любви; но, признаюсь, жалки и непріятны мнѣ спокойные скептики, абстрактные человѣки, безпашпортные бродяги въ человѣчествѣ. Какъ бы ни увѣряли они себя, что живутъ интересами той или другой, по ихъ мнѣнію, представляющей человѣчество странѣ,—не вѣрю я ихъ интересамъ. Любовь часто ошибается, видя въ любимомъ предметѣ то, чего въ немъ нѣтъ,—правда; но иногда только любовь же и открываетъ то прекрасное или великое, которое недоступно наблюденію и уму. Петръ Великій имѣлъ бы больше чѣмъ кто-нибудь, правъ презирать Россію, но онъ—

Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

На этомъ и основывалась возможность успѣха его реформы. Для меня Петръ—моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи. Это примѣръ для великихъ и малыхъ, которые хотятъ что-нибудь дѣлать, быть чѣмъ-нибудь полезными. Безъ непосредствен-

---

[1]) Рѣчь идетъ о статьѣ Кавелина „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи.

наго элемента все гнило, абстрактно и безжизненно, также какъ при одной непосредственности все дико и нелѣпо. Но что-жь я разоврался? Вѣдь, вы и сами то же думаете, или, по крайней мѣрѣ, чувствуете, можетъ быть, наперекоръ тому, что думаете.

Ну-съ, теперь о житейскихъ дѣлахъ. Во-первыхъ, вы не дали мнѣ отвѣта на мой вопросъ: хотите ли вы, по примѣру прошлаго года, составить обзоръ литературной дѣятельности за 1847 годъ по части русской исторіи? [1]). Знаю, какъ скучно писать нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же, а потому и не настаиваю. Но, вѣдь, это можно сдѣлать покороче, лишь бы видно было, что говоритъ человѣкъ, знакомый съ дѣломъ. Какъ вы думаете? Если согласитесь, то не откладывайте вдаль, и, во всякомъ случаѣ, не замедлите прислать мнѣ ваше да или нѣтъ. Милютина зовутъ Владиміромъ Александровичемъ [2]). Его адресъ: на Владимірской, въ домѣ Фридрихса, квартира № 54.

Насчетъ вашего зловреднаго и опаснаго для „Современника" участія въ „Отечественныхъ Запискахъ" отвѣчу всѣмъ вамъ разазъ. Я очень жалѣю, что потерялъ напрасно трудъ и время на длинное письмо къ Боткину и безъ пользы оскорбилъ людей, которыхъ люблю и уважаю. Дѣло вотъ въ чемъ: вы обѣщали статьи Краевскому потому, что, во-1-хъ, не видѣли въ этомъ вреда для „Современника", во-2-хъ, потому, что два журнала съ одинаково-хорошимъ направленіемъ лучше одного. Это ваше мнѣніе, и вы совершенно правы. Что касается насъ, мы думаемъ иначе. По нашему убѣжденію, журналъ, издаваемый (Краевскимъ)... не можетъ имѣть никакого направленія, ни хорошаго, ни дурнаго; а если „Отечественныя Записки" доселѣ имѣютъ направленіе, и еще хорошее, это потому, что онѣ еще не успѣли простыть отъ жаркой топки, вы знаете кѣмъ сдѣланной, а потомъ еще отъ разныхъ случайностей, изъ которыхъ главная—участіе Дудышкина [3]). Но уже, не смотря на то, противорѣчій, путаницы, промаховъ — довольно; погодите немного—то ли еще будетъ, несмотря на ваше участіе. Вспомните мое слово, если въ будущемъ году не появится тамъ такихъ статей и мнѣній, которыя лучше всѣхъ моихъ доводовъ охладятъ ваше участіе къ этому журналу. Далѣе, мы убѣждены, что у насъ два журнала съ одинаковымъ направленіемъ существовать не могутъ: одинъ долженъ жить на счетъ другаго или оба чахнуть. Если, несмотря на вашу помощь „Отечественнымъ Запискамъ", подписка на „Современникъ" окажется хорошею, это будетъ несомнѣннымъ признакомъ паденія „Отечественныхъ Записокъ". Но мы, благодаря вамъ, ожидаемъ противнаго. Тогда я въ особенности буду имѣть причины быть вамъ благодарнымъ. Вотъ наше мнѣніе. Вы стоите на своемъ, мы—на своемъ. Ссориться, стало быть, не

---

[1]) Въ статьѣ Бѣлинскаго „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.", въ I книгѣ „Современника" за 1847 г., вставленъ обзоръ литературы по русской исторіи, принадлежащій Кавелину.

[2]) Бѣлинскій ошибается: Милютина звали Владиміромъ Алексѣевичемъ († 1855 г.); это меньшой братъ бывшаго военнаго министра графа Д. А. Милютина и дѣятеля по освобожденію крестьянъ и внѣдренію русскаго элемента въ Царствѣ Польскомъ. Н. А. Милютинъ, — профессоръ Петербургскаго университета, секретарь географическаго общества и авторъ весьма талантливыхъ монографій по экономическимъ вопросамъ.

[3]) Степ. Сем. Дудышкинъ (р. 25 декабря 1820 г., † 16 сент. 1866 г.) участвовалъ въ „Отеч. Зап." съ 1847 г., главнымъ образомъ, по отдѣлу критики, а съ 1859 г. до смерти своей былъ ихъ редакторомъ вмѣстѣ съ А. А. Краевскимъ. Въ 1848 г. Дудышкинъ помѣстилъ въ „Современникѣ" статью о князѣ Антіохѣ Кантемирѣ. О Дудышкинѣ см. очеркъ А. В. Старчевскаго: „Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ". Историч. Вѣст. 1886 г., т. XXIII, ст. 360—387.

изъ чего. Пиша мое письмо, я ожидалъ отъ васъ всякаго отвѣта, кромѣ того, какой вы дали. Еслибъ я это предвидѣлъ, вмѣсто яростнаго и длиннаго письма, написалъ бы вамъ три четыре спокойныхъ строки. И потому, я беру назадъ мое письмо и раскаиваюсь передъ вами въ его написаніи.

Что же касается статьи Аѳанасьева [1]), вы, милый мой Кавелинъ, вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало, меня поняли. Это мѣсто моего письма, взятое отдѣльно, дѣйствительно для васъ оскорбительно, а мнѣ мало дѣлаетъ чести. Если вы взглянете на него съ главной точки зрѣнія всего письма, вы увидите, что тутъ для васъ ничего нѣтъ обиднаго. Исключительное участіе москвичей въ „Современникѣ" мы понимали какъ главную силу нашего журнала и, основываясь на ней, начали дѣйствовать широко и размашисто, въ надеждѣ будущихъ благъ. Оттого первый годъ принесъ убытокъ. Знай мы заранѣе, что вы поддержите Краевскаго въ тяжелую для насъ годину, мы повели бы дѣло иначе, поскромнѣе, т.-е. платили бы хорошія деньги только немногимъ, а всѣмъ остальнымъ поумѣреннѣе; тогда расходъ не превзошелъ бы прихода. Я совершенно согласенъ съ вами насчетъ достоинствъ статьи Аѳанасьева, но болѣе какъ статьи ученой, нежели журнальной. Считая васъ исключительно нашими сотрудниками, мы и не думали видѣть въ 150 р. за листъ непомѣрно большой цѣны за эту статью; но теперь—другое дѣло: теперь мы имѣемъ причины горько жалѣть и о томъ, что, вмѣсто обѣщанныхъ 250 листовъ, дали 400, а, вѣдь, это сдѣлано не по вашему же совѣту. Поняли ли вы теперь смыслъ моихъ словъ по поводу статьи Аѳанасьева? Если нѣтъ, то вашу руку, извините меня, и забудемъ объ этомъ такъ, какъ будто бы я вовсе не писалъ, а вы не читали моего письма.

Что касается статей Фролова [2]), еще прежде этой исторіи, лишь только я пріѣхалъ и узналъ о его безконечномъ Гумбольдтѣ, какъ содрогнулся и сказалъ Некрасову: это зачѣмъ вы печатаете?—„Да что-жь такое, онъ хорошъ съ Грановскимъ, почему-жь не напечатать?"—отвѣчалъ мнѣ Некрасовъ. Фроловъ человѣкъ умный, но умъ его пораженъ хроническою болѣзнью—не то насморкомъ, не то запоромъ. Такіе сотрудники—гибель для журнала. Но я, все-таки, не понимаю, чѣмъ я обидѣлъ Грановскаго, сказавши, что изъ желанія сдѣлать ему пріятное мы сдѣлали то, чтобы онъ на насъ вовсе не надѣялся, еслибъ мы этого не сдѣлали, тѣмъ болѣе, что онъ насъ и не просилъ объ этомъ. Впрочемъ, чортъ знаетъ, можетъ быть, я какъ-нибудь неуклюже выразился, въ такомъ случаѣ, опять прошу извинить меня и дружески забыть все это.

Къ В. П. Боткину я не пишу по причинѣ слуховъ о его скоромъ

---

[1]) А. Н. Аѳанасьевъ—этнографъ и библіографъ, слушатель К. Д. Кавелина въ Московскомъ университетѣ. Въ „Современникѣ" 1847 г., кн. V и VII, помѣщена, по рекомендаціи Кавелина, его диссертація на факультетскую тему: „Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ".

[2]) Н. Г. Фроловъ (р. 1812 г., † 15 янв. 1855 г.) былъ другомъ Грановскаго, сблизившись съ нимъ въ 1837 г. въ Берлинѣ, гдѣ слушалъ лекціи знаменитаго географа Риттера, а также курсы исторіи, философіи, права и естественныхъ наукъ, изучая преимущественно творенія Александра Гумбольдта. Возвратившись въ Россію, Фроловъ поселился въ Москвѣ и спеціально занялся географіей. Съ 1852 г. онъ издавалъ здѣсь сборникъ подъ названіемъ „Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій" (всего вышло 4 тома). О Фроловѣ см. статью Грановскаго во 2 томѣ „Собранія его сочин." и въ біографіи Грановскаго А. В. Станкевича, стр. 74—76.

прибытіи въ Питеръ: боюсь, что мое письмо его не застанетъ въ Москвѣ.

Вамъ, милый мой юноша, понравилось то, что Самаринъ говоритъ о народѣ: перечтите-ка да переведите эти фразы на простыя понятія, такъ и увидите, что это цѣликомъ взятыя у французскихъ соціалистовъ и плохо понятыя понятія о народѣ, абстрактно примѣненныя къ нашему народу. Еслибъ объ этомъ можно было писать, не рискуя впасть въ тонъ доноса, я бы потѣшился надъ нимъ за эту страницу. Повѣсть „Антонъ"—прекрасна, хотя и не божественна, какъ вы говорите. Читать ее—пытка: точно присутствуешь при экзекуціи [1]).

Позвольте побранить васъ за неаккуратность. Вашею статьей (второю) о книгѣ Соловьева [2]) вы поставили насъ въ затруднительное положеніе: 12 № долженъ раздуться чудовищно. Если бы вы недѣлями двумя раньше увѣдомили, что пришлете такую-то статью такого-то (приблизительно) размѣра, тогда изъ отдѣла „Словесности" была бы выкинута комедія. Охъ, вы, москвичи, вѣчно полѣнитесь во-время сказать нужное словцо!

Тютчевъ [3]) вамъ кланяется, а я крѣпко жму руку и остаюсь вашимъ В. Бѣлинскимъ.

80.

Спб., 7 декабря 1847 г.

Что съ вами дѣется, милый мой Кавелинъ? Прислали вы мнѣ письмо въ тетрадь, вызвали на разные вопросы, я отвѣчалъ, какъ могъ, ждалъ скораго отвѣта, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Ужъ не больны ли вы, или ваша жена? Или вамъ не до писемъ по случаю отставки Строганова? Это я считаю очень возможнымъ. Я человѣкъ посторонній Московскому университету, а вѣсть объ отставкѣ Строганова [4]) огорчила меня даже помимо моихъ отношеній къ вамъ, Грановскому, Коршу. Это событіе, прискорбное для всѣхъ друзей общаго блага и просвѣщенія въ Россіи. О васъ, господа, я и не говорю: все это время не было дня, чтобъ я не думалъ объ этомъ, и это думанье вовсе не веселое и не легкое. Соколъ съ мѣста, ворона на мѣсто. Тяжело и грустно! Чортъ возьми, иной разъ, право, дѣлается легко и весело отъ мысли, что жизнь—фантасмогорія, что какъ мы не волнуемся, а придетъ же время, когда и кости наши обратятся въ пыль.

И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь.

Статья ваша противъ Самарина жива и дѣльна, какъ все, что вы пишете, но я крайне недоволенъ ею съ одной стороны. Этотъ баричъ

---

[1]) „Антонъ-горемыка", повѣсть Д. В. Григоровича, помѣщ. въ „Современникѣ" 1847 г., т. VI кн. 11.

[2]) Это рядъ критическихъ статей Кавелина о книгѣ С. М. Соловьева: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова рода". Первая статья была помѣщена въ „Современникѣ" 1847 г., кн. VIII; вторая, о которой идетъ рѣчь, въ декабр. книгѣ того же года, а третья въ майской книгѣ „Современника" за 1848 г.

[3]) Н. Н. Тютчевъ, вмѣстѣ съ которымъ жилъ Кавелинъ въ Петербургѣ въ 1843 г. Бѣлинскій ставилъ высоко достоинства Тютчева, который, не будучи самъ литераторомъ, находился въ близкихъ оношеніяхъ съ выдающимися представителями русской литературы 40-хъ и 50-хъ годовъ. Тютчевъ служилъ по удѣльному вѣдомству и до конца своей жизни († 15 дек. 1878 г.) былъ близокъ и друженъ съ Кавелинымъ.

[4]) Графъ С. Г. Строгановъ (1794 — 1882 г.)—попечитель Московскаго университета съ 1835 по 1847 г. На его мѣсто былъ назначенъ Д. П. Голохвастовъ.

третировалъ насъ съ вами du haut de sa grandeur, какъ мальчишекъ; вы возражали ему, стоя передъ нимъ на колѣняхъ. Ваше заключительное слово было то, что онъ—даровитый человѣкъ. Что Самаринъ человѣкъ умный, противъ этого я ни слова, хотя его умъ парадоксальный и безплодный; что Самарина нельзя никакъ назвать бездарнымъ человѣкомъ, и съ этимъ я совершенно согласенъ. Но не быть бездарнымъ и быть даровитымъ—это вовсе не одно и то же. Это, впрочемъ, общій всѣхъ насъ недостатокъ—легкость въ производствѣ въ геніи и таланты. Причина этому—молодость нашего образованія и нашей литературы; мы еще не приглядѣлись къ геніямъ и талантамъ. Если человѣкъ написалъ статью или двѣ такъ, что въ этихъ статьяхъ видно умѣнье владѣть языкомъ и болѣе или менѣе прилично и ловко выражать свои мысли, каковы бы онѣ ни были, мы ужъ и разѣваемъ ротъ отъ удивленія и кричимъ: талантъ, талантъ, огромный талантъ! Пора бы, кажется, намъ разстаться съ этою, немножко дѣтскою, привычкой и быть поскупѣе на хвалебные эпитеты. Какъ ни молода наша литература, а ужъ сколько фактовъ успѣла она намъ дать для нашего возмужанія! Я помню, что такое были эти люди: Языковъ, Марлинскій, Баратынскій, Подолинскій, Брамбеусъ, Бенедиктовъ. Толковали уже не о томъ, таланты ли они, а не геніи ли? И гдѣ же они теперь, гдѣ ихъ слава, кто говоритъ о нихъ, кто помнитъ? Не обратились ли они въ какія-то темныя преданія? А, между тѣмъ, всѣ они дѣйствительно были люди не только не бездарные, но и съ талантами. Это доказываетъ, что и талантъ, самъ по себѣ, еще не Богъ знаетъ что. А Загоскинъ и Лажечниковъ? Даже Булгаринъ въ свое время? Да это были колоссы родосскіе въ наше время и дѣлили славу съ Пушкинымъ. Вся Русь о нихъ знала, за ихъ романы платили десятками тысячъ. С. Т. Аксаковъ и Н. С. Степановъ отвалили за Р о с л а в л е в а 40,000 руб. асс., не получили, правда, ни копѣйки барыша, но свои деньги и издержки за печатаніе воротили, несмотря на то, что романъ продавался 20 р. ас. за экземпляръ. А теперь? Даже Ю р і й М и л о с л а в с к і й печатается только для бывшихъ читателей романовъ Алекс. Анѳимовича Орлова. И такъ, если и талантъ такъ дешевъ (а Загоскинъ и Лажечниковъ люди съ талантомъ), то что же намъ падать ницъ передъ тѣмъ, что только бездарность? Г. Самаринъ въ два года высидѣлъ двѣ статьи. Первая книжка „Современника" вышла перваго января, а статья на нее явилась въ сентябрѣ. Стало быть, авторъ обтесывалъ и отчеканивалъ ее, по крайней мѣрѣ, пять мѣсяцевъ. Было время придать ей ума и таланта! Вы скажете, у кого нѣтъ ни ума, ни таланта, тому досугъ и работа не дадутъ ихъ. Это не совсѣмъ такъ. Я вамъ прочту иную живую и горячую, но съ плеча написанную статью мою; она вамъ понравится, можетъ быть, приведетъ васъ въ восторгъ. Но дайте мнѣ время обработать эту импровизацію—вы не узнаете ее: живость и теплота въ ней останутся, а силы ума и таланта прибавится на 20 процентовъ. Иногда сгоряча напишешь глупость—и не замѣтишь; станешь потомъ читать въ печати и покраснѣешь до ушей, да потомъ дня три ходишь самъ не свой. Имѣя время, не просмотришь этой глупости. Когда пишешь сгоряча и къ спѣху, о чемъ надо говорить, по логическому развитію мысли, сперва, о томъ говоришь послѣ, и, на оборотъ, о чемъ надо сказать вскользь, глядишь, расползется въ существенную часть статьи, а иная существенная часть выходитъ замѣткою à propos; а сколько водяныхъ мѣстъ, вялыхъ фразъ, реторики, болтовни, и все это поневолѣ, по неимѣнію времени добиться до яснаго изложенія собственной мысли. Дайте время

и все будетъ какъ надо. Знаете ли, какія лучшія мои статьи? Вы ихъ не знаете—это тѣ, которыя не только не напечатаны, а никогда не были и написаны и которыя я слагалъ въ головѣ моей во время поѣздокъ, гуляній,—словомъ, въ нерабочее мое время, когда ничто извнѣ не понуждало меня приняться за работу. Боже мой! сколько яркихъ неожиданныхъ мыслей, сколько страницъ живыхъ, страстныхъ, огненныхъ! И многое, что особенно хорошо въ моихъ печатныхъ статьяхъ, большею частью удержанные въ памяти и ослабленные урывки изъ этихъ на свободѣ слагавшихся въ праздной головѣ статей. Я не обольщенъ моимъ талантомъ (скажу вамъ кстати, благо ужъ разболтался, увлекшись, по обыкновенію, отступленіемъ), я знаю, что моя сила не въ талантѣ, а въ страсти, въ субъективномъ характерѣ моей натуры, въ томъ, что моя статья и я—всегда нѣчто нераздѣльное. Но опять-таки я не скажу о себѣ, чтобъ я былъ только не бездарный человѣкъ и чтобы у меня не было положительнаго таланта: безъ таланта невозможно объектировать ни своей мысли, ни своего чувства; я хочу только сказать, что я нисколько не ослѣпленъ объемомъ моего таланта, ибо знаю, что это далеко не Богъ знаетъ что. Вотъ, напр., Некрасовъ — это талантъ, да еще какой! Я помню, кажется, въ 42 или 43 году онъ написалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" разборъ какого-то булгаринскаго издѣлія съ такою злостью, ядовитостью, съ такимъ мастерствомъ, что читать наслажденье и умиленье; а, между тѣмъ, онъ тогда же говорилъ, что не питаетъ къ Булгарину никакого непріязненнаго чувства. Разумѣется, его теперешнія стихотворенія тѣмъ выше, что онъ, при своемъ замѣчательномъ талантѣ, внесъ въ нихъ и мысль сознательную, и лучшую часть самого себя. А вотъ и еще примѣръ, еще болѣе поразительный, замѣчательнаго таланта, какъ талантъ ZZ. Еслибъ вы увидѣли этого добраго, но пустѣйшаго малаго, вашему удивленію не было бы конца. Но я заболтался и сбился, — отступленія всегда точки преткновенія для меня. Поворачиваю круто къ прежней матеріи. Въ чемъ увидѣли вы даровитость Самарина? Въ томъ, что онъ пишетъ не такъ, какъ Студитскій или Брантъ? Но, вѣдь, это дураки, а онъ уменъ. Вспомните, что онъ человѣкъ съ познаніями, съ многостороннимъ образованіемъ, говоритъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, читалъ на нихъ все лучшее, да не забудьте при этомъ, что онъ свѣтскій человѣкъ. Что-жъ удивительнаго, что онъ умѣетъ написать статью такъ же порядочно (comme il faut,) какъ умѣетъ порядочно держать себя въ обществѣ? Оставляя въ сторонѣ его убѣжденія, въ статьѣ его нѣтъ ничего пошлаго, глупаго, дикаго, въ отношеніи къ формѣ, все какъ слѣдуетъ; но гдѣ же въ ней проблески особеннаго таланта, вспышки ума и мысли? Надо быть слишкомъ предубѣжденнымъ въ пользу такого (?), чтобы видѣть въ немъ что-нибудь другое, кромѣ человѣка сухаго, черстваго, съ умомъ парадоксальнымъ, больше возбужденнымъ и развитымъ, нежели природнымъ, человѣка холоднаго, самолюбиваго, завистливаго, иногда блестящаго по причинѣ злости, но всегда мелкаго и посредственнаго. Можетъ быть, я ошибаюсь и онъ со временемъ докажетъ, что у него ѣсть талантъ, тогда я первый признаю его; но пока, воля ваша, спѣшить не вижу нужды. Вы имѣли случай раздавить его; вамъ это было легче сдѣлать, чѣмъ мнѣ. Дѣло въ томъ, что въ своихъ фантазіяхъ онъ опирается на источники русской исторіи; тутъ я пасъ. Мнѣ онъ сказалъ объ Ипатьевской лѣтописи, а я не знаю и о существаніи ея; вы — другое дѣло, вы ее читали и изучали, и ею же его и могли бить. Вы это и сдѣлали, но съ такимъ уваженіемъ къ нему, что иной

читатель можетъ подумать, будто вамъ и Богъ вѣсть какъ тяжело бороться съ такимъ могучимъ противникомъ и что вы хотите задобрить его, чтобъ онъ ужъ больше не подвергалъ васъ случайностямъ и опасностямъ такой трудной борьбы. А вмѣсто этого, вамъ слѣдовало бы подавить его вѣжливою ироніей, презрительною насмѣшкой. Вы же такъ способны и ловки на это. Надо вамъ сказать, что вашу статейку на Погодина, въ смѣси „Современника“ [1]), я прочелъ, видно, въ недобрый часъ, что ли, и то не прочелъ, а какъ-то просмотрѣлъ, перелистывая словно во снѣ. Но недавно, отъ нечего дѣлать, послѣ обѣда, перечитывая то и другое въ смѣси, добрался я и до вашей статейки и—проглотилъ ее, перечелъ два раза. Это не просто зло, c'est mordant. И чѣмъ эта злость добродушнѣе и спокойнѣе, тѣмъ вострѣе ея щучьи зубы. Какъ все ловко, мѣтко, какъ съ начала до конца ровно выдержанъ тонъ! Этого я, признаться, и не ожидалъ отъ васъ, ученый другъ мой. Ваша статья, не смотря на ея содержаніе и тяжесть многихъ доводовъ, вышла истинно-фельетонная — родъ сочиненій, который такъ рѣдко дается русскимъ литераторамъ, не говоря уже объ ученыхъ. Что, если бы вы такъ же высѣкли Самарина, какъ Погодина! А церемониться съ славянофилами нечего. Я не знаю Кирѣевскихъ, но, судя по разсказамъ Грановскаго и Герцена, это фанатики, полупомѣшанные (особенно Иванъ), но люди благородные и честные; я хорошо знаю лично К. С. Аксакова: это человѣкъ, въ которомъ благородство — инстиктъ натуры; я мало знаю брата его И. С. и не знаю, до какой степени онъ славянофилъ, но не сомнѣваюсь въ его личномъ благородствѣ. За исключеніемъ этихъ людей, всѣ остальные славянофилы, знакомые мнѣ лично или только по сочиненіямъ, ... страшные и на все готовые, или, по крайней мѣрѣ, пошлецы. Г. Самаринъ не лучше другихъ; отъ его статьи несетъ мерзостью. Эти господа чувствуютъ свое безсиліе, свою слабость и хотятъ замѣнить ихъ дерзостью, наглостью и ругательнымъ тономъ. Въ ихъ рядахъ нѣтъ ни одного человѣка съ талантомъ. Ихъ журналъ „Москвитянинъ“, читаемый только собственными сотрудниками, и „Московскій Сборникъ“—изданіе для охотниковъ. А журналы ихъ противниковъ расходятся тысячами, ихъ читаютъ, о нихъ говорятъ, ихъ мнѣнія въ ходу. Да что объ этомъ толковать много! Катать ихъ ....! И Богъ вамъ судья, что отпустили живымъ одного изъ нихъ, имѣя его подъ пятою своею . . . .

Теперь я хочу въ послѣдній разъ и серьезно поговорить съ вами о дѣлѣ вашего сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Я на это и не жду отъ васъ отвѣта, ибо эти строки не вопросъ, а окончательное объясненіе недоразумѣнія. Мнѣ досадно, что я написалъ по тому поводу столько же глупое, сколько и длинное письмо къ Боткину. А досадно потому, что вижу теперь, что письмо мое было холостымъ выстрѣломъ въ воздухъ и, вмѣсто того, чтобы попасть въ васъ съ Грановскимъ, никуда не попало, и я остался въ дуракахъ. А все потому, что вы не хотѣли быть со мною откровеннымъ, за что я, впрочемъ на

---

[1]) Въ 8 кн. „Современника“ 1847 г., т. IV, въ отд. Смѣси (стр. 114—125) въ современныхъ замѣткахъ помѣщено „Возрожденіе Москвитянина. Что такое статья Погодина о трудахъ гг. Бычкова, Бѣляева, Попова, Калачева, Кавелина и Соловьева по части русской исторіи?“ Эта замѣтка по поводу разбора Погодинымъ трудовъ всѣхъ названныхъ ученыхъ, помѣщеннаго въ 1 кн. „Москвитянина“ за 1847 г., написана Кавелинымъ, но напечатана безъ его подписи и не вошла въ собраніе его сочиненій, изданное Солдатенковымъ. К. Д. Кавелинъ весьма остроумно отражаетъ въ ней нападки на него со стороны Погодина за его статью „О юридическомъ бытѣ древней Россіи“.

васъ не сержусь, потому что источникъ этой неоткровенности — деликатность; въ увѣренности, что убѣдить меня нельзя, вы не хотѣли попусту тревожить меня тѣмъ, что, казалось вамъ, можетъ дѣйствовать на меня непріятно. Дѣло въ томъ, что разговоръ съ Д. М. Щепкинымъ [1]) раскрылъ мнѣ глаза. Какъ ни деликатно и ни мягко намекнулъ онъ мнѣ о дѣлѣ, я понялъ все. Позвольте же мнѣ на этотъ счетъ объясниться съ вами прямо, откровенно. Вы давали и прежде статьи Краевскому, теперь дали обѣщаніе участвовать на будущій годъ въ его журналѣ. Вы это сдѣлали не потому, что (какъ я думалъ) творили не вѣдая что, а какъ люди, дѣйствующіе сознательно. Хоть въ письмѣ вашемъ и Грановскаго главная и истинная причина обойдена вовсе, но вы отвѣчали мнѣ твердо, какъ люди, поступившіе по убѣжденію. Одно это должно бы мнѣ открыть глаза, но я только усомнился, да тутъ же и подавилъ свое сомнѣніе. И такъ, дѣло вотъ въ чемъ: вы остаетесь при томъ дурномъ мнѣніи о Некрасовѣ, при той недовѣрчивости къ нему, о которой вы писали мнѣ великимъ постомъ нынѣшняго года. Я, съ моей стороны, вполнѣ сознавая несправедливость и неделикатность поступка со мною Некрасова, тѣмъ не менѣе, не вижу въ немъ дурнаго человѣка. Это потому, что я знаю его, знаю давно и хорошо и знаю всѣ circonstances atténuntes его поступка со мною, прямой его источникъ. Вы предполагаете возможнымъ, что при паденіи „Отечественныхъ Записокъ" „Современникъ" будетъ ими, а Некрасовъ вполнѣ замѣнитъ Краевскаго. Я глубоко убѣжденъ, что вы ошибаетесь. Но, къ несчастію, вы правы въ отношеніи къ самимъ себѣ, потому что онъ далъ вамъ, поступкомъ со мною, поводъ и основаніе такъ думать о немъ. На всѣ мои доводы въ его защиту вы вправѣ сказать: пусть вы его знаете хорошо, да мы-то не знаемъ, а судимъ по факту. Я, любезный Кавелинъ, пишу къ вамъ это не для того, чтобы поднимать старыя дрязги, даже не изъ желанія, какъ говорится, помочь дѣлу, но только для того, чтобы показать и доказать вамъ, что я вовсе не такой человѣкъ, которому что войдетъ въ голову, такъ гвоздемъ не выколотишь, который не умѣетъ влѣзть ни на минуту въ чужую кожу и посмотрѣть на дѣло глазами людей, которые это дѣло видятъ иначе, и съ которымъ, слѣдовательно, необходимы умолчанія, обходы и т. п. Мнѣ эта исторія обошлась дорого. Если я ее, болѣзнь и потерю ребенка выдержалъ прошлою осенью, зимою и весною, это доказываетъ, что, несмотря на мою слабость, я физически живущъ страшно. Вы мнѣ повѣрьте, если я вамъ скажу, что посягательство на мои личные, матеріальные интересы слишкомъ мало на меня дѣйствовало, и то въ началѣ только исторіи, и что я страдалъ больше за него. Я долженъ вамъ сознаться, что до сихъ поръ я чувствую, что мнѣ съ нимъ не такъ тепло и легко, какъ было до этой исторіи. Вообще, по причинѣ ея, все начало „Современника" какое-то неблагодатное, что-то нетвердое и шаткое видѣлось въ самыхъ успѣхахъ его, чуялось, что не таковы бы еще были его успѣхи, еслибъ раздѣленіе и охлажденіе не проникли туда, гдѣ все зависѣло отъ единодушія и общаго одушевленія. Въ первой уже книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" была ваша статья, это продолжалось и потомъ, а это было куда нехорошо для новаго журнала! Я признаюсь, у меня не доставало духа взглянуть на дѣло прямо. Да и то сказать: боленъ, бли-

[1]) Сынъ Мих. Сем. Щепкина, Дмитрій Мих. Щепкинъ (р. 20 сент. 1817 г., † 12 дек. 1857 г.), принадлежавшій также къ кружку Грановскаго и Герцена и находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Кавелинымъ.

окъ къ смерти, безъ средствъ, я долженъ былъ, волею или неволею, хвататься за „Современникъ“, какъ за надежду и за спасеніе. Вотъ амъ моя исповѣдь, послѣ которой вы должны вполнѣ понять меня въ тношеніи къ извѣстному вопросу. Больше объ этомъ чтобъ не было и рѣчи. Покажите это мое письмо (или только эти строки) только Гра-юовскому, такъ какъ это дѣло больше всѣхъ касается только васъ воихъ, да и письмо мое къ Боткину писалось преимущественно объ асъ и для васъ двоихъ. Я о немъ очень жалѣю, что написалъ его, особенно о той выходкѣ, которая оскорбила васъ; признаюсь, она была неумѣстна и неловка. Я опять-таки повторяю, что вы ее не совсѣмъ такъ поняли, но я вижу, что иначе понять вамъ было бы мудрено. Забудьте ее, я прошу объ этомъ васъ и Грановскаго именемъ тѣхъ симпатій и убѣжденій, которыя соединяютъ насъ; а доказать мнѣ, что вы забыли ее, вы можете только тѣмъ, что опять возьметесь хлопотать въ томъ же духѣ насчетъ извѣстныхъ статей. Самый разсчетъ запрещаетъ теперь намъ хотя малѣйшее ограниченіе въ расходахъ, напротивъ, требуетъ еще бо̀льшей готовности на бо̀льшія издержки, несмотря на то, что и нынѣшній годъ можетъ принести опять убытки.

Принимаясь за это письмо, я перечелъ снова ваше, и хочу, ужъ заразъ, еще кое что сказать по его поводу, въ дополненіе моего прежняго отвѣта. Вы спрашиваете: „Представляетъ ли современная русская жизнь такую другую сторону, которая, будучи художественно воспроизведена, представила бы намъ положительную сторону нашей народной физіономіи?“—и видите съ моей стороны уступку славянофиламъ въ утвердительномъ моемъ отвѣтѣ. Но, несмотря на него, я и не думалъ съ ними соглашаться, по причинамъ, изложеннымъ въ вашемъ письмѣ и съ которыми я всегда былъ вполнѣ согласенъ. Но поймите, что, въ отношеніи къ этому вопросу, въ печати необходимо или обходить его, или рѣшать утвердительно. Но этотъ вопросъ многими поставляется проще, т.-е. многіе, не видя въ сочиненіяхъ Гоголя и натуральной школы такъ называемыхъ „благородныхъ лицъ“, а все плутовъ или плутишекъ, приписываютъ это будто бы оскорбительному понятію о Россіи, что въ ней-де честныхъ, благородныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умныхъ людей быть не можетъ. Это обвиненіе нелѣпое, и его-то старался я и буду стараться отстранить. Что хорошіе люди есть вездѣ, объ этомъ и говорить нечего, что ихъ на Руси, по сущности народа русскаго, должно быть гораздо больше, нежели какъ думаютъ сами славянофилы (т.-е. истинно-хорошихъ людей, а не мелодраматическихъ героевъ), и что, наконецъ, Русь есть по преимуществу страна крайностей и чудныхъ, странныхъ, непонятныхъ исключеній, — все это для меня аксіома, какъ $2 \times 2 = 4$. Но вотъ горе-то: литература, все-таки, не можетъ пользоваться этими хорошими людьми, не впадая въ идеализацію, въ реторику и мелодраму, т.-е. не можетъ представлять ихъ художественно такими, какъ они есть на самомъ дѣлѣ, по той простой причинѣ, что ихъ тогда не пропуститъ цензурная таможня. А почему? Потому именно, что въ нихъ человѣческое въ прямомъ противорѣчіи съ тою общественною средой, въ которой они живутъ. Мало того, хорошій человѣкъ на Руси можетъ быть иногда героемъ добра, въ полномъ смыслѣ слова, но это не мѣшаетъ ему быть съ другихъ сторонъ гоголевскимъ лицомъ: честенъ и правдивъ, готовъ за правду на пытку, на колесо, но невѣжда, колотитъ жену, варваръ съ дѣтьми и т. д. Это потому, что все хорошее въ немъ есть даръ природы, есть чисто человѣческое, которымъ онъ нисколько не обязанъ ни воспитанію, ни пре-

данію,—словомъ, средѣ, въ которой родился, живетъ и долженъ ум-
реть; потому, наконецъ, что подъ нимъ нѣтъ terrain, а какъ вы гов-
рите справедливо—не плавучее море, а огромное стекло. Вотъ, наприм-
честный секретарь уѣзднаго суда. Писатель реторической школы, с-
образивъ его гражданскіе и юридическіе подвиги, кончитъ тѣмъ, что
его добродѣтель онъ получаетъ большой чинъ и дѣлается губернат-
ромъ, а тамъ и сенаторомъ. Это цензура пропуститъ со всею охото-
какими негодяями ни былъ бы обставленъ этотъ идеальный герой п-
вѣсти, ибо онъ одинъ выкупаетъ съ лихвою наши общественные н-
достатки. Но писатель натуральной школы, для котораго все(го) дорож-
истина, подъ конецъ повѣсти представитъ, что героя опутали со всѣх-
сторонъ и запутали, засудили, отрѣшили съ безчестіемъ отъ мѣста, к-
торое онъ портилъ, и пустили съ семьею по міру, если не сослали в-
Сибирь, а общество наградило его за добродѣтель справедливости
неподкупности эпитетами безпокойнаго человѣка, ябедника, разбойник-
и пр. и пр. Изобразитъ ли писатель реторической школы доблестнаг-
губернатора, онъ представитъ удивительную картину преобразованно-
кореннымъ образомъ и доведенной до послѣднихъ крайностей благо-
денствія губерніи. Натуралистъ же представитъ, что этотъ дѣйстви-
тельно благонамѣренный, умный, знающій, благородный и талантливы-
губернаторъ видитъ, наконецъ, съ удивленіемъ и ужасомъ, что н-
исправилъ дѣла, а только еще больше испортилъ его, и что, поко-
ряясь невидимой силѣ вещей, онъ долженъ себя считать счастливымъ,
что по своему крупному чину, вмѣстѣ съ породой и богатствомъ, онъ
не могъ покончить точь-въ-точь какъ вышеупомянутый секретарь уѣзд-
наго суда. Кто-жъ будетъ пропускать такія повѣсти? Во всякомъ
обществѣ есть солидарность, въ нашемъ страшная, она основывается на
пословицѣ: съ волками надо выть по волчьи. Теперь вы видите ясно,
какъ я понимаю этотъ вопросъ и почему рѣшаю его не такъ, какъ бы
слѣдовало.

И такъ, вы видите, что я вполнѣ и во всемъ согласенъ съ вами. Найдутся, впрочемъ, и несогласія, но не въ мысляхъ, а въ оттѣнкахъ мыслей, о чемъ писать скучно. Говоря, что Гоголь изображаетъ не пошлецовъ, а человѣка вообще, я имѣю въ виду отстоять отъ его враговъ сущность его художественнаго таланта. Съ этой стороны и вы не совсѣмъ правы, видя въ немъ только комика. Его Бульба и разныя отдѣльныя черты, разсѣянныя въ его сочиненіяхъ, доказываютъ, что онъ столько же трагикъ, сколько и комикъ, но что отдѣльно тѣмъ или другимъ онъ рѣдко бываетъ въ отдѣльномъ произведеніи, но чаще всего слитно тѣмъ и другимъ. Комизмъ—слово узкое для выраженія гоголевскаго таланта. У него и комизмъ-то выше того, что мы привыкли называть комизмомъ. Что касается добродѣтелей Собакевича и Коробочки, вы опять не поняли моей цѣли; а я совершенно съ вами согласенъ. У насъ всѣ думаютъ, что если кто, сидя въ театрѣ, отъ души гнушается лицами въ Ревизорѣ, тотъ уже не имѣетъ ничего общаго съ ними, и я хотѣлъ замѣтить, съ одной стороны, что самые лучшіе изъ насъ не чужды недостатковъ этихъ чудищъ, а съ другой, что эти чудища—не людоѣды же. А вы правы, что собственно въ нихъ нѣтъ ни пороковъ, ни добротѣлей. Вотъ почему заранѣе чувствую тоску при мысли, что мнѣ надо будетъ писать о Гоголѣ, можетъ быть, не одну статью, чтобы сказать о немъ мое послѣднее слово: надо будетъ говорить многое не такъ, какъ думаешь. Въ этомъ отношеніи писать о Лермонтовѣ гораздо легче. Что между Гоголемъ и натуральною школой цѣлая бездна; но,

е-таки, она идетъ отъ него, онъ отецъ ея, онъ не только далъ ей ррму, но и указалъ на содержаніе. Послѣднимъ она воспользовалась лучше его (куда ей въ этомъ бороться съ нимъ!), а только сознальнѣе. Что онъ дѣйствовалъ безсознательно,—это очевидно, но Коршъ льше чѣмъ правъ, говоря, что всѣ геніи такъ дѣйствуютъ. Я отъ этой исли года три назадъ съ ума сходилъ, а теперь она для меня аксіома, зъ исключеній. Петръ Великій—не исключеніе. Онъ былъ домострои-ль, хозяинъ государства, на все смотрѣлъ съ утилитарной точки зрѣнія. нъ хотѣлъ сдѣлать изъ Россіи нѣчто вродѣ Голландіи и построилъ ило Петербургъ-Амстердамъ. Но то ли только вышло или должно йти изъ его реформы? Геній—инстинктъ, а потому и откровеніе: бро-тъ въ міръ мысль и оплодотворитъ ею его будущее, самъ не зная, ю сдѣлалъ, и думая сдѣлать совсѣмъ не то! Сознательно дѣйствуетъ лантъ, но за то онъ кастратъ, безплоденъ; своего ничего не родитъ, за то лелѣетъ, роститъ и крѣпитъ дѣтей генія. Посмотрите на Жоржъ-андъ въ тѣхъ ея романахъ, гдѣ рисуетъ она свой идеалъ общества: итая ихъ, думаешь читать переписку Гоголя. Но довольно объ этомъ.

Статья ваша о Соловьевѣ дѣльна, и я читалъ ее съ наслажденіемъ. вась вездѣ мысль, и всегда одна и та же, отъ этого въ самыхъ су-ихъ матеріяхъ вы живы и литературны. Продолжайте ваше дѣло. Кстати: вамъ вѣрно будетъ досадно, что статья ваша не вся напечатана ъ 12 №. Что дѣлать, сами виноваты [1]). Но объ этомъ я много гово-рилъ Боткину. Что это дѣлается съ Погодинымъ? Что за слухи? Ничего е понимаю. Онъ с......, но уменъ, очень уменъ, даже безъ сравненія съ славянофилами, которые умомъ всѣ очень богаты. А, впрочемъ, чѣмъ онъ умнѣе, тѣмъ отвратительнѣе, потому что лицемѣръ.

Отвѣчайте мнѣ ради Аллаха, что вы думаете насчетъ моего пред-ложенія—обозрѣть вкратцѣ литературную дѣятельность по части русской исторіи за нынѣшній годъ? Не стѣсняйте себя ни малѣйше, если не имѣете времени или даже просто охоты. Обойтись безъ этого можно; скажу просто, что объ этомъ въ „Современникѣ" отдавались постоянные и подробные отчеты—и дѣло съ концомъ. Только увѣдомьте, чтобъ я уже зналъ чего держаться. Да забылъ я въ письмѣ къ Боткину спро-сить: на старой ли квартирѣ (въ Доброй Слободкѣ) живетъ Галаховъ [2]); я писалъ къ нему туда со вложеніемъ письма къ Кудрявцеву [3]) и от-вѣта не получилъ. Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

---

[1]) Рѣчь идетъ объ упомянутой выше статьѣ Кавелина по поводу книги Соловьева: „Объ отношеніи князей Рюрикова рода".

[2]) А. Д. Галаховъ — составитель христоматій и авторъ цѣлаго ряда капитальныхъ монографій по исторіи русской литературы и курса исторіи русской словесности. Въ то время онъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ „Отеч. Запис.".

[3]) Профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ, преемникъ по каѳедрѣ Грановскаго, въ то время только что возвратившійся изъ-за границы.

XI

Къ А. П. Ефремову [1]

81.

(Бѣлинскій! Когда ты будешь у Беєровыхъ, спроси у нихъ Histoir de la Révolution française Mignet, да напиши мнѣ, когда, въ которомъ часу мы выѣзжаемъ, потому что сегодня послѣ обѣда я долженъ нанять вольныхъ лошадей до Тулы.—Не забудь квартальнаго. А. Еф.....).

Выѣзжаемъ въ 3 часа ночи, Зачѣмъ вольныхъ лошадей до Тулы? Короче: нельзя ли тебѣ сію же минуту забѣжать ко мнѣ?

82.

Ефремовъ, отработывай свой переводъ какъ можно скорѣе. Да пожалуста, пошли своего человѣка или моего мальчика къ Кетчеру—онъ обѣщался мнѣ прислать стихи Красова — и надулъ, злодѣй! Напиши къ нему, и сдѣлай такъ, чтобы мой же мальчикъ принесъ мнѣ стихи Красова.

83.

Любезный Ефремовъ, благодарю за окончаніе перевода: титулъ дѣятельнаго принадлежитъ теперь тебѣ по праву. Нѣтъ ли, братъ, лишнихъ сапогъ? Завтра жду свои отъ сапожника, а нынче не въ чемъ выйдти. Одолжи также и фрака. Твой В. Б.

P. S. Посылаю тебѣ книгъ, а вчерашнюю нельзя-ли возвратить?

84.

Душенька Ефремовъ—Ж. П. теперь никакъ не могу достать. Полевой на дачѣ въ Архангельскѣ—у кого въ рукахъ, не знаю, гдѣ живутъ. Аксаковъ ничего мнѣ не оставлялъ. Посылаю тебѣ статью Тампліеры: прочти ее хорошенько и, если тебѣ понравится, то переведи. Главное дѣло, чтобы было интересно и доступно для нашей публики. Твой В. Б.

85.

Ефремовъ, спасибо, что хорошо держишь слово. Дѣло остановилось, благодаря тебѣ. Нѣтъ ли еще хоть листика, вмѣсто пяти обѣщанныхъ: все не такъ совѣстно будетъ передъ Степановымъ.

---

[1] „Памяти Бѣлинскаго“, литературный сборникъ М. 1899 г.

Кн. Н. В. Шаховской любезно доставилъ для напечатанія въ „Сборникѣ“ 11 записокъ и письмо Бѣлинскаго къ его товарищу А. П. Ефремову, бывшія на выставкѣ Общества Л. Р. Словесности въ память Бѣлинскаго. Три изъ этихъ записокъ представляютъ отвѣтъ на записки Ефремова и написаны вслѣдъ за ними на тѣхъ же клочкахъ бумаги. Первая, по времени, записка относится къ поѣздкѣ на Кавказъ, т.-е. писана въ 1837 г.; остальныя писаны въ то время, когда Бѣлинскій былъ редакторомъ „Московскаго Наблюдателя“, т.-е. въ 1838—1839 гг.

Прим. пер.

86.

(Бѣлинскій! Посылаю тебѣ Б. д. ч. Пожалуйста, братецъ, пришли еще нѣсколько № оной. Видѣлъ ли ты вчера послѣ меня Станкевича или Мишу? Если нѣтъ, то приходи ко мнѣ, я сообщу тебѣ важную новость и поиграемъ на бильярдѣ. А. Ефремовъ).

Ефремовъ! я занятъ: Бога ради, забѣги ко мнѣ, какова бы ни была эта новость и до кого бы ни касалась она,—она важная новость — и я горю нетерпѣніемъ узнать ее. Не случилось ли какого-нибудь несчастія въ Прямухинѣ? Хоть напиши—а тамъ часа черезъ два я, можетъ быть, и зайду къ тебѣ. Не получилъ ли письма Станкевичъ, или не пріѣхалъ ли его отецъ? Бога ради, увѣдомь скорѣе.

87.

Любезный Ефремовъ! Цензоръ тиранствуетъ, я въ лютомъ отчаяніи: приди, если можешь, утѣшить твоего бѣднаго друга В. Б.

88.

Ефремовъ! сейчасъ одѣвайся, приходи ко мнѣ: я имѣю сообщить тебѣ нѣчто такое, что̀ тебя удивитъ и что касается равно и до тебя и до меня; я немного въ досадѣ и потому жду тебя съ нетерпѣніемъ. Кучеру своему ты можешь приказать черезъ часъ пріѣхать къ моей квартирѣ. В. Б.

89.

Любезный Ефремовъ, если любишь меня—одолжи меня безконечно: на приложенныя деньги возьми два дамскихъ билета на первый имѣющій быть маскерадъ. Сдѣлай это поскорѣе, и взявши, тотчасъ пришли ко мнѣ; если меня не будетъ дома, вели отдать моему мальчику. Бога ради, душа моя. Меня просили дамы, я далъ слово, такъ не хочется срѣзаться. В. Б.

90.

(Не можешь ли ты, любезнѣйшій Виссаріонъ, прислать мнѣ денегъ; я бы тебя не потревожилъ, но я самъ имѣю въ нихъ, какъ говорятъ французы, bon bésoin. Твой А. Ефрем.).

Я ждалъ этого Ефремовъ—и дождался, хотя и слишкомъ поздно. Ты былъ слишкомъ деликатенъ, я былъ слишкомъ подлъ. Я надувалъ тебя и теперь долженъ дѣлать то же. Я очень понимаю, чего стоило тебѣ напомнить мнѣ о деньгахъ. Ефремовъ, хоть посади въ яму — не могу. Я ужъ сталъ откровенно подлъ и наглъ.

91.

Ефремовъ, скажи ради Бога, что ты за свинья такая: если къ тебѣ не ходятъ каждый день, такъ ты думаешь, что это даетъ тебѣ право не казать къ тѣмъ людямъ свое(го) чувствующаго носа? Зайди поболтать. Да къ этому еще не можешь ли сдѣлать и другаго одолженія: нѣтъ ли у тебя лишней красненькой; если ты самъ очень бѣденъ, я тебѣ на-дняхъ отдамъ, а если не очень нуждаешься, то впредь до расчета. Но во всякомъ случаѣ, зайди теперь ко мнѣ—душа взстосковалась о тебѣ.

92.

С.-Петербургъ. 1840, августа 23.

Странную роль назначено тебѣ, любезный Ефремовъ, играть въ отношеніи ко мнѣ: вотъ уже въ другой разъ увѣдомляешь ты меня объ ужасной утратѣ, о смерти, которой ты былъ свидѣтелемъ. Станкевича нѣтъ, и я уже не услышу его никогда, и никто никогда не увидитъ его — странная, дикая, неестественная идея! Мнѣ все не вѣрится, все кажется, что смерть не посмѣла бы разрушить такой божественной личности. Разлука много отняла у меня: ты знаешь, какъ мы всѣ были глупы, когда оставилъ онъ насъ. Онъ не былъ свидѣтелемъ самаго важнаго періода моего развитія, онъ давно уже существовалъ для меня въ прошедшемъ, какъ воспоминаніе, какъ живое представленіе лучшаго, прекраснѣйшаго, что зналъ я въ жизни. О, если-бы ты зналъ, Ефремовъ, какъ я завидую тебѣ: ты жилъ съ нимъ цѣлый годъ, ты присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ, ты навсегда сохранилъ живую память его просіявшаго по смерти лица. Я ничего не знаю, что̀ бы могло сравниться съ твоимъ счастіемъ. Конечно, тебѣ чувствительнѣе всѣхъ насъ его потеря — твоя рана и теперь еще сочится теплою кровью, но—Боже мой — что жизнь и всѣ ея радости, все блаженство, въ сравненіи со счастіемъ — вѣчно носить въ душѣ такую рану! Да, Ефр., я завидую твоей святой скорби, твоему святому страданію, завидую—потому что самъ чуждъ ихъ. Странное дѣло! Какъ глубоко страдалъ я и какъ религіозно было мое страданіе, когда умерла о н а, которая была совершенно чужда мнѣ, хотя и прекрасное явленіе! Для меня было величайшимъ счастіемъ знать ее, видѣть и слышать,—и я такъ хорошо зналъ ее, такъ много видѣлъ и слышалъ ее; но бо̀льшаго для меня и не могло быть; тогда какъ онъ называлъ меня своимъ другомъ, ему обязанъ я всѣмъ, что есть во мнѣ человѣческаго, — и его смерть произвела на меня такое неглубокое впечатлѣніе! Можетъ быть, тутъ много значитъ, что я хоть мигъ, но видѣлъ ее незадолго до смерти. Но я думаю, что главная причина — мое теперешнее состояніе, которое можно характеризовать такъ: вѣры нѣтъ, знанія и не бывало, а сомнѣнія превратились въ убѣжденія. Мысль о томъ, что все живетъ одно мгновеніе, что послѣ самого Наполеона осталось только нѣсколько костей, да слава, въ которой ему теперь ни черта нѣтъ толку, и которая хотя и не скоро, но все же погибнетъ вмѣстѣ съ нашею планетою,— эта мысль превратила для меня жизнь въ мертвую пустыню, въ безотрадное царство страданія и смерти. Смерть, смерть! вотъ истинный Богъ міра̀! Ея владычество для всѣхъ равно и несомнѣнно — ей слава вѣчная, ей поклоненіе! Что такое общее (для познанія котораго Ст. жилъ и умеръ вдали отъ насъ?) Молохъ, пожирающій собственныя созданія, Сатурнъ, пожирающій собственныхъ чадъ. Зачѣмъ родился, зачѣмъ жилъ Станкевичъ? что осталось отъ его жизни, что дала ему она? Нѣтъ, ему надо было умереть, потому что, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И мы, знавшіе его, всѣ умремъ, — и тогда даже и памяти на землѣ не останется объ немъ. Вотъ въ такихъ-то мысляхъ застало меня письмо твое. Право, мнѣ кажется, что надо мною уже безсильна всякая утрата и всякое бѣдствіе, кромѣ нужды и физическаго страданія, но и къ нимъ можно привыкнуть.

Бога ради, Ефремовъ, увѣдомь меня, какъ можно подробнѣе обо всемъ, до малѣйшей подробности—и какъ онъ жилъ, и какъ умиралъ. Не полѣнись, душа моя,—помни, что то, что̀ ты знаешь о немъ, есть

общее наше достояніе. О, какъ жажду я видѣться съ тобою! Будетъ ли это когда-нибудь, или и ты скоро же умрешь? Собери всѣ мои письма къ Станкевичу для доставл(енія) ко мнѣ, если воротишься или найдешь случай. Для меня священна собственная моя строка, которую читали его глаза. Пожалуста.

А вотъ тебѣ и выговоръ. Въ твоемъ письмѣ есть что-то, какъ будто тебѣ неловко говорить со мною, да и начинается оно словомъ „почтеннѣйшій" (такъ что я думалъ, что это письмо шуточное, веселое). Стыдно тебѣ! Неужели ты думаешь, что я способенъ помнить старыя глупости и сердиться за нихъ. Повѣрь, что онѣ мнѣ даже и не смѣшны. Жизнь наша такъ коротка, такъ ничтожна, что и на великое въ ней надо смотрѣть въ уменьшительное стекло, а не дѣлать изъ мелочей великаго. Слушай, Ефремовъ, если ты не считаешь меня тѣмъ, чѣмъ считалъ нѣкогда въ отн(ошеніи) къ себѣ,—то Богъ съ тобой—ребенокъ ты послѣ этого. Но нѣтъ, этого не можетъ быть, особенно теперь, когда чувство общей великой утраты, общаго сиротства должно еще болѣе сблизить и сроднить насъ другъ съ другомъ.

К. (зачеркнуто: Катковъ) хандритъ. Онъ кланяется тебѣ и собирается скоро ѣхать. Кстати: я ничего не могу тебѣ сказать насчетъ его отнош(еній) къ М.—Я показалъ ему твое письмо, — онъ ничего не сказалъ. Вѣдь это дѣло нешуточное, и требованіе отсрочки въ немъ очень справедливо и основательно можетъ быть принято за желаніе оставить дѣло нерѣшеннымъ. Если М. хочетъ его покончить (что всего лучше, особенно для него, когда онъ явно виноватъ, что̀ долженъ сознавать, если онъ человѣкъ), то ему лучше и прямѣе всего написать къ К. нѣчто въ родѣ той записки, какую онъ вытребовалъ себѣ отъ В. К. Р.— Я не могу отвѣчать за К., но если ты обратился ко мнѣ съ вопросомъ по этому дѣлу, то, сколько я могу судить по чувству К. къ М. и по взгляду его на сущность дѣла,—это дѣло едва ли можетъ кончиться иначе, какъ такъ, какъ было условлено между ними, или какъ я говорю, т.-е. запискою, отъ которой пострaждетъ самолюбіе М., но оправдается его человѣческое достоинство (которое теперь въ сильномъ подозрѣніи у всѣхъ благородно-мыслящихъ людей).

Кланяйся отъ меня В. А. Д—ой. Мнѣ бы очень хотѣлось написать къ ней,—да останавливаетъ мысль—что̀ же я напишу къ ней, когда у меня и въ головѣ и въ сердцѣ—только и знай посвистываетъ. Поблагодари ее за память обо мнѣ и попроси подольше не умирать, если можно. Она принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ, которымъ смерть больше всѣхъ грозитъ; она то же, что онъ,—пусть же спѣшитъ сюда къ намъ, чтобы всѣ знавшіе и любившіе ее, еще разъ увидѣли ее. Что ея Саша? Боже мой! сколько перемѣнъ въ такое малое время! Ефремовъ, помнишь ли осень 1836 года—еще нѣтъ и полныхъ четырехъ лѣтъ, а между тѣмъ... Право, мнѣ кажется, что я начинаю умнѣть,—и не мудрено: жизнь есть такая школа, которая лучше всѣхъ университетовъ и философіи даетъ знать, что она — „даръ напрасный и случайный..." Есть изъ чего и биться... О пребываніи въ Б(ерлинѣ) В. А. никому изъ чужихъ не скажу. Скоро ли она въ Россію—и черезъ Петербургъ ли—о Боже мой! какая грустная радость для меня!

Для журнала, прежде всего—новостей, ученыхъ, художественныхъ и литературныхъ. Нѣтъ ли хорошихъ сказокъ—пожалуста.

Долго не отвѣчалъ тебѣ на письмо—не на что было послать. Прощай, обнимаю тебя. Твой В. Бѣлинскій.

XII.

Къ И. С. Тургеневу [1]).

94.

Прощайте, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ! Очень жалѣю, что не удалось въ послѣдній разъ побесѣдовать съ вами. Ваша бесѣда всегда отводила мнѣ душу, и, лишившись ея на нѣкоторое время, я тѣмъ живѣе чувствую ея цѣну. Будьте добры и, по обѣщанію вашему, доставьте эти тетради по надписанію. Въ письмѣ къ Бакунину запечатано— что бы вы думали?—книжка о преферансѣ. Это для стариковъ,—пусть посмѣются. Прощайте.

Вашъ В. Б.

Сообщ. И. Ф. Рында.

---

[1]) „Русское Обозрѣніе", май 1894 г..

I. ЗИНЧЕНКО. **Женщина-адвокатъ.** Спб. 1898 г., стр. 157, ц. 80 к.

Книжка г. Зинченко является переложеніемъ недавно вышедшаго въ Парижѣ сочиненія брюссельскаго адвоката Луи Франкъ, написаннаго въ виду подачи въ парижскій судъ докторомъ правъ Жанною Шовенъ прошенія о допущеніи ея къ адвокатской дѣятельности. Какъ Франкъ, такъ за нимъ и г. Зинченко сторонники женской эмансипаціи и въ области адвокатуры. Разсматриваемая книжка подробно аргументируетъ необходимость подобной эмансипаціи и разбираетъ всѣ доводы ея противниковъ, высказанные въ западно-европейской литературѣ и въ постановленіяхъ нѣкоторыхъ судовъ, отнесшихся отрицательно къ домогательствамъ женщинъ на званіе адвоката. Среди множества этихъ доводовъ, приводимыхъ со словъ Франка г. Зинченкомъ, встрѣчаются и очень курьезные, напр., присутствіе женщины на адвокатскомъ мѣстѣ можетъ быть опасно для нравственной репутаціи судей (красивая женщина-адвокатъ можетъ обворожить судью), затѣмъ „женщина можетъ иногда быть обязана по професіи разсматривать такіе вопросы, о которыхъ не принято говорить въ присутствіи женщинъ“, наконецъ, женщина можетъ разрѣшиться отъ бремени въ судѣ и т. д.

Въ книгѣ г. Зинченко приведены свѣдѣнія объ адвокатской дѣятельности женщинъ въ разныхъ государствахъ Европы и Америки. Такъ, въ Германіи нѣтъ „женщинъ-адвокатовъ“. Точно также и по австрійскому законодательству женщины до сихъ поръ не могли быть адвокатами уже по одному тому, что для нихъ не существовало доступа на юридическіе факультеты. Что касается Англіи, то въ ея колоніяхъ (въ Индіи, въ Канадѣ и въ Австраліи), а также въ Ирландіи женщинамъ наравнѣ съ мужчинами разрѣшено занятіе адвокатурою. Итальянское законодательство напротивъ запрещаетъ имъ заниматься этою професіею. Въ Даніи женщина можетъ фигурировать въ судѣ въ качествѣ адвоката только по своимъ личнымъ дѣламъ. Зато въ Норвегіи, въ Румыніи и въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, а равно и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (въ 32 штатахъ и территоріяхъ), въ Мексикѣ и въ Чили женщина вполнѣ допущена къ адвокатской дѣятельности По закону 15 февраля 1879 г. американка можетъ быть адвокатомъ даже при федеральномъ судѣ. Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ числится 275 женщинъ-адвокатовъ. Съ нынѣшняго года появилась женщина-адвокатъ и во Франціи (Жанна Шовенъ). Въ Россіи женщины допущены къ адвокатурѣ только въ Финляндіи и то съ 1895 г., когда это право получила Синъ-Сшенсъ.

Г. Зинченко приводитъ въ своей книгѣ письмо В. Д. Спасовича по вопросу „объ общественной дѣятельности женщинъ въ Россіи“. Почтенный юристъ, говоря о періодѣ времени, предшествовавшемъ изданію судебныхъ уставовъ 1864 года, замѣчаетъ, что „женщина не была исключена отъ выполненія обязанности ходатайствовать передъ судомъ; снабженныя формальнымъ разрѣшеніемъ, онѣ могли принимать участіе въ разбирательствѣ. „Несомнѣнно это было рѣдко, но я лично помню, говоритъ В. Д. Спасовичъ, тѣхъ дамъ, которыя имѣли такую судебную практику до судебной реформы“ (стр. 18). Судебные уставы формально не воспретили женщинамъ заниматься адвокатурою. Въ виду этого въ 1865 г. одна дама просила судъ о предоставленіи ей права быть ходатаемъ по дѣламъ. Судъ затруднился отвѣтомъ и обратился къ Министру. Результатомъ этого обращенія было изданіе указа 7 января 1876 г., по которому женщинамъ, стремящимся къ дѣятельности ходатаевъ, было предписано примѣнять § 5 указа 14 января 1871 г., запретившій женщинамъ занимать платныя должности въ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, по назначенію правительства и по выборамъ. „Я съ своей стороны, вполнѣ основательно замѣчаетъ В. Спасовичъ, нахожу это примѣненіе несоотвѣтствующимъ дѣлу, въ виду того, что дѣятельность ходатая по дѣламъ не имѣетъ никакого отношенія къ правительственнымъ или общественнымъ должностямъ, и что поэтому дозволеніе исполнять обязанности ходатая передъ судомъ никакъ не подходитъ къ правительственному назначенію или общественному выбору по редакціи § 5 указа 1871 г.“ (стр. 23). Далѣе въ своемъ письмѣ г. Спасовичъ сообщаетъ, что въ коммиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ при составленіи недавно обнародованнаго проекта о присяжныхъ повѣренныхъ, былъ предложенъ слѣдующій §: „женщины не могутъ получать званіе частныхъ ходатаевъ по дѣламъ“. Однако, коммиссія его не приняла и рѣшила оставить вопросъ о женщинахъ-адвокатахъ открытымъ.

В. Л—инъ.

Изъ Журнала Юридическаго Общества (издаваемаго Юрид. Об-вомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ) книга VI. 1898 г.

36

